ЭТНИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ



ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

НАУКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ЭТНИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ:

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА





МОСКВА
"НАУКА"
1991

ББК 63.5
Э 91

Авторы:
Б.В. Андрианов, А.А. Воронов, Н.И. Григулевич, Н.А. Дубова, В.И. Козлов, О.Д. Комарова, Т.В. Красникова, В.В. Лебедев, Н.М. Лебедева, Е.А. Оборотова, А.П. Павленко, В.В. Степанов, Л.А. Файнберг, К.В. Цеханская, А.Н. Ямсков

Редакционная коллегия:
Н.А. Дубова, В.И. Козлов (ответственный редактор), А.Н. Ямсков

Рецензенты
доктор исторических наук В.П. Кобычев,
доктор биологических наук О.М. Павловский,
кандидат исторических наук С.С. Савоскул

Э 91 Этническая экология: теория и практика. -М.: "Наука", 1991 г.- 374 с. ISBN 5-02-010040-4

Книга посвящена этнокультурным аспектам экологии человека. В ней рассматриваются такие вопросы, как система жизнеобеспечения, демографические, биологические и психологические аспекты этноэкологии.

Для этнографов, биологов, историков и всех тех, кто интересуется проблемами экологии этнических групп.

Научное издание
ЭТНИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Утверждено к печати
Институтом этнологии и антропологии им.Н.Н.Миклухо-Маклая

Редактор В.П. Терехов
Художник Е.М. Османов
Художественный редактор И.Д. Богачев
Технический редактор Т.В. Фараонова

ИБ № 47473

Подписано к печати 25.06.91
Формат 60x90/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная
Усл.печ.л. 23,5. Усл.кр.-отт. 23,8. Уч.-изд.л. 19,5.
Тираж 850 экз. Тип.зак. 1376. Цена 7р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

Э $\frac{0505000000-206}{042(02)-91}$ 113-91, II полугодие ББК 63.5

ISBN 5-02-010040-4

ВВЕДЕНИЕ

Развитие экологии как науки о взаимоотношениях живых существ со средой их обитания в прошлом значительно отставало от развития других естественных наук, в сферу которых экология обычно включалась, а в СССР к тому же оно отставало от ее развития в зарубежных странах. Существенные изменения в этом отношении начались лишь 15-20 лет назад, и термин "экология", известный ранее главным образом специалистам=биологам, стал распространяться в СССР все шире и шире. Ныне он часто встречается не только у естественников, но и в статьях журналистов, в книгах обществоведов, в лозунгах так называемых неформалов, в решениях тех или иных общественных организаций. Это объясняется тем, что экологические проблемы, связанные с негативными последствиями взаимоотношения общества с природой, за последние десятилетия сильно обострились и создали угрозу для самого существования не только человека, но и многих других живых существ. Глобальным экологическим проблемам, связанным, например, с уменьшением озонного слоя в атмосфере или с возникновением "парникового" эффекта, а также локальным экологическим проблемам, затрагивающим отдельные страны и народы (в СССР к ним относится, например, экологическая катастрофа в Приаралье, сильно ударившая по жизнеобеспечению местных народов, особенно каракалпаков), посвящены десятки книг и сотни статей, пересказывать содержание которых,видимо, нецелесообразно, но на некоторых базовых положениях все же следует остановиться.

Среди живых существ человек занимает особое место, венчая, так сказать, естественный ход биологической эволюции. Наличие разума, речи, способности производить и совершенствовать орудия труда и другие особенности человека обеспечили его быстрое развитие и во многом определили специфику взаимоотношений с природой. В отличие от других существ человек приспосабливается, или адаптируется, к природной среде своего обитания не только и не

столько биологическим путем, т.е. путем изменения физиологических, морфологических и других параметров, сколько посредством изменения своей хозяйственной деятельности и связанной с ней культуры. Уже овладение огнем, использование топора, копья и лука позволило нашим сравнительно слабым в физическом отношении предкам побеждать самых могучих и свирепых животных и постепенно расширять ареал своего обитания, продвинувшись из субтропиков в лесную зону умеренного пояса и даже в циркумполярные области. Наиболее своеобразной в этом отношении является материальная культура (одежда, жилище, орудия труда и пр.) у эскимосов и других жителей Севера.

Другой особенностью экологии человека является его все возрастающая способность изменять природную среду обитания, приспособлять ее не только для биологически необходимой адаптации, но и для все более разностороннего жизнеобеспечения и даже изощренных прихотей. Такая деятельность выражалась в расширении земледельческой площади путем вырубки лесов и выжигания степей, в замене природных зон "культурными ландшафтами", в строительстве городов, которые, разрастаясь, местами сливались в мегаполисы, в разработке, особенно скрытым способом, месторождений полезных ископаемых, в сооружении длинных каналов и гигантских водохранилищ. Долгое время эта деятельность демонстрировала человека как "царя природы", пока не обнаружилось, что она не разумна и что человек очень часто занимается тем, что рубит, так сказать, сук, на котором сидит. Этот вывод относится ко всем без исключения странам, и в первую очередь к СССР. Кроме уже упомянутой выше экологической катастрофы, связанной с усыханием Аральского моря, следует сказать о негативной роли гигантских водохранилищ (например, на Волге), об опустынивании земель на Северном Кавказе и в Казахстане, о засолении ирригационных участков в Средней Азии, об опасности загрязнения Байкала и о многих других отрицательных явлениях.

Особое внимание необходимо уделить демографо-экологическим проблемам, которые вызваны чрезмерно быстрым ростом численности и плотности населения в ряде регионов мира, особенно во многих развивающихся странах Африки, Азии и Латинской Америки, что обусловлено резким снижением смертности при сохранении традиционно высокой рождаемости. Этот рост, получивший характерное название "демографического взрыва", сильно осложнил процесс социально-экономического развития ряда стран, прежде всего обеспечение местного населения продовольствием, и усилил нагрузки на природную среду, что отразилось в неразумной вырубке лесов, сведении травяного покрова и т.п. В нашей литературе демографо-экологические проблемы долгое время либо игнорировались, либо изображались то как "измышления неомальтузианцев", то как результат деятельности империалистов; говорилось о возможности быстрого разрешения таких проблем, утверждалось, что Земля может прокормить вдесятеро большую численность населения, чем живет сейчас и т.д. Когда же на смену таким легковесным заявлениям пришел более реалистический подход, то оказалось, что решить эти и другие экологические проблемы очень и очень трудно, что экологическая ситуация на планете по ряду причин, в частности из-за усиливающегося загрязнения среды обитания, продолжает ухудшаться и что в ближайшем будущем такие проблемы станут еще более драматическими, если не трагическими.

Человек - существо коллективное, и люди взаимодействуют с природой не в одиночку, а будучи соединенными в определенные группы или общности, одними из наиболее древних среди которых являются этносы или народы. Культура (и особенно так называемая материальная культура) как основной механизм жизнеобеспечения и адаптации человека к природной среде имеет этническую специфику (обычно ее включают в число основных признаков этноса). Поэтому между этнографией как наукой, изучающей происхождение народов, их культуру, быт и другие параметры, а также процессы изменения этих параметров и самих этносов, с одной

стороны, и географией как наукой, изучающей природную среду, в которой живут люди (физическая география), а также особенности территориального размещения людей по поверхности Земли и их хозяйства (экономическая география), с другой стороны, издавна существовали крепкие связи (1). В течение долгого времени эти науки вообще существовали слитно, образуя науку, которую можно назвать "природонародоведением". Нередко к этому двойственному союзу присоединялась и антропология как наука о физических особенностях человека ("расоведение"). Когда же примерно с середины XIX в. они стали обособляться в самостоятельные науки, между ними сохранились значительные зоны перекрытия.

В зоне перекрытия этнографии и географии некоторые советские ученые 1920-х годов делали попытки создания особой дисциплины - антропогеографии или этногеографии, в рамках которой рассматривались бы связи между этническими общностями людей и природной средой их обитания (2), однако такие попытки не получили должной поддержки и вскоре были осуждены за содержавшиеся якобы в них идеи географического детерминизма. Новое сближение между этнографией и географией наметилось лишь в конце 1940 - начале 1950-х гг., причем оно происходило с обеих сторон (3) и шло по двум близким направлениям. Первое из них выразилось в формировании особой дисциплины - этнической географии, в задачи которой входит изучение географического размещения народов (этнических общностей), изучение особенностей их расселения и территориального взаимоотношения с другими народами в тесной связи с социально-экономическими, политическими, природными и другими факторами. При этом учитываются характер расселения (например, оседлое и кочевое), формы и типы поселений, степень освоенности территории и картина плотности населения, характер и степень территориального смешения в сельской местности и городах, а также различные количественные показатели (4). Некоторые из перечисленных задач этногеографии (особенно по изучению характера расселения народов в определенной природной

среде) непосредственно связаны с экологией человека, и прежде всего с этнической экологией, однако термин "экология" и связанные с ним понятия, уже получившие распространение за рубежом, в советской этногеографии до 80-х годов не применялись, а чаще всего просто игнорировались.

Другой путь сближения этнографии с географией и экологией в советской науке наметился с появлением в начале 1950-х годов концепции хозяйственно-культурных типов (ХКТ), т.е. исторически сложившихся черт хозяйства и культуры (главным образом материальной культуры), которые характерны для народов, находящихся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития и живущих в сходных природных условиях (например, типы "арктических охотников на морского зверя", "скотоводов сухих степей и полупустынь", "земледельцев тропического пояса" и т.п.)(5). В последующие годы концепция ХКТ, применявшаяся главным образом для народов мира на их допромышленной стадии развития, продолжала довольно успешно разрабатываться в работах Н.Н.Чебоксарова, Б.В.Андрианова и других ученых (6), но некоторые ее исходные недостатки, связанные с преобладанием схематично-типологического подхода к действительности, так и не были полностью преодолены. Эти недостатки особенно заметны при сопоставлении концепции ХКТ с появившейся примерно в то же время в США концепцией "культурной экологии" Дж. Стюарда, который хотя и допускал, с точки зрения советских критиков, "методологические" погрешности, но в целом стремился не столько описывать и типологизировать, сколько объяснять разнообразие этнокультурных явлений в связи с различной природной средой обитания этносов (7).

На фоне усиленно развивавшихся в США в 60-х - 70-х годах различных этноэкологических школ и направлений (8) ситуация в СССР в этом отношении еще оставляла желать лучшего. Существенное изменение здесь наметилось лишь в середине 70-х годов в связи с выдвинутой В.П.Алексеевым концепцией "антропогеоценоза", более операциональной, чем концепция ХКТ, и дающей, в частности, возможность модели-

ровать "пищевые цепи" некоторых экосистем, имеющих более или менее замкнутый характер (9); отчасти это уже было практически использовано при этноэкологическом исследовании народностей Севера (10). Большое значение имело и проведение советскими учеными - обществениками и естественниками - комплексного антрополого-биологического и социально-этнографического исследования некоторых народов Закавказья со сравнительно высоким процентом долгожителей (11). Именно это оригинальное не только в советской, но и в мировой науке исследование, существенную часть которого заняла проверка гипотезы об обусловленности феномена группового (популяционного) долгожительства успешной этно-культурной адаптацией людей к природной среде их обитания, создало необходимую базу для оформления в советской науке новой дисциплины - этнической экологии.

Этническая экология может быть определена как научная дисциплина, расположенная на стыке этнографии с экологией человека (социальной экологией) и имеющая зоны перекрытия с этногеографией, этнодемографией и этнической антропологией. Ставя в центр своего внимания, как и общая экология, изучение взаимодействия организмов среды, этническая экология учитывает особенности человека как социально-биологического существа и прежде всего ведущую роль социальных факторов в формировании этнопопуляционных групп, важность традиционной специфической культуры, являющейся основным средством внебиологической адаптации к среде обитания, огромное значение хозяйской адаптации к среде обитания, огромное значение хозяйственной деятельности человеческих коллективов в их жизнеобеспечении и во все растущем преобразующем влиянии их на природу.

В основные задачи этнической экологии включаются изучение особенностей традиционных систем жизнеобеспечения этнических общностей в природных и социально-культурных условиях их обитания, а также влияние сложившихся экологических взаимосвязей на здоровье людей; изучение использования этносами природной среды и их воздействия на эту среду, закономерности формирования и функционирования

экосистем. При изучении особенностей жизнеобеспечения этнических групп или популяций выделяются их физическая (материальная) и психическая (духовная) стороны. К первой относится биологическая адаптация людей к природной среде и социально-культурная адаптация, которая связана с их хозяйственной деятельностью и отражается в особенностях материальной культуры (пища, одежда и т.д.), а также в этноботанике и народной медицине. Ко второй относится главным образом психологическая адаптация людей на личностном и групповом уровне к окружающей природной среде и иноэтническому социально-культурному окружению, традиционные методы предотвращения или ослабления стрессовых ситуаций и т. д. Исследование отношений этнических групп к природе предполагает выделение экофильных и экофобных тенденций и традиций с использованием такого материала для экологического воспитания и других целей (12).

В последние годы внимание к этнической экологии заметно усилилось, что отразилось и на увеличении числа этноэкологических исследований. При этом, как бывает обычно на первых этапах развития той или иной научной дисциплины, преобладали работы регионального и этнически конкретного типа, основанные на материалах, посвященных тем или иным народам СССР или зарубежных стран. Впрочем, и в таких работах содержались разделы и делались выводы общетеоретической и методологической значимости (13). Сильно расширилась этноэкологическая тематика на общесоюзных научных конференциях; так, в рамках проведенной в апреле 1987 г. историко-экологической конференции в г.Нальчике работала специальная секция "Этническая экология" (14). Нельзя не сказать, однако, о продолжающемся отставании в этой области советских ученых от зарубежных. Это наглядно проявилось, например, на состоявшемся в июле-августе 1988 г. в Загребе (Югославия) XII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук: этноэкологической тематике на нем было посвящено 11 специальных симпозиумов и частично еще многие другие симпозиумы, что в общем значительно превысило число симпозиумов и докладов по

каждой из других основных тем, обсуждавшихся на этом конгрессе (15).

Предлагаемый читателям тематический сборник "Проблемы этнической экологии" впервые отражает почти все наиболее существенные и уже достаточно определившиеся в советской этнической экологии субдисциплины и направления, показывает достигнутый уровень их исследования, а также проблемы, стоящие перед экологами, и возможности их дальнейшей разработки. По своему содержанию он делится на две части. Первую и наиболее значимую часть, определившую характер всего сборника, составляют статьи общетеоретического и методологического содержания; другую - более конкретные статьи, основанные на материалах, посвященных СССР и зарубежным странам. Впрочем, проведенная разбивка на такие две части носит несколько условный характер, так как многие статьи, включенные во вторую часть, также содержат положения и выводы, имеющие общетеоретическое значение.

При обсуждении структуры этого сборника в авторском коллективе предлагался вариант группировки статей по пяти тематическим разделам; в первый, имеющий общеметодологическое значение, вошла бы статья В.И.Козлова о жизнеобеспечении этноса, во второй - "Воспроизводство населения, брачные связи и расселение" - статьи О.Д. Комаровой, А.П. Павленко, В.В.Степанова, В.В.Лебедева, Е.А.Оборотовой, в третий - "Биологическая адаптация и традиционная медицина" - статьи Н.А.Дубовой, А.А.Воронова и К.В.Цеханской; в четвертый - "Этнокультурные аспекты психологической адаптации" - статья Н.М.Лебедевой, в пятый - "Этноэкологические исследования хозяйства и материальной культуры" - статьи Б.В.Андрианова, А.Н.Ямскова, Н.И.Григулевич, Т.В.Красниковой и Л.А.Файнберга. Такая структура придала бы публикуемой работе более монографический характер, но вместе с тем более отчетливо показала бы неравномерность разработки в настоящее время различных разделов этнической экологии. Поэтому она не была принята. Создание действительно монографических ра-

бот по этой важной в теоретическом и практическом отношении тематике - дело ближайшего будущего.

Уместно отметить также, что большинство статей, в том числе и общетеоретического характера, принадлежит перу сотрудников сектора этнической экологии Института этнографии АН СССР, развернувших в последнее время работу по теме "Этническая экология переселенческих групп"; результаты первой части этого большого комплексного исследования, имеющего не только теоретическое, но и практическое значение, - "Адаптация русских старожилов в Закавказье" - близится к завершению.

Литература

1. См.: Козлов В. И., Покшишевский В. В. Этнография и география // Сов. этнография. 1973. N 1.
2. См.: Крубер А. А. Общее землеведение: (Биография и антропогеография). М., 1922. Ч.3; Богораз-Тан В.Г. Распространение культуры на Земле: Основы этногеографии. М., 1928; и др.
3. Первый шаг здесь сделали географы. Об этом см.: Кабо Р. М. Природа и человек в их взаимных отношениях как предмет социально-культурной географии // Вопр. географии. М., 1947. Сб.5.
4. Проблемы этнической географии и картографии. М., 1978, С.9; Брук С. И., Козлов В. И., Левин М. Г. О предмете и задачах этногеографии // Сов. этнография. 1963. N 1.
5. Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Сов. этнография. 1955. N 4.
6. См.: Андрианов Б. В. Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс // Сов.этнография. 1968, N 2; Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Историко-этнографические области (проблемы историко-этнографического районирования)// Сов. этнография. 1975. N 3; и др.
7. См.: Steward J. Theory of cultural change. The methodologia of multilinear evolution. Urbana, 1955.
8. См.: Orlov B. C. Ecological anthropology // Annuol Rev. of Anthrop. 1980. Vol.9; Козлов В. И., Ямсков А. Н. Этническая экология // Этнология в США и Канаде. М., 1989.
9. См.: Алексеев В. П. Антропогеоценозы - сущность, типология, динамика // Природа. 1975. N 7; Он же. Становление человечества. М., 1984.

10. См.: К р у п н и к И. И. Арктическая этноэкология. М., 1989.

11. См.: Феномен долгожительства. М., 1982; Абхазское долгожительство. М., 1987; Долгожительство в Азербайджане. М., 1989.

12. См.: К о з л о в В. И. Основные проблемы этнической экологии // Сов. этнография. 1983. N 1; О н ж е. Этническая экология // Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988. С.92-95.

13. См.: Культура жизнеобеспечения и этнос: Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ереван, 1983; Экология американских индейцев и эскимосов. М., 1988; и др.

14. См.: Тезисы докладов и сообщений научной конференции "XXVII съезд КПСС и проблемы общества и природы на различных исторических этапах". М., 1987.

15. Интересно отметить, что на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (1964 г., Москва) этноэкологической тематике было посвящено всего несколько докладов.

ЧАСТЬ I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ

В. И. К о з л о в

ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭТНОСА: СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ И ЕГО ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Одной из примечательных особенностей развития советской этнографии в 80-х годах является усилившееся внимание к вопросам жизнеобеспечения этносов в процессе их существования и воспроизводства. Это было обусловлено, как мне представляется, двумя основными причинами. Одной из них явилось то обстоятельство, что ставшие уже традиционными типологические по своей основе и по своим задачам исследования хозяйства, материальной и отчасти духовной культуры народов (что особенно четко проявилось при работе над историко-этнографическими атласами по различным районам СССР) часто замыкались "на себя" и приводили к накоплению груд материалов, которые требовали надлежащего обобщения и анализа, но обычно оставались без таковых не только из-за трудности работы, но и из-за недостаточной ее актуальности. Это само по себе заставляло искать в рамках этнографической науки новые более перспективные направления и методы исследования, к числу которых можно отнести заметно прогрессирующую этническую социологию, этническую демографию и др. Вторая причина, непосредственно связанная с первой, заключалась в положительной реакции этнографов на насущные требования теории и практики, связанные с проблемами жизнеобеспечения людей как в нашей стране, так и за рубежом. Можно предполагать, что в ближайшем будущем из-за продолжающегося обострения таких экологических по своей сущности проблем, особенно в развивающихся странах мира, действие этой побудительной причины разработки вопросов жизнеобеспечения еще более усилится.

Этнографической науке, изучающей жизнь народов мира, их происхождение и расселение, их культуру и быт, всегда были близки и вопросы их жизнеобеспечения в специфических для каждого народа природных условиях. Наиболее заметно это проявилось, пожалуй, при разработке концепции хозяйственно-культурных типов. Поскольку, однако, и при этом на первый план выдвигались сравнительно-типологизационные принципы, то вопросы жизнеобеспечения этнических групп оставались недостаточно четко сформулированными. В последнее время тенденция к формализации вопросов жизнеобеспечения этносов заметно продвинулась в научном направлении, которое может быть названо "этнокультурологическим". Это нашло отражение в опубликованной в 1984 г. в Армении коллективной монографии "Культура жизнеобеспечения и этнос", а также в статьях, так или иначе связанных с этой монографией и частично рассматриваемых ниже (1). Почти одновременно с этим проблемы жизнеобеспечения стали разрабатываться в направлении, получившем название "этнической экологии"(2).

В публикациях, относящихся к первому и второму направлениям, были изложены методологические положения, связанные с исследованием данной темы, прежде всего с определением содержания понятия "жизнеобеспечение этноса" и параметров его составляющих компонентов. Однако не все из этих положений достаточно раскрыты и четко сформулированы, а положения, относящиеся к тому или другому направлению, не были согласованы между собой. Попутно отмечу недостаточную разработанность таких базовых положений и в зарубежной, главным образом в американской науке, где на первый план, кстати сказать, выступает не этнокультурология, а уже давно разрабатываемая этническая экология (или "культурная экология", "экологическая антропология" и т.п.)(3). Поэтому дальнейшее успешное исследование вопросов жизнеобеспечения по все расширяющемуся фронту этой работы в немалой степени зависит от более полной и четкой разработки основных базовых положений, чему и посвящена данная статья.

Решение поставленной задачи несколько затруднено, как это нередко бывает, кажущейся простотой исходного термина, в данном случае - "жизнеобеспечение"(4), сводящегося в его бытовом смысле к пище, одежде и т.п., тогда как в действительности за этой внешней простотой скрывается

сложная структура процессов и явлений. Человек жив "не хлебом единым"; он представляет собой социально-биологическое существо и его жизнеобеспечение требует удовлетворения как биологических или "физических", так и социально-культурных, в частности духовных потребностей. Удовлетворение тех или иных потребностей органически связано между собой, причем во многих случаях, как будет показано далее, биологическое жизнеобеспечение не только побуждает социально-культурную деятельность, но и регламентируется в той или иной степени социально-культурными, в том числе этническими параметрами и установками.

Структуру жизнеобеспечения человека целесообразно рассмотреть через структуру потребностей как основного фактора активной деятельности людей. Общепринятой классификации потребностей человека пока еще не существует, и даже в психологии, где этому вопросу уделяется довольно много внимания, различные авторы подходят к нему по-разному. Так, А.В.Петровский классифицирует потребности по их происхождению с выделением естественных (биологических) и культурных (социальных) и по их предмету с выделением материальных и духовных потребностей (5). К.Обуховский, концентрируя внимание на "общих", преимущественно биологических потребностях человека, выделяет среди них потребности самосохранения (физиологические и "ориентировочные" по отношению к среде) и потребности размножения (сохранения вида)(6). К.К.Платонов разделяет потребности на биологические (потребности в дыхании, питании, воде, отсутствии нарушения теплообмена, движении, общении, отсутствии сенсорного голода, самосохранении и сохранении рода) и социальные (потребности в труде, познании, красоте, а также "все социологизированные биологические потребности, показанные К.Марксом на примере голода, а Ф.Энгельсом - на примере половой потребности")(7). В этой классификации, как и в предыдущих, усматриваются неточности. Так, потребность в общении явно относится к группе социальных.

Среди специалистов других наук вариаций еще больше. Демограф Л.Е.Дарский, например, выделил в качестве фундаментальных, универсальных потребностей такие, как материально-энергетические, информационно-исследовательские и социального взаимодействия, заявив, в частности, что особой потребности в детях не существует: детей, по его мнению, рожают, "чтобы удовлетворить какие-то другие потребности"(8). Последний тезис Л.Е.Дарский пытается доказать ссылкой на женщин, которые никогда не рожали, но сохранили физическое и психическое здоровье. Однако аналогичным образом, ссылаясь на "пример" отшельников, можно отрицать ведь и потребность в социальном взаимодействии. Совершенно ясно, что если бы у людей не было сильной потребности в детопроизводстве, то человечество давно бы вымерло.

Этнограф и культуролог С.А.Арутюнов утверждает, что одной из важнейших потребностей является завоевание престижа, без этой потребности якобы не может существовать общество, а "человек... вообще не может быть человеком"(9). Здесь перед нами пример того, как второстепенная, в сущности, потребность возводится в разряд первостепенных; подобным образом можно утверждать, например, что человек не может быть человеком без потребности в любви, без потребности в сострадании и т.д. Существование подобных расхождений и неточностей в определении круга жизненно важных потребностей человека призывает к тому, чтобы данный вопрос был рассмотрен достаточно подробно.

Начинать здесь приходится, конечно, с той стороны жизнеобеспечения, которая сводится к удовлетворению биологических или "физических" потребностей: в пище, в защите от неблагоприятных для организма воздействий внешней среды и т.п. Такие потребности определяются особенностями человека как биологического существа (вид Homo sapiens, отряд приматов, класс млекопитающих), возникшего первоначально, вероятно, в ближневосточной зоне сухих субтропиков, а затем расселившегося и по другим природным зонам благодаря биологической адаптации (10), но главным образом в результате перестройки социально-культурных меха-

2.Зак.1376

низмов системы жизнеобеспечения, на чем в дальнейшем придется остановиться более подробно. Биологические потребности человека, как и других существ, связаны с обеспечением личного существования (самосохранения) и с обеспечением сохранения вида, конкретно представленного более или менее обособленной группой или популяцией. Удовлетворение этих потребностей ностей у человека, как и у других существ, поддерживается мощными инстинктами, но у человека в эти рефлекторные механизмы включается и высшая нервная деятельность, благодаря которой он, в той или иной степени осмысливает и направляет свои действия.

В признании важнейшего значения удовлетворения биологических потребностей человека, конечно, нет никакого "биологизма", тем более, что это признание не нарушает огромную значимость социальной природы человека и его развитого разума. Основоположники марксизма неоднократно подчеркивали нерасторжимость человека и природы. К.Маркс писал: "Первая предпосылка всякой человеческой истории - это, конечно, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию - т е л е с н а я (курсив мой - В. К.) организация этих людей и обусловленное ею отношение их к остальной природе"(11). Ф.Энгельс указывал: "Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно опять=таки бывает двоякого рода. С одной стороны - производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой - производство самого человека, продолжение рода"(12).

Человек исторически возник и существует как существо социальное и поэтому даже удовлетворение его чисто биологических потребностей обычно принимает социальные формы. "Чтобы производить, - писал К.Маркс, - люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство"(13). И в другом месте:

"По мере того, как мы углубляемся в историю, тем в большей степени индивид, а следовательно, и производящий индивид выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому: сначала еще в совершенно естественной форме в семье и в семье, развившейся в род; затем в возникающих из столкновения и слияния родов общине (обществе) в ее различных формах"(14). Таким образом, история "производящих индивидов" с самого ее начала предстает не как история каких-то робинзонов, а как история семьи, рода и других форм их социальных объединений, в том числе и интересующих нас этносов. Однако прежде чем перейти к этническим аспектам жизнеобеспечения, остановлюсь еще на одном вопросе.

Известно, что более или менее социальный характер имеет и жизнь многих других живых существ - от муравьев до некоторых видов приматов. Поэтому главным отличием человека от других животных является, конечно, его разум, отличающийся от имеющихся у многих из них элементов "разумности" не только в "количественном", но и в "качественном" отношении и представляющий собой высшую форму движения материи по сравнению с ее "биологическими" формами. Попытки разобраться в существе этой высшей формы движения материи, проникнуть в тайны сознания пока не дали значительных результатов.

В.П.Алексеев в монографии о возникновении человека и человеческого общества, коснувшись вопроса о специфике человеческого сознания, кратко рассмотрел основные его компоненты или "сферы" (эмпирического опыта, обобщения результатов этого опыта и абстрактного сознания) и подчеркнул, что в их основе лежит рациональная логика. Но рациональный эмпирический опыт, а возможно, и какое-то обобщение его результатов в виде элементов абстрактного сознания есть и у высших млекопитающих; во всяком случае, в этом еще недостаточно проступает качественно иной характер человеческого сознания. Такое новое качество В.П. Алексеев, видимо, пытается нащупать, ставя в заглавие одного из подразделов книги вопрос "Почему челове-

ческий ум ищет объяснений?". Однако, как мне представляется, он несколько упростил и отчасти затемнил ответ на этот вопрос, сравнив человеческий ум с очень сложной кибернетической системой, которой для нормального функционирования необходимо якобы "предугадывать ход будущих событий"(15).

Вопрос о качественном своеобразии человеческого сознания весьма сложен и требует обстоятельной разработки, выходящей далеко за пределы данной статьи. Поэтому ограничусь лишь ссылкой на такого оригинального и глубокого исследователя данного вопроса, как Б.Ф.Поршнев, который особо отметил наличие в человеческом сознании не только преобладающих рациональных, но и существенных иррациональных элементов; люди, по его меткому замечанию, - "единственный вид, способный к абсурду"(16). Кстати сказать, и другая отмеченная им, опять-таки отнюдь не ведущая, но весьма специфичная черта человека - систематическая практика "взаимного умерщвления" (особенно членов чужих групп или общностей), настолько противоречит естественному (в том числе и "кибернетическому") рационализму, что может быть объяснена только какой-то "абсурдностью" человеческого мышления. И вообще всю историю человечества от ее ранних этапов, когда, как показал Л.Леви-Брюль, особенно проявлялись черты "дологического мышления" и возникали "странные" для людей нового времени верования и обряды, до современности, когда бурно развивающаяся наука сосуществует в сознании многих людей с религией, и когда человечество поставило себя перед угрозой полного самоистребления, было бы трудно понять без признания того, что в человеческом сознании были и есть какие-то иррациональные, "абсурдные" элементы.

Изложенное выше подводит нас к некоторым заключениям, непосредственно относящимся к тематике данной статьи. Первое из них состоит в том, что сознание человека не только служит удовлетворению биологических в конечном счете потребностей по сохранению индивида и вида, но и обладает своего рода надбиологической самостоятельностью,

проявляющейся, например, в самопознании и требующей самоудовлетворения, причем получаемое при этом духовное удовольствие может не уступать по силе и по жизненной значимости телесным, так сказать, удовольствиям. Последнее обстоятельство, кстати сказать, в немалой степени способствует развитию как самого сознания, так и связанной с ним сферы духовной культуры. Такой самостоятельностью характеризуется не только личное, но и общественное сознания, определяемое в своей основе, как известно, общественным бытием с его материальной основой в виде производства. Это проявляется, в частности, в сильной дифференциации языка и духовной культуры у этносов, которые живут в сходных природных условиях и заняты, в сущности, одной и той же деятельностью (например, земледельческие народы в тропиках, скотоводческие в степях и полупустынях и т.п.). Второе заключение состоит в том, что человеческое сознание, которому присущи и некоторые иррациональные, "абсурдные" элементы, способно находить удовлетворение не только в успешной рациональной деятельности, но и в чем-то иррациональном, например, в религии (которую К.Маркс назвал "опиумом народа"), в различных иллюзиях и социальных мифах, "сознательном" самоодурманивании алкоголем или иными наркотиками и т.п.

Сознание человека неразрывно связано с его, так сказать, социальностью и вместе с нею оказывает сильнейшее влияние на удовлетворение жизненно важных биологических в своей основе потребностей как по производству средств существования, так и по продолжению рода. Ведущая роль рациональных мотивов в сфере материального производства и потребления достаточно очевидна, она подробно показана в сотнях работ, причем в общественное производство и потребление может быть почти целиком включена, например, и такая отмеченная Л.Е.Дарским "потребность", как "информационно-исследовательская". Поэтому представляется более целесообразным упомянуть о существовании в этой сфере некоторых иррациональных, "абсурдных" элементов. К ним относятся, в частности, различного рода пищевые табу, уста-

новленные безотносительно к питательным свойствам и вкусу, мало рациональные изначально или ставшие таковыми вследствие их догматического соблюдения вне зависимости от изменения условий существования той или иной этнокультурной группы. Так, правоверный мусульманин во избежание немилости Аллаха скорее предпочтет голодную смерть, чем будет питаться свининой, а христианин решительно откажется от употребления в пищу конины. Многие традиционные методы приготовления пищи, например, жарение мяса на открытом огне, при которых уменьшается ее калорийность и теряются витамины, также никак нельзя отнести теперь к рациональным; часть из них, впрочем, перешла в разряд ритуальных. Одежда издавна подчинялась традициям, отнюдь не всегда полезным для здоровья, а теперь – причудам моды, которые зачастую также не относятся к рациональным, и т.д.

В социально осуществляемом и регулируемом процессе производства средств существования конкретные люди играют разную роль и имеют разные социальные статусы. Потребность в получении должного и по возможности более высокого статуса (вплоть до статуса главаря), наблюдаемая в элементарном виде и у некоторых стадных животных, у человека сочетается с более широкой потребностью утверждения себя как личности, не только чем-то отличающейся от других личностей, но и чем-то превосходящей их. Эта отмеченная С.А.Арутюновым потребность "престижа" иногда удовлетворяется через, казалось бы, нерациональную форму "вейстинга" ("растранжирования"). "И накопление ненужных вещей, – пишет С.А.Арутюнов, – и перевод зерна в алкоголь с последующим его ритуальным выпиванием (потлачи первобытности и пышные банкеты современных урбанистических обществ), и помпезно-монументальное строительство, и культовая практика – все это разные формы вейстинга. Он может иметь внешне конструктивную форму, но по существу он деструктивен"(17).

Особого и более пристального рассмотрения заслуживает до сих пор сравнительно слабо освещенный в нашей науке

процесс, названный Ф.Энгельсом "производством самого человека, продолжением рода", и связанный с биологическим разделением основных половых функций мужчины и женщины, с появлением нового живого существа – нового человека. Некоторые стороны такого процесса недостаточно изучены до сих пор, а в прошлом были окутаны (как, впрочем, и смерть человека) покровом поистине священной тайны. Трудность изучения процесса, нередко именуемого "детопроизводством", состоит еще и в том, что его естественное начало – половой акт – у человека (в отличие почти от всех других животных) осуществляется и тогда, когда женщина физиологически не способна к зачатию: только в конце 20-х годов было установлено, что такая способность при всех прочих благоприятных условиях ограничена всего 1,5-2 днями месячного цикла(18). Есть резон утверждать поэтому, что такая биологически не вполне рациональная потребность в половом сношении обусловлена в конечном счете особым инстинктом, могущим быть названным "половым инстинктом", удовольствие от удовлетворения которого по своей силе превосходит, как известно, все другие телесные и духовные удовольствия, но который, тем не менее, может удовлетворяться и некоторыми другими путями или не удовлетворяться вообще, обычно без особого вреда для индивида.

Относительная самостоятельность полового инстинкта, отчасти усиленная и нерациональными элементами сознания, отчетливо выявилась в ходе не так давно прошедшей на Западе "сексуальной революции", но она же и показала, что потребность в его удовлетворении не следует смешивать с "потребностью в детях", как это получилось у Л.Е.Дарского (19). Исследование сильного полового инстинкта, лежащего в сфере подсознательного, но проявляющегося нередко весьма причудливым образом через сознание, на своих высших "надстроечных" уровнях – в форме "любви"(20), в европейской науке долгое время сдерживалось стеной христианского ханжества, пока З.Фрейду не удалось пробить в этой стене широкую брешь. И хотя сам З.Фрейд и его последователи преувеличили роль полового влечения ("либидо") в жизни

людей, многие выдвинутые им положения, в частности о так называемой сублимации, т.е. о возможности хотя бы частичного удовлетворения либидо косвенным путем, например, через творческую деятельность в области искусства и литературы, заслуживают внимания. Во всяком случае идея сублимации дает возможность хотя бы отчасти объяснить происхождение тех потребностей, которые называются "эстетическими", не связывая их с таинственной "душой", как это получается у многих наших авторов.

С самого начала истории человеческого общества половой инстинкт регулируется различными социальными установками как рационального, так и иррационального характера, определяющими допустимый возраст половых сношений и брачный возраст, выбор брачного партнера, форму брака и даже время половых сношений; достаточно сказать о половом воздержании христиан во время постов, а также о том, что традиционные ограничения половых сношений в сельских местностях Индии в недавнем прошлом охватывали свыше 100 дней в году,было принято воздерживаться в дни молений определенным богам и богиням, при новолунии и полнолунии, а также в 11-й день лунного цикла, при подготовке к религиозным праздникам, после рождения ребенка (от 6 до 12 месяцев) и т.д.

Наряду с половым инстинктом в биологической сфере "детопроизводства" имеется и другой, особенно важный в видовом отношении инстинкт, который может быть назван "родительским" инстинктом. Удовлетворение этого инстинкта сильнее затрагивает духовную сферу человека, помогая многим ответить на "роковой" вопрос о смысле жизни, и он не менее сильно, чем половой, регулируется социальными установками. Такие установки носят здесь в целом более направленный характер, что проявляется, например, в традиционном для многих народов осуждении бездетности и восхвалении многодетности; религиозные установки индуизма и ислама особенно приветствуют при этом рождение сыновей.

Немаловажную роль в регулировании родительского инстинкта играют и меры в области так называемой демографической политики, проводимой сейчас во многих странах мира. Поэтому, хотя неудовлетворение этого инстинкта или его косвенное частичное удовлетворение (например, путем заботы о домашних животных), подобно неудовлетворению полового инстинкта, обычно не оказывает пагубного влияния на здоровье, мощная социальная поддержка именно этого инстинкта позволяет отвратить угрозу для существования вида, возникающую благодаря биологически нерациональному поведению людей.

Сказанное выше относится главным образом к так называемому естественному воспроизводству людей, однако это лишь начальная стадия их воспроизводства, за которой следует стадия "социализации", или социально-культурного воспроизводства. В этом воспроизводстве на первых порах обычно принимают участие лишь родители младенца или - несколько шире - члены его семьи, которые учат его разговорному языку и передают какие-то элементы культуры, которые были до того усвоены ими самими от той социально=культурной общности, в которой они росли, воспитывались и обучались. Когда же дети, подрастая, вступают во все более широкие контакты с окружающими людьми, то социально-культурное влияние на них становится еще более сильным. Эту социально-культурную сторону воспроизводства людей надлежит особо учитывать в случае воспроизводства этносов с их сложными комплексами материальной и духовной культуры.

Очень важной является собственно природно-экологическая сторона жизнеобеспечения, к рассмотрению которой теперь можно перейти. Расселение людей из области их первоначального происхождения, лежавшей, как предполагают, в зоне сухих субтропиков, по всей ойкумене, вплоть до полярных областей, стало возможным благодаря способности человека к адаптации и переадаптации. Некоторую роль при этом играла биологическая (физиологическая) адаптация,что отчасти проявилось в возникновении расовых (антропологических) различий. Так, темная кожа негроидов, живущих в тропической зоне, за счет высокого содержания меланина

защищает их от вредного влияния ультрафиолетовых лучей, широкие носовые отверстия, а также пропорции тела, обеспечивающие большую поверхность кожи, способствуют их лучшей терморегуляции и т.д. Но главным механизмом адаптации являлась культура, в первую очередь материальная культура, с помощью которой люди не только приспосабливались со временем к той или иной новой природной среде ("экологической нише"), но и преобразовывали в большей или меньшей степени саму эту среду, создавая "культурные ландшафты".

Подводя здесь некоторые предварительные итоги изложенному, можно определить ж и з н е о б е с п е ч е н и е человека на индивидуальном и групповом (этническом) уровне как процесс удовлетворения жизненно важных материальных и духовных потребностей индивида и группы путем адаптации к природной и социально-культурной среде обитания и путем развития компонентов культуры, обеспечивающих успешность этой адаптации и всего процесса этнического воспроизводства. Последнее относится как к преобладающим и ведущим рациональным компонентам, так и к некоторым иррациональным, но значимым в данном отношении ее элементам, без чего процесс жизнеобеспечения человека действительно может быть уподоблен процессу обеспечения деятельности очень сложной кибернетической системы, а вся история человечества - направленному (и здесь никак не обойтись без телеологии) "отлаживанию" этой системы.

В упомянутых выше работах культурологического направления вопросы жизнеобеспечения людей излагаются, к сожалению, неполно, да и не вполне точно, что отразилось и в толковании "культуры жизнеобеспечения". Авторы соответствующего подраздела в книге "Культура жизнеобеспечения и этнос..." по этому поводу пишут: "Непосредственный процесс экологической адаптации общества к природной среде происходит путем ее соответствующего социально-организованного территориального освоения, которое выражается в п о с е л е н и я х и образующих их ж и л и щ а х, путем производства необходимых для поддержания жизни людей п и щ е в ы х п р о д у к т о в и о д е ж д ы. Эти

элементы культуры могут быть интегрированы благодаря общему понятию "культура жизнеобеспечения" (КЖ)(21). Перечисленные элементы культуры, обычно включаемые этнографами в понятие "материальная культура", авторы предлагают включить в понятие "материальная сфера культуры", но это, так сказать, лишь детали рассуждения. Главное же состоит в том, что "культура жизнеобеспечения" фактически отождествляется ими только с частью материальной культуры и ограничивается ею. "...Исследователя КЖ не должно, - заявляют авторы, - смущать то обстоятельство, что поселения, жилища, одежда, пища выполняют определенные функции элементов духовной культуры"(22).

Далее, в разделе "Культура жизнеобеспечения в этнических системах", авторы, касаясь возможных аспектов характеристики "культуры жизнеобеспечения", еще более урезают ее рамки, отмечая, что она больше касается сферы потребления, нежели сферы производства: "Грань между первичным производством материальных благ и завершающими этапами их производства на уровне КЖ следует проводить там, где блага (!?) начинают принимать форму, окончательно направленную на удовлетворение биологических жизненных потребностей. Так, производство муки не входит в КЖ, а выпечка хлеба входит; рубка леса не входит, а заготовка балок для дома входит в КЖ и т.д.". Авторы замечают, что человеческие потребности являются "не только физиологическими, но и в огромной мере социально обусловленными. Поэтому, изучая жилище, поселения, одежду и пищу, мы даже порой (?) не столько концентрируем внимание на чисто витальных функциях, сколько на том, как в них отразились художественно-эстетические, престижно-знаковые, этические и идеологические установки данного общества, входящие в его соционормативную и гуманитарную культуру"(23). Однако такая "пора" для авторов монографии, видимо, еще не пришла, и в дальнейшем они дают обычное описание сельских поселений Армении, сельского жилища армян и "системы питания", дифференцируя их по трем основным природным зонам Армении. Никакого анализа подобной "культуры жизнеобеспе-

чения", применительно к конкретной природной среде при этом не дается, и насколько полно она удовлетворяет потребности населения - остается по-существу неизвестным.

В статье "Проблемы типологического исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической культуре" С.А.Арутюнов и Ю.И.Мкртумян повторяют основные положения, относящиеся к упомянутой "культуре жизнеобеспечения", в том числе и пример со ссылкой на производство муки, что к "культуре жизнеобеспечения", по их мнению, не относится, и выпечку хлеба, которая к ней относится. При этом, правда, они, видимо отдавая дань моде на "системные" исследования, заменяют термин "культура жизнеобеспечения" на "жизнеобеспечивающая система"(24), но анализ связей между компонентами "системы" не производится, и все это не делает сами рассуждения более убедительными как в теоретико-методологическом, так и в практическом, или "операционном" отношении.

Несовершенство изложенных рассуждений о "культуре жизнеобеспечения" ("жизнеобеспечивающей системе") проявляется в двух основных аспектах. Во-первых, как ясно из предыдущего, обеспечение людей жилищем, пищей и одеждой хотя и представляет собой биологически важную часть жизнеобеспечения, но составляет всего лишь ее ч а с т ь, не вполне достаточную даже для нормального существования индивида и явно не способную поддерживать жизнь этноса. Во-вторых, их несовершенство - в недостаточной обоснованности предложенного принципа выделения "культуры жизнеобеспечения" только из материальной культуры. Конечно, "культура" - понятие настолько широкое, что допускает самые разнообразные типологические построения, но они не должны быть алогичными. Даже в разделении культуры на ее материальную и духовную сферы есть доля условности, ибо элементы материальной культуры могут отражать и удовлетворять не только физические, но и какие-то духовные потребности, а элементы духовной культуры, например "идеи", могут, как известно, обладать и "материальной силой".

Внутри материальной культуры действительно можно выделить пищу, а пищу можно характеризовать "типологически" и по ее составу и питательным свойствам, и по способу приготовления, и по особенностям ее сезонного и внутрисемейного употребления и т.п. Но коль скоро речь идет о процессе жизнеобеспечения людей, являющегося, как указывал Ф.Энгельс, важнейшей стороной материального производства, то включить в него только выпечку хлеба и исключить из этого процесса все важные предшествующие стадии получения зерна и муки - значит нарушать элементарную логику. То же самое относится, естественно, и к рассуждению, по которому рубка дерева не относится к жизнеобеспечению, а обрубка сучьев и затесывание ствола является "культурой жизнеобеспечения". В подобной "типологизации" явно проступают те самые элементы иррационального, без удовлетворения которых, очевидно, трудно обойтись не только в бытовом сознании, но иногда и на научном поприще.

В культурологической трактовке "культуры жизнеобеспечения" ("жизнеобеспечивающей системы") прослеживается некоторая связь с распространенной среди советских этнографов концепцией "хозяйственно-культурных типов"(ХКТ). Эта концепция, устанавливая связь между природной средой, хозяйством и материальной культурой этносов, по-существу, имеет дело с проблематикой материального жизнеобеспечения, хотя разрабатывавшие ее ученые и их последователи сам этот термин до сих пор обычно не используют. Касаясь этой концепции, отмечу, что этнографы давно уже обратили внимание на то, что народы, живущие в сходных природных условиях и стоящие примерно на одном и том же уровне развития, занимаются близкими видами хозяйственной деятельности, например, обитатели всей зоны степей - на низком уровне развития - охотой на диких животных и собирательством, на более высоком - земледелием и животноводством (скотоводством). В связи с этим у таких народов имеется немало однотипных элементов материальной, а иногда и отдельных элементов духовной культуры.

Однако в советской науке осознание факта существенного влияния природной среды на культуру и быт народов (особенно на доклассовой или первобытнообщинной стадии их развития) сильно тормозилось жупелом "географического детерминизма" и только в середине 50-х годов вылилось в концептуальную форму. По определению, предложенному в то время М.Г.Левиным и Н.Н.Чебоксаровым и принятому без особых изменений до сих пор, под ХКТ следует понимать "исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определенных естественно-географических условиях при определенном уровне их социально-экономического развития"(25).

Концепция ХКТ и связанная с ней концепция историко-этнографических областей (ИЭО) позволили восстановить в этнографических работах чуть было не утраченную связь этносов со средой их обитания, что способствовало появлению добротных сочинений, характеризующих жизнь различных народов мира и их традиционную культуру, причем не только в конкретно-описательном плане, с особым вниманием к материальной культуре, но и с попытками обобщения и анализа. Однако имеющиеся в концепции ХКТ исследовательские потенции оказались то ли невелики изначально, то ли трудны для своего воплощения. Во всяком случае, созданные на основе этой концепции карта Л.А.Фадеева и Я.В.Чеснова "Хозяйственно-культурные типы в ХУв."(26) и даже более подробная карта Б.В.Андрианова "Хозяйственно-культурные типы мира (конец XIX - начало XX в."(27) в этнокультурном отношении недостаточно информативны.

Так, на первой карте, относящейся к ХУ в. и характеризующей ситуацию до начала интенсивной европейской колонизации, в один и тот же тип: "охотники и собиратели степей и полупустынь" включены ареалы аборигенов Австралии, бушменов и готтентотов Южной Африки, индейцы южноамериканских пампасов и индейцы североамериканских прерий; хотя хорошо известно, например, что между австралийцами, небольшие бродячие группы которых занимались главным образом собирательством съедобных растений и насеко-

мых с эпизодической охотой на птиц и животных, и индейцами прерий, основу жизнеобеспечения которых составляла охота на бизонов, в хозяйственно=культурном отношении нет почти ничего общего. Отраженное на карте типологическое подобие таких народов может лишь дезориентировать читателя.

Показательно, что и Б.В.Андрианов, немало потрудившийся над применением концепции ХКТ, в одной из основных своих статей по этой тематике пишет: "На всей территории первобытной ойкумены вплоть до периода неолитической революции (начавшейся 12-10 тыс. лет назад) медленно развивался один ХКТ, или, вернее, группа близкородственных типов: 1) арктические охотники; 2) тундровые и таежные охотники; 3) горные охотники; 4) степные охотники; 5) охотники степей, саванн и лесов; 6) охотники степей и нагорий; 7) охотники и собиратели пустынь; 8) охотники и собиратели тропических и субтропических лесов и влажных саванн"(28). Нетрудно заметить, что предложенная "типологизация" не выдержана ни таксономически, ни экологически; малочисленные первобытные коллективы обычно охотились либо в степи, либо в лесу, поэтому выделение, с одной стороны, "степных охотников" и, с другой,- например, "охотников степей, саванн и лесов" (вероятно, субтропических лесов, но о них говорится в пункте "8") не очень логично.

Есть в ней и другие изъяны. Так, В.П.Алексеев, обратив внимание на объединение в одном типе "охоты" столь различных видов хозяйств, как охота на морского зверя в Арктике и охота на крупных животных в центральных районах Африки, резонно задал вопрос об "эвристической ценности" такой типологизации (29). Если же перейти от типологии хозяйства к типологии культуры, то предложенная "типологизация" мало помогает познанию ее дифференциации.

Отсутствие в работах последователей концепции ХКТ не только понятия, но обычно и самого термина "жизнеобеспечение", что видно и по следующей далее статье Б.В.Андрианова, конечно, досадно. Однако простое приложение к

описанию таких важных для этой концепции элементов материальной культуры, как жилище, пища и одежда, термина "жизнеобеспечение" по рассмотренному выше примеру культурологов способно не на много продвинуть вперед изучение проблематики жизнеобеспечения. Здесь требуются какие-то дополнительные конкретно-методологические разработки. Видную роль в данном отношении играет выдвинутая В.П.Алексеевым концепция "антропогеоценоза".

В.П.Алексеев, отметив сравнительно слабую "эвристичность" концепции ХКТ, с целью углубления этой концепции развил понятие биогеоценоза, обычно применявшегося к популяциям животных, до приложимого к популяциям людей понятия "антропогеоценоза". Последнее он трактует как "симбиоз между хозяйственным коллективом и освоенной им территорией (или, говоря иначе, коллектив в сочетании с эксплуатируемой им территорией) на ранних этапах человеческой истории". Он считает антропогеоценозы "элементарными ячейками, из которых слагаются хозяйственно-культурные типы", однако сумма соседствующих антропогеоценозов не приводит, по его мнению, к появлению у ХКТ необходимых признаков "системы".

Основными компонентами структуры антропогеоценозов В.П.Алексеев полагает "хозяйственный коллектив", "производственную деятельность" и "эксплуатируемую территорию" и, кратко рассматривая каждый из них, отмечает, в частности: "Что получает коллектив от эксплуатируемой территории? В первую очередь пищу. Состав, изменение состава по сезонам, количество пищи, характерные именно для данного антропогеоценоза, можно обозначить как пищевую цепь. Очевидно, пищевая цепь есть одна из функциональных связей микросреды и хозяйственного коллектива. Она зависит от численности коллектива, производительности труда, интенсивности хозяйства и географических характеристик среды, а также в отдельных случаях и от состояния других пищевых цепей в границах данного хозяйственно-культурного типа. Вторая линия связи хозяйственного коллектива и среды осуществляется через получение им материалов для

построек, одежды, сырья для изготовления орудий труда и оружия. В последнем случае можно говорить и об обменных контактах с другими антропогеоценозами как своего, так и иных хозяйственно-культурных типов, так как природная среда антропогеоценоза не всегда снабжает хозяйственный коллектив всем потребным ему сырьем... Всю совокупность извлекаемого в процессе производства сырья, полезного для человека, можно обозначить как производственно-хозяйственную цепь внутри данного антропогеоценоза"(30).

Кроме "обменных контактов", обусловленных потребностями в сырье, В.П.Алексеев отмечает и контакты, приводящие к передаче трудового опыта от одного коллектива к другому, и пишет: "Будь то самостоятельные технические достижения, будь то заимствованные - все они в совокупности образуют сумму знаний, в какой-то степени неповторимых, отличающих данный хозяйственный коллектив от всех других. Эту сумму знаний можно назвать информационным полем хозяйственного коллектива". Кроме того, В.П.Алексеев выделяет два основных типа антропогеоценозов, относя к первому из них "хозяйство собирателей и охотников","охотников и рыболовов", а также подсечно-огневое земледелие и кочевое скотоводство, и ко второму типу хозяйства, основанные на "стойловом содержании скота и развитом земледелии", при которых хозяйственные коллективы "изменяют природную среду и определяют ее динамику, а не подчиняются ей", как это наблюдается при первом типе. Обращаясь к динамике этих типов антропогеоценозов во времени, он обусловливает ее тем, что "любой хозяйственный коллектив стремится ко все более полному удовлетворению своих потребностей и, следовательно, заинтересован в интенсификации своей производственной деятельности"(31).

Философ Э.Г.Юдин в статье, следующей за изложенным В.П.Алексеевым понятия антропогеоценоза, отмечает конкретность и "системность" этого понятия и его преимущества перед понятием ХКТ, которое "достаточно для построения общей схемы эволюционного процесса... но оказывается слишком скудным, когда речь заходит об анализе процессов

3.Зак.1376

функционирования". Вместе с тем он отмечает некоторые недостатки в рассуждениях В.П.Алексеева. По его мнению, проделанное тем "выделение структурных компонентов, функций и связей несет на себе заметный отпечаток произвольности". Э.Г.Юдин считает, в частности, неточным отнесение производственной деятельности в разряд только структурных компонентов и пишет: "Если... нас интересует динамика антропогеоценоза, то деятельность коллектива лучше, вероятно, рассматривать как функцию, а если мы строим, к примеру, типологию антропогеоценозов, то здесь деятельность окажется, скорее всего, компонентом структуры".

Обращая внимание и на "методологические неудобства анализа внутренних связей антропогеоценоза", Э.Г.Юдин замечает, что "информационное поле, например, едва ли можно непосредственно соотнести с пищевыми цепями". По его мнению, можно интуитивно предположить, что с возрастанием информационного поля должна возрастать и плотность пищевых связей, но такое предположение трудно эмпирически проверить. Понятие "информационное поле" вообще представляется ему очень неопределенным и потому неоперационным. "Во-первых, - пишет он, - сами по себе знания вряд ли правомерно толковать как связи в системе: связи создаются не знаниями как таковыми, а их применением. Во-вторых, представляется маловероятным, чтобы при анализе конкретных антропогеоценозов можно было оперировать такой общей категорией, как "знание", за которым фактически скрывается вся сфера духовной деятельности; по-видимому, здесь нужен какой-то иной, более определенный параметр... Наконец, с категорией информационного поля трудно работать при анализе реальных антропосистем, ибо это поле нечем "вспахивать" - т.е. измерять его"(32).

Других обстоятельных попыток подвергнуть критическому анализу понятие антропогеоценоза, насколько мне известно, не было, и видимо поэтому В. П. Алексеев, оставив это понятие, по-существу, без изменений, в своей новой книге "Становление человечества" расширил и развил его в концепцию, отнюдь не уступающую по

своей методологической значимости концепции ХКТ, а в методически-исследовательском отношении и превосходящую ее. В частности, он пояснил свое понимание "информационного поля", разложив его на три "уровня". "Первый из них - этнический уровень, т. е. тот запас культурных ценностей, традиций, религиозно-магических представлений, которые входят в этническое самосознание и предопределяют включение именно в состав данного народа и никакого другого. Второй уровень, видимо(?), составляют те знания и представления, которые связаны с отношением данного антропогеоценоза с другими антропогеоценозами сходного или, наоборот, противоположного(?) типа, иными словами, все то, что входит в сферу обмена и контактов. Наконец, в качестве третьего уровня можно выделить те конкретные знания, которые накоплены в коллективе и которые составляют его узколокальную специфику: определенные агротехнические навыки и наблюдения, полученные в процессе ведения земледельческого хозяйства на данных почвах, навыки пастьбы животных в условиях именно данного ландшафта и выбора лучших пастбищ, знакомство с охотничьими угодьями и т.д., т. е. по возможности полное представление о своем микрорайоне" (33). Однако и при таком пояснении понятие "информационное поле" остается недостаточно операциональным: вряд ли кто возьмется его измерять и моделировать, тем более что его "уровни" выделены недостаточно четко; если антропогеоценоз входит, например, в состав какого-то народа (а именно так обычно и бывает), то второй "уровень" почти невозможно отделить от первого и т.п.

Более полно было показано В.П.Алексеевым и значение антропогеоценоза как "самостоятельной единицы в сфере географических адаптаций культуры", что особенно близко к тематике этнической экологии и потому заслуживает внимательного рассмотрения. Прежде всего В.П.Алексеев подчеркивает сильную зависимость охотничьих коллективов от богатства фауны эксплуатируемой территории. При кризисах в животном мире "наступает кризисная ситуация и в хозяй-

ственном коллективе: он либо вымирает (собирательство может восполнить недостаток пищи лишь в слабой степени и на короткий промежуток времени), либо должен перейти к иной системе хозяйства и жизнеобеспечения, либо, наконец, вынужден покинуть эту экологическую нишу и занять новую"(34). Подсечно-огневое земледелие и его другие примитивные виды также зависят от природных условий, характеристики которых легко, по мнению автора, поддаются, как и в случае охоты, количественному учету и позволяют "...легко вывести в условиях конкретного этнографического изучения оптимальный баланс, потребный для функционирования данного хозяйственного коллектива... Этот баланс предопределяет минимальный лимит урожая (численность коллектива соотносится... не с максимальными, а с минимальными цифрами необходимых запасов пищи), и через него и демографические характеристики хозяйственного коллектива в пределах данного антропогеоценоза"(35). Далее В.П.Алексеев отмечает "отражение ландшафтно-климатической специфики" в конструкции жилищ, в видах одежды и орудий труда, а также и в сфере духовной жизни: в народном искусстве и в фольклоре, основанном на конкретных образах.

Некоторые из этих положений, по моему мнению, также желательно уточнить или доработать, а иногда просто оговорить. Следует учесть прежде всего, что антропогеоценоз в отличие от биоценоза представляет собой не замкнутую, а довольно открытую систему, которая, как неоднократно отмечал и сам В.П.Алексеев, обычно существует лишь в контактах с системами других антропогеоценозов. Но он об этом обстоятельстве затем почему-то "забывает", а именно оно сильно затрудняет составление каких-то балансов и шире - моделирования, основанного только на внутренних характеристиках. В учете же внешних факторов появляется много произвольного. Это касается даже баланса по "пищевым цепям", не говоря уже о множестве других "цепей", которые необходимо учитывать в этнической экологии. Не вполне понятно далее, как на основе такого "баланса" можно исчислить демографические характеристики,

ибо один и тот же количественный рост может получиться, например, как при сочетании высокой рождаемости с высокой смертностью, так и при низкой рождаемости с низкой смертностью. Кроме того, антропогеоценоз, опять-таки в отличие от биогеоценоза, характеризуется не только количественным ростом, но и "качественным" развитием, а движущие силы этого развития в концепции антропогеоценоза даны довольно туманно. Вначале В.П.Алексеев объясняет такое развитие тем, что хозяйственный коллектив сам собой стремится ко все более полному удовлетворению своих потребностей, но не называет никаких иных потребностей, кроме пищи и других элементов физического жизнеобеспечения, кстати сказать, мало отличающих людей от других видов млекопитающих. Затем он предлагает сбалансировать систему антропогеоценоза не по максимальному или "полному" удовлетворению потребностей, а уже по "минимальному лимиту", что применительно к реальной жизни может означать постоянно-повседневный режим строгой экономии, который был неизвестен, кажется, ни одному из наблюденных этнографами народов и который скорее тормозит развитие, нежели способствует ему.

Идея о самоограничении племенными общностями своих потребностей очень близка, кстати сказать, к развиваемой демографом А.Г.Вишневским концепции "демографического гомеостаза", согласно которой первобытные люди были своего рода стихийными мальтузианцами и, чтобы сбалансировать свои потребности с природными условиями, прибегали к абортам, детоубийствам, убийству стариков и т.п. (36). В действительности же люди и на ранних стадиях своего развития не очень стремились к самоограничению, и даже при сократившемся числе промысловых животных, например, охота обычно нацеливалась не на минимум, а на максимум добычи. За удачной охотой следовало пиршество, а затем вновь полуголодное или голодное существование с надеждами на новую удачу. Возникавшие же время от времени экологические кризисы в случае невозможности разрешить их путем

миграций являлись важным стимулом развития: побуждали совершенствовать орудия труда, способы охоты и т.д.

Довести понятие антропогеоценоза до полной, так сказать, операциональной кондиции - очень трудно, но тем не менее его вполне можно употребить в этнической экологии. В.П.Алексеев полагает, что его могут использовать и этнографы, но без экологизации традиционной этнографии надеяться на это не приходится; он же сам заметил, что при этнографической характеристике питания, например, "в плане оценки ее (пищи.- В. К.) места в культуре данного общества или данного народа, то основное, что в ней выделяется, это не набор продуктов, более или менее общий как у земледельческих, так и у скотоводческих народов, а способы их приготовления"(37). То же самое В.П.Алексеев отмечает по отношению к характеристике жилища, когда основное внимание обращается на форму жилища, специфику интерьера (в частности, расположение очага) и т.д.

Но дело даже не столько в этом, сколько в том факте, что и способы приготовления пищи интересуют этнографов-культурологов преимущественно в типологическом плане, а не в плане жизнеобеспечения. Очень трудно найти этнографическую работу, автор которой, характеризуя различные способы традиционного приготовления пищи, обратил бы внимание, например, на калорийность пищи и на изменение ее основных потребительских характеристик в результате того или иного приготовления. Нередко отвергается даже возможность такого подхода; заявляется, что "этнографов пища интересует не с точки зрения технологии ее приготовления или сравнительной питательной ценности(!?), а как явление бытовой культуры, находящееся во взаимосвязи с другими аспектами жизни, отражающее взаимоотношение людей в обществе и нормы их поведения(?), формы поведения, традиционные для данного общества"(38). Составить по таким работам хоть какое-то представление о проблемах пищевого обеспечения тех или иных народов мира, конечно, столь же трудно, как, скажем, по поваренной книге. И видимо, поэтому ценная концепция антропогеоценоза, нацеленная, в частности, на учет баланса в пищевых и других "цепях" жизнеобеспечения, не привлекла до сих пор пристального внимания традиционных этнографов; использовать ее надлежащим образом могут только этноэкологи.

Критический анализ изложенных выше культурологических и этнографо-антропологических подходов проводился мной с позиции этнической экологии, содержание которой рассмотрено во введении к данной книге. Поэтому к сказанному можно добавить немного, главным образом в виде заключительных выводов. Первый из них состоит в том, что трудная задача изучения сложной системы жизнеобеспечения этносов в настоящее время обычно упрощается и нередко ограничивается вопросами физического (материального) обеспечения. При этом культурологи видят свою основную задачу в типологическом описании некоторых важных сторон материальной культуры с точки зрения их структурных связей с физическим обеспечением, например способов приготовления пищи, не обращая существенного внимания на конечные, т.е. жизненные результаты таких действий.

Собственно этнографы (и этноантропологи) обычно также не идут далее общей типологической систематики хозяйства и материальной культуры в рамках концепции ХКТ. Предложенная В.П.Алексеевым концепция антропогеоценоза, позволяющая в некоторых случаях применить системный подход, еще не опробована практически и нуждается, как уже отмечалось выше, в некоторой доработке, чтобы приблизить ее к понятию экосистемы, под которой понимается группа людей, связанных этнокультурными традициями и способами удовлетворения жизненных потребностей в определенных природных (и природно-социальных) условиях существования относительно автономно от других групп людей. Правда, и в этом случае применение понятия "антропогеоценоз" не упрощает, а усложняет исследование, но зато может дать ценные результаты. До настоящего времени известны попытки более или менее детального анализа лишь одной, хотя и очень важной, части экосистемы в виде "пищевой цепи"(39). Что же касается духовного жизнеобеспечения, то эта проблема-

тика как таковая в этнографической литературе по-существу никак еще не разрабатывалась, огромные материалы по духовной культуре, большей частью описательного характера, ждут направленного анализа.

Проблемы, связанные с естественным воспроизводством этносов, основательно разработаны главным образом в рамках этнической демографии и нуждаются лишь в несколько большем внимании к влиянию экологизации, в частности к учету влияния на воспроизводство экологических кризисов. Довольно основательно разработана и проблематика социально-культурного воспроизводства этносов, главным образом в рамках исследования этнических процессов, хотя некоторые разделы, в первую очередь те, которые связаны с этнической психологией (например, о "ценности" этнической принадлежности), еще ждут своих исследователей. Здесь требуется и гораздо большая экологизация исследований, особенно в отношении анализа связи этнического (национального) самосознания со спецификой материальной и духовной культуры, с представлением о "родной земле", с привычными ландшафтами и т.д., что на примере этнических групп мигрантов рассматривается далее в статье Н.М.Лебедевой.

Дальнейшие исследования жизнеобеспечения этносов могут, как мне представляется, развиваться по двум основным путям. Первый из них направлен на продолжение исследований "пищевых цепей" и предполагает включение других "цепей" материального обеспечения с возможно более подробными их количественными характеристиками. Однако доведение количественных расчетов до бухгалтерского "баланса" не представляется возможным из-за того, что этноэкологические системы жизнеобеспечения являются обычно более или менее открытыми, а также из-за больших трудностей измерения внешних, далеко не всегда устойчивых "приходов" и "расходов". Другой путь направлен на возможно больший охват всех слагающих систему жизнеобеспечения, включая и ее духовную сферу, с возможной количественной характеристикой отдельных элементов, но с обязательным анализом их конечных результатов.

Проблема выбора критериев для оценки конечных результатов жизнеобеспечения этнических групп или успешности адаптации популяций к среде обитания не подвергалась до сих пор специальному рассмотрению. Сделанный мной по этому вопросу доклад на конференции по исторической экологии (Нальчик, 1987) ставил целью наметить основные варианты разработки таких критериев (40). В биологии главным критерием степени адаптации, или жизнеобеспечения, считается режим воспроизводства - возрастание численности особей в той или иной популяции. Для этнических групп и вообще для популяций людей показатель воспроизводства явно недостаточен. Тот факт, что естественный прирост населения в развивающихся странах мира намного выше, чем в экономически развитых странах, еще не означает, что система жизнеобеспечения в первых значительно лучше. Поэтому для отбора таких критериев требуется специальный анализ, отчасти проводимый далее в статье О.Д.Комаровой. Представляется целесообразным включить в число показателей успешной адаптации такие показатели, как заболеваемость и смертность (с выделением прежде всего эндогенных и экзогенных причин), психическое здоровье, а также долгожительство (показатель, уже опробованный в комплексном исследовании явлений долгожительства)(41). Примерная схема подобных исследований в настоящее время уточняется в ходе исследования русских сельских старожилов в республиках Закавказья (42).

Литература

1. Культура жизнеобеспечения и этнос: Опыт этнокультурологического исследования. (На материалах армянской сельской культуры). Ереван, 1984; см. также: Арутюнов С. А., Мкртумян Ю. И. Проблемы типологического исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической культуре // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984.

2. См.: Козлов В. И. Основные проблемы этнической экологии // Сов. этнография. 1983. N 1.

3. Краткий обзор основных направлений ее см.: Orlov B. C. Ecological anthropology // Ann. Rev. of Anthrop., 1980. Vol.9; см. также: Козлов В. И., Ямсков А. Н. Этническая экология // Этнология в США и Канаде. М., 1989.

4. И.И.Крупник в рецензии на монографию "Культура жизнеобеспечения и этнос..." (Сов.этнография. 1985. N 1) отнес к творческим удачам авторов само применение термина "культура жизнеобеспечения", не вдаваясь, правда, в сущность его толкования.

5. См.: Общая психология: Учебн. пособие для пединститутов. М., 1970. С.12.

6. Обуховский К. Психология влечения человека. М., 1977. С.81.

7. Платонов К. К. Краткий словарь психологических понятий. М., 1981. С.102.

8. Дарский Л. Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи // Демографическое развитие семьи. М. 1979. С.89-92.

9. Арутюнов С. А. Культурологические исследования и глобальная экология // Вестн. АН СССР. 1979. N 12.С.95.

10. См.: Алексеева Т. И. Географическая среда и биология человека. М., 1971; Она же. Адаптивные процессы в популяциях человека. М., 1986.

11. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2=е изд. Т.3. С.18-19.

12. Там же. Т. 21. С.25-26.

13. Там же. Т. 6. С.441.

14. Там же, Т.12. С.710.

15. Алексеев В. П. Становление человечества. М., 1984. С.241, 453-455.

16. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории// Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С.110.

17. Арутюнов С. А. Указ. соч. С. 95.

18. Подробнее см.: Козлов В. И. Этническая демография. М., 1971. С. 82-91.

19. Подробнее по этим и другим рассматриваемым ниже вопросам детопроизводства см.: Козлов В. И. Этническая демография. М., 1977.

20. См., например: Рюриков Ю. Б. Три влечения. М., 1967.

21. Культура жизнеобеспечения и этнос... С.36.

22. Там же. С.37.

23. Там же. С.57-58.

24. Арутюнов С. А., Мкртумян Ю. И. Указ. соч. С.20.

25. Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические общности // Сов. этнография. 1955. N 5.

26. Карта дана в кн.: Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы. Расы. Культуры. 1=е изд. М., 1971; 2-е изд. 1985. С.182-183.

27. См.: Андрианов Б. В. Неоседлое население мира. М., 1985.

28. Андрианов Б. В. К методологии исторического исследования проблем взаимодействия общества и природы // Общество и природа. М., 1981. С.256.

29. Алексеев В. П. Становление человечества. С. 353.

30. Он же. Антропогеоценозы - сущность, типология, динамика // Природа. 1975. N 7.

31 Там же.

32. Юдин Э. Г. Системные идеи в этнографии // Природа. 1975. N 7.

33. Алексеев В. П. Становление человечества... С.370-371.

34. Там же. С.374.

35. Там же. С.375.

36. См.: Вишневский А. Г. Демографическая революция. М., "1976. С.24-29; Он же. Воспроизводство населения и общество. М., 1982. С.52-58.

37. Алексеев В. П. Становление человечества. С. 368.

38. Этнография питания народов зарубежной Азии. М., 1982. С. 3.

39. Крупник И. И. Арктическая этноэкология. М., 1989.

40. См.: Тезисы докладов и сообщений научной конференции "XXYII съезд КПСС и проблемы взаимодействия общества и природы на различных исторических этапах". М.,1987. С. 177.

41. См.: Феномен долгожительства: Антрополого=этнографический аспект исследования. М., 1982; Абхазское долгожительство. М., 1987; Долгожительство в Азербайджане. М., 1989.

42. Дубова Н. А., Лебедева Н. М. и др. Адаптация русских старожилов в Азербайджане (середина XIX-начало XX в.) // Сов. этнография. 1989. N 5.

О. Д. Комарова

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ

В последние полтора-два десятилетия на стыке этнографии и экологии человека активно формируется самостоятельное научное направление - этническая экология, - суть которого можно кратко определить как изучение всего спектра специфических способов жизнедеятельности, выработанных этническими общностями в процессе приспособления к конкретным природным и социальным условиям их существования (1).

В методологическом плане новому направлению достаточно полно отвечает представление об этносе как целостной этноэкологической системе, составляющей динамичное единство человеческого коллектива с используемой им хозяйственной территорией (2). Такое представление и обусловленный им комплексный подход к исследованию взаимосвязи этнокультурных процессов с окружающей средой находит все больше сторонников среди советских этнографов. При этом, однако, в систему этноэкологических связей далеко не всегда включают сферу естественного воспроизводства этносов, все еще понимаемую, к сожалению, лишь в узком демографическом смысле. Между тем население как подвижная совокупность сменяющих друг друга человеческих поколений является главной материальной субстанцией всякой этноэкосистемы, а непрерывно идущие процессы его репродукции образуют один из важнейших этноспецифических каналов взаимодействия человека с окружающей средой. Многообразные обычаи, обряды, табу и прочие нормы репродуктивного поведения складываются под влиянием социокультурного отбора, нацеленного на оптимизацию условий существования каждого этноса, а это значит, что процессы естественного воспроизводства уходят корнями в "обширнейшую базисную сферу культуры - ее природно-экологическую подсистему"(3).

Составляя неотъемлемый элемент системы жизнеобеспечения этносов, демографические процессы не только сами обусловлены этнокультурными особенностями этой системы, но и в свою очередь оказывают на них ощутимое обратное

влияние. Именно этим, на наш взгляд, определеяется необходимость специальной разработки демографического направления этнической экологии, которое мы охарактеризовали бы как изучение закономерностей естественного воспроизводства этнических сообществ в контексте функционирования этноэкологических систем в целом. По сравнению с традиционной демографией такой подход означает восхождение на новую ступеньку познания реальной действительности, что не только отвечает объективной логике развития трех смежных наук: демографии, этнографии и экологии человека, но и отражает общую тенденцию к синтезу разных областей научного знания о человеке.

Предлагаемая статья имеет целью очертить некоторые наиболее важные демографические аспекты этнической экологии, к числу которых мы относим следующие. Во-первых, анализ взаимодействия среды и отдельных элементов воспроизводства населения: рождаемости, смертности, заболеваемости, продолжительности жизни. Во-вторых, поиск принципов демографической адаптации этнических сообществ к условиям их существования. Наконец, в-третьих, разработку демографических критериев оценки жизнеспособности этносов и стойкости этноэкологических систем. Остановимся несколько подробнее на каждой из названных групп вопросов.

Что касается влияния экологических факторов на репродуктивную сферу, то отчетливее всего оно выступает в отношении смертности. Прежде всего разные районы мира неодинаково благоприятны для здоровья и жизни людей в природно-климатическом отношении. Экологическое "удобство" той или иной территории определяется сочетанием множества как общегеографических параметров: географической широты, защищенности от ветров, рельефа поверхности и высоты над уровнем моря, так и локальных природных особенностей. Если попытаться ранжировать различные типы среды обитания по степени комфортности, то на одном конце шкалы окажутся районы с мягким субтропическим климатом - таким, например, как в бассейне Средиземноморья, а на другом - большая часть территории экваториальной зоны,

где безветрие сочетается с высокой влажностью, температурой и интенсивностью солнечной радиации; зоны пустынь с большими суточными колебаниями температуры, где палящему дневному зною часто сопутствует обжигающий горячий ветер, а температура воздуха намного превышает температуру кожи, тем самым крайне затрудняя теплоотдачу и вызывая перегрев организма; наконец, районы высокогорья и приполярья, суровые условия которых требуют специальной физиологической и культурной адаптации и доступны для жизни далеко не всякому неподготовленному человеку. Близкие к экстремальным условия существования в названных районах почти соответствуют границам биологической толерантности человека, за которыми у него уже появляется чувство острого дискомфорта, наступает снижение работоспособности и ухудшение состояния здоровья (4).

В ряде случаев неблагоприятное влияние природных факторов проявляется не в климатических, а в некоторых геохимических особенностях среды обитания человека. В качестве иллюстрации можно воспользоваться примером Финляндии. В этой высокоразвитой в социально-экономическом отношении стране отмечаются одни из самых высоких в мире показателей смертности от сердечно-сосудистой патологии, особенно среди мужского населения. Параллельно с этим медицинские исследования фиксируют близкий к максимуму уровень холестерина в крови взрослых мужчин-финнов. Велика вероятность, что оба эти взаимосвязанных явления вызваны типичным для Финляндии малым содержанием в почве и воде микроэлемента селена, который входит в состав фермента глютатионпероксидазы, препятствующего перекисному окислению биологических мембран и повреждению других клеточных структур. Недостаток селена в организме приводит к уменьшению активности данного фермента и тем самым способствует развитию целого ряда патологических процессов, включая болезни сердца и ускоренное старение. Характерно, что и на других территориях с низким содержанием селена наблюдается повышенная смертность (5).

Подобные примеры можно продолжить. В частности, установлено, что отмечаемое в ряде районов мира, прежде всего горных, пониженное количество йода в питьевой воде и пище вызывает нарушение обмена веществ и образование эндемического зоба, а недостаток фтора способствует ускоренному разрушению зубов. И наоборот, иногда вредным оказывается избыток некоторых элементов. Так, избыток цинка учащает случаи атеросклероза, а хрома – способствует развитию сахарного диабета. Кроме того, имеются местности с повышенной естественной радиоактивностью почвы (к примеру, штат Керала в Индии, о-в Ниуэ в Океании, часть территории Бразилии), причем вредное влияние ионизирующего излучения сказывается не только в непосредственном понижении жизнеспособности существующей популяции, но и отражается на будущих поколениях, так как ведет к врожденным аномалиям, а порой и полному бесплодию части населения (6). Очевидно, существует и множество других геохимических особенностей, действие которых на организм человека пока не изучено.

Экологический аспект заболеваемости, помимо собственно "географической" патологии, проявляется еще и в том, что биологический компонент окружающей среды также может служить источником различных болезней благодаря присутствию специфических для каждого региона патогенных микроорганизмов (вирусов, бактерий, грибков, простейших), ядовитых растений, насекомых и опасных для человека животных.

Более того, есть основания полагать, что природно-экологические условия накладывают отпечаток не только на степень реализации естественной жизнеспособности, но и на саму видовую продолжительность жизни человека. До недавнего времени такое предположение существовало лишь на правах научной гипотезы. В частности, оно высказывалось в ходе комплексного исследования долгожительства, проведенного в 1977-1987 гг. Институтом этнографии АН СССР в содружестве с рядом других научных учреждений. В этой связи отмечалась необходимость дифференцированного подхода

к определению нижнего порога долгожительского возраста у разных народов с учетом специфических условий их проживания. В свете новейших биологических исследований гипотеза об экологической дифференциации видовой продолжительности жизни человека получает по крайней мере косвенное эмпирическое подтверждение (7). А это значит, что даже при теоретически допустимой возможности повсеместного выравнивания социальной ситуации разные человеческие популяции именно в силу несхожести условий существования все же будут различаться по продолжительности жизни.

По отношению к рождаемости влияние природно-экологических факторов проявляется менее отчетливо. Что касается собственно плодовитости как биологической способности к деторождению, то данными современных исследований,- правда, не очень многочисленных - не удалось подтвердить распространенное некогда представление о существовании заметных географических, а также этнических или расовых различий в плодовитости (8). Вполне вероятно, что способность к зачатию действительно имеет какие-то региональные и этнические вариации, однако скорее всего не столь значительные, чтобы существенно отражаться на уровне рождаемости. В этом плане наиболее обоснованными представляются сведения о негативном влиянии на биологическую плодовитость лишь некоторых средовых факторов, например, условий высокогорья, способствующих общему замедлению всех ростовых процессов, в том числе и сроков полового созревания (9).

Кроме того, к числу экологических факторов плодовитости может быть отнесено ареальное распространение некоторых заболеваний, влияющих на способность к зачатию и вынашивание плода, таких, как глистные инвазии, малярия, венерические болезни.

Влияние окружающей среды более заметно сказывается на уровне "реализованной" плодовитости, т. е. рождаемости. Несостоявшиеся рождения, к которым относятся все случаи внутриутробной гибели плода, многие биологи считают тем

последним "островком" в физиологии человека, где еще действуют законы естественного отбора. Если по оценкам специалистов в среднем примерно 20-25% от общего числа беременностей заканчиваются спонтанными абортами и мертворождениями (10), то в одних популяциях этот показатель оказывается существенно более высоким, а в других - относительно низким. Не последнюю роль в этом играют именно природно-географические факторы. Например, среди высокогорных популяций, даже несмотря на их физиологическую приспособленность к гипоксии, спонтанные аборты случаются гораздо чаще обычного вследствие отрицательного влияния кислородного голодания на нормальное развитие плода (11). Вообще повышенный процент спонтанных абортов и мертворождений, по-видимому, можно использовать в качестве одного из свидетельств несовершенства адаптации той или иной популяции к условиям ее существования.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что применительно к процессам репродукции в человеческих популяциях природно-экологические факторы не имеют абсолютного значения. Выработанные в ходе биосоциальной эволюции механизмы культурной адаптации позволяют людям в известной мере нейтрализовать неблагоприятное влияние среды. Поэтому в человеческом обществе этнорегиональная дифференциация демографических параметров определяется не столько факторами природной среды, сколько специфическими для каждого этноса способами ее освоения, проявляющимися в комплексе культурных традиций и навыков и складывающимися на общем фоне социально-экономического развития.

В частности, уровень смертности в отдельно взятой этноэкосистеме можно представить в виде многофункциональной зависимости от нескольких переменных:

$M = f\,(П, Г, Э, С, К)$, где

П - значимые для здоровья природно-экологические факторы;

Г - генетические факторы, прежде всего комплекс наследственных заболеваний;

Э – экономические факторы, в том числе своеобразие традиционных приемов хозяйственной деятельности и других элементов системы материального жизнеобеспечения, а также средний уровень благосостояния населения с учетом материальной базы здравоохранения;

С – социальные факторы (социальная организация общества, уровень развития здравоохранения и степень доступности медицинской помощи разным слоям населения);

К – факторы культуры, включая своеобразие бытовых и санитарно-гигиенических обычаев и традиций, а также то или иное стремление использовать предоставляемые обществом возможности охраны здоровья (12).

Названные переменные в свою очередь зависят друг от друга. Например, с ростом значения Э и С роль факторов П и Г может существенно снизиться.

Уровню рождаемости соответствует аналогичная формула, в которой величина естественной плодовитости является лишь одной из переменных, а другие – так же как и в отношении смертности – имеют преимущественно социальную природу.

Влияние отдельных элементов этнической культуры на параметры воспроизводства населения подробно рассмотрено в специальной литературе, к которой мы и отсылаем читателя (13). Добавим только, что при всем многообразии этноспецифических условий воспроизводства населения глобальная тенденция его развития заключается в последовательном усилении роли осмысленного, волевого начала в сфере репродукции. В частности, в отношении смертности эта тенденция характеризуется прежде всего растущим контролем со стороны общества над ее экзогенными, т. е. средовыми факторами: голодом, эпидемиями, инфекционными и паразитарными заболеваниями и т.п. За период с середины ХУШ в., который считается начальным этапом перехода от "традиционного" к "современному" типу смертности, до наших дней человечество в мировом масштабе смогло одержать победу над множеством страшных болезней, вызванных внешними условиями и прерывавших человеческую жизнь задолго до исчерпания естественной жизнеспособности: сыпным тифом, холерой, малярией, желтой лихорадкой, брюшным тифом, туберкулезом, сифилисом, рядом детских болезней – скарлатиной, дифтерией, коклюшем, корью. Вследствие этого на первое место среди причин смертности выдвинулись эндогенные, а также "квазиэндогенные" причины, связанные с естественным старением организма, наследственными болезнями и врожденными пороками, постепенным накапливанием негативных последствий воздействия среды, проявляющихся в основном в пожилом возрасте.

Следует также учитывать и то, что некоторые экзогенные факторы удается если и не ликвидировать полностью, то по крайней мере "смягчить", добиваясь того, чтобы их действие как можно позднее приводило к летальному исходу. Об этом свидетельствует тенденция к повышению среднего возраста умерших, хотя и неодинаково выраженная в разных популяциях. В целом за последние 200 лет средняя продолжительность жизни человека возросла более чем вдвое.

Вместе с тем, несмотря на существенное ограничение сферы действия, природно-экологические факторы заболеваемости и смертности не перестают заявлять о себе. В большинстве регионов мира все еще сохраняются довольно отчетливые сезонные колебания смертности, отмечаемые не только среди отсталых народов, но и в таких высокоразвитых странах, как Великобритания, Франция, Бельгия, ФРГ, Швейцария, Япония и др.(14).

Кроме того, устранение части неблагоприятных экологических факторов нередко сопровождается возникновением новых, обусловленных далеко не всегда "экосберегающим" антропогенным вмешательством. По существу, против человека оборачиваются созданные им же самим качества внешней среды, выступающие как в виде ее химического и радиоактивного загрязнения, многократного превышения допустимого уровня шумового фона и т.п., так и в форме накопления негативных социальных последствий: чрезмерного людского скопления в городах, отрыва от естественного природного ландшафта, перенасыщенности информацией и обезличенными

человеческими контактами, а также многих других стрессогенных факторов. Обрушившаяся на человека "индустриальная интоксикация" подчас оказывается настолько интенсивной, что механизм физиологической адаптации не успевает срабатывать. Поэтому так называемые болезни цивилизации, в том числе нейропсихические расстройства, многие эндокринные сердечно-сосудистые и онкологические заболевания фактически можно рассматривать как проявление дезадаптации человека к искусственно созданным им же самим условиям существования.

"Вторичные" экологические факторы отражаются также и на рождаемости. По некоторым регионам мира получены результаты исследований о влиянии определенных типов загрязнения внешней среды на половое развитие, в частности, на ускоренное наступление половой зрелости, преждевременное начало менструаций, повышение частоты гипогликемии (15). Кроме того, накоплен обширный статистический материал о роли антропогенного загрязнения среды в учащении случаев бесплодия, спонтанных абортов, мертворождений и врожденных уродств. К сожалению, эта печальная статистика относится и к нашей стране: в последнее время в большинстве республик были вскрыты замалчиваемые раннее факты крайне негативного влияния на рождаемость, а также на детскую заболеваемость и смертность бесконтрольного применения пестицидов, использования в ряде отраслей вредной технологии, загрязнения окружающей среды ядовитыми отходами некоторых промышленных производств, не говоря уж о широкомасштабной трагедии, вызванной аварией атомного реактора в Чернобыле.

Процессы рождаемости и смертности, как известно, не существуют изолированно друг от друга, но образуют взаимосвязанные элементы единого процесса репродукции, который, в свою очередь, включен в этноэкологическую систему более высокого ранга. Всякая этноэкосистема выдвигает известные требования к количественному составу и демографической структуре населения. С одной стороны, существует минимальный предел численнности населения, обусловленный

как необходимостью избежать недопустимой степени инбридинга в условиях этнической эндогамии, так и многими хозяйственными, социальными и прочими жизненно важными потребностями человеческого коллектива. А с другой - продуктивная емкость освоенной территории с учетом специфики ее хозяйственного использования задает некий условный максимум населения. Поддержание необходимых численных пропорций обеспечивается соответствующим режимом демовоспроизводства. Причем жизнеспособность и стабильность этноэкосистемы в конечном счете зависит от сбалансированного соотношения всего комплекса экологических и демографических параметров. В связи с этим, естественно, возникают вопросы о принципах такого соотношения: каким оно должно быть в каждом конкретном случае; какие механизмы приводят процессы репродукции в соответствие с требованиями внешней среды и каково участие самих людей в этом регулировании? Данный круг вопросов составляет второй из выделенных нами демографических аспектов этнической экологии, к рассмотрению которого мы и переходим.

Вкратце касаясь истории этого круга вопросов, напомним, что проблемы сбалансированного соотношения между воспроизводством населения и условиями его существования с давних пор занимали умы мыслителей и ученых. Идеи о существовании определенного оптимума населения для всякого человеческого сообщества высказывались еще в трудах Т.Мора, Ж.-Ж.Русо, Ф.Вольтера, Ф.Кенэ, А.Смита, Ж.Ш.Сисмонди и многих других менее известных авторов. Особенно сильные, не стихающие и поныне, страсти вокруг этих вопросов поднялись после выхода в свет в 1798 г. нашумевшего труда Т.Р.Мальтуса "Опыт о законе народонаселения..." Как известно, это сочинение было подвергнуто резкой критике со стороны прогрессивных ученых. Тем не менее идеи мальтузианства оказались очень живучими и сохраняются в том или ином виде до сих пор.

К сожалению, неприятие апологетической позиции самого Мальтуса, стремившегося доказать, что причина бедности широких масс трудящихся кроется в них самих, а именно в

том, что темпы прироста населения опережают прирост средств существования, часто мешала оппонентам подняться до подлинно научного рассмотрения поставленных Мальтусом вопросов. Научный подход к изучению динамики численности человеческих популяций с учетом влияния внешней среды начал складываться лишь в начале XX в. в процессе формирования новых научных отраслей: экологии человека и популяционной экологии. К числу наиболее фундаментальных работ этого периода, безусловно, относится выпущенный в 1922 г. труд английского демографа А.М.Карр-Саундерса "Проблемы населения: исследование эволюции" (16), в котором автор рассмотрел взаимосвязь между развитием экономики и населения, биологическими и социальными факторами репродукции, отметил возрастающую роль социальной среды и экономических процессов в демографическом развитии.

Интересно, что в России идеи о наличии связи между воспроизводством населения и природными особенностями среды, а также этноспецифическим характером ее хозяйственного использования высказывались задолго до Карр-Саундерса. Так, еще в 1911 г. известный русский географ А.И.Воейков, используя категорию так называемой "емкости земель для человека", объяснял ее дифференциацию в разных районах мира не только и даже не столько климатическими условиями, сколько этнокультурными особенностями хозяйства и быта каждого народа (17).

В советский период систематическая разработка демоэкологических концепций возобновилась только с конца 1960-х годов. В.П.Алексеев, введя понятие антропогеоценоза как первичной ячейки взаимодействия среды и человека, одним из первых поставил вопрос о важности демографических параметров этого взаимодействия (18). Рассматривая антропогеоценоз как структурное единство трех компонентов: хозяйственного коллектива, его производственной деятельности и используемой территории, В.П.Алексеев справедливо подчеркивал значительную роль двух показателей: а) численности всего хозяйственного коллектива, т.е. всех

потребителей продуктов труда и б) численности населения, непосредственно участвующего в трудовых процессах. Вполне обоснованно и его предложение оценивать благоприятность демографической ситуации в системе антропогеоценоза по тому, насколько оптимально соотношение представителей разных возрастов при существующей продолжительности жизни, которая, заметим от себя, сама коррелирует с достигнутым уровнем хозяйственного развития и производительности труда.

Отдельные демографические аспекты функционирования этноэкологических систем рассмотрены также в интересных статьях И.И.Крупника, А.Г.Козинцева, М.Ф.Косарева, А.И.Пики (19). На протяжении последнего 10-летия системный подход к исследованию взаимосвязи воспроизводства населения с природной средой в общетеоретическом плане наиболее активно развивает демограф А.Г.Вишневский (20). Его работы посвящены главным образом исследованию стадиальных закономерностей демографического воспроизводства, их исторической изменчивости, обусловленной развитием экономической базы и социальной организации человеческого общества, а также методологических проблем социального управления демографическими процессами. Свое толкование демографических механизмов адаптации к природной среде предложили Е.М.Андреев и П.Ю.Черносвитов (21).

Как всякий феномен человеческой жизнедеятельности, процессы этнокультурной адаптации к условиям существования, включая и демографическую адаптацию, происходят в конкретных пространственных и временных рамках и потому несут на себе печать всего комплекса социально-экономических, политических и прочих надстроечных факторов, определяющих структуру данного общества. Вместе с тем на начальном этапе исследования наиболее общих принципов демоэкологического взаимодействия абстрагирование от конкретных социальных реалий является не только допустимым, но и по сути единственно возможным приемом научного анализа (22). Как нам кажется, пониманию природы демоэкологической связи может помочь общая схема воспроизводства

самых древних человеческих коллективов, моделью которых можно условно считать немногие сохранившиеся до нас в слабоосвоенных районах мира примитивные племена. Такой подход вытекает из представления о том, что развитие и усложнение демоэкологического взаимодействия является социально-историческим процессом, в основе которого некогда лежали естественно-биологические закономерности, свойственные всему живому. Каковы же эти закономерности?

Специалистам по общей экологии известно множество естественных механизмов разного уровня, регулирующих процесс размножения животных и приводящих его в соответствие с условиями их обитания. Как показывают исследования советских и зарубежных ученых, численный рост популяций животных зависит как от внешних факторов – обеспеченности пищей и защищенности от врагов,– так и в значительной мере от характера взаимоотношений между особями данной популяции внутри биоценоза, что непосредственно связано с размером занимаемого пространства и плотностью его заселения. Поддержание оптимального режима репродукции и соответствующей ему плотности животных достигается различными способами: от жестких форм внутривидовой конкуренции, когда определенная часть особей гибнет, не выдерживая соперничества с физиологически более сильными собратьями (а то и просто поедается ими), до включения гораздо более гибких механизмов регулирования численности. Так, например, при чрезмерном уплотнении жизненного пространства у многих обитателей водоемов и рыб наблюдается выделение в окружающую среду особых химических веществ, препятствующих дальнейшему росту численности обитающих в этой среде особей того же вида. У некоторых млекопитающих (белок, леммингов, оленей и др.) в подобной ситуации происходят изменения физиологии и поведения, приводящие в действие инстинкт массовой миграции. Доказано также, что превышение нормальной плотности популяции, как правило, сопровождается возникновением стрессового состояния, при котором не только понижается устойчивость к неблагоприятным факторам среды, в результате чего

увеличивается смертность, но и происходит ряд поведенческих и гормональных перестроек, временно угнетающих воспроизводительную функцию.

Действие упомянутых механизмов обеспечивает сохранение в животном мире более или менее устойчивого популяционно-экологического равновесия, в основе которого лежит ограниченный диапазон колебания численности популяций, как правило, намного уступающей теоретически возможной численности при реализации всего биотического потенциала *, а также стихийное тяготение популяций (правда, далеко не всегда реализующееся) к достижению некоего стабильного уровня плотности, соответствующего емкости осваиваемой территории.

Есть все основания полагать, что на раннем этапе человеческой истории такие закономерности с известными ограничениями были свойственны и популяциям людей. Археологические исследования, данные палеодемографии, а также результаты этнографических реконструкций систем жизнеобеспечения первобытных коллективов явно указывают на тесную связь между их численностью, с одной стороны, и продуктивностью их традиционного хозяйства, с другой. К примеру, в охотничьих коллективах, находящихся на начальной стадии овладения природными ресурсами, показатели плотности населения в среднем соответствуют размерам площади, необходимой для добычи на охоте требуемого числа крупных копытных животных. В свою очередь, в этой ситуации ежегодный прирост поголовья диких животных, составляющих объект первобытной охоты, выполняет роль лимитирующего фактора численности прироста популяции самих охотников(23). Аналогичная зависимость между численностью древних человеческих коллективов и продуктивностью эксплуатируемых ими природных угодий обнаруживается и приме-

---

* Понятие биотического потенциала, введенное в экологию в 1928 г. Р.Чепменом, означает теоретический максимум потомков от одной пары (или особи) за условную единицу времени, например, год или весь репродуктивный цикл.

нительно к иным хозяйственно=культурным типам (24). Признание универсальности популяционно=экологической зависимости может служить основой для гипотез относительно глобальных тенденций динамики численности населения в отдельные исторические эпохи. Во всяком случае, В.В.Бунак вполне резонно объяснял замедленность прироста населения Европы до неолита тем, что "в мезолитический период с исчезновением в Европе стад крупных копытных и переходом к охоте на мелких животных интенсивность роста населения не могла увеличиваться, а скорее уменьшалась" (25).

Современные исследования свидетельствуют о том, что и в немногих нынешних сообществах охотников и собирателей, сохраняющих черты примитивных человеческих экосистем, до сих пор наблюдается тесная зависимоть их численности от тех или иных факторов природной среды, прежде всего от наличия пищевых ресурсов и материалов для удовлетворения минимума жизненных потребностей. В научной литературе известны даже попытки прменительно к родоплеменным сообществам с относительно низким культурным уровнем выявить прямую связь плотности популяции с некоторой величиной, характеризующей воздействие среды. Так, Бердсел допускал, что в Австралии такой величиной может служить среднегодовое количество осадков, которое, как было установлено им, тесно коррелирует с плотностью населения (26). Разумеется, в каждом конкретном случае специфические локальные факторы среды могут создавать свою неповторимую базу жизнеобеспечения той или иной популяции. Например, несмотря на приблизительно одинаковый уровень хозяйственного развития индейцев Южной Калифорнии и аборигенов Австралии и сходные климатические условия на сравниваемых территориях, плотность индейского населения до прихода европейцев примерно в 50 раз превосходила плотность австралийцев. Последнее было возможным благодаря обилию особого вида растительной пищи – разнообразных агав, густо покрывающих побережье Калифорнийского залива.

Допуская неизбежную в подобных случаях схематизацию, можно предположить, что в примитивных человеческих популяциях, живущих в условиях относительной неизменности естественных экосистем, регулирование процесса репродукции во многом происходит стихийно под воздействием двух противоположно направленных процессов. С одной стороны, до определенного момента положительный эффект факторов среды нарастает по мере увеличения численности населения, что как бы стимулирует его. Более многочисленный коллектив оказывается в состоянии продуктивнее использовать доступные природные ресурсы, получает преимущества при совершении различных совместных действий (расчистке земель, строительстве домов, охоте, рыболовстве, обороне от врагов, ведении завоевательных войн и т.п.) Кроме того, большая численность популяции обеспечивает ей своеобразный "запас прочности" на случай повышенной гибели от неблагоприятных природных явлений (засух, наводнений, прочих стихийных бедствий), от которых в традиционных обществах практически не существует надежных способов защиты.

В дальнейшем, если рост численности популяции и ее плотности становится чрезмерным, факторы среды начинают играть лимитирующую роль. Имеется в виду прежде всего оскудение источников пищи, воды, топлива, сырья, а также исчерпание запасов территории, пригодной для жилья и ведения хозяйства. Наряду с этим перенаселенность ведет к большему загрязнению окружающей среды, а вследствие этого – к учащению эпидемий и ускоренному распространению заболеваний как путем прямых контактов между людьми, так и благодаря ухудшению условий существования. Неизбежное при этом повышение смертности населения обусловливает сокращение его численности. Кроме того, существует предположение, что в человеческом обществе, как и у животных, чрезмерная переуплотненность среды обитания даже сама по себе отрицательно сказывается на психологической атмосфере и через нее на репродуктивных показателях (27).

Взаимодополняющее действие упомянутых процессов двоякого рода служит как бы направленным извне естественным регулятором численности населения, так или иначе приближая ее к уровню, совместимому с постоянным выживанием в определенной экосистеме, т. е. к уровню, заключенному между минимально и максимально допустимой для сохранения популяции численностью. Вместе с тем даже при сохранении относительной стабильности этноэкосистем, о демографическом равновесии в них можно говорить лишь с известной долей условности, понимая его скорее как некую магистральную тенденцию, пробивающую себе дорогу через постоянное чередование скачкообразного прироста численности населения в благополучные периоды со столь же резким падением в критические. Отметим в этой связи, что демографический гомеостаз проявляется вовсе не в том, что равновесие никогда не нарушается, а в стремлении и, главное, способности системы к восстановлению нарушенного равновесия (28).

В действительности свойственная ранним этапам человеческой истории почти полная зависимость людей от природы нередко приводила к тому, что даже несущественные изменения во внешних условиях (скажем, слабое снижение годового количества осадков или внезапная перемена миграционных путей диких животных, составляющих объект охоты) вели к резкому повышению смертности и возникновению угрозы демографической катастрофы. Избегать ее, поддерживая "неиссякаемость родника жизни" в случаях, когда миграция была невозможна, позволяла только постоянная потенциальная готовность популяции к быстрому расширению, что в условиях предельно высокой смертности требовало максимально возможной рождаемости.

На самом деле в реальном возобновлении поколений, как правило, участвовала лишь незначительная часть производимого потомства. Другая же часть, в силу необходимости обреченная на гибель, рождалась как бы "про запас" и представляла своего рода "плату" за выживание всей популяции, но вместе с тем и гарантию ее сохранности. Подобный режим воспроизводства можно охарактеризовать как

"неэкономный" в отличие от такого режима, когда оптимальный уровень численности и соответственно плотности населения поддерживается за счет невысокой рождаемости, достаточной для того, чтобы компенсировать минимально возможную смертность. Впрочем, во всех биологических популяциях, как и в примитивных человеческих коллективах, "экономные" режимы репродукции вообще крайне редки в силу своей уязвимости в условиях господства природных факторов.

В подавляющем большинстве природных экосистем демографический механизм адаптации ориентирован в основном на компенсацию повышенной гибели потомства за счет "избыточной" плодовитости, хотя при этом чувствительность его настолько велика, что интенсивность репродукции может варьировать даже в пределах одного и того же вида в зависимости от конкретных условий обитания его локальных подгрупп. В частности, экологами замечено, что в разных популяциях одного вида плодовитость обычно тем выше, чем более неблагоприятны занимаемые ими места обитания. Вместе с тем уже в животном мире эволюция вносит свои поправки в усовершенствование механизма регулирования репродукции, способствуя отбору наряду с количественными и качественных элементов приспособления к среде. Не случайно, например, у видов, для которых характерна забота о потомстве и выкармливание молодняка, плодовитость значительно ниже, чем у эволюционно менее развитых видов.

В человеческих популяциях роль "предупредительной" функции механизма репродукции неизмеримо возрастает. Как показывают многочисленные исследования (29), уже в первобытных коллективах был накоплен довольно обширный арсенал социальных средств, воздействующих на воспроизводство населения: от различных мер по регламентации брачно-полового поведения, обычаев и ритуалов демографического характера (например, связанных с принятием родов или вскармливанием младенцев) до абортов, детоубийства, ситуативного суицида и даже каннибализма. Причем следует подчерк-

нуть, что регулирование смертности имело не меньшее, а, возможно, даже большее значение, чем регулирование рождаемости, что как-то упускается из виду. Мы подразумеваем не только упомянутые крайние меры регуляции смертности, но прежде всего стремление любыми способами поддержать жизнь производительной части населения, даже ценой гибели детей и стариков. Ориентированные на эту цель обычаи и традиции до сих пор сохраняются в культуре многих народов (30). Названные меры свидетельствуют о зарождении принципиально нового социально-культурного механизма демографического регулирования, присущего человеку.

Можно предположить, что формирование социального механизма регулирования репродукции на первых порах мало увеличивало гибкость примитивных демоэкосистем. Вследствие хозяйственно-экономической неразвитости они еще долго сохраняли довольно сильную зависимость от экологических факторов, что препятствовало заметному увеличению их численного состава. Именно поэтому многие тысячелетия для человеческих сообществ было характерно простое воспроизводство населения. И сейчас еще кое-где в мире можно обнаружить подобные примеры "застывших" в своем количественном росте и развитии популяций. Это прежде всего касается регионов с экстремальными природными условиями: субарктического пояса, зоны влажных тропиков, пустынь и высокогорий, а также других территорий, природно-климатические условия которых препятствуют совершенствованию системы хозяйства. Весьма специфическая ситуация сложилась, например, в Австралии. Насколько можно судить по палеонтологическим и палеоботаническим останкам, достаточно богатый в далеком прошлом (примерно 8-10 тыс. лет тому назад) животный и растительный мир этого материка создавал благоприятные условия для существования его жителей. О развитии древних сообществ говорят некоторые дошедшие до наших дней элементы духовной культуры австралийских аборигенов, казалось бы, необъяснимые в рамках современной действительности. Однако происшедшая здесь примерно 7-4 тыс. лет назад крупная экологическая катастрофа - наступление термического максимума, уничтожившего многих представителей древней флоры и фауны и превратившего некогда цветущие равнины в пустыню, - привела к тому, что шансы на выживание получили только небольшие обособившиеся популяции, сама малочисленность которых сдерживала не только естественный прирост, но и развитие их материальной и духовной культуры (31).

Все же случаи крайней степени зависимости от природной среды довольно редки. В отличие от животных человеческие сообщества в своих отношениях с природой, как правило, выступают активной, преобразующей силой. Сугубо демографическое регулирование равновесия со средой, достигаемое за счет изменения численности популяции, является лишь одним, притом далеко не главным способом адаптации. Помимо этого, человеческие популяции располагают еще и возможностью расширения или смены среды обитания за счет разных форм миграций: от простого освоения территорий, непосредственно примыкающих к прежнему ареалу обитания, до переселения на новые, подчас весьма отдаленные от старого места жительства земли, сильно отличающиеся по своим экологическим характеристикам.

Переселение помогает на некоторое время разрешить противоречие между растущей численностью популяции и лимитированным объемом пищевых ресурсов. Однако, как у всякого экстенсивного средства, его возможности ограничены. В этом отношении гораздо более эффективно совершенствование способов жизнеобеспечения популяций вплоть до смены хозяйственно-культурного типа в случае необходимости. Кстати, к этому нередко побуждают и сами миграции, поскольку заставляют приспосабливать хозяйство к изменившимся условиям среды. Поэтому коллективы с гибкой материальной культурой, способные к более быстрой модификации хозяйственных приемов, имеют преимущество перед коллективами с консервативными производственными традициями, стремящимися при всех условиях сохранять хозяйство прежнего типа.

Именно совершенствование способа производства мате-

риальных благ, ведущее к повышению эффективности использования природных ресурсов, делало занимаемые человеком экосистемы более емкими и тем самым создавало реальную возможность для повышения численности (плотности) популяций. По-видимому, потенциальная возможность расширенного воспроизводства населения впервые стала реальностью благодаря так назывемой неолитической революции - смене присваивающего типа хозяйства производящим. О связи между качественным переворотом в экономике и в репродуктивной сфере говорит хотя бы то, что в эпоху палеолита и мезолита, когда люди жили охотой и собирательством, плотность населения была в среднем предположительно менее одного человека на 3 кв.км, а в эпоху неолита она возросла не менее чем в 10 раз.

Наиболее ощутимый качественный скачок в динамике естественного прироста стал возможным благодаря переходу к земледелию, которое обеспечивало значительное увеличение выхода продовольствия с единицы площади. Но не меньшие сдвиги происходили и в этноэкосистемах иного хозяйственно-культурного типа. Так, если расчетная численность "первобытных" охотников на дикого оленя в Северной Евразии, по всей вероятности, не превышала 8,5 тыс. человек (32), то распространение гораздо более продуктивного кочевого оленеводства привело к двух-, трехкратному росту этих популяций, а становление в XУШ-XIX вв. еще более специализированной формы хозяйства - кочевого крупнотабунного оленеводства - сопровождалось дальнейшим ростом численности оленеводов в 1,5-2 раза (33). Таким образом, в человеческих популяциях процессы репродукции определяются не столько самими условиями среды, в частности, естественной динамикой биоресурсов, сколько прежде всего способом взаимодействия со средой, специфическим характером и "полнотой" социально-культурной адаптации каждой популяции к конкретным условиям ее существования. По-видимому, именно этой особенностью во многом объясняется и многообразие режимов воспроизводства населения даже в рамках одной и той же этнической

общности. Из сказанного следует, что репродуктивное поведение человека, в отличие от животных, перестает быть просто реализацией некоей биологически заданной программы, та или иная степень выполнимости которой целиком зависит от внешних условий, и приобретает известную самостоятельность. С одной стороны, это свидетельствует об усилении устойчивости демографических процессов по отношению к действию природных факторов, но с другой - именно это обособление чревато опасностью разлада демоэкологического равновесия, что может наступить из-за несбалансированного численного роста или, напротив, искусственного сдерживания темпов прироста популяции.

Перестав корректироваться внешними факторами, механизм демографической адаптации для успешного функционирования стал нуждаться в регулировании, нацеленном на достижение оптимального режима воспроизводства населения *, что теоретически осуществимо только в обществе, целиком основанном на принципах планомерности. Такая фаза демографического развития пока нигде еще не наступила. Считается, что до настоящего времени человечеством пройдено несколько стадий, различающихся способом поддержания демографического равновесия. Большинство советских и зарубежных ученых различают три типа воспроизводства населения **, соответствующих трем крупным историческим этапам развития хозяйства: а) этапу присваивающей экономики, б) аграрному и в) индустриальному.

* Разумеется, не может существовать единого оптимального режима воспроизводства для всех популяций, так как своеобразие экологических, социально-экономических и культурных условий выдвигает свои, регионально специфические требования к оптимуму населения.

** В советской демографии под категорией типа вопроизводства населения понимается "свойственное данному этапу общественного развития единство интенсивности демографических процессов (смертности, брачности, рождаемости) и механизмов их социального регулирования"(34).

5.Зак.1376

Если на начальном этапе социально-культурный механизм воспроизводства населения подчинялся в основном природно-экологическим требованиям, то последующие этапы характеризуются его переключением преимущественно в сферу социального. Причем сама структура социальных отношений по поводу воспроизводства со временем все более обогащается. Так, в основе традиционного типа воспроизводства населения, повсеместно существовавшего с эпохи неолита вплоть до ХУШ в., еще лежала ограниченность социального выбора индивидуумов, подчиненность их действий, в том числе и репродуктивных, общепринятым нормам, отвечающим объективным социально-экономическим потребностям экстенсивно развивающегося хозяйства. Современный же, или, как его иногда называют, рациональный, тип воспроизводства населения, становление которого еще далеко не везде завершено, связан с переходом к качественно новой модели поведения, основанной на личностном выборе каждого в рамках допустимых возможностей. Параллельно с повышением индивидуальной избирательности репродуктивного поведения и соответственно с усилением роли определяющих его субъективных факторов происходит усложнение демографического механизма адаптации, а следовательно, и самой демоэкологической системы.

Природа и содержание процессов, составляющих суть демографического перехода, различными авторами понимаются по-разному, и их анализ не входит в задачу данной статьи. Применительно к нашей теме достаточно отметить, что концепция демографического перехода пригодна в основном для характеристики стадиальных особенностей демовоспроизводства, обусловленных действием наиболее общих социально-экономических закономерностей. Вместе с тем как всякая обобщенная схема, она не в состоянии объяснить своеобразие режимов воспроизводства множества конкретных популяций, связанное со специфическими условиями существования каждой из них. На наш взгляд, именно эта задача и должна решаться в рамках этнической экологии.

Как показывают исследования, специфика экологической

ситуации в широком смысле нередко оказывается причиной того, что локальные различия демографических параметров проявляются отчетливее стадиальных (35). К примеру, специалистам не раз приходилось замечать, что северные области различных стран не только в природном, но и в социально-экономическом и демографическом отношении зачастую имеют гораздо больше общих черт, чем северные и южные территории одной крупной страны. Многие исследователи народов, населяющих субарктическую зону, склонны даже считать, что "специфика северных экосистем скорее циркумполярная, нежели национальная"(36). Вместе с тем можно привести примеры довольно ощутимых различий в характере воспроизводства у народов, живущих в непосредственной близости друг от друга и выработавших несхожие стратегии жизнеобеспечения, т. е. по-разному адаптированных к природной среде.

В частности, интересные сведения такого рода содержатся в уже упомянутой работе И.И.Крупника, посвященной некоторым вопросам этнической экологии оленеводов и морских охотников арктической зоны (37). Как показано в книге, две главные модели аборигенного жизнеобеспечения в Арктике по-разному реагировали на сходные изменения экологической обстановки. Для оседлого населения, осваивающего приморские экокомплексы, периоды потеплений оказывались в целом более благоприятными, так как были связаны с расширением промысловых угодий и сокращением продолжительности малопродуктивного зимнего сезона. Холодные же фазы приводили к резкому ухудшению условий охоты, голодовкам и обнищанию населения, сокращению его численности. Напротив, для обитателей тундры - кочевых охотников и оленеводов - периоды потеплений совпадали с "минимумами" популяционных циклов дикого оленя, вспышками эпизоотий, усложнением выпаса и восстановления оленьих пастбищ, тогда как похолодания способствовали увеличению поголовья оленей, а значит, и росту благосостояния кочевников, а в конечном счете и их численному росту.

Формирование двух моделей с противоположной реакцией

на изменение условий существования имело, как справедливо отмечает И.И.Крупник, огромное адаптивное значение. Именно "своеобразный перелив населения от кочевой формы хозяйства к оседлой, и наоборот, в зависимости от конкретной динамики экологической и социальной обстановки" способствовал значительному расширению диапазона сохранения демоэкологического равновесия, а значит, и общей устойчивости этноэкосистем.

Поскольку существуют различные варианты хозяйственной и социально-культурной адаптации, закономерно возникает вопрос о возможности их сопоставления и в связи с этим о выборе критериев для оценки жизнеспособности каждой этноэкосистемы. Пытаясь ответить на эти вопросы, мы переходим к изложению третьего из названных нами демографических аспектов этнической экологии.

Многоуровневый характер процесса адаптации, относительная автономность и неодинаковые темпы развития различных его сторон позволяют использовать в качестве критерия его успешности самые разнообразные показатели адаптации, в том числе и специально демографические. Следует только учитывать, что поскольку адаптация представляет собой непрерывно длящийся процесс, невозможно существование якобы всеобщих, вневременных критериев адаптации, - они всегда конкретно-историчны.

Использование в качестве демографических критериев адаптации только показателей рождаемости и смертности явно недостаточно. Действительно, повышенная смертность при относительном равенстве прочих социально-экономических условий отражает худшее состояние здоровья населения и может расцениваться как свидетельство того, что в популяции либо еще не выработалась соответствующая физиологическая приспособленность, либо не созданы надежные социокультурные барьеры, защищающие от неблагоприятного воздействия среды, а возможно, и существуют какие-то вредные для здоровья элементы культуры или быта. Кроме того, в отдельных случаях именно частая смена поколений указывает на активно идущий адаптационный процесс. Так

происходит, например, в начальный период адаптации переселенческих групп к непривычным для них природным условиям, когда усиленное действие естественного отбора приводит к устранению преимущественно слабых индивидуумов и общему понижению среднего возраста умерших. Поэтому оценивая уровень смертности, всегда нужно учитывать, в какой стадии адаптации находится данная популяция.

В отношении же уровня рождаемости однозначная оценка вообще неприемлема. Высказываемое иногда мнение о том, что индивид считается более приспособленным, если он дает большее потомство (38), вряд ли имеет смысл без учета уровня смертности. Ведь нередко сказывается, что максимальная рождаемость является лишь своего рода компенсацией высокой смертности и, следовательно, свидетельствует не столько о хорошей адаптированности популяции к условиям ее существования, сколько о неудовлетворительном социально-экономическом или экологическом положении населения.

Даже такой обобщенный показатель, как средняя продолжительность жизни, может использоваться в качестве критерия успешности адаптации лишь со специальными оговорками, ибо увеличение продолжительности жизни может сопровождаться ростом числа хронических заболеваний, свидетельствующем об ухудшении состояния здоровья населения. То же относится и к другим комплексным статистическим показателям: брутто- и нетто- коэффициентам воспроизводства, а также к потенциалу роста населения как сводной характеристике возрастной структуры. Эти несомнено полезные для получения предварительного представления об особенностях функционирования той или иной этноэкосистемы показатели все же нуждаются в дополнительных качественных критериях.

По-видимому, наилучшим для данной цели является показатель здоровья населения, хотя такой выбор, в свою очередь, влечет за собой новые вопросы. Прежде всего, каково конкретное содержание данного понятия, а также какова мера его оценки? В специальной литературе имеются попытки оценить состояние здоровья населения по некоторым

количественным показателям. Чаще всего для этой цели используется уровень смертности детей как части популяции, наиболее чувствительной к условиям внешней среды (39). Поскольку младенческая смертность на первом году жизни отражает как бы "бесполезную" в плане репродукции часть рождаемости, данный показатель может быть дополнен так называемым редуцированным коэффициентом рождаемости, который определяется на основе разности между общим количеством детей, родившихся живыми, и умершими до достижения годовалого возраста (40).

В некоторых медицинских источниках встречается предложение использовать "индекс здоровья" как показатель средней кратности заболеваний в течение года (41). По мнению В.П.Казначеева, состояние здоровья популяции может быть оценено в человеко-часах активной жизни с учетом коэффициента воспроизводства (42).

По-видимому, в зависимости от наличия тех или иных статистических материалов, а также с учетом специфики ситуации в разных случаях можно пользоваться любым из этих показателей, помня при этом, что количественная оценка здоровья должна сочетаться с критерием его социальной однородности, отражающим степень дифференциации здоровья в различных группах и социальных слоях общества. Вместе с тем вне всякого сомнения здоровье населения - отнюдь не только медицинская или демографическая категория. В уставе Всемирной организации здравоохранения здоровье трактуется в широком смысле как "состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствия болезней или физических дефектов".

В рамках комплексного экологического подхода понятия "здоровье населения" и "успешная адаптация" тесно сближаются, ибо адаптация есть не что иное, как "процесс обеспечения биопсихосоциальной целостности" человека и популяции (43). При таком понимании экологическое благополучие, незагрязненная окружающая среда, бережное сохранение естественных ландшафтов, а также пространств, обеспечивающих возможность общения с природой, уединения и

отдыха, являются необходимыми компонентами здоровья общества. Кроме того, нужно отметить, что в наше время здоровье популяции уже перестает определяться только элементами этноэкосистемы низкого ранга, поскольку большинство экологических факторов приобрело глобальный характер.

Коснувшись экологического аспекта здоровья, нельзя не упомянуть о его связи с духовной жизнью и творческими потенциями людей. Как верно заметил В.П.Алексеев, "биосфера - не только источник жизни для человека в прямом, самом непосредственном смысле слова, источник пищи... но и могучий стимул самого сокровенного, что есть в человеке, - его творческой энергии, его образно-познавательной деятельности"(44). Более того, природе человека (как отдельного индивидуума, так и общества в целом) присуще стремление к у л у ч ш е н и ю своей жизненной среды, не ограничивающееся рамками материального обмена, но предполагающее реализацию потребностей в творческом совершенствовании и росте, в развитии духовного взаимодействия с окружением. Поэтому оптимальным вариантом адаптации популяции можно считать лишь тот, при котором обеспечивается "поддержание внешних условий для бесперебойной д и н а м и к и общества, для творчества людей и в последующих поколениях"(45).

К не менее важным характеристикам здоровья относятся и такие его субъективные элементы, как чувство оптимизма, благополучия, радости жизни, желания деятельности и т.п., без которых человеческое существование кажется неполным (46). Все названные элементы составляют необходимое дополнение к демографическим показателям, характеризующим оптимальную численность и структуру населения. Как следует из всего сказанного, они должны отвечать не только высокому уровню материального благосостояния, но и обеспечивать должный уровень здоровья популяции, понимаемый в широком смысле как "состояние деятельности, воспроизводящей необходимую полноту человеческой жизни"(47).

Параллельно с критериями успешной адаптации целесооб-

разно учитывать и противоположные им "индикаторы адаптационных перегрузок" (48) – от самых явных: повышенной смертности, заболеваемости, нетрудоспособности и т.п., которые являются явными симптомами дезадаптации, до наиболее завуалированных, проявляющихся в девиантном поведении и соответствующих установках. При этом важно установить тот предел, начиная с которого неблагоприятное воздействие среды оказывается столь сильным, что блокирует возможность ответной реакции индивидуума. В результате человек утрачивает способность к дальнейшей социальной адаптации и, пройдя через стадии утомления и изолированности, оказывается в состоянии полной апатии или стресса (49).

Демографические критерии адаптации необходимы, в частности, при ответе на вопрос, какой должна быть оптимальная численность и структура населения в данной этноэкосистеме и соответственно каков оптимальный режим воспроизводства? Разумеется, решение этого вопроса не может быть только количественным и вообще однозначным. Множественность критериев адаптации, о чем говорилось выше, предполагает возможность их разной иерархии в зависимости от того, какая цель общественного развития является наиболее предпочтительной в данных условиях и на конкретном историческом этапе. К примеру, стремление к достижению долголетия может не сопровождаться желанием максимизировать богатство, а ориентация преимущественно на повышение культурного уровня потребует своего оптимума населения, отличного от оптимума благосостояния. Совершенно иным будет оптимальное население в случае выдвижения цели военного могущества и т.д. (50).

Понятие "оптимального населения" и соответствующего ему режима воспроизводства выполняет роль своеобразного ориентира при разработке демографической политики как особого социального инструмента, направленного на достижение социально-экологической гармонии.

Рассмотренные вопросы методологического характера приобретают большую практическую значимость в связи с

освоением людьми новых "экологических ниш", будь то заселение новых территорий, диктующее необходимость хозяйственно-культурного и физиологического приспособления к непривычным природным условиям, или же адаптация к новой социальной среде, что вызывает порой не менее сложные проблемы. Причем последние далеко не всегда являются следствием миграции в удаленные районы. Примером того, какие серьезные адаптационные трудности могут порождать некоторые социальные процессы, служит урбанизация. Многие авторы справедливо рассматривают ее как длительный процесс глобальной адаптационной перестройки, затрагивающей буквально все сферы жизни людей, включая и репродуктивную.

Процессы адаптации особенно усложняются в тех случаях, когда одновременно с перемещением на новую территорию этнические группы попадают в незнакомую этнокультурную среду. Как правило, в данной ситуации перед всякой этнической группой поначалу встает задача, порой даже не вполне осознаваемая, сохранения своей целостности и этнокультурного единства, основой чего является прежде всего обеспечение нормального, а по возможности расширенного воспроизводства населения. Лимитирующими факторами данного процесса могут служить: с одной стороны, численность и демографическая структура самих мигрантов, поскольку от этого в первую очередь зависят репродуктивные возможности популяции, а с другой – влияние непривычных природно-экологических и социальных условий на здоровье. Важность именно этого аспекта доказывается многими историческими примерами, когда неполноценная биологическая и демографическая адаптация оказывались причиной последующей деградации хозяйства переселенческой группы и ее ассимиляции местным населением.

Л и т е р а т у р а

1. Подробное обоснование предмета этнической экологии содержится в статье: К о з л о в В. И. Основные проблемы этнической экологии // Сов. этнография. 1983. N 1. С.3-16.

2. Понятие этноэкосистемы впервые введено в научный оборот И.И.Крупником. См.: К р у п н и к И. И. Факторы устойчивости и развития традиционного хозяйства народов Севера: (К методике изучения этноэкологических систем): Автореф. дис.... канд. ист. наук. М., 1977.

3. М а р к а р я н Э. С. Экология общества и культура // Экология человека: Основные проблемы. М., 1988. С.64.

4. Подробнее об этом см.,например: Х а р р и с о н Д ж. и др. Биология человека. М., 1968. С.384-390.

5. См.: Г а в р и л о в Л. А., Г а в р и л о в а Н. С. Биология продолжительности жизни: Количественные аспекты. М., 1986. С.69-70.

6. Подробнее см.: К о з л о в В. И. Этническая демография. М., 1977. С.175; С о в и А. Общая теория населения. М., 1977, Т.2. С.151-152; Х а р р и с о н Д ж. и др. Биология человека. С.392-397.

7. К подобному заключению подводят, в частности, работы биологов Л.А. и Н.С. Гавриловых, которым благодаря применению метода кинетического анализа смертности на конкретном статистическом материале по многим странам удалось установить факт существенной этнорегиональной изменчивости биологической составляющей смертности человека. См.: Г а в р и л о в Л. А., Г а в р и л о в а Н. С. Биология продолжительности жизни... С.63-77.

8. См.: Б о р и с о в В. А. Перспективы рождаемости. М., 1976. С.33-34; Б у н а к В. В. Род Homo, его возникновение и последующая эволюция. М., 1980. С.181; С о в и А. Общая теория населения. Т.2. С.158.

9. А л е к с е е в а Т. И. Географическая среда и биология человека. М., 1977. С.147, 164.

10. Б о р и с о в В. А. Перспективы рождаемости. М., 1976. С.40-43.

11. А л е к с е е в а Т. И. Географическая среда ... С.148-150.

12. Сходная формула приводится в работе известного французского демографа А.Сови. См.: С о в и А. Общая теория населения. Т.2. С.136.

13. См.: К о з л о в В. И. Этническая демография. М., 1977; К о з и н ц е в А. Г. Переход к земледелию и экология человека // Ранние земледельцы: Этнограф. очерки. Л., 1980. С.6-33.

14. С а к а м о т о - М о м и я м а. Сезонность и смертность человека. М., 1980. С.70-73.

15. R o d r i g u e z C. S., B o n g i o v a n n i A. M., C o n g e d e B o r r e g o L. Effect of environment hormonal confamination in Puerto Rico // Estrogens Env. II. Influences Dev. Proc. Symp., Raleigh, Apr. 10-12. N.Y., 1985.

16. C a r r - S a u n d e r s A. M. The Population problem: aA study in human evolution. Oxford, 1922.

17. В о е й к о в А. И. Распределение населения Земли в зависимости от природных условий и деятельности человека. СПб, 1911.

18. А л е к с е е в В. П. Антропогеоценозы - сущность, типология, динамика // Природа. 1975. N 7.

19. К р у п н и к И. И. Древние поселки и демографическая история азиатских эскимосов Юго-Восточной Чукотки (включая о-в Святого Лаврентия) // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М.,1981. С.97-118; К о з и н ц е в А. Г. Переход к земледелию и экология человека // Ранние земледельцы: Этнографические очерки. С.6-33; К о с а р е в М. Ф. О причинах и социальных последствиях древних миграций в Западной Сибири // Сов. археология. 1972. N 4; П и к а А. И. Гомеостаз в демографической истории народов Севера (XYII-XIX вв.): Реальность или иллюзия? // Сов. этнография. 1986. N 3.

20. В и ш н е в с к и й А. Г. Демографическая революция. М., 1976; О н ж е. Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее. М., 1982; О н ж е. Демографические аспекты экологии человека: Основные проблемы. М., 1988.

21. А н д р е е в Е. М., Ч е р н о с в и т о в П. Ю. Взаимосвязь экономических и демографических процессов. (Опыт исторического исследования) // Познание исторического процесса в археологии. М., 1988.

22. В этом отношении мы присоединяемся к мнению А.Сови, который в своем классическом труде "Общая теория населения", касаясь проблемы оптимальной численности населения, считал целесообразным "возможно дольше продолжить исследование, применимое к условиям любого экономического и социального строя". См.: С о в и А. Общая теория населения. Т.1. С.104.

23. См.: С и м ч е н к о Ю. Б. Культура охотников на оленя Северной Евразии. М., 1976. С.81-84.

24. См.: К р у п н и к И. И. Древние поселки и демографическая история азиатских эскимосов... С.112.

25. Б у н а к В. В. Род Homo... С.204.

26. Для популяции численностью около 500 человек Бердсел считал применимым уравнение $Y = 7112{,}8X - 1{,}58451$, где Y - размер площади, занимаемой данной популяцией, а X - среднегодовое количество осадков.См.: B i r d - s e l l I. B. A basic lemographic unit // Current Anthropol. 1973. Vol.14. N 4. P.337-356.

27. G a l l e O. R., G o v e W. R., M c P h e r - s o n I. M. Population density and pathology // Science. 1972. Vol.176. N 4030.

28. В и ш н е в с к и й А. Г. Воспроизводство населения и общество. С.62.

29. Обзор см.: Х а р р и с о н Д ж. и д р. Биология человека. С.415.

30. Подробнее см. : А н д р е е в Е. М., Ч е р н о с в и т о в П. Ю. Взаимосвязь экономических и демографических процессов... С.87-90.

31. См.: И т с Р. Ф. Этнокультурное развитие во внешних и внутренних изолятах // IX Межд. конгресс антропол. и этнограф. наук. Чикаго. Сент. 1973.

32. С и м ч е н к о Ю. Б. Культура охотников на оленя... С.82.

33. К р у п н и к И. И. Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых ненцев // Сов.этнография. 1976. N 2.

34. Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С.115.

35. На это, в частности, указывает и А.Г.Козинцев, специально занимавшийся рассмотрением данного вопроса на примере некоторых традиционных культур. См.: К о з и н ц е в А. Г. Переход к земледелию и экология человека.

36. Р у т с Э. Ф. Северная научная сеть: региональное сотрудничество в целях развития исследований и охраны природы // Природа и ресурсы / ЮНЕСКО. М., 1985. Т. XXI, N 2 (Апрель-май-июнь). С.3.

37. К р у п н и к И. И. Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., 1989.

38. Б а р б а ш о в а З. И. Человек и биосфера // Человек и среда обитания. Л., 1974. С.136.

39. П р о х о р о в Б. Б. Экология человека и изучение региональных проблем социально-демографического развития. М.,1987. С.17-18.

40. С о к о л о в а Н. С. О влиянии детской смертности на динамику рождаемости // Сов. здравоохранение. 1967, N 2.

41. М е д я н и к Р. Мероприятия по снижению смертности детей в Украинской ССР // Вопросы населения и демографической статистики. М., 1966; И г н а т ь е в а Р. К., Д а у е в а С. Н. Динамика заболеваемости детей на 1-ом году жизни // Сов. здравоохранение. 1986, N 9.

42. К а з н а ч е е в В. П. Биосистема и адаптация. Новосибирск, 1973.

43. М е г р а б я н Б. В., К а д ж а н я н М. Г. Социоэкологические аспекты изучения проблем адаптации человека // Проблемы социальной экологии: Тез. докл.I Всесоюз. конф. Львов. 1-3 окт. 1986. Львов, 1986. Ч.2.

44. А л е к с е е в В. П. Становление человечества. М., 1984. С.452.

45. М е д в е д к о в Ю. В. Среда обитания и экология человека //Человек и среда обитания. Л., 1974. С.151.

46. См.: Ц а р е г о р о д ц е в Г. И. Социальная обусловленность здоровья человека // Общество и здоровье человека. М., 1973. С.10.

47. Ж и р н о в В. Д. Социальная природа человека и специфика медицинских знаний // Общество и здоровье человека. М., 1973. С.42.

48. М е д в е д к о в Ю. В. Среда обитания... С.154.

49. Подробнее см.: Д ю б о Р. Экология человека // Хроника ВОЗ. 1969. N 11. С.513.

50. Подробнее см.: С о в и А. Общая теория населения. Т.1. С.100-102.

Н. А. Д у б о в а

БИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ

Экология - наука, изучающая условия существования живых организмов и взаимосвязи между ними и окружающей средой, в которой эти организмы обитают. Обычно в этой науке выделяют три раздела - факториальную экологию (взаимоотношения отдельных представителей вида с окружающей их средой), популяционную экологию (изучение пространственной структуры популяций (1), их генетического состава,механизмов динамики численности, соотношения разных возрастных групп) и биогеоценологию (исследование взаимоотношений между особями, относящимися к разным популяциям данного биогеоценоза, а также между ними и окружающей средой.

Каждый биологический вид и каждая популяция, входящая в тот или иной вид, занимает свою экологическую нишу, выйдя за рамки которой он вынужден изменять общий тип взаимодействий, сложившихся в природе. Такой переход организмов из одной ниши в другую сопровождается изменениями поведения и образа жизни и отбором наиболее приспобленных.

Для вида Homo sapiens, как хорошо известно, экологической нишей является, по существу, весь земной шар, при

освоении которого он создает новые искусственные ниши, оптимально комфортные для него как биологического существа. Исследователи отмечают, что человеку по сравнению с другими биологическими видами свойственны небольшие биологические адаптационные возможности. И поэтому основной упор при занятии новых ниш человек вынужден делать на приспособлении природных условий к себе путем социокультурных перестроек (2). Факты, частично противоречащие этому утверждению, будут приведены ниже, но безусловно, что роль социокультурных факторов в адаптации весьма велика. Поэтому в применении к человеку, кроме трех перечисленных разделов, в экологии выделяют и специальную – социальную экологию, давая, правда, ей самые разнообразные определения. Например: "социальная экология – это наука о природной среде, окружающей общество", но она "выделяет в окружающей среде искусственные элементы и описывает их взаимосвязь с естественными процессами"(3).

Часть исследователей ставит знак равенства между экологией человека и социальной экологией, считая, что эта наука "должна в конце концов стать синтетической общественной наукой – "социально-экономической экологией человека"(4). Другие полагают, что экологию человека необходимо рассматривать в двух аспектах – биологическом и социальном (5). Существуют крайние точки зрения, которые, например, отождествляют всю экологию человека с наукой о гражданском строительстве, так как жилище служит для человека окружающей средой большую часть жизни (6).

Не ставя своей целью какой-либо обзор современных подходов к экологии человека, тем более что это уже было сделано не однажды (7), приведу формулировку, которая, на мой взгляд, наиболее полно отражает сущность этой отрасли знания. Экологию человека целесообразно рассматривать "как ассоциацию соответствующих разделов медико-биологических, географических, исторических и общественных наук, которые в ее рамках изучают взаимоотношения групп населения с окружающей средой и ее географическими подразделениями (эколого-экономическими регионами) и в связи с этим числен-

ность, бытовые и культурно-производствееные навыки, производственные и бытовые условия жизни, состояние здоровья населения, обусловленные влиянием окружающей среды"(8).

В рамках такого понимания экологии вполне логично выделение самостоятельного направления – этнической экологии, задачами которой является комплексное изучение "традиционных систем жизнеобеспечения этнических групп и этносов в целом в природных и социально-культурных условиях их обитания, а также влияния сложившихся экологических взаимосвязей на здоровье людей; изучение специфики использования этносами природной среды и их воздействия на эту среду, традиций рационального природопользования, закономерностей формирования и функционирования этноэкосистем" (9). Главной задачей всей системы жизнеобеспечения любой общности людей, в том числе и этнической, безусловно является создание условий для сохранения здоровья каждого члена этой общности. Это достигается и выбором удобного места жительства, и его пространственным использованием, и созданием комфортного жилища, а также одежды, соответствующей климату данного места, и рациональным использованием пищевых ресурсов, и способами приготовления пищи и т.д.

Несмотря на то что этническая группа обычно за несколько поколений вырабатывает оптимальную форму такой системы, приспособленную к данным условиям, все же изменения, например, климата (особенно в районах слабо развитых экономически, а следовательно, и технологически) сильно сказывается именно на состоянии здоровья. Так, например, в развивающихся странах на первом месте по распространенности среди причин смерти стоят "климатические". Второе место занимает количество и качество питания и только третье – инфекции (10). Последние же в развивающихся странах являются причинами около 40% всех зафиксированных смертей (11).

В то же время все более и более становится ясным, что "социальные и экономические изменения оказывают по меньшей мере столь же серьезное влияние на здоровье людей, как и медицинское вмешательство"(12). Особенно это харак-

терно для индустриально развитых стран, в частности, многочисленные исследования, проведенные в США, свидетельствуют, что потеря работы, статус безработного четко коррелируют с повышенной заболеваемостью. Считается доказанным что распад семьи примерно в 10 раз увеличивает показатель заболеваемости супругов в первый год после развода (13). Более того, согласно результатам национального обследования отношения людей к собственному здоровью, проведенного в 1982 г. также в США, установлено, что мужчины и женщины, чьи родители были разведены, чувствуют себя менее здоровыми, чем выросшие в прочных семьях (14). У холостых мужчин и женщин черных карибов, например, артериальное давление больше, чем у тех, кто состоит в браке; у мужчин, не посещающих церковь, - больше, чем у посещающих (15).

Факторный анализ, проведенный по результатам исследования влияния социально-экономических условий на ростовые процессы детей в Мексике, показал, что наибольшее влияние на физическое развитие детей оказывает способ приготовления пищи (мелкими или крупными кусочками), а на их смертность - уровень образования матери. Образование матери оказывает большое влияние и на многие биологические показатели ребенка(16). Число таких примеров можно значительно увеличить. В целом же надо сказать, что в настоящее время на состояние здоровья населения "максимальное влияние оказывает дезорганизация ближней социальной среды" (17).

Не лишним будет отметить, что не только социальная среда влияет на биологические характеристики человека, но и те, в свою очередь, обусловливают определенные формы социальных характеристик той или иной группы. Так, например, одной из характерных особенностей традиционного питания южноевропеоидного населения, в частности на Кавказе, является использование большого числа острых приправ. В то же время, как было показано в работе А.И.Дубова, именно южные европеоиды (азербайджанцы и абхазы) показали наименьшую вкусовую чувствительность (к горькому, соленому, кислому и сладкому), по сравнению с европеоидами средней полосы России (русские), и монголоидами (калмыки, корейцы).

Интересные выводы получены в лаборатории экологии Музея в Бранси (Франция) при изучении порогов вкусовой чувствительности к сахарам, соли, органическим кислотам и ряду горьких соединений у пигмеев и непигмеев Судана, а также у эскимосов при учете их традиционного статуса питания (18). Авторы полагают, что биохимический состав среды служит основным элементом отбора в отношении интенсивности и особенностей вкусового восприятия. Не исключено также, что группы, имеющие генетически закрепленную пониженную вкусовую чувствительность к определенным веществам, в соответствии с этим формируют и свое традиционное меню.

Две подобные гипотезы существуют и по поводу происхождения взрослой невосприимчивости к лактозе, т. е. нарушению усвоения молока и молочных продуктов в возрасте старше 15 лет (например, у китайцев): 1) культурно-историческая и 2) генетическая, подразумевающая нарушение физиологии усвоения Са. Сформулирована и компромиссная культурно-генетическая теория, которая утверждает, в частности, что в ранних популяциях человека большинство, по-видимому, не воспринимало молоко во взрослом состоянии, а генетические изменения могли наступить при естественном отборе по этой характеристике в течение приблизительно 6000 лет с начала употребления молока взрослыми в пищу(19). Понятно, что вопрос о взаимовлиянии биологических и социально-культурных факторов требует своего дальнейшего фундаментального рассмотрения. Думается, все вышесказанное показывает необходимость серьезного анализа биологических характеристик в связи с социально-культурными при изучении традиционных систем жизнеобеспечения тех или иных общностей людей, в частности этнических.

Соотношение понятий "этнос", "раса", "популяция" обсуждалось в литературе неоднократно (20). В последующем изложении я исхожу из того, что любая этническая группировка представляет собой большую популяцию или систему малых популяций, являющихся представителями одного или нескольких антропологических типов или малых рас. Малочисленная этническая группа, занимающая ограниченную климатогеографическую зону, при условии, что все популяции

6.Зак.1376

ее формирующие, имеют общую историю сложения, должна быть относительно однородна по своим биологическим характеристикам. Поэтому индивидуальная (внутрипопуляционная, в данном случае и внутриэтническая) изменчивость антропологических признаков в ней подчиняется законам нормального распределения. Совершенно понятно, что таких однородных и малочисленных этнических групп очень мало. Прежде всего в разных частях ареала распространения более или менее крупного этноса климатогеографические условия значительно различаются.

Если даже не приводить в пример такие многочисленные этнические формирования, как китайцы, хиндустанцы, американцы, русские, бразильцы и японцы, а обратить внимание хотя бы на значительно более компактно расселенных и меньших по численности таджиков, то совершенно ясно, что условия окружающей среды, в которых обитают территориальные группы, входящие в их состав, весьма различны, ведь ареал их расселения охватывает горные хребты Каратегина, Дарваза, Зеравшана и предгорья Туркестанского и Гиссарского хребтов, Ферганскую долину, окраины песчаной пустыни в Бухарской области, степи правобережья Сырдарьи и т.д. Группы популяций, находящихся в близких условиях, например в высокогорье, будут значительно отличаться по своим морфофизиологическим показателям от тех, которые живут в аридной зоне, и от жителей долин. К этому надо добавить и различия в истории формирования таджиков разных регионов, в результате чего одна часть их является прямыми потомками древнейшего земледельческого населения данной территории, другая - впитала в себя не менее древнее ираноязычное население степей севера Средней Азии; в состав третьей вошел значительный компонент пришедших сюда тюркоязычных кочевников и т.п. (21).

Поэтому изменчивость биологических характеристик, соответствующая кривой Гаусса, может сохраняться лишь на внутрипопуляционном уровне. Внутриэтническая (межпопуляционная) вариация антропологических особенностей в этом случае будет слагаться из значительно отличающихся друг

от друга морфофункциональных комплексов признаков, распространенных в различных частях ареала, и совершенно не обязательно будет соответствовать нормальному распределению. Это не мешает всем территориальным группам, входящим в состав этноса, относиться к одному расовому типу, также как и к различным. Поэтому-то, говоря об экологии той или иной этнической группы, мы, безусловно, должны прежде всего представлять ее структуру, историю сложения, стараться понять, когда она будет функционировать и изменяться как единое целое, а в каких случаях отдельные части общности будут достаточно самостоятельными.

Экологию любой биологической и социальной общности невозможно исследовать, не введя понятия адаптации. При самом общем подходе адаптация рассматривается как процесс, ведущий к увеличению вероятности выживания и репродукции, а также к достижению соответствия оптимумов жизнедеятельности новым условиям среды (22), или же как совокупность реакций живой системы, поддерживающих ее функциональную устойчивость при изменении условий обитатания (23).

Каждое этническое формирование отличается своим механизмом обеспечения функциональной устойчивости, своим путем создания комфортных условий жизни (жилище, одежда, пища), выхода из различных стрессовых ситуаций (обряды, стереотипы поведения), что и является объединяющими группу элементами. Но в то же время, как это было уже показано, данные социальные факторы не снимают необходимости биологических перестроек - приспособления популяций к условиям окружающей среды. Следствием различий по генофондам между этническими группами является и своеобразие резервов адаптивной изменчивости, способности к адаптации каждой из них. Как хорошо известно, любая антропологическая совокупность (в том числе и этническая) многомерна, имеет свою иерархию структурных элементов и их распределения (24).

В наиболее общем виде эта структура может быть выражена в выделении индивидуального (онтогенетического), популяционного и антропогеоценотического уровней. Механизм адаптации на каждом из уровней своеобразен. Приспо-

собление на уровне биоценозов заключается в смене видов доминантов (перестройки типа экологических сукцессий); на уровне популяций - в избирательной репродукции генотипов (перестройки генотипов и генофонда); на уровне особи, индивидуума - в биохимической, физиологической, поведенческой адаптации (перестройки в пределах нормы реакции).

Наиболее изученными в настоящее время являются процессы индивидуальной адаптации. По сути говоря, любое изменение условий среды (будь то колебания температуры, влажности воздуха, господствующих ветров и т.д. в зависимости от времени года, а также успехи или неудачи в спорте, трудовой деятельности, семейной жизни, смена места жительства и пр.) является стрессогенным фактором, если под стрессом вслед за Г.Селье понимать "неспецифический ответ организма на любое предъявляемое ему (организму) требование"(25). Более того, в последние годы показано, что даже минимальное воздействие на организм, которое не представляется стрессогенным, способно запустить нейроэндокринные механизмы, предназначенные для выживания организма в экстремальных условиях. Примерами подобных воздействий могут быть физическая нагрузка или эмоциональное возбуждение(26).

Поскольку большинство факторов внешней среды (хотя бы приведенные выше) имеет свои ритмы изменчивости, важное значение для успешности постоянной адаптации индивидуума имеет соответствие его внутренних биоритмов внешним раздражителям (27). Можно сказать, что биоритмы являются инструментом поддержания качественной устойчивости живой системы, а процесс адаптации заключается в постоянном приведении в соответствие эндогенных ритмов с экзогенными (28). Каждый из ритмов, выделенных в организме и направленных на синхронизацию жизненных процессов с каким-либо фактором среды, являет собой приспособление к циклическим изменениям этого стрессора. Важнейшую роль приобретают в этой ситуации регуляторные механизмы.

Можно выделить несколько стадий адаптации: 1)срочная; 2) переход срочной в долговременную; 3) сформировавшаяся долговременная и в том случае, если стрессогенное воздей-

ствие среды сохраняется, а сформировавшиеся долговременные изменения в организме недостаточны для его компенсации; 4) истощение (29). Первоначальной реакцией индивида при срочной адаптации на любые факторы (внутренние, биологические или социальные) является эмоциональная оценка их действия. Такая оценка, важность которой подчеркивается психологическими исследованиями, весьма индивидуальна и основана на предыдущем опыте человека, генетической предрасположенности и индивидуальной чувствительности (уязвимость, ранимость) организма (30). Вслед за этим возможны несколько вариантов поведенческой реакции, в основе которых лежат разные физиологические механизмы. Первый из них, получивший условное название "борьба", заключается в проявлении смелости, хвастовства и агрессивности в достижении цели. Во втором случае личность может как бы уходить от действительности, отменять свои решения, может отмечаться чувство страха, возбуждение-реакция "бегство". Наконец, у индивидуума может проявляться беспомощность, повиновение действующей силе, подавленность, угнетенность, высокий уровень тревожности-"депрессия". Не только эмоциональный, но и физический ответ на воздействие стрессора также достаточно индивидуален.

Работами физиологов, проведенными под руководством К.В.Судакова, которые основаны на теории функциональных систем, предложенной П.К.Анохиным, показано, что реакции кровеносных сосудов в одной и той же эмоционально-конфликтной ситуации у разных индивидуумов обладают определенной специфичностью. Обнаружена индивидуальность и физиологических изменений, сопровождающих сосудистые реакции (31). Тот или иной вариант стратегии поведения при действии стрессора индивид выбирает прежде всего в зависимости от порога чувствительности (который весьма индивидуален) к различным веществам, вырабатываемым самим организмом, в первую очередь к так называемым нейромедиаторам. Наиболее важные из них, играющие главную роль в происхождении эмоциональных расстройств, это - ацетилхолин и катехоламины. Преобладание первого вызывает депрес-

сивные явления, а вторых – маниакальные симптомы. Ацетилхолин является уникальным для организма животных и человека веществом, которое может в зависимости от концентрации и стимулировать, и тормозить действие одних и тех же реагентов (таких, например, как норадреналин и адреналин). Он одновременно действует на сердечно-сосудистую, поведенческую, эмоциональную и нейроэндокринную системы (одним из звеньев последней системы являются железы внутренней секреции, в частности, кора надпочечников), а также на систему, вызывающую состояние обезболивания (32).

Следует подчеркнуть, что не менее важное значение, чем физиологические механизмы в выборе стратегии поведения кроме личного опыта, которым обладает индивид, имеют стереотипы поведения, обряды, выработанные этнической общностью. Важно также обратить внимание на то, что в ходе эволюции высших животных к физиологической альтернативе "борьба или бегство" добавилась новая реакция, которая имеет тесные взаимоотношения с социальными условиями жизни. Сущность этой реакции состоит в том, что механизм обеспечения готовности энергетических ресурсов организма к дальнейшей продолжительности стресса (важным звеном механизма является повышение секреции некоторых гормонов передней доли гипофиза, а под их воздействием и гормонов коры надпочечников) включается в том случае, когда принято решение не реагировать на стрессорный вызов борьбой или бегством, а следовать третьей альтернативе. В социальной ситуации третий вариант крайне необходим. Он включает в себя подчинение требованиям доминанта и подавление предыдущих типов поведения. В конфликтной ситуации вместо проявления агрессивности или бегства индивид может больше выиграть от повиновения и даже от депрессии, связанной, в частности, с потерей власти. Депрессированный индивид с активизированной нейроэндокринной системой больше не конкурирует с другими, но ощущает неприятность фрустрации (крушение надежд). Он быстрее, чем другие члены общности, находящиеся в нормальном, ненапряженном состоянии, обучается новому поведению. Приобретенные новые навыки позволяют ему избежать смертельного исхода вследствие открытого неповиновения доминирующей силе или ситуации. Благодаря повиновению индивид может остаться в общине и впоследствии повысить свою значимость в ней, а посредством этого продолжать добиваться желанных целей (33).

Казалось бы, весьма далекое от темы этнической экологии физиологическое отступление тесно переплетается с конкретными исследованиями русских старожилов в Азербайджане. В предыдущей нашей совместной работе (34) затрагивался вопрос о возможности выборочного выселения более массивного по конституции населения из Центрально-черноземных районов в Закавказье. Что касается увеличения размеров головы и тела переселенцев, то в связи с описанными выше механизмами следует подчеркнуть, что среди гормонов передней доли гипофиза, выделение которых стимулируется психосоциальными раздражителями, одно из мест занимает соматотропный гормон или гормон роста (35). Увеличенная продукция именно его, вероятно, и усиливает ростовые процессы у мигрантов. Понятно, что этот вопрос требует особого, тщательного анализа. Специфичность же переселившегося населения по присущим им физиологическим механизмам (выбор стратегии поведения) вполне может быть принята, хотя бы в качестве рабочей гипотезы. Действительно, верующие молокане, духоборы, субботники и другие сектанты были поставлены царской властью перед выбором: принять православие или под страхом наказания сменить место жительства. Часть их изменила веру, часть – переехала в Таврическую губернию, а третья часть – внешне подчинилась новой религии, но сохранила втайне свою старую веру, о чем косвенно свидетельствует сохранение некоторого числа верующих молокан и духоборов в селах Тамбовской и Воронежской областей и в настоящее время (36).

В современной литературе, посвященной проблемам биологической адаптации на индивидуальном, онтогенетическом уровне, имеются исследования, несколько с других сторон

освещающие этот вопрос. Так, например, многочисленными работами группы ученых под руководством В.П.Казначеева показано, что выбор индивидуумом стратегии срочной и длительной адаптации зависит от типа его конституции - тесно связанных между собой морфоструктурных и функциональных показателей. Выделено три таких типа. "Первый, пишет В.П.Казначеев, - способность индивида хорошо выдерживать воздействие кратковременных и сильных нагрузок, но неспособность противостоять длительно действующим слабым раздражителям. Второй - способность сохранять высокий уровень устойчивости при длительном воздействии слабых по силе раздражителей и крайняя неустойчивость перед сильными кратковременно действующими раздражителями. Третий (промежуточный) - способность сочетать в своих реакциях на внешние раздражители не всегда дополняющие (чаще недополняющие) друг друга черты реакции индивида, присущие первому и второму типу реагирования" (37).

Исследования В.В.Аршавского по приспособленности населения к условиям Северо=Востока Азии показали, что успешность адаптации в значительной степени определяется типом межполушарного реагирования - доминирование или большие возможности включения и использования функциональных систем правого (связанного с пространственно-образным типом переработки информации) либо же левого (связанного с вербальным типом) полушарий головного мозга (38). Описаны группы лиц (адаптивная и с пониженным уровнем адаптации), характеризующиеся разным способом организации нервных процессов, устойчивостью и реактивностью, определяемой по электроэнцефалограммам (39).

Обобщая, отмечу главное: чем более полиморфны по своим реакциям на среду, по адаптивным стратегиям индивидуумы, являющиеся членами той или иной популяции, тем более успешно популяция в целом может реагировать на изменения условий, тем сильнее увеличивается ее (популяционная) экологическая пластичность (40). Думается, что не исключен и второй путь стратегии адаптации на популяционном уровне - отбор индивидов, характеризующихся более

пластичной формой индивидуальной адаптации. Об этом, в частности, свидетельствуют данные, приводимые в цитированных выше работах В.В.Аршавского с коллегами. По их данным на Северо-Востоке страны идет отбор на более адаптивный правополушарный тип реагирования. Кроме того, показано, что в процессе адаптации на Севере происходит уменьшение иммунного и параллельно генетического разнообразия.

Каковы же критерии успешности адаптации группы? Одним из таких показателей принято считать оценку состояния физического здоровья населения. Под "здоровьем" понимается "процесс социально-исторического развития биологической и психосоциальной жизнеспособности населения в ряду поколений, повышения трудоспособности населения в производительности коллективного труда, роста экологического доминирования, совершенствования вида Homo sapiens"(41). Как правило, ведущими критериями состояния здоровья группы людей являются виды и количество тех или иных заболеваний (острых и хронических) (42), физическое развитие и другие санитарные и демографические (рождаемость, смертность) показатели. В результате группы населения, выделяемые по территориальному признаку, характеризуются за определенный период среднестатистическим соотношением практически здоровых людей и больных острыми и хроническими болезнями, а также числом родившихся и умерших (43).

Но тут же возникает проблема определения понятия "практически здоровый". Даже наличие у индивида инфекционного или простудного заболевания, травм, части наследственных заболеваний диагностируется не всегда без особых сложностей. Что же касается функциональных расстройств, нарушений обмена веществ, то в этих случаях граница между патологическими состояниями и нормой крайне неопределенна. Так, например, невропатолог, оценивая неврологический статус индивида, обычно всегда фиксирует, пусть слабое, но развитие какого-либо заболевания. Несколько в меньшей степени это касается физиологических показателей крови. Но при широком белковом полиморфизме и здесь возникает

освещающие этот вопрос. Так, например, многочисленными работами группы ученых под руководством В.П.Казначеева показано, что выбор индивидуумом стратегии срочной и длительной адаптации зависит от типа его конституции - тесно связанных между собой морфоструктурных и функциональных показателей. Выделено три таких типа. "Первый, пишет В.П.Казначеев, - способность индивида хорошо выдерживать воздействие кратковременных и сильных нагрузок, но неспособность противостоять длительно действующим слабым раздражителям. Второй - способность сохранять высокий уровень устойчивости при длительном воздействии слабых по силе раздражителей и крайняя неустойчивость перед сильными кратковременно действующими раздражителями. Третий (промежуточный) - способность сочетать в своих реакциях на внешние раздражители не всегда дополняющие (чаще недополняющие) друг друга черты реакции индивида, присущие первому и второму типу реагирования" (37).

Исследования В.В.Аршавского по приспособленности населения к условиям Северо=Востока Азии показали, что успешность адаптации в значительной степени определяется типом межполушарного реагирования - доминирование или большие возможности включения и использования функциональных систем правого (связанного с пространственно-образным типом переработки информации) либо же левого (связанного с вербальным типом) полушарий головного мозга (38). Описаны группы лиц (адаптивная и с пониженным уровнем адаптации), характеризующиеся разным способом организации нервных процессов, устойчивостью и реактивностью, определяемой по электроэнцефалограммам (39).

Обобщая, отмечу главное: чем более полиморфны по своим реакциям на среду, по адаптивным стратегиям индивидуумы, являющиеся членами той или иной популяции, тем более успешно популяция в целом может реагировать на изменения условий, тем сильнее увеличивается ее (популяционная) экологическая пластичность (40). Думается, что не исключен и второй путь стратегии адаптации на популяционном уровне - отбор индивидов, характеризующихся более

пластичной формой индивидуальной адаптации. Об этом, в частности, свидетельствуют данные, приводимые в цитированных выше работах В.В.Аршавского с коллегами. По их данным на Северо-Востоке страны идет отбор на более адаптивный правополушарный тип реагирования. Кроме того, показано, что в процессе адаптации на Севере происходит уменьшение иммунного и параллельно генетического разнообразия.

Каковы же критерии успешности адаптации группы? Одним из таких показателей принято считать оценку состояния физического здоровья населения. Под "здоровьем" понимается "процесс социально-исторического развития биологической и психосоциальной жизнеспособности населения в ряду поколений, повышения трудоспособности населения в производительности коллективного труда, роста экологического доминирования, совершенствования вида Homo sapiens"(41). Как правило, ведущими критериями состояния здоровья группы людей являются виды и количество тех или иных заболеваний (острых и хронических) (42), физическое развитие и другие санитарные и демографические (рождаемость, смертность) показатели. В результате группы населения, выделяемые по территориальному признаку, характеризуются за определенный период среднестатистическим соотношением практически здоровых людей и больных острыми и хроническими болезнями, а также числом родившихся и умерших (43).

Но тут же возникает проблема определения понятия "практически здоровый". Даже наличие у индивида инфекционного или простудного заболевания, травм, части наследственных заболеваний диагностируется не всегда без особых сложностей. Что же касается функциональных расстройств, нарушений обмена веществ, то в этих случаях граница между патологическими состояниями и нормой крайне неопределенна. Так, например, невропатолог, оценивая неврологический статус индивида, обычно всегда фиксирует, пусть слабое, но развитие какого-либо заболевания. Несколько в меньшей степени это касается физиологических показателей крови. Но при широком белковом полиморфизме и здесь возникает

проблема отнесения того или иного состояния к норме или к патологии (44).

В настоящее время среди специалистов биологов и медиков все шире распространяется мнение о необходимости выяснения региональных норм и определения степени отклонения показателей данного индивидуума или группы именно от них. Общие закономерности ростовых процессов, изменчивости физиологических и морфологических характеристик изучены для высокогорья (45), тропиков (46), аридной зоны (47), а также для условий Крайнего Севера, континентальной зоны Сибири и в умеренном климате (48). На основании такого рода исследований Т.И.Алексеевой сформулирована концепция адаптивных типов, "представляющих собой норму биологической реакции на комплекс условий окружающей среды, обеспечивающей состояние равновесия популяций с этой средой и находящей внешнее выражение в морфофункциональных особенностях популяций. Адаптивный тип независим от расовой и этнической принадлежности. В одних и тех же геоклиматических условиях разные по происхождению группы имеют одно и то же направление приспособительных реакций, так же как в различных условиях обитания близкие в генетическом отношении группы демонстрируют морфофункциональные различия в соответствии с воздействием окружающей среды"(49). Следовательно, для различных географических зон абсолютные нормы медико-биологических показателей должны быть разными.

Еще более сложно обстоит дело с вопросом об определении "возрастных норм" показателей. Часть исследователей считает, что для каждой возрастной подгруппы могут быть определены свои допустимые пределы вариаций таких характеристик, как артериальное давление, пульс, различные показатели крови, количественное содержание гормонов и других веществ в крови и др., которые необходимо рассматривать как возрастную норму. Старение организма в этом случае не признается болезнью, а считается, что в результате возрастного снижения приспособительных возможностей организма создаются предпосылки возникновения болезней (50). Другие специалисты считают, что в 20-25 лет развитие организма заканчивается, в эти годы смертность от всех главных неинфекционных болезней минимальна. Поэтому предлагается принять показатели (содержание жира в теле, уровень в крови определенных липопротеидов и триглицеринов, уровень холестерина, количество сахара в крови натощак и через 2 часа после приема внутрь 100 г глюкозы и величина артериального давления), свойственные этому возрасту, за норму, конечно, если считать, что человек в этот период не болен. Эта норма - тот идеал, к сохранению которого необходимо стремиться при профилактике нормальной возрастной патологии (51). Все аналогичные показатели детского периода должны оцениваться как стремящиеся к этой норме (отсюда можно определить и относительную скорость происходящих в организме возрастных преобразований), а все нормальные изменения характеристик, свойственные более старшим возрастам, могут считаться нормальной физиологической болезнью. Другими словами, старость - это нормальное болезненное состояние, свойственное всем, правда, не всегда в одном возрасте. Для практической медицины, безусловно, важно, считать или нет старость болезнью, лечить или не лечить, например, гипертонию у 70-летнего человека. Но обе эти точки зрения не отрицают различий между возрастами в развитии патологии.

Высказываются также мнения, что поколения отличаются по генофондам друг от друга (52). Это приводит к различиям (пусть даже небольшим) в генетической предрасположенности или резистентности детей к одним, а родителей - к другим заболеваниям. Индивидуальная предрасположенность находит свое объяснение в различных реакциях, происходящих в живом организме и связанных со взаимодействием и распадом белковых молекул, которые у человека, как это уже отмечалось, крайне полиморфны. Поскольку и биохимический полиморфизм популяций человечества, в том числе принадлежащих к одной этнической группе, факт, не требующий дополнительных доказательств, вполне логично

рассматривать и этнотерриториальные группировки (локальные популяции) и поколения внутри них также в большей или меньшей мере предрасположенными к отдельным нозологическим формам заболеваний. Надо специально подчеркнуть, что такая предрасположенность будет находиться в зависимости от давления среды и экологической пластичности популяции и связана с дифференциальной плодовитостью и смертностью.

В сответствии с вышесказанным для каждого возрастного периода можно выделить определенный набор наиболее характерных величин морфологических и функциональных признаков, а также заболеваний, а затем определять влияние изменений окружающей среды на данную популяцию с учетом и возрастной динамики различных показателей. Недоучет возрастных различий может привести к необоснованным выводам о степени благополучия данной группы населения по состоянию здоровья.

Таким образом, биологическая адаптация этнической группы к условиям существования должна рассматриваться как процесс изменения структурных элементов (локальных популяций, индивидуумов) сложной не только социальной, но и биологической системы.

При проживании этнической группы на какой-либо территории, популяции, ее составляющие, находятся в некотором состоянии равновесия с условиями окружающей среды. Если эти популяции длительное время осваивают данную территорию, то можно говорить о сложении у них того или иного адаптивного типа, о которых говорилось выше. В таком случае мы имеем дело уже с результатом отбора посредством элиминации неустойчивых в данных условиях фенотипов. Собственно механизм сложения адаптивных типов, этапы закрепления в генофонде популяции экологически выгодных сочетаний признаков, в настоящее время не ясен, так же как неизвестно необходимое число поколений для генетической фиксации выгодных в данных условиях систем. Попыткой решить часть такого рода проблем может стать исследование переселенческих групп. При освоении этнической группы (или только ее частью) новой территории, первой и непосредственной реакцией индивидуумов на новую среду обитания является акклиматизация. Процесс этот противоречив. С одной стороны, среда предъявляет одинаковые требования ко всем членам популяции; с другой - реакция каждого из них в результате индивидуальных особенностей будет различна. Но с третьей стороны, все индивидуумы будут стремиться к формированию именно оптимальной модификации своего морфофункционального статуса. Кроме того, переселение группы в результате воздействия сразу многих стрессоров затрагивает в ней те адаптивно значимые пласты, которые при проживании на одном месте на протяжении многих поколений практически недоступны для исследования, но могут играть важную роль, например, в проявлении болезней.

Нельзя не подчеркнуть, что те исследования переселенцев, которые проводятся в настоящее время в экстремальных зонах, существенно отличаются от того, что здесь имеется в виду. Дело в том, что в подавляющем большинстве случаев в районы Крайнего Севера, в Антарктику, на строительство БАМа переселяются лишь отдельные личности, редко малые семьи (мать, отец, дети). В этом случае прежние социальные связи у переселенцев часто бывают разрушены, здесь им приходится налаживать новые. Склонность к такого рода перемещениям проявляет далеко не каждый член популяции. Традиционные механизмы, разработанные этнической группой для коллективной помощи индивидууму в стрессовых ситуациях, здесь могут иметь место только на индивидуальном уровне. Индивид использует их, исходя только из своего личного опыта, тогда как другие члены общины имеют свои, отличные стереотипы, а окружающий коллектив таких механизмов еще не выработал. Все это накладывает серьезный отпечаток на получаемые результаты: фактически анализируется не биологическая адаптация группы, а приспособление отдельных индивидуумов к новой природной и социальной среде, а также биологические факторы создания новой социальной общности.

Ни в коей мере не подвергая сомнению важность и необходимость изучения современных миграционных процес-

сов, хочу подчеркнуть, что изучение биологии переселенцев, проживших в составе своей этнической группы не одно поколение, позволит как раз изучить те процессы, о которых говорилось выше. В дальнейшем следует использовать положительный опыт традиционных систем жизнеобеспечения. Особенно интересен и важен с этой точки зрения случай, когда этническая группа или небольшая часть ее переселяясь на новое место жительства, осваивает разные климатогеографические зоны. Если популяции, составляющие переселившуюся часть этноса, генетически довольно сходны, то мы имеем возможность выяснить, какие механизмы включаются первыми, какие биологические системы в первую очередь и как скоро закрепляются; как в разных природных условиях ведут себя различные функциональные системы организма человека; насколько тесно они связаны между собой; каковы регуляторные механизмы этих связей. Поскольку переселившаяся группа представляет собой единое целое с сохранившимися социальными отношениями между членами, можно оценить взаимосвязь социально-культурных и биологических факторов в процессе адаптации, влияние первых на процесс воздействия природы на человека и т.д. Актуальность именно такого подхода в настоящее время подчеркивается во многих теоретических исследованиях (53). Кроме того, полученные результаты сделают более обоснованным антропоэкологическое прогнозирование (54) в приложении к человеку, к воздействию человека на природу и к взаимоотношениям различных человеческих коллективов, в частности этнических, между собой.

Литература

1. Под популяцией здесь и далее понимается группировка, пространственно столь ограниченная, что число контактов между особями способно обеспечить панмиксию, которой реально может и не быть из-за наличия поведенческих (или иных) механизмов, ее нарушающих, и способная поддерживать себя в ряду поколений без заметного притока иммигрантов.

2. Меграбян Б. В., Каджанян М. Г. Социологические аспекты изучения проблем адаптации человека // Проблемы социальной экологии. Тез. докл. I Всесоюз. конф. Львов, 1-3 окт. 1986. Львов. 1986. Ч.2. С.76-77.

3. Гиренок Ф. И. Экология, цивилизация, ноосфера. М., 1987. С.26-27; см. также: Мамедов Н. М. Экология: новое направление в традиционной науке // Взаимодействие общества и природы: Философско=методологические аспекты экологических проблем. М., 1986. С.251- 271 и др.

4. Реймерс Н. Ф. Экология человека как междисциплинарная научная отрасль // Теория и методика географических исследований экологии человека. М., 1974. С.37-39.

5. Кацура А. В., Новик И. Б. Экология человека и процесс экологизации человека. М., 1974. С.23-28; Козлов В. И. Основные проблемы этнической экологии // Сов. этнография, 1983, N1; Казначеев В. П., Спирин Е. А. Экология человека и социальная экология: Социально-исторические и естественно-природные закономерности // Проблемы социальной экологии. Ч.1. С.6-8.

6. Леру Р. Экология человека. Наука о жилищном строительстве. М., 1970.

7. Преображенский В. С., Райх Е. Л. Проблемы экологии человека и география // Теория и методика географических исследований экологии человека. С.12-22; Проблемы экологии человека. М., 1986; Human environment: Past, present and future // Collegium antropologicum. 1988. Vol.12, Suppl.; и др.

8. Прохоров Б. Б. Первоочередные проблемы экологии человека в связи с созданием глобальной системы мониторинга окружающей среды // Проблемы экологии человека. С.50.

9. Козлов В. И. Основные проблемы... С.8.

10. Levi M. L. Modernité, Moralité // Popul.Et.Soc.. 1985, N 192. P.1-3.

11. Hakulinen T., Hansluwka H. et all. Global and regional mortality patterns by cause of death in 1980 // J. of Epidemiol. 1986. Vol.15, N 2. P.227-233.

12. Укрепление здоровья и окружающая среда / ВОЗ, Женева, 1976. С.7-8.

13. Там же. С.20.

14. Rubinstein C. A report on "Psychology To-Today`s": Survey of believes about Health // Psychol. Today. 1982. N 10. P.30.

15. Hutchinson Y. Association between stress and blood pressure variation in a Carribbean population // Amer. J. Phys. Anthropol.. 1986. Vol.71, N 1. P. 69-79.

16. Johnson F. E. Socioeconomic conditions as human environment // Abstracts XII Intern. Congr. of Anthropol. and Ethnolog. Sciences. Zagreb, 1988. 24-31 July.

17. Баранов А. В. Социальные аспекты экологии человека // Проблемы экологии человека. С.22-24; Он же. Социальные аспекты экологии человека // Проблемы социальной экологии... Ч.2. С. 104-106.

18. Hladik C.- M., Robbe B., Pagézy H. Sencibilité Gustative Différentielle des Populations Pigmées et non Pygmées de Foret dense de Soudaniens et d`Eskimos en Rapport avec l`environnement Biochemique // C. r. Acad. Sc. Ser.3. 1986. Vol.303, N 11. P.453-458.

19. Kenichi A. Adult lactose absorption and milk use from the standpoint of gene-culture theory // Индэнгаку дзасси-Jap. J. Genet.. 1987. Vol.62, N 5. P.445-459.

20. Дебец Г. Ф. Расы, языки, культуры // Наука о расах и расизм. М., 1938; Дебец Г. Ф., Левин М. Г., Трофимова Т. А. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза // Сов. этнография. 1952. N 1; Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия // Там же. 1968. N 6; Алексеев В. П. Популяционная структура человечества и историческая антропология // Сов. археология. 1970. N 3; Он же. География человеческих рас. М., 1974; Он же. Человек, эволюция и таксономия. М., 1985; Бунак В. В. Род Homo: Его возникновение и последующая эволюция. М., 1980; Козлов В. И., Чебоксаров Н. Н. Расы и этносы // Расы и общество. М., 1982, 12; и др.

21. Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории населения южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976; Бушков В. И. Население Северного Таджикистана.(Формирование и расселение). Автореф. канд. дис. М., 1988. Характерно, что при применении покишлачного метода антропологического обследования многие из этих компонентов выявляются и в особенностях физического облика современного населения. См., например: Дубова Н. А. Антропологический состав населения Северного Таджикистана и этногенетические проблемы Среднеазиатского региона. Ч. 1, 2 // Деп. рук. ВИНИТИ N 6944-В-85. М., 1985.

22. Лекявичус Э. Элементы общей теории адаптации. Вильнюс, 1986.

23. Шкорбатов Г. Этюды общей теории адаптации // Эколого-физиологические и эколого-фаунистические аспекты адаптации животных. Иваново, 1986. С.3-24.

24. Алексеев В. П. Человек: эволюция и таксономия. Глава: Антропологические совокупности. М., 1985.

25. Селье Г. Стресс без дистресса. М., 1979. С.26. Согласно современным представлениям, "стресс можно определить как феномен осознавания, возникающий при сравнении требования, предъявляемого к личности, с ее способностью справиться с этим требованием" (Тигранян Р. А. Стресс и его значение для организма. М., 1988. С.31).

26. Тигранян Р. А. Стресс ... С.73.

27. Алексанян З. А. Эндогенные биоритмы и адаптивное поведение // Адаптация на разных уровнях биологической интеграции: Тез. докл. YI Всесоюз. конф. по экологической физиологии. Сыктывкар, 1982. С.47.

28. Степанова С. И. Биоритмические аспекты проблемы адаптации. М., 1986.

29. См., например: Меерсон Ф. З. О "цене" адаптации // Патология, физиология и экспериментальная терапия. 1986. N 3. С.9-19.

30. Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. М., 1983.

31. Sudakov K. V. Specific mechanisms of emotional stress // Stress: The role of catecholamines and other neurotransmitters. N.Y., 1984. Vol.1. P.37-57.

32. Janowsky D. S., Rish S. C. Cholinomimetic and anticholinergic drugs used to investigate an acetylcholine hypothesis of affective disorders and stress // Drug Developmental Res. 1984. Vol.4. P.125-142.

33. Цит. по: Тигранян Р. А. Стресс... С.71.

34. См.: Дубова Н. А., Лебедева Н. М. и др. Адаптация русских старожилов в Азербайджане // Сов. этнография, 1989, N 5.

35. Тигранян Р. А. Стрес... С.52, 62 и др.

36. Полевые материалы автора 1988, 1989 гг.

37. Казначеев В. П., Казначеев С. В. Адаптация и конституция человека. Новосибирск, 1986. С.25-26. См. также: Казначеев В. П. Современные аспекты адаптации. Новосибирск, 1980; Он же. Очерки теории и практики экологии человека. Новосибирск, 1983.

38. Аршавский В. В. Особенности межполушарных взаимоотношений у коренного и пришлого населения Северо-Востока: Вопросы адаптации и медико-педагогические аспекты. Магадан, 1985. Ч.1, 2. (Препр. / Ин-т биолог. проблем Севера); Аршавский В. В., Гельфгат Е. Л., Соловенчук Л. Л. Адаптационная роль миграционного отбора в условиях Северо-Востока // Проблемы социальной экологии. Ч.2. С.106-107.

39. В а с и л ь е в с к и й Н. Н. Экологическая физиология мозга. Л., 1979.

40. S c h u h J. Rhythmizität und Adaptations=Strategie // Wiss Z. Humboldt-Universität. Math-Naturwiss. R., Berlin, 1986, Bd.35. S.233-236.

41. Б е д н ы й М. С. Медико-демографическое изучение народонаселения. М., 1979.

42. См., например: А в ц ы н А. П. Введение в географическую патологию. М., 1972; Д е р я п а Н. Р. Биоклиматологические аспекты здоровья населения: метеотропные болезни // Климат и здоровье человека: Тез. докл. Междунар. симп. ВМО/ВОЗ/ЮНЕП, Ленинград, 22-26 сент. 1986 г. Л., 1986. С.19; M e a d e M. S. Geographic analysis of disease and care // Ann. Rev. Publ. Health. Palo Alto, 1986. Vol.7. P.313-335; I s h i i T., N e w m a n W. P., e t a l. Coronary and aortic atherosclerosis in young men from Tokyo and New Orleans // Lab. Invest.. 1986. Vol.54, N 5. P.561-565; F o l s t e i n S. E., C h a s e G. A., W a h l W. E., e t a l. Huntington Disease in Maryland: Clinical aspect of racial variation // Amer. J. Hum. Genetics, 1987. Vol.41. P.168-179; и др.

43. Р я щ е н к о С. В. Медико-географические исследования в изучении экологии человека // Проблемы экологии человека. С. 80-81.

44. Полагают, что у человека около 5000 генов, в которых закодированы ферментные и структурные белки. Каждый же синтезированный белок может иметь такое же большое число всевозможных вариантов. См., например: Х о р с т А. Молекулярно-биологические основы патогенеза // Перспективы медицинской генетики. М., 1982. С.43.

45. Щ е к о ч и х и н а Л. К. Материалы к изучению половозрастных и территориальных вариаций уровня гемоглобина в крови здорового человека // Вопр.антропологии. 1970. Вып.36; М и р р а х и м о в М. М., Г р и н ш т е й н Б. Я., Д ж а л о б а е в А. Д. Гематологические исследования в условиях высокогорья Тянь-Шаня и Памира // Материалы симпозиума "Высокогорье и красная кровь" и конференции "Высокогорье и лекарства". Фрунзе, 1968; Б е й к е р П. Адаптивные возможности высокогорных популяций // Биология жителей высокогорья. М., 1981; H a r r i s o n Q. A. e t a l. The effects of altitudinal variation in Ethiopian populations // Phil. Trans. Roy. Soc. of London. 1969. Vol.256. P.805; B a k e r P. T. Adaptation problems in Andean human population // The ongoing evolution of Latin American populations / Ed. F.M. Salzano. Springfield (Ill.), 1971.

46. O j i k u t i R. O. Die Adaptation der Africaner an Fenohtheisses Klima Nach Thermoregulatorishen Funktionstests // Homo. 1970. Bd.21, N 1; C r o g n i e r E. Adaptation Morphologique d`une Population Africane au Biotope Tropical: les Sara du Tchad // Bull. et Mem. de la Soc. d`Anthropologie de Paris. 1973, t.10, ser.13; J o h n s t o n F. E., B o i d e n M., M a c v e a n R. Height, weight and their growth velocities in Gvatemalan private school children of high social class // Human biology. 1973. Vol.45, N 4.

47. В о л к о в - Д у б р о в и н В. П. и д р. Морфофизиологические исследования населения аридной зоны. Туркмения. Ч.1. Текинцы Ахала // Вопр. антропологии. 1975. Вып.50; Щ е к о ч и х и н а Л. К. Материалы к изучению...; А в а з б а к и е в а М. Ф. Сравнительная характеристика физиологических сдвигов в организме человека при адаптации к условиям гор и пустыни // Адаптация человека. Л., 1972; С у л т а н о в Ф. Ф. Проблемы экологии человека в аридных зонах // Проблемы экологии человека.

48. Основные исследования выполнены группами под руководством Т.И.Алексеевой и нашли отражение во многих публикациях. Результаты обобщены в кн.: А л е к с е е в а Т. И. Географическая среда и биология человека. М., 1977; О н а ж е. Адаптивные процессы в популяциях человека. М., 1986.

49. А л е к с е е в а Т. И. Адаптивные процессы в популяциях человека. С.150.

50. См., например: Д а в ы д о в с к и й И. В. Геронтология. М., 1966; Т о к а р ь А. В. Артериальная гипертония и возраст. Киев,1977; Ф р о л ь к и с В. В. Старение. Нейрогуморальные механизмы. Киев, 1981; О н ж е. Старение и увеличение продолжительности жизни. Л., 1988.

51. М и л ь м а н М. С. Учение о росте, старости и старении. Баку, 1926. С.3; Д и л ь м а н В. М. Четыре модели медицины. Л., 1987. С.195, 196 и др.

52. См., в частности, пример учета генетических различий между поколениями: R o g e r s A. P., H a r p e n d i n g H. C. Migration and genetic drift in human populations // Evolution. 1986. Vol.40, N 6. P.1312-1327.

53. См., например: Б о й д е н С. Комплексные экологические исследования человеческих поселений // Импакт: Наука и общество. 1986. N 3. С.3-16.

54. См., например: П р о х о р о в Б. Б. Теоретические и практические вопросы антропоэкологического прогнозирования // Географический прогноз: Теория, методы, региональный аспект. М., 1986. С.27-34.

Н. М. Л е б е д е в а

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ

В данной статье делается попытка обозначить те проблемы этнической экологии, которые можно решить с помощью психологических исследований.

Благодаря отражательным и мнемическим свойствам как групповое, так и индивидуальное сознание является своего рода кладезем исторического, общинного и личного опыта и при умелом пользовании может служить источником ценнейшей информации об эволюции и трансформациях обществ и культур. Благодаря своим тонким регулятивным и компенсаторным свойствам человеческая психика является совершенным "прибором" установления прямой и обратной связи с окружающей средой. Поломка этого "прибора", сбои в его работе - сигнал о нарушении экологического равновесия, о разрыве важнейших связей, о существовании которых мы нередко даже не догадываемся.

В русле проблем этнической экологии, основная задача которой - изучение условий и путей гармонизации отношений этноса со средой обитания (как природной, так и социальной), психологические исследования - одни из наиболее необходимых. Они позволяют вскрывать основные закономерности человеческого бытия, того, что потребно человеку для полноценного и счастливого существования в мире природы и среди себе подобных, всемерной реализации заложенных в нем возможностей и творческих сил. Методы психологического исследования, отличающиеся глубиной и тщательностью, могут помочь при решении таких важных проблем этнической экологии, как сущность внутренней связи этноса с природной средой его обитания; насколько прочна данная связь, если часть этноса мигрирует в иное природное окружение, какое влияние оказывает на мигрантов иноэтничная среда, могут ли культурно различные народы существовать вместе без ущерба друг для друга и что для этого необходимо и т.д.

Этническая общность - сложный организм, биологические и социальные корни которого тесно переплелись. Психология также биосоциальная наука, которая изучает закономерности психики, имеющие как биологическую, так и социальную природу.

Наиболее интересный и плодотворный угол зрения, под которым можно вскрыть основные связи как человека, так и группы людей (этнической общности) со средой, - это изучение миграций в иную географическую и культурную среду, в данном случае - проблема связи миграции и психического здоровья. Здесь мы сразу можем попытаться увидеть, насколько значимы связи человека или этнической группы с ее природным и культурным основанием, что происходит, если такие связи утрачиваются, и каков механизм установления новых, компенсирующих связей.

К сожалению, вопросы психологической адаптации этнических групп к иной географической среде практически не разработаны. Данная проблематика лежит на стыке психологии среды, социальной географии, этнографии и кросскультурной психологии; она отличается сложностью и почти полным отсутствием адекватных методов исследования. Работа, проводимая сектором этнической экологии Института этнографии АН СССР в 1987-1989 гг. по изучению психологических аспектов адаптации русских старожилов в Закавказье, была одной из немногих в этой области. Полученный с помощью разработанной нами методики ранжирования ландшафтов основных географических зон эмпирический материал позволил выдвинуть ряд теоретических гипотез о природе связи этноса с родной для него географической средой. В данном исследовании было установлено, что, несмотря на то, что русские живут в новых географических условиях уже около 150 лет и называют окружающую природу "родной", у них сохраняется бессознательное психологическое предпочтение природных ландшафтов средней России, откуда их предки выехали в 30-40-х годах XIX в.

С помощью метода семантического дифференциала нами было установлено разное психосемантическое наполнение

понятия "родной природы" у русских старожилов Азербайджана и азербайджанцев. Для русских основными семантическими характеристиками родной природы в отличие от чужой являются: основательность, стабильность, надежность, щедрость, а для азербайджанцев: легкость, подвижность, изменчивость. За этим, на наш взгляд, незримо встают очертания и психологический настрой двух разных образов жизни - оседлого, исторически характерного для русских, и кочевого и полукочевого - для пришлых компонентов азербайджанского этноса. Это, конечно, только гипотеза, требующая дополнительной проверки.

Таким образом, в нашем исследовании получилось, что представители локальной субкультуры русских, родившиеся в Азербайджане, укоренившиеся здесь в течение 5-6 поколений и не представляющие для себя иной родины, сохраняют бессознательную психологическую ориентацию на тип природной среды, характерный для мест выхода данной этнической группы или для мест формирования, возникновения данного этноса. Согласно высказыванию Ю.В.Бромлея: "...следует четко разграничивать территориальную целостность как условие возникновения этноса и как фактор его существования. Выступая в качестве важнейшего условия формирования этноса, целостность территории не является строго обязательным фактором воспроизводства всех его частей"(1). В нашем контексте это значит, что если часть этноса переселяется в иное географическое пространство, она все равно остается частью данного этноса, даже не имея под собой родной, в прямом смысле этого слова, почвы. Она ее аккумулирует в культурной и психологической формах и несет с собой повсюду, - добавим мы. Как справедливо заметил В.И.Козлов: "...если группа людей живет в одних и тех же условиях не одно столетие, то такая психологическая адаптация не проходит бесследно"(2).

На связь психологии восприятия среды с культурной принадлежностью обращали внимание и социальные географы. Р.Джонстон (3) считает, что в различных культурах существуют свои общепринятые стереотипы, и каждая из культур

пытается воссоздать среду, отвечающую данному стереотипу. Английский географ У.Кирк отмечал, что как только в той или иной культуре устанавливается общепринятый стереотип восприятия ландшафта, появляется тенденция его сохранения у следующих поколений. Именно данное явление мы и наблюдали у наших переселенцев 5-6-го поколений.

С помощью эмпирического психологического исследования была вскрыта глубокая внутренняя связь представителей локальной этнической субкультуры с природной средой формирования данного этноса, со стереотипом хозяйственно-культурной деятельности общности, связь, которая во многом определяет оценку представителями данной культуры окружающего мира, в частности представителей соседней с ними культуры.

При переселении этнической общности в иное природное окружение фактором, во многом определяющим успешность психологической адаптации к природной среде, является соответствие типов ландшафтов окружающей природной среды тому стереотипу, который сложился у этноса в процессе закрепления традиционного уклада жизни и который имеет тенденцию сохраняться у последующих поколений. При изменении элементов традиционного уклада жизни в новых природных условиях изменяется с течением времени и психологическая ориентация на типы ландшафтов, пригодных для осуществления традиционного уклада: она как бы "расширяет" рамки психологически приемлемых ландшафтов. Однако основным все же остается тип ландшафта, наиболее пригодный для обеспечения традиционного хозяйственного уклада данной этнической общности, унаследованный ею и сохраняемый в групповом сознании культурный стереотип природной среды.

Что касается проблемы адаптации мигрантов к иной этнокультурной среде, то и она, несмотря на обилие эмпирических исследований в современной западной кросскультурной психологии, до сих пор является одной из самых сложных и теоретически многозначных.

Общим положением является мнение, высказываемое большинством ученых, о стрессогенном воздействии новой культуры, с которой сталкиваются мигранты в результате географического передвижения, о том, что контакт с иной культурой вызывает нарушение психического здоровья, более или менее выраженное психическое потрясение, для обозначения которого в кросскультурной психологии введен термин "культурный шок". В своей книге, так и озаглавленной "Культурный шок", А.Фарнхем и С.Бочнер (далее мы будем не раз обращаться к этой книге) дают определение данному понятию: "Культурный шок - это шок от нового. Гипотеза культурного шока основана на том, что опыт новой культуры является неприятным или шоковым частью потому, что он неожидан, а частью потому, что он может привести к негативной оценке собственной культуры"(5). Антрополог К.Оберг (6), кто первым использовал этот термин, выделил 6 аспектов культурного шока:

1) напряжение, к которому приводят усилия, требуемые для достижения необходимой психологической адаптации;

2) чувство потери или лишения (друзей, статуса, профессии и собственности);

3) чувство отверженности представителями новой культуры или отвержения их;

4) сбой в ролях, ролевых ожиданиях, ценностях, чувствах и самоидентификации;

5) неожиданная тревога, даже отвращение и негодование в результате осознания культурных различий;

6) чувство неполноценности от неспособности "совладать" с новой средой.

К.Оберг пишет, что каждая культура имеет множество символов социального окружения, как вербальных, так и невербальных (жестов, мимики) способов общения, с помощью которых мы ориентируемся и действуем в ситуациях повседневной жизни, и что наш душевный мир зависит от этих сигналов, многие из которых мы даже не осознаем. И когда

вся эта незримая система свободной ориентации в мире внезапно становится неадекватной в условиях новой культуры, человек испытывает глубокое нервное потрясение. К.Оберг описывает некоторые из симптомов культурного шока: чрезмерно частое мытье рук, чрезмерная забота о питьевой воде, пище, посуде и постели, боязнь физического контакта с представителями новой культуры, бессмысленно "далекий" взгляд (иногда его называют "тропический взгляд"), чувство беспомощности и желания покровительства представителя собственной национальности, долго проживщего в данной культуре, страх быть обманутым или оскорбленным и другие минорные чувства. Все это вместе - реакции психологической защиты от новой информации, наплыв которой так огромен, что человек в течение какого-то времени чувствует себя бессильным справиться с этим (6).

Исследователи, работавшие после Оберга, рассматривали культурный шок как нормальную реакцию, как часть обычного процесса адаптации к культурному стрессу и проявление стремления к более понятной, стабильной и предсказуемой среде.

Большинство исследователей "культурного шока" стремились, в основном, установить трудности, с которыми сталкиваются мигранты, и типичные реакции на те или иные ситуации. Меньшее внимание было уделено личностным аспектам "культурного шока", типам людей, которые испытывают шок в большей или меньшей степени, детерминантам личностных реакций, продолжительности состояния шока и т.д.

Согласно литературным данным, по-существу, все люди подвержены "культурному шоку" в какой-то степени, и он почти всегда ощущается как неприятный и,во всяком случае, стрессогенный. Это утверждение нуждается в эмпирической проверке. Теоретически, как пишут А.Фарнхем и С.Бочнер, некоторые люди могут не испытывать негативных аспектов культурного шока, более того, они могут находить в нем своеобразное наслаждение (7). Искатели приключений, например, могут вовсе не ощущать эмоций, а напротив, наслаждаться сильным возбуждением от незнакомого (8). Некоторые

исследователи считают, что, хотя культурный шок часто ассоциируется с негативными последствиями, в малых дозах он может быть важным для саморазвития и личностного роста. В таком аспекте культурный шок рассматривается как переходный опыт, который может следовать из адаптации к новым ценностям, установкам и образцам поведения: "...В знакомстве с другой культурой индивид получает новые опытные знания путем прихода к пониманию корней своего собственного этноцентризма и путем достижения новых перспектив и взглядов на природу культуры... Парадоксально, но хорошо, если кто-то способен принять новые и разнообразные варианты человеческих различий, хорошо, если кто-то постигнет себя..."(9).

Некоторые исследователи видят также позитивную сторону культурного шока - либо для тех индивидов, кто "испытывает наслаждение" от разнообразия среды, либо для тех, кого неожиданное расстройство планов побуждает к саморазвитию. Огромное число исследований по миграции и психическому здоровью можно свести к двум глобальным выводам:

1. Согласно данным, часто, но не всегда, среди мигрантов больше психических заболеваний, чем среди коренных жителей. Есть ряд исключений из этого правила, но в целом данные многочисленных исследований подтверждают этот вывод.

2. Существуют важные различия между мигрантскими группами как в отношении степени, так и в отношении психических расстройств, которыми они страдают. Например, британцы в Австралии имеют относительно более высокий уровень алкоголизма (по сравнению с коренным населением), в то время как выходцы с запада Индии в Англии имеют высокую частоту случаев заболевания шизофренией.

А.Фарнхем и С.Бочнер делают вывод, что существуют общие универсальные, специфические субкультурные и индивидуальные факторы, которые, действуя вместе, продуцируют или препятствуют психическим заболеваниям в среде переселенцев (10).

В кросскультурной психологии существует ряд концепций или теорий, так называемых "традиционных" и современных, которые пытаются объяснить связь между миграцией и психическим здоровьем. Есть смысл вкратце остановиться вначале на четырех "традиционных" теориях.

Первая - выросшая в рамках психоаналитической традиции - это теория страдания (горя) или лишения (утраты), которая рассматривает миграцию как опыт утраты (социальных связей, близких, положения, имущества и т.д.). Страдание - это общая стрессогенная реакция на действительную или воображаемую потерю значимого объекта или роли, которая может быть преодолена в случае установления новой личностной связи или приобретения нового объекта взамен утраченного. Предполагается, что можно провести аналогию между миграцией и потерей, вызывающей реакцию типа горя или страдания. Однако, эта теория имеет заметные ограничения - предполагается, что все мигранты испытывают негативные, подобные страданию, реакции, однако есть случаи, когда для некоторых людей миграция - счастливый выход. Во-вторых, данная концепция не делает специфических предсказаний, какой тип людей страдает больше или меньше от утраты, как долго и в какой форме страдание будет переживаться. И в-третьих, для страдающих людей необходима психологическая консультация, в то время как мигранты больше нуждаются в адекватной информации. Все эти ограничения делают данную концепцию применимой лишь в небольшом количестве случаев.

Вторая теория, объясняющая связь между миграцией и психическим здоровьем, основана на локусе контроля. Она исходит из постулата, что люди с интернальным локусом контроля, которые считают себя ответственными за все с ними происходящее, адаптируются легче и быстрее, чем люди с фаталистическими наклонностями, которые считают, что все, с ними происходящее, - результат действия рока или воли других людей. Но согласно эмпири-

ческим данным это не всегда так, например, Р.Кочрейн установил, что хотя индийцы и происходят из "фаталистической" культуры, адаптируются они в Англии обычно хорошо (11). Есть также соблазн считать, что обычно решение мигрировать принимают люди с интернальным локусом контроля и вследствие этого являются как бы относительно независимыми от культуры страны выхода. Так что данная теория имеет ряд серьезных ограничений и неясностей.

Третья теория селективной миграции — одна из наиболее старых и популярных. Неодарвинистская идея селективной миграции - это развитие принципа естественного отбора, по которому все живые организмы, лучше приспосабливающиеся к среде, становятся доминирующим типом, таким образом, люди, "отобранные" для новой среды, лучше "совладают" с ней, чем другие. У этой теории также есть ряд ограничений - неясно, какие барьеры или препятствия являются "отборочными" для адаптации, и довольно трудно определить настоящую природу адаптивных отборов как в стране выхода, так и в стране нового места жительства. Идея эта достаточно популярна и при исследовании миграции в нашей стране, так, например, Ф.Б.Березин считает, что селективные процессы влияют на эффективность популяционной адаптации благодаря тому, что в миграционный поток вовлекаются личности преимущественно определенных типов, в частности, обладающие акцентуированными личностными чертами (12). Ряд исследователей, в частности, Р.Кочрейн, проводит идею о различных группах мигрантов из одной культуры - стабильных, экономически заинтересованных людей, которые едут на новое место вследствие связанных с работой причин, и нестабильных, имеющих потенциальные проблемы и переселяющихся скорее в призрачной надежде, чем ради конкретных целей (13). Итак, хотя селективность, несомненно, существует как перед миграцией, так и позже - в процессе адаптации к новой среде, но настоящая ее природа и возможные типы, а также ее роль в объяснении связи миграции с психическим здоровьем -

недостаточно ясны, и гипотеза эта не может быть объясняющей теорией.

Четвертой является теория ценности ожидания, которая утверждает, что адекватность ожиданий мигрантов от жизни в новой стране прямо влияет на их адаптацию. Есть ряд фактов, что низкие ожидания приводят к лучшему приспособлению. Дж.Крупиньский отметил, что многие вьетнамские беженцы, прибывшие в США, ожидали более низкого уровня жизни и большей дискриминации, чем они реально встретили; это и обусловило их достаточно удачную адаптацию (14). Этот подход также имеет свои проблемы - неясно, например, какие ожидания в каких аспектах жизни в новой стране являются более важными для приспособления, чем другие. Также неясен механизм, посредством которого неисполненные ожидания приводят к плохому приспособлению, например, каким образом и всегда ли неисполненные или необоснованные ожидания приводят к тревоге, депрессии и страху? Из литературы по этой проблематике также следует, что наличие у мигрантов низких ожиданий лучше для их приспособления, но хуже для социальной мобильности. Такой подход сравнительно нов, и как считают А.Фарнхем и С.Бочнер, многие из проблем в его русле просто не были еще рассмотрены (15).

Помимо вышеперечисленных "традиционных" объяснений культурного шока существуют современные теории, которыми, в основном, пользуются исследователи для интерпретации полученных эмпирических данных. Как и в предыдущем случае, ни одна из теорий не в состоянии объяснить все или хотя бы большинство различий в адаптации переселенческих групп, но каждая из них базируется на факторах, которые очень важны для понимания связи между переселением в новую среду и культурным шоком. Это теории негативных жизненных событий, ценностных различий и социальной поддержки.

Согласно первой теории опыт больших перемен в условиях жизни (как негативных, так и позитивных) приводит к

психическим и физическим заболеваниям. Хотя эта теория носит скорее описательный, чем объяснительный характер, она интересна тем, что указывает на значительные культурные расхождения в стрессогенности наиболее значимых жизненных событий; существуют шкалы для разных культур, где одни и те же события воспринимаются и оцениваются по-разному. В нашей стране также проводились подобные исследования (16). Теория негативных жизненных событий по своей сути перекликается с теорией ценностных различий, которая объясняет культурный шок столкновением разных систем ценностей. При этом считается, что степень различий в ценностях между страной выхода и страной поселения мигрантов прямо пропорциональна количеству трудностей, переживаемых человеком в процессе адаптации. Данная теория также носит описательный характер. Были попытки составить своеобразную "карту мира" по типам ведущих ценностей. В частности, Хофстед предложил разделить страны мира по типам мотивации и ценностям на четыре группы или "квадранта":

1. США, Великобритания, представителям которых свойственны стремление к личному успеху, благополучию и самоактуализации;

2. Япония, немецкоязычные страны, некоторые латиноамериканские страны и Греция, представителям которых свойственны мотивы личной безопасности, а ведущие ценности - благосостояние и усердная работа;

3. Франция, Испания, Португалия, Югославия, Чили и другие латиноамериканские и азиатские страны, для представителей которых индивидуальное благополучие менее важно, чем групповая солидарность;

4. Страны Северной Европы и Нидерланды, в которых личный успех расценивается как общее достижение, и особое значение имеет качество человеческих связей в среде проживания (17).

Интересным в этой классификации представляется наличие единого типа ведущих ценностей у представителей целого ряда стран, находящихся на разных уровнях экономи-

ческого и социального развития и расположенных на разных континентах.

Однако, как бы ни были интересны и полезны данные описательного исследования, они не объясняют, как, когда и почему различия в ценностях между контактирующими людьми приводят к психическому расстройству. Чтобы преодолеть эти ограничения, Н.Фазер и его коллеги изучали ассимиляцию мигрантов как функцию ценностных различий. В этих исследованиях установлено, что взрослые мигранты имеют уже устоявшиеся, сравнительно неизменные системы ценностей и соответствующие им поведенческие репертуары. Более вероятно, что ценности их детей, в силу более тесных и частых контактов с представителями иной культуры и неустойчивости их ценностных систем, будут больше склоняться к ценностям представителей доминирующей культуры. Эта гипотеза подтвердилась при обследовании украинских (18) и латвийских (19) мигрантов в Автралии.

Культуры также различаются по степени терпимости (толерантности) к людям, ценностные ориентации которых отличаются от господствующих в данном обществе. Чтобы понять последствия ценностных различий для мигрантов, по мнению А.Фарнхема и С.Бочнера, необходимо учитывать влияние трех факторов: качество и количество различий в ведущих ценностях между культурами выхода и поселения; терпимость к разным культурным ценностным системам в обществе страны поселения; индивидуальная когнитивная сложность, способность к изменению своей ценностной системы (т.е. степень "крепости" и ригористичности сложившейся системы ценностей мигранта) (20). Есть ряд ценностей, которые позволяют адаптироваться лучше, чем другие, так, Кочрейн отмечал, что некоторые ценности, например, с т о и ц и з м и с а м о р е г у л я ц и я (как помощь себе) возможно, более адаптивны, чем другие (21). По ценностям, преобладающим в ценностной системе мигранта и по тому, характеризуют ли они минорные состояния или отражают способы, которыми можно справиться со стрессом,

можно судить о том, как человек преодолевает собственное отчуждение в иной культуре.

Итак, теория ценностных различий, характеризуя ряд важных аспектов культурного шока, не может вскрыть его механизм и научить с ним справляться.

Одна из наиболее интересных и, на наш взгляд, глубоких теорий, пытающихся объяснить механизм культурного шока, - теория социальной поддержки. Суть этой теории заключается в том, что поддержка со стороны других людей препятствует психическим расстройствам и обеспечивает психологический комфорт личности. Предполагается, что при миграции человек теряет значимые социальные связи, поддерживавшие его в прошлом, и это деструктивно сказывается на его психическом здоровье. Хотя, как пишут А.Фарнхем и С.Бочнер, не существует устоявшейся таксономии вариантов поддержки, ясно, что она может иметь разные направления, содержать эмоциональный, "инструментальный" (помощь в поведении) и информационный компоненты (22). Разные направления социальной поддержки могут быть важными для разных людей в различные периоды жизни. Так, мигранты в иную культуру могут вначале больше нуждаться в информационной поддержке, затем - в инструментальной, а затем - в эмоциональной поддержке. Важно определить, каким образом тип социальной поддержки воздействует на их психологическую адаптацию. С.Кохен и Г.Нoберман установили, что эмоциональная поддержка, стимулирующая самоуважение и высокую самооценку, более эффективна в качестве буфера на пути различных стрессоров, чем другие виды поддержки (23). Но очевидно, что один тип поддержки может быть более эффективен в одних вариантах стресса, а другой - в других.

О важности развитой сети социальной поддержки для адаптации мигрантов к новой социально-культурной среде говорят многочисленные исследования, указывающие на связь размера или численности этнической группы, в которую входит мигрант, находящийся в иноэтничной среде. Так, Краус нашел высокозначимую негативную корреляцию (-0,67

для мужчин и -0,82 для женщин) между ростом шизофрении и размером определенных групп мигрантов. Эта связь говорит о том, что если индивид изолирован в новом культурном окружении, психические нарушения у него могут расти драматически и необратимо (24). Эта же тенденция была вскрыта Дж.Крупиньским, который исследовал частоту различных психических заболеваний (депрессий, шизофрении, алкоголизма и личностных нарушений) среди групп британских, голландских, немецкоязычных, итальянских, греческих и югославских иммигрантов в Австралии, в связи с размером их этнических групп. Связь между уменьшением частоты психических расстройств и ростом отдельной этнической группы была замечена только у югославской популяции (наименьшей из всех). Дж.Крупиньский предположил, что, возможно, это - наиболее критический размер этнической группы, требующийся для достижения необходимой поддержки ее членов. Далее Дж.Крупиньский высказывает гипотезу, что при численности ниже критического размера иммигранты создают малые этнические гнезда в областях с низкой этнической концентрацией в целях обеспечения себя максимально возможной поддержкой (25). Г.Махлин, используя американскую перепись 1970 г. и данные о госпитализации в психиатрических лечебницах людей, рожденных в Ирландии, Германии, Польше, Австрии, Венгрии, России и Италии, проверял гипотезу об обратной связи между плотностью этнической группы в обществе и степенью психических заболеваний в группе. Его результаты также строго подтверждают эту гипотезу: связь в первом и втором поколениях ирландцев -0,33, немцев -0,46, поляков -0,34, австрийцев -0,41, русских -0,29, итальянцев -0,40 (все связи высокозначимые) (26).

Некоторые исследователи высказывают идею о том, что, возможно, мигрантам первоначально лучше жить в больших группах соотечественников, а потом, через определенный период времени, их или их детей можно поощрять к более интенсивному социальному, политическому и культурному интегрированию с коренными жителями. Однако, как отмечают

А.Фарнхем и С.Бочнер, многие службы, связанные с иммигрантами, пытаются запретить им жить в гомогенных национальных группах, т. к. они убеждены, что это мешает адаптации и ассимиляции и может даже послужить причиной этнических предубеждений (27). На наш взгляд, подтверждаемый данными проведенных нами исследований психологической адаптации русских старожилов в Закавказье, для лучшего овладения навыками иной культуры важно, чтобы этапу индивидуальной адаптации предшествовал этап социальной или групповой адаптации. В таком случае адаптация носит более мягкий и менее деструктивный характер.

Итак, теория социальной поддержки кажется нам одной из наиболее конструктивных в объяснении механизма психологической адаптации к иной культурной среде, хотя, конечно, как и другие теории, она бессильна объяснить все имеющиеся различия в адаптации переселенческих групп.

Заканчивая обзор предлагаемых современной кросскультурной психологией теорий, объясняющих связь между миграцией и нарушением психического здоровья, следует отметить, что все они были предназначены для других проблем; и лишь позднее прилагались к "культурному шоку", не являясь собственно "выросшими" из него. Многие из этих теорий носят скорее описательный характер, чем объяснительный. В последнее время многие исследователи отдают преимущество теории тренинга социальных навыков, которая рассматривает "перемещение" в иную культуру как ситуацию, в которой прежние навыки социального взаимодействия бессильны, и человек нуждается в овладении подобными навыками новой культуры, в чем ему может помочь специально организованный тренинг. В целом же следует подчеркнуть, что кросскультурной психологии предстоит большая работа по теоретической интерпретации и осмыслению многочисленных эмпирических данных.

Со своей стороны, мы на имеющемся у нас эмпирическом основании можем предложить несколько гипотез о природе и механизмах социально-психологической адаптации переселенческих групп к иной культурной среде. Как уже указывалось, объектом наших исследований были группы русских переселенцев 5-6-го поколений, проживающие в Закавказье, потомки сектантов (в основном, молокан и духоборов), выселенных из южных русских губерний в середине XIX в. Следует сказать, что это один из редких видов наполовину добровольного изгнания, сопровождающегося, в отличие от описанных в литературе видов насильственной миграции, не подавленным состоянием духа, а радостным подъемом, охватившим народ, движущийся в "землю обетованную", где он не будет подвергаться гонениям за религиозные убеждения. Разумеется, обычно ссылались наиболее ръяные, ортодоксальные последователи сект запрещенных толков, следовательно, можно предположить, что определенная селекция могла иметь место еще при переселении. В рассмотренном случае ссылались целыми семьями и даже деревнями, значит, социальная поддержка в таких группах не была сильно редуцирована. Далее, как пишет Н.Дингельштедт: "Новопереселенцев окружала сплошная масса армяно-татарского населения... В том крае без переводчика или искуссной пантомимы нельзя было в то время перемолвить ни слова ни с одним туземцем. Пришлецы русские оставались сами по себе, туземцы тоже сами по себе..."(28).

В данном случае мы имеем дело с контактом двух культур на групповом уровне, причем по всем признакам культуры эти оказались довольно далекими друг от друга. Исследования А.Фарнхема и С.Бочнера показали, что чем больше культурная дистанция, разделяющая те или иные культуры, тем большими затруднениями чреват контакт их представителей (29). Взаимодействие русских переселенческих групп и групп армян, азербайджанцев и грузин имеет длительную историю и в каждом случае свою специфику.

1. С помощью методов этнических авто- и гетеростереотипов, шкалы социальной дистанции и методики соотношения статусов (30) мы установили, что чем больше культурные различия между контактирующими группами (различия в хозяйственно-культурном типе, ведущих ценностях и религиозных установках), тем сильнее развивает группа социаль-

но-психологические механизмы контрсуггестии (31) (сопротивления инокультурному влиянию) в виде возрастания доли негативных стереотипов, увеличения социальной дистанции и завышения собственного статуса. Все эти механизмы действуют воедино и цель их - максимально ослабить инокультурное влияние, ведущее к распаду данной культурной идентичности, обладающей меньшими размерами и большей плотностью контактов с представителями соседней культуры.

2. В нашем исследовании эмпирически установлен "предел", до которого допустимо влияние культурно различных групп друг на друга. Культурные заимствования в области материальной культуры и хозяйственных приемов (т.е. внешнекультурных черт) оцениваются с обеих сторон положительно, заимствования же "психологического" характера, а именно изменения в ценностях, установках, мировоззрении (т. е. внутреннекультурных чертах) воспринимаются культурой, ощущающей эти изменения (обычно, меньшей этнической группой, в нашем случае - переселенческой), негативно, как угроза своему существованию.

3) В данном исследовании мы подошли к вопросу о примерных границах "критического" размера этнической общности, позволяющего ей быть полноценным субъектом межэтнического взаимодействия. В нашем исследовании самые крупные русские села порядка 2-3 тыс жителей были наиболее жизнеспособными по сравнению с более меньшими, однако следует отметить, что и этот размер - вариант нижней границы, предоставляющей группе возможность самостоятельного существования и обеспечения необходимой социальной поддержки членам данной группы. Села с меньшей численностью не выдерживали инокультурного давления, становились в результате оттока части русских жителей смешанными, что резко снижало общую удовлетворенность жизнью у оставшихся русских переселенцев, увеличивало ориентацию на отъезд и сопровождалось депрессией, минорными настроениями и другими деструктивными психологическими реакциями. В своей работе, посвященной малым японским группам в странах Латинской Америки, С.А.Арутюнов и Г.П.Сафина установили, что численность порядка 10000 является средней, при которой отмечается наибольшее сопротивление ассимиляции, наибольшее стремление к сохранению связей с ядром материнского этноса (32).

4) Говоря о психологической адаптации мигрантов к иной культурной среде, необходимо, как нам кажется, разделять два уровня: социально-психологический и индивидуально-личностный. До тех пор, пока этническая общность существует как единое целое и способна "защитить" себя от усиливающегося инокультурного влияния, мы вправе говорить о социально-психологической адаптации этнических групп. Несомненно, что личность, находясь в целостной, обладающей единством и сплоченностью этнической субкультуре, чувствует себя более защищенно и комфортно. Когда же инокультурное влияние становится сильнее, чем "защитные" механизмы этнической общности и, целостная в прошлом, она распадается на ряд отдельных социальных групп (а то и просто на отдельные семьи), то на уровне личностного сознания это ощущается как острый дискомфорт. Он побуждает личность либо искать необходимое ей чувство "мы" в других группах той же этнической принадлежности (обратная миграция в Россию), либо вживаться в новое иноэтничное "мы", которое долгое время было "они" (процесс аккультурации). Но это уже вариант адаптации на личностном уровне, где действуют иные закономерности. На уровне же социально-психологическом, или макроуровне, следует отметить, что пока этническая общность существует как целое, отражает в своем самосознании реальность всего с ней происходящего, сопротивляется собственному "распаду", мы имеем дело с вариантом адаптации, пусть и не слишком устойчивой. Когда же она "размывается": появляется разнообразие стереотипных оценок, сфера интересов замыкается внутри семьи, уменьшается внутриэтническая сплоченность, происходит изменение ценностной структуры и т.д., можно считать, что начался процесс психологической дезадаптации этнической общности в условиях инокультурного окружения.

Итак, для сохранения психического здоровья мигранту необходима "защитная оболочка" в виде социально-культурной группы подобных ему индивидов, причем для сохранения нормальной сети социальной поддержки и определенной плотности контактов группа эта должна быть довольно многочисленной. Можно высказать гипотезу, что для разных культур такая численность групп может быть различной в силу большей общей конформности в одних культурах и большей индивидуализации в других. Снижение численности группы ниже определенного "критического" размера влечет за собой, как показывают многочисленные эмпирические данные, резкое повышение психических расстройств у представителей данной культуры.

В литературе психоаналитического направления, рассматривающей миграцию как опыт страдания вследствие утраты, указывается, что биологическое или адаптивное значение общего (группового) страдания состоит в том, что оно помогает цементировать групповую сплоченность во всех случаях, когда сохранение "социального тела" необходимо для выживания, а миграция в иную культурную среду является именно таким случаем. Согласно данным Р.Кочрейна и М.Собеля, чувство противостояния общей угрозе приводит к возрастанию групповой сплоченности, возрастанию социальной интеракции, открывает возможность новых ролей и статуса для людей, первоначально изолированных и, таким образом, предлагает личности, испытывающей некоторую степень дистресса, внешнюю причину, объясняющую это психическое состояние, что снимает необходимость объяснять такое состояние личной неадекватностью или болезнью (33).

Конечно, как пишут А.Фарнхем и С.Бочнер, социальная поддержка не следует только из факта проживания в однонациональной группе, но наличие дружеских связей и включение абсолютно всех мигрантов в такую общину - это хороший показатель адаптации данной группы мигрантов (34). Мы также согласны с этими авторами в том, что для понимания проблемы межэтнических контактов в результате миграции большие возможности дает изучение данных контактов на

институциональном, т.е. на групповом, уровне, чем на индивидуальном (35). Согласно крассификации Бочнера (36), возможны четыре максимально общих и взаимоисключающих категории, описывающие последствия межкультурных контактов на групповом уровне: г е н о ц и д, а с с и м и л я ц и я, с е г р е г а ц и я и и н т е г р а ц и я. Г е н о ц и д - термин, обозначающий ситуацию, когда одна группа, обычно численно доминирующая или обладающая превосходящими технологическими средствами и ресурсами, уничтожает или пытается уничтожить всех членов другой группы, с которыми она вступает в контакт. В оправдание этого обычно выдвигается тезис о расовой или этнической неполноценности группы, подвергающейся уничтожению. А с с и м и л я ц и я - термин, используемый для описания процесса "поглощения" одной культуры другой. Это происходит, когда группа или целое общество постепенно адаптируется или вынуждается к адаптации к обычаям, ценностям, жизненным стилям, а часто и к языку доминирующей культуры. После нескольких поколений такой ассимиляции члены группы меньшинства имеют тенденцию становиться культурно и даже физически неотличимыми от коренных жителей, что приводит к фактическому исчезновению культуры меньшинства. Давление к ассимиляции может привести к чувству неполноценности, самоунижения и даже самоненависти (37). С е г р е г а ц и я - осторожная политика самостоятельного развития. Внутри одного общества призыв к сегрегации может исходить или от доминирующего большинства, добивающегося отстранения определенных групп меньшинств от ключевых позиций, или от самих групп меньшинств, активно добивающихся самостоятельности, культурной независимости, специальных школ, земельных владений, основывающихся на этнической принадлежности, санкций против межнациональных браков и т.д. На межгосударственном уровне это означает стремление к изоляции обществ друг от друга. Сама установка на то, что сегрегация желательная и возможна, имеет важные последствия для межнациональных отношений.

Все предыдущие варианты "решают" проблему контакта

между культурно различными народами либо путем уничтожения людей, отличных от них (геноцид), либо путем искоренения отличающейся культуры (ассимиляция), или посредством устранения контактов (сегрегация). Другими словами, эти "решения" имеют целью разрушить трудности кросскультурного контакта путем ликвидации его. Между тем кросскультурные отношения как проблема могут начать разрешаться только тогда, пишут А.Фарнхем и С.Бочнер, когда будет общепризнано, что человеческие группы различаются в своих культурных индивидуальностях, что они имеют право сохранять свои идеосинкретичные черты, если они этого желают, и данный принцип должен лежать как в основе отношений между государствами, так и в основе отношений культурно различных групп внутри одного общества.

Этот первый шаг, связанный с очевидной и простой мыслью, казалось бы, имеет очень важные и далеко идущие последствия. В своих основных формах принцип этот исключает геноцид и ассимиляцию как приемлемые формы кросскультурных отношений. Но что более существенно, это поднимает следующий вопрос: если группы являются и согласны быть различными, то каковы последствия такого культурного различия для общества? Другими словами, основной вопрос, который поднимает данный подход, - это могут ли культурно различные группы жить вместе в гармонии и если да, то какую природу имеет подобная связь? Другие подходы либо игнорируют этот вопрос, либо считают, что ответ может быть только отрицательным.

Но если начать с предположения, что в сущности культурные различия не ведут с жизненной необходимостью к конфликту, то это открывает путь к изучению условий контакта, способствующих или, наоборот, препятствующих кросскультурному пониманию. Модель подобного контакта основана на принципе интеграции и описывает структуру культурно совместимого общества. И н т е г р а ц и я - это такой принцип совместимости, когда разные группы сохраняют свои, присущие им исходно культурные индивидуальности, и в то же время объединяются в единое

общество на другом, равно значимом для них основании. Примеры такой интеграции существуют - в качестве примера можно назвать Гавайи, где разные этнические группы сохраняют свои культурные идентичности внутри общего каркаса, который объединяет их вместе, а закон, по крайней мере в принципе, обеспечивает равные возможности и взаимную терпимость (38). Хорошим примером интеграции также является интернациональное научное сообщество. Примеры интеграции в таком понимании достаточно редки, так как, на наш взгляд, человечество только подходит к возможности признания права различных культурных групп сохранять свою индивидуальность и к возможности научиться воспринимать данный факт без чувства личной ущемленности, что сплошь и рядом присутствует в межэтнических контактах. Межкультурная толерантность, терпимость-вот к чему должно идти человечество.

В четырех видах контекстов: геноциде, ассимиляции, сегрегации и интеграции можно увидеть единую последовательную линию, показывающую, как люди постепенно "учились" уживаться с непохожими на них людьми, как от полной нетерпимости к культурным различиям совершался переход ко все более сложным и толерантным формам взаимодействия. Кросскультурной психологии еще предстоит понять, что обеспечивает полноценный контакт культур, не приводящий к ущербу ни одной из них. Но некоторые факторы, способствующие такому контакту, уже известны. Согласно данным Дж.Берри и Р.Калина, исследовавшим связь между географической мобильностью и этнической толерантностью у канадцев, географическая мобильность позитивно связана с общей этнической толерантностью независимо от национальности испытуемых, их социоэкономического статуса и других переменных. Отсюда делается вывод, что "открытое" общество, с развитыми внешними миграциями, более толерантно, чем то, в котором люди имеют ограниченные контакты лишь с немногими культурами (39). В исследованиях Дж.Берри и М.Плежента, посвященных проблеме этнической толерантности в многонациональных обществах, установлено, что уверенность в своей собственной позитивной групповой идентичности

может дать основание для уважения других групп и выражения готовности обмена идеями, установками или для участия в совместной деятельности. На основе того факта, что позитивная групповая идентичность приводит к толерантности, а угроза этой идентичности - к нетерпимости и этноцентризму, ученые приходят к выводу: "Не может дальше продолжаться такое положение вещей, что выживание определенных групп зависит от уровня их этноцентризма. Реальная уверенность в таком выживании может быть предпосылкой для толерантности, которая может стать антитезой этноцентризму" (40).

Итак, для понимания других надо уважать собственную культуру, быть уверенным в ее ценном и позитивном значении и почаще встречаться с другими, отличными от нее культурами - таковы известные нам составляющие формулы культурной толерантности. Не уничтожать другого, не стремиться переделать его на свой лад, а уважать в нем присущее тебе самому желание быть самим собой и научиться не страдать от этого различия, сознавая, что оно не несет угрозы твоей индивидуальности,- таков психологический "подтекст" этой формулы.

В данной статье мы очертили лишь небольшой круг вопросов этнической экологии,которые можно попытаться решить с помощью психологических исследований. Благодаря своим глубоким и тонким методам и многочисленным теоретическим концепциям, накопленным в других отраслях психологической науки, кросскультурная психология и психология среды могут оказаться незаменимыми при реализации комплексного подхода в русле этнической экологии, необходимость которого диктуется как настоятельными практическими нуждами, так и возросшими возможностями полноценного научного синтеза.

Литература

1. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1982. С.17.
2. Козлов В. И. Основные проблемы этнической экологии // Сов. этнография. 1983. N 1. С.13.
3. Джонстон Р. Дж. География и географы. М., 1987.

4. Kirk W. Historical geography and the concept of the behavioral environment // Indian Geographical J. P.152-160.
5. Furnham A., Bochner S. Culture shock. L.; N.Y., 1986. P. 47.
6. Oberg K. Cultural shock: Adjustment to new cultural environments // Practical Anthropology. 1960. Vol.7. P.176.
7. Furnham A., Bochner S. Culture shock. P.50.
8. Zukerman M. Sensation seeking and psychopathy / Ed. R.D. Hare, D. Shalling // Psychopathic Behavior. Wiley, 1978.
9. Adler P. The transitional experience: An alternative view of culture shock // J. of Humanistic Psychology. 1975. Vol.15. P.22.
10. Furnham A., Bochner S. Culture shock. P.109-110.
11. Cochrane R. The social Creation of Mental Illness. L., 1983. P.100.
12. Березин Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л., 1988. С.147.
13. Cochrane R. Mental illness in England, in Scotland and in Scots living in England //Social Psychiatry. 1980. Vol.15. P.9-15.
14. Krupinski J. On the relationship between expectation and adaptation // Furnham A., Bochner S. Culture shock. P.175.
15. Furnham A., Bochner S. Culture shock. P.175.
16. Козлов В. И. Основные проблемы... С.17.
17. Hofstede G. Culture`s concequences: International differences in work-related values. Beverly Hills, 1984. P.256.
18. Feather N., Waseiluk G. Subjective assimilation among Ukranian migrants... // Australian and New-Zeland J. of Sociology. 1973. Vol.9. P.16-31.
19. Feather N., Rudzitis A. Subjective assimilation among Latvian adolescent... // International Migration. 1974. Vol.12. P.71-87.
20. Furnham A., Bochner S. Culture shock. P.196.
21. Ibid. P.197.
22. Ibid. P.198.
23. Cohen S., Noberman H. Positive events and social support as buffers of life change stress//

J. of Applied Social Psychology. 1983., Vol.13. P.99-125.

24. K r a u s J. Some social factors and the rates of psychiatric hospital admissions of immigrants in New South Wales // Medical J. of Australia. 1969. Vol.56. P.17-19.
25. K r u p i n s k i J. Psychological maladaptation in ethnic concentrations in Victoria, Australia / Ed. J. Pilovsky // Cultures in Collision. Adelaide, 1975. P.57.
26. M u h l i n G. Mental hospitalisation of the forein-born and the role of cultural isolation // Intern. J. of Social Psychiatry. 1979. Vol.28. P.258-276.
27. F u r n h a m A., B o c h n e r S. Culture shock. P.94-95.
28. Д и н г е л ь ш т е д т Н. Закавказские сектанты в их семейном и религиозном быту. СПб., 1885. С.5.
29. F u r n h a m A., B o c h n e r S. Social difficulty in forein culture: An empirical analisis of culture shock / Ed. S.Bochner // Cultures in Contact. Oxford, 1982. P.20.
30. Л е б е д е в а Н. М. Новые возможности одной известной концепции // Психол. журн. 1989. N 2.
31. П о р ш н е в Б. Ф. Контрсуггестия и история // История и психология. М., 1971. С.7-35.
32. А р у т ю н о в С. А., С а ф и н а Г. П. Малые японские группы в испаноязычных странах Латинской Америки //Расы и народы. М., 1982. Вып.12. С.180-189.
33. C o c h r a n e R., S o b e l M. Life stresses and psychological concequences / Ed. P.Feldman, J. Oxford // Psychological problems: The social context. Chichester, 1980. P.155.
34. F u r n h a m A., B o c h n e r S. Culture shock. P.185.
35. Ibid. P.213.
36. B o c h n e r S. The social psychology of cross-cultural relations / Ed.: S. Bochner // Cultures in Contact.
37. B e t t e l h e i m B. Individual and mass behavior in extreme Situations // J. of Abnormal and Social Psychology. 1943. Vol.38. P.417-452; L e w i n K. Self-hatred among Jews // Contemporary Jewish Rec. 1941. Vol.4. P.219-232.
38. D a w s G. Shoal of time: A history of the Hawaian islands. Honolulu, 1968.
39. K a l i n R., B e r r y J. Geographic mobility and ethnic tolerance // J. of Social Psychiatry. 1980. Vol.112. P.129-134.
40. См.: F u r n h a m A., B o c h n e r S. Culture shock. P.230.

А. А. В о р о н о в

ТРАДИЦИОННАЯ МЕДИЦИНСКАЯ КУЛЬТУРА И ЭТНИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ

Под традиционной медицинской культурой мы подразумеваем не только традиционно выработанные способы лечения уже возникших заболеваний у человека, но всю систему профилактических, превентивных традиционно сложившихся мер, направленных на предотвращение болезней. С этой точки зрения можно изучать, в какой мере все особенности традиционной культуры в состоянии обеспечить здоровье популяции, а следовательно, в какой мере она способствует адаптации популяции к окружающей среде.

В систему превентивных и профилактических особенностей традиционной медицинской культуры входят: 1) многочисленные целенаправленные гигиенические навыки и мероприятия, касающиеся воды, пищи, отходов, ухода за телом, поведения в местах обитания и т.д.; 2) обычаи и навыки поведенческого и физиотерапевтического характера, являющиеся системой физиологических коррекционных мероприятий: различного рода традиционная гимнастика, режимы сна, питания и труда и т.д.; 3) сама система обычаев и традиционных мировоззренческих взглядов, различные виды традиционного искусства, способствующие стабилизации и гармонизации психики и нервной системы; 4) гигиенические особенности любых сторон традиционной материальной культуры, которые могут рассматриваться с точки зрения их гигиенической целесообразности (жилище, одежда, орудия труда и т.д.).

Таким образом, одними из самых важных областей традиционной медицины, историю которых можно начать с животного мира, являются санитария и гигиены, имеющие, как, например, профилактика заболеваний (особенно заразных), не меньшее значение, чем лечение уже возникших болезней (1). Некоторые исследователи (Б.Д.Петров), подчеркивая особую значимость традиционной гигиены в существовании каждого народа, вкладывают в этот термин очень

широкое понятие опыта и взглядов народа в области именно охраны здоровья (2). Мы относим сюда не только уход за телом и разнообразные гигиенические нормы и приемы, но также и все представления о санитарных нормах, которые сопровождают человека от рождения до смерти во всех сторонах его жизни. Осуществление этих санитарных представлений и опыта сказывается в особенностях строительства жилищ, в устройстве мест для отбросов, в особенностях погребения и т.д. Эту сторону жизни мы можем наблюдать с древнейших времен, причем археология дает нам для этого богатейший материал, правда, не использованный с этой точки зрения в должной мере.

Точно также накапливался опыт людей в отношении употребляемой пищи: совместимости ее видов, компонентов и количества, целебных свойств и действия на людей в различном возрастном и физиологическом состоянии. Диетология и диетотерапия, начинаясь с гигиенических норм питания, предохраняющих от неблагоприятного действия самой пищи, смыкаются с терапией - лечением различными диетами и отдельными видами пищевых продуктов. Этот подход к питанию и подобные способы лечения были распространены у всех народов, и опыт в этом отношении очень ценился. Хорошим примером народной диетологии может служить широкое употребление в тропиках и субтропиках острых специй, особенно перца, для предохранения пищи от порчи, особенно быстрой в жарком климате, и для стимуляции процессов пищеварения.

Признавая социально=биологическую двойственность природы человека, следует подчеркнуть, что на самых ранних этапах его истории (а она насчитывает по современным данным по меньшей мере около четырех миллионов лет) биологическое начало играло в его жизни ведущую роль: первое время человек оставался просто неотъемлемой частью природы. Инстинктивное поведение очень постепенно и медленно превращалось в сознание, накапливались конкретные знания, вновь проверяемые опытом многих поколений и закрепленные традицией. Как хорошо известно, социально

детерминированными считаются стороны человеческой деятельности, механизм передачи которых действует помимо наследственности, но и здесь важно подчеркнуть существование биологических предпосылок "социальной памяти"(3). Очевидно, биологическая детерминация постепенно ослабевала и заменялась социальной, передача функций носила сложный во времени характер и диктовалась взаимообусловленностью биологических и социальных факторов.

Первобытный человек, выходя из животного состояния, эмипирически, например, поддерживал структуру своего питательного рациона. Увеличение удельного веса мясной и рыбной пищи явилось новым мощным стимулом совершенствования человека, а с другой стороны оказывало влияние на состав и соотношение других пищевых компонентов древнего человека (4). Так, ему не надо было заботиться о добывании и употреблении соли, ибо его организм получал необходимое количество этого продукта при употреблении сырого, а позднее и жареного на костре мяса. В дальнейшем оказалось, что в вареном мясе и в зерновых продуктах уже было очень мало хлористого натрия, и это толкнуло на поиски необходимого продукта, что в конечном итоге привело к целенаправленному употреблению соли, Поскольку ее первоначально было мало, ее высоко ценили и даже почитали. Ученые отмечают распространение этого явления у американских индейцев и африканцев, считающих съдобными некоторые виды глины. Химический анализ показал, что в них содержатся многие минералы, важные для жизнедеятельности человека,но отсутствующие в составе тех продуктов, которые потребляют в пищу народы, живущие в этом районе.

Вместе с тем следует признать, что в процессе исторического развития одновременно происходила у человека потеря интуиции общения с природой, на некоторые рациональные знания лег налет мистики (5). На Международном коллоквиуме по лекарственным растениям Мадагаскара и бассейна Индийского океана в апреле 1972 г. П.Буато убедительно показал в своем докладе, что некоторые древнейшие народные традиции имеют значительную медицинскую

ценность. В частности, он считает, что обычай набивать матрацы листьями определенных растений возник вовсе не для изгнания злых духов, а потому, что эти растения обладают целебными свойствами и отгоняют насекомых=паразитов (6).

Большую роль играет гигиенический подход и в традиционной педиатрии; часто он имеет очень яркую этническую окраску, которая проявляется в особенностях кормления ребенка, его пеленания, мытья, смазывания разными маслами и мазями, в способах его закаливания, в разном устройстве люльки и т.д., что, несомненно, сказывалось и на дальнейшем состоянии здоровья уже взрослых людей.

Соблюдение личных и семейных норм гигиены и санитарии также входило, как мы уже говорили, в хозяйственную сферу жизни, санитарные представления и практика сказывались на ведении всего хозяйства. Ярким примером этого может служить характерная для некоторых народов практика переселения (например, кавказских аулов) на новое место, когда количество всякого рода отбросов превысит норму. Это приводило их к своеобразной неполной оседлости.

Традиционные особенности личной гигиены, например, таких,как различного рода омовения или запреты на прикосновения, гигиенические особенности хранения и употребления различных пищевых продуктов и воды, обращение с пищевыми остатками, традиционные гигиенические приемы ведения домашнего хозяйства связаны с климатом, ландшафтом и локальными особенностями места обитания, так как эти географические факторы оказывают не только прямое воздействие на человека, но обусловливают появление и распространение специфических для данной местности и климата инфекций, иногда принимавших характер эпидемий или пандемий и уносивших порой большую часть популяции. Таким образом, этот слой культуры, связанный со всеми особенностями окружающей среды, был очень важен для существования популяции, имел выраженную этническую специфику и закреплялся в форме обычаев, семейных и общественных традиций, достаточно устойчивых обрядов и религиозных предписаний. С точки зрения интеграционной оценки можно утверждать, что традиционный образ жизни, как правило, обеспечивал достаточно длительное и устойчивое существование такой многочисленной и высокой по своему таксономическому рангу популяции, как этнос.

С окружающей средой и климатом прямо или опосредствованно через специфику и интенсивность трудовой деятельности, связаны и различные традиционные физиологические коррекционные навыки. Речь идет о так называемой "нелекарственной саморегуляции", которая достаточно распространена у всех народов (7). К ней могут быть отнесены режимы сна, традиционные системы диеты (например, посты), аутотренинг (различного рода медитации, так распространенные у некоторых народов Азии), специальные виды традиционной гимнастики (например, хатха йога у народов Индии), тепловые и водные процедуры (например, русская парная баня), традиционные виды массажа, в частности, знаменитый китайский точечный массаж. Таким образом, если собственно гигиенические обычаи направлены в целом на предохранение от различных неблагоприятных свойств внешней среды, способы "нелекарственной саморегуляции" направлены на систематическое восстановление и стимуляцию сил самого организма.

К традиционным физиологическим коррегирующим мерам можно отнести и систематическое употребление или введение в постоянный рацион питания средств, стимулирующих и возбуждающих нервную систему, либо наоборот успокаивающих ее. К таким средствам относятся чай, кофе, табак, принятое у некоторых народов постоянное жевание листьев различных растений (например, жевание листьев коки или бетеля). Необходимость стимуляции нервной системы часто находилась в прямой зависимости от действия специфических и в ряде случаев экстремальных климатических условий, в которых проживают эти народы.

Несомненно, нервная система у такого биологически высокоорганизованного существа, как человек, - инструмент достаточно тонкий и характеризуется высокой лабильностью

9.Зак.1376

и подвижностью своих процессов. Социальная же организация человеческой жизни многообразна, сложна и часто полна различными изменениями, в том числе и очень значительными социальными переменами. Поэтому для сохранения адекватного и гармоничного функционирования нервной системы и стабилизации психики в человеческом обществе с самого начала его существования возникли социальные механизмы, ослабляющие и предотвращающие излишнее и чрезмерное возбуждение нервной системы. Такими стабилизирующими механизмами являются сами обычаи, этнические, в том числе и религиозные традиции - все то, что создает традиционно устойчивый уклад жизни. Как правило же, этнограф рассматривает только содержание той или иной традиции, и суждение о пользе и вреде обычая сводится к вопросу о его рациональности или иррациональности. Кстати, подходя таким образом, следовало бы считать вредным и устранить и весь мир сказок и легенд,который так важен для воспитания и стабилизации психики и нервной системы у детей (а нередко и у взрослых). Однако сама по себе стабильность, вносимая устойчивыми обычаями и традиционными установлениями, поступки и поведение, диктуемые ими в тех или иных обстоятельствах жизни, предотвращают чрезмерную перегрузку и перевозбуждение нервной системы. Вопрос же о том, какие именно представления и образы больше соответствуют особенностям человеческой психики и какие из них более устойчиво ее стабилизируют, далеко не так, как нам кажетсяю, прост. Мы вынуждены ограничиться в этой статье лишь общим суждением на эту тему в связи с тем, что она не является достаточно разработанной и требует своего специального исследования.

Помимо своего прямого предназначения, своей прямой роли в развитии духовного мира человека, все виды традиционного изобразительного, музыкального и хореографического искусства либо гармонизировали и стабилизировали психику и нервную систему,либо давали выход накопившемуся нервному напряжению. Значение традиционного искусства в поддержании как психического , так и физического здоровья

популяции очень велико, недаром его удельный вес в традиционном образе жизни был так значителен. Но даже и эта вполне прагматическая и рациональная сторона гигиенического влияния традиционного искусства довольно плохо изучена.

Место и роль традиционной материальной культуры в системе жизнеобеспечения людей в конкретной географической среде делает ее основным звеном в экологии человека (8). Однако влияние предметов материальной культуры (орудий труда, одежды, жилища и т.д.) не исчерпывается их прямым предназначением: осуществлять возможность труда, согревать в условиях холодного климата, защищать от многочисленных воздействий и опасностей окружающей природы и т.д., они должны удовлетворять и многим другим гигиеническим требованиям: орудия труда должны быть "удобными" в употреблении, т.е. не ранить кожу и быть наименее физиологически утомительными, одежда должна не только греть, но и в достаточной мере пропускать воздух и не затруднять движения, жилище должно быть не только прочным, но и в меру теплым, светлым, сухим и не очень душным. Таким образом, появляется довольно многосторонняя гигиеническая оценка предметов материальной культуры, исходя из физиологических особенностей человека.

Влияние гигиенических особенностей материальной культуры на состояние здоровья людей очень значительно, вместе с тем физиологические проявления в различной географической среде очень отличаются. Поэтому этнические особенности традиционной материальной культуры и с гигиенической точки зрения должны быть "притерты" к тем ландшафтно-климатическим условиям, в которых обитает этнос. Учитывая эту сторону материальной культуры, она может рассматриваться и как часть традиционной медицинской культуры народа.

Помимо превентивной и профилактической составных частей традиционной медицинской культуры существует, как известно, и собственно лечебная традиционная медицина, которая способствует выздоровлению уже заболевших людей,

и подвижностью своих процессов. Социальная же организация человеческой жизни многообразна, сложна и часто полна различными изменениями, в том числе и очень значительными социальными переменами. Поэтому для сохранения адекватного и гармоничного функционирования нервной системы и стабилизации психики в человеческом обществе с самого начала его существования возникли социальные механизмы, ослабляющие и предотвращающие излишнее и чрезмерное возбуждение нервной системы. Такими стабилизирующими механизмами являются сами обычаи, этнические, в том числе и религиозные традиции - все то, что создает традиционно устойчивый уклад жизни. Как правило же, этнограф рассматривает только содержание той или иной традиции, и суждение о пользе и вреде обычая сводится к вопросу о его рациональности или иррациональности. Кстати, подходя таким образом, следовало бы считать вредным и устранить и весь мир сказок и легенд,который так важен для воспитания и стабилизации психики и нервной системы у детей (а нередко и у взрослых). Однако сама по себе стабильность, вносимая устойчивыми обычаями и традиционными установлениями, поступки и поведение, диктуемые ими в тех или иных обстоятельствах жизни, предотвращают чрезмерную перегрузку и перевозбуждение нервной системы. Вопрос же о том, какие именно представления и образы больше соответствуют особенностям человеческой психики и какие из них более устойчиво ее стабилизируют, далеко не так, как нам кажетсяю, прост. Мы вынуждены ограничиться в этой статье лишь общим суждением на эту тему в связи с тем, что она не является достаточно разработанной и требует своего специального исследования.

Помимо своего прямого предназначения, своей прямой роли в развитии духовного мира человека, все виды традиционного изобразительного, музыкального и хореографического искусства либо гармонизировали и стабилизировали психику и нервную систему,либо давали выход накопившемуся нервному напряжению. Значение традиционного искусства в поддержании как психического , так и физического здоровья

популяции очень велико, недаром его удельный вес в традиционном образе жизни был так значителен. Но даже и эта вполне прагматическая и рациональная сторона гигиенического влияния традиционного искусства довольно плохо изучена.

Место и роль традиционной материальной культуры в системе жизнеобеспечения людей в конкретной географической среде делает ее основным звеном в экологии человека (8). Однако влияние предметов материальной культуры (орудий труда, одежды, жилища и т.д.) не исчерпывается их прямым предназначением: осуществлять возможность труда, согревать в условиях холодного климата, защищать от многочисленных воздействий и опасностей окружающей природы и т.д., они должны удовлетворять и многим другим гигиеническим требованиям: орудия труда должны быть "удобными" в употреблении, т.е. не ранить кожу и быть наименее физиологически утомительными, одежда должна не только греть, но и в достаточной мере пропускать воздух и не затруднять движения, жилище должно быть не только прочным, но и в меру теплым, светлым, сухим и не очень душным. Таким образом, появляется довольно многосторонняя гигиеническая оценка предметов материальной культуры, исходя из физиологических особенностей человека.

Влияние гигиенических особенностей материальной культуры на состояние здоровья людей очень значительно, вместе с тем физиологические проявления в различной географической среде очень отличаются. Поэтому этнические особенности традиционной материальной культуры и с гигиенической точки зрения должны быть "притерты" к тем ландшафтно-климатическим условиям, в которых обитает этнос. Учитывая эту сторону материальной культуры, она может рассматриваться и как часть традиционной медицинской культуры народа.

Помимо превентивной и профилактической составных частей традиционной медицинской культуры существует, как известно, и собственно лечебная традиционная медицина, которая способствует выздоровлению уже заболевших людей,

часто спасая им жизнь и ускоряя их возвращение к трудовой деятельности, что сохраняет трудовой потенциал и численность популяции.

Исторически возникновение традиционной медицины связано со становлением самого человечества. Болезнь как защитная реакция организма при неблагоприятных воздействиях окружающей среды является одной из естественных сторон жизни – она присуща всем живым существам, в том числе и человеку. Инстинктивное лечение различных недомоганий, особенно лекарственными растениями, мы наблюдаем у многих животных. С развитием интеллекта у человека эти инстинктивные действия переходили в область сознания и усложнялись (9). Большой палеопатологический материал свидетельствует о самых разнообразных заболеваниях человека с древнейших периодов его истории (10). Эти данные свидетельствуют также о том, что медицинские знания первобытного человека были весьма обширными.

Формированию медицинских знаний способствовала повседневная медицинская практика человека. Прежде чем остановить свой выбор на тех или иных видах окружающей его флоры, он неоднократно испытал действие многих из них на себе. В традиционно-устной медицине доклассовых обществ могут быть условно выделены два слоя: бытовой, носителем которого является каждый человек, каждая семья, и "профессиональный", представленный знахарями, шаманами, колдунами и т.п. Между "профессиональным" и бытовым слоями существовала "обратная связь", обеспечивающая для лечения соответствующую психологическую атмосферу. Источником медицинских знаний в конечном счете был, несомненно, народный, массовый опыт, но лица из "профессионального" слоя обладали также и некоторыми специальными знаниями (в том числе религиозно-магическими), обычно передававшимися из поколения в поколение и закрепленными семейными традициями.

"Профессиональный" слой традиционно-устных медицинских знаний, судя по всему, во многих этнических регионах является главной исходной базой традиционно-письменной

медицины. Появление последней, несомненно, связано с возникновением отдельных центров цивилизации. Традиционно-письменная медицина, обладающая материальным носителем информации, характеризуется большими возможностями накопления и значительно более надежным и длительным хранением накопленной информации, чем традиционно-устная. Потребность в закреплении медицинской информации проявилась в самых ранних источниках письменности. Тексты медицинского характера содержатся уже в глиняных табличках, найденных при раскопках дворца Ашшурбанипала.

Высокий медицинский профессионализм – одна из характерных черт традиционно-письменной медицины. Его развитию способствовало появление специальных медицинских школ. Вместе с тем традиционно-письменные медицинские системы находились, как правило, в тесной связи с той или иной господствующей религией. Наиболее известны из них индо-тибетская, китайская, арабская традиционные медицинские системы, система салернской школы и др. (11) Традиционно-письменная медицина, несомненно, несет большую этническую нагрузку, будучи одним из существенных компонентов культуры отдельных историко-этнографических регионов.

Народами мира накоплен огромный опыт в области фармакогнозии и фармакотерапии. Как уже говорилось, он уходит своими корнями в глубокую древность. Наиболее распространены лекарства растительного происхождения. К настоящему времени арсенал лекарственных растений, используемых в народной медицине разных стран мира, насчитывает более 10 тыс. видов. С лечебной целью в народной медицине употреблялись как дикорастущие, так и культивируемые растения. Широко применялись также средства животного происхождения. Например, в Карпатском регионе в лечебных целях нередко употреблялись различные молочные продукты. Большой популярностью пользовались здесь барсучий, медвежий, собачий, ежовый, гусиный жиры (12). У народов Восточной Азии издавна высоко ценятся панты оленей. Лечебные средства животного происхождения были особенно распространены у скотоводческих народов. Напри-

мер, верблюжье молоко широко применялось для лечения желудочных заболеваний, а верблюжья моча - как антисептическое средство (13). Одним из самых удивительных достижений практического народного опыта является вакцинация против оспы. Она была распространена в отдаленных друг от друга этноисторических регионах: в Восточной Азии, в Африке, на Кавказе и на Британских островах (Ирландия), проводилась в них различными способами и что, пожалуй, самое интересное, способы приготовления вакцины были различными. Скорее всего это свидетельствует о самостоятельном возникновении оспопрививания в этих регионах (14).

Говоря о способах лечения, употребляемых в традиционной медицине, нельзя не упомянуть о психотерапии, обычно принимавшей магический облик. По признанию одного из современных зарубежных этнографов, "психоанализ всего лишь заново открыл и изложил в новых понятиях тот подход к лечению болезней, истоки которого восходят к первым дням человечества. Знахари первобытных племен всегда пользовались средствами психоанализа, часто с искусством, которое поражает даже наших наиболее известных ученых (15). В современной научной медицине психотерапия рассматривается как неотъемлемая "часть лечебного процесса в комбинации с другими и отнюдь не противопоставляется другим формам лечебного воздействия на психику и соматику больного"(16). В народной медицине это сочетание иногда представляло собой еще более целостный сплав и давало большой лечебный эффект, хотя и вносило в процесс лечения многочисленные предрассудки, характерные для культурной среды, окружавшей врача и больного. Широко применялись, как известно, разнообразные магические приемы, обычно сочетавшиеся с эмоциональным воздействием на психику больного различных видов искусства (музыки, танцев и т.п.)(17).

Вообще известно, что самый разнообразный, первоначально чисто эмпирический опыт в определенный исторический момент мог быть переосознан, ритуально закреплен и

стать культом (или элементом в большом культовом ритуале), при этом иногда даже отрываясь от своей первоначальной основы. Таким образом, магический обряд лечения наряду с совершенно несообразными магическими редствами мог включать средства, вполне оправданные положительным лекарственным опытом. Магические обряды, несомненно, вызывали, особенно при безраздельной вере больного в их целебность, значительный психотерапевтический эффект, который иногда уже сам по себе мог оказывать положительное лечебное действие, а при удачном сочетании с действительно лекарственными средствами приводить в ряде случаев к быстрому излечению.

На развитие традиционной медицины, безусловно, влияло состояние естественнонаучных представлений, традиции которых в прошлом нередко имели определенную этническую специфику. В этой связи можно отметить, например, что у одних народов издавна практиковалось анатомирование трупов (например, в Индии), в то время как у других народов (например, в Китае) оно вплоть до начала XX в. считалось недопустимым (18). Сказывался на народной медицине и тип хозяйства. В частности, известно, что переход к скотоводству и связанная с этим ветеринарная практика немало содействовали развитию таких областей медицины, как хирургия и акушерство.

Приемы помощи животным при заболеваниях и травмах, при трудных и патологических родах, естественно, переносились и на людей. Есть все основания думать, что хирургическая техника стояла у первобытных народов на большой высоте. Об этом говорит и палеопатологический материал со следами таких сложных операций, как трепанация черепа и этнографические описания первобытной операционной техники, например, у племен Центральной Африки и Южной Америки. Целый ряд исследователей указывает, что удовлетворительное срастание переломов наблюдалось ими на палеопатологическом материале довольно часто, а количество осложненных переломов невелико (19). Это может, очевидно, расцениваться как результат довольно умелой травматологичес-

кой помощи. Особое внимание привлекают ранние свидетельства о такой сложной хирургической операции, как трепанация черепа. Череп со следами трепанации, которая была произведена 12 тыс. лет назад, обнаружен в эпипалеолитическом могильнике Тафоральт в Северной Африке. Аналогичный череп был найден в мезолитическом могильнике Васильевка III на Украине. Там же, на Украине, и в Прибалтике были найдены черепа эпохи неолита со следами полного заживания трепанационного отверстия. Судя по палеопатологическому материалу, в эпоху бронзы трепанация черепа производилась довольно часто (20).

Следует отметить, что постоянная потребность в медицинской помощи не могла не сказаться, в свою очередь, на многих сторонах традиционной хозяйственной жизни народов мира. Сбор лекарственных растений и первичная обработка лекарственного сырья в крестьянских хозяйствах, отдельные промыслы редкого лекарственного сырья и лекарственных веществ, ремесленное изготовление медицинских инструментов и приготовление лекарств, торговля ими у каждого народа заставляют считать традиционную медицину одновременно частью народнохозяйственной жизни.

Каждый из лечебных приемов в традиционной медицине практиковался во всем богатстве этнического и этнорегионального своеобразия. Выявление этнической самобытности народной медицины предполагает также рассмотрение связи всех ее элементов с географической средой обитания изучаемых народов. Экологические особенности среды обитания, как известно, оказывают немалое влияние на возникновение болезней, особенности их проявления и специфику лечебных средств.

Таким образом, лечебное направление традиционной медицинской культуры является существенным и непременным, самостоятельно очерченным компонентом традиционной культуры каждого народа, компонентом, который компенсировал как неизбежное неблагоприятное действие самой окружающей среды на организм человека, так и гигиенические недостатки других компонентов традиционной культуры, рассматриваемой в данном случае как промежуточное звено в экологии человека. Человек, обладающий современным научно-философским мышлением, не должен поддаваться самообману, будто бы болезнь - случайное явление. Болезнь является одной из естественных сторон жизни - она связана с защитой от любых неблагоприятных воздействий внешней среды и она присуща всем живым организмам.

В социальном и культурном развитии человечества, которое привело его к этнически дифференцированному панэйкуменному расселению, медицинская культура каждого народа, являясь обязательным составным элементом, компенсирует возникающие нарушения физического и психического здоровья и обеспечивает необходимую для существования популяции продолжительность жизни людей. Тем самым она может рассматриваться как один из социокультурных механизмов адаптации человека к окружающей среде.

Рассматривая все аспекты традиционной медицинской культуры, мы можем выделить три основных ее направления: первое - гигиенические (в широком смысле этого понятия) свойства различных компонентов духовной и материальной традиционной культуры, второе - совокупность традиционных превентивных мер, предупреждающих возникновение различных (соматических и психических) болезней, третье - лечение уже возникших заболеваний.

В целом особенности традиционной медицинской культуры определяли процентное количество болеющих в популяции людей, характер и степень тяжести заболеваний,влияли на структуру заболеваемости и на целый ряд демографических показателей,в особенности на рождаемость и смертность.Мы склонны выделять традиционную медицинскую культуру как особое звено в этнической экологии, которое прямо или опосредствованно через другие элементы традиционной культуры связывает состояние здоровья в человеческих сообщесществах с окружающей средой, с одной стороны, и влияет на энергетически-трудовой потенциал, с другой.

Дальнейшее этническое и региональное изучение традиционной медицины должно выявить и ее более глубокую связь с с географической средой обитания изучаемых народов, ее экологическими и биогеографическими особенностями. Это ка-

сается как связи особенностей среды обитания с причинами возникновения региональных заболеваний (краевая патология) и географических особенностей проявления общих для человечества заболеваний, так и наличия специфических для этой среды обитания гигиенических традиций и лечебных средств. При этом не следует, видимо, также забывать о существовании психических и физиологических различий у представителей народов разных климатических поясов земли.

Литература

1. Беселия Л. В. Народная гигиена и косметика в Грузии // Тез. Всесоюз. науч. конф. "Этнографические аспекты изучения народной медицины". Л., 1975. С.69. (Далее - Тез. ВКЭНМ).

2. Петров Б. Д. Народная гигиена // Гигиена и санитария. 1960. N 4. С.51-54.

3. Ребане Я. К. О биологических предпосылках социальной памяти// Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Тарту, 1973. Вып.273. С.13-41; Аарелайд А. М. Некоторые аспекты комплексного исследования детерминации отражения времени// Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Тарту, 1977. Вып.404. С.95-105.

4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.20. С.486-499.

5. Миндадзе Н. Народные средства лечения в Грузии // Дзеглис мегобари. Тбилиси, 1976. N 42. С.45-47, 73, 74 (на груз. яз., резюме на рус. яз.).

6. Рандриаманантена. Знакомьтесь - Мадагаскар // За рубежом. 1973. N 97.

7. Ray R. D., Brown D. A. A systems approach to behavior // Psychol. Res. 1975. Vol.25. P.459-478.

8. Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // Сов. этнография. 1983. N 1. С.3-16.

9. Решетов А. М. К истории формирования медицинских знаний у человека // Тез. ВКЭНМ. С.18-20.

10. Moodie R. L. Paleopathology. Illinois, 1923; Wells C. Bones, bodies and diseases. L., 1964; Рохлин Д. Г. Болезни древних людей (кости людей различных эпох - нормальные и паталогически измененные). М.;Л., 1965; Гохман И. И. Палеоантропологический материал как источник знаний по народной медицине//Тез. ВКЭНМ. С.11-12; Азаренко В. И. Врачевание древних людей по палеостоматологическому материалу на территории Белоруссии //Там же. С.16-17.

11. Яковлев Г. П. О народной, традиционной и научной медицине // Тез. ВКЭНМ. С.5-8.

12. Болтарович З. Е. Народные средства лечения украинцев Карпат конца XIX - начала XX в. // Тез. ВКЭНМ. С.71.

13. Гумиров В. З. Некоторые данные из народной медицины башкир // Тез. ВКЭНМ. С.60-62.

14. Корниевский П. А. Материалы для истории китайской медицины. Тифлис, 1877. С.92-98; Чжу Янь. Достижения древнекитайской медицины. М., 1958. С.73-76; Рачвелишвили Б. Х. О народной медицине Грузии. М., 1964. С.4-5; Logan F. Making the cure: A look at Irish folk medicine. Dublin, 1972. P.6-7; Imperato P. I. The practice of varialation among the Longha of Mali // Trans. of the Royal Soc. of tropical medicine and hygiene. 1968. Vol.62, N 6. P.868-873; Imperato P.J, Traore D. Traditional Beliefs About Smallpox and Its Treatment in the Republic of Mali // J. of Tropical Medicine and Hygeen. 1968. Vol.71, N 3. P.224-228.

15. Цит. по: Райт Г. Свидетель колдовства. М., 1971. С.57.

16. Буль П. И. Основы психотерапии. Л., 1974. С.50.

17. Ветухов А. В. Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова. Варшава, 1907. Вып.1-11; Демидов Е. Г. Лечебные средства шамана (На материале малых народов Дальнего Востока. Конец XIX - начала XX в.) //Тез. ВКЭНМ. С.24; Карабанова С. Ф. Использование пиявок в качестве лечебного средства на примере шаманского обряда у малых народов Дальнего Востока (начало XX в.)// Там же. С.25.

18. Бонгард-Левин Г. М., Герасимов А. В. Мудрецы и философы древней Индии: (Некоторые проблемы культурного наследия). М., 1975. С.291; Воградлик В. Г., Вязьменский Э. С. Очерки китайской медицины. М., 1961. С.28, 64.

19. Рохлин Д. Г. Древность паталогических процессов на ископаемых костях человека в СССР. М., 1964. С.3; Казей Л. Н. Врачевание людей в средневековье на территории Белорусской ССР: (По костному материалу археологических раскопок) // Тез. ВКЭНМ. С.12-13.

20. Рохлин Д. Г. Болезни древних людей... С. 173-174, 237-243; Дэрумс В. Я. Трепанация черепа в древней Прибалтике// Тез. ВКЭНМ. С.13-14.

21. Кренделев Ф. Амулеты, талисманы, физические поля // Неделя. 1977. N 36. С.10.

А. Г. Г а н ж а

ИННОВАЦИИ В СИСТЕМЕ "ЭТНОС - ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА"

При изучении любого явления, в том числе и взаимодействия этноса с природой, необходим исторический подход (1).

Историческая реконструкция ранних этапов этногенеза представляет собой сложную проблему, так как из-за отсутствия каких-либо прямых параллелей судить о нем можно только на основе косвенных данных. Это те этнографические материалы, которые с большей или меньшей долей вероятности могут рассматриваться как пережитки древнейшего состояния человека, некоторые факты археологии и антропологии, а также сведения об экологии животных, особенно человекообразных обезьян и т.д. Поэтому выводы данной статьи носят предварительный характер и могут рассматриваться как рабочая гипотеза.

"Происходя от группы общих с некоторыми обезьянами предков, родоначальники человека явились звеном естественной эволюции жизни на Земле. В ее основе лежало формирующее действие естественного отбора, включающего мутации, скрещивания и изолюцию популяций"(2). Но в процессе эволюции человек научился "отгораживаться" от дикой природы, используя для этого искусственную среду (одежда, жилище, поселение), "искусственные органы" и вообще культуру в широком смысле слова, которая в значительной мере защитила его от неблагоприятного воздействия естественной среды обитания (3). Поэтому именно культура стала эволюционировать вместо человеческого организма в ответ на внутренние потребности человека, общества и на изменения окружающей среды. В самом же человеке процесс естественного отбора по физическим признакам постепенно затухает и переходит в область сознания, психики, интеллекта (отбор по информационно-прогностическим способностям мозга"(4).

Далекие предки наши в силу своей малочисленности, разделяющих их расстояний и природных преград (моря,

горы, пустыни, большие реки и т.д.), для того времени непреодолимых, заселяли земную поверхность неравномерно в виде более или менее изолированных групп (5). В процессе адаптации к данной местности путем проб и ошибок у каждой группы наряду с общечеловеческими, связанными с общими закономерностями развития, вырабатывались свои стереотипные навыки природопользования, формы мышления, поведения и другие традиции (6). Например, охота как способ эксплуатации природы на определенном этапе развития свойственна практически всем народам. Но охотились люди только на животных, обитавших в данной местности. Поэтому у разных охотничьих коллективов вырабатывались свои особые навыки, связанные с особенностями поведения и экологии животных, являвшихся объектом охоты в их районе. С теми же животными были связаны фольклорные сюжеты, многие мировоззренческие и религиозные представления. Одежда и технология ее изготовления зависели от местного климата, а также от особенностей материала, из которого она изготовлена. Характер местных материалов во многом определял свойства и форму жилищ, орудий и т.д. Наконец, с окружающими условиями (рельефом местности, климатом, ресурсами и пр.) связан в значительной мере и язык данной группы. Все это можно назвать "первичными" этническими признаками.

По изложенным выше причинам местность, в которой проживала данная группа, воспринималась ею как "своя", знакомая и понятная. Напротив, всякая незнакомая, особенно отличающаяся ландшафтом, климатом, ресурсами и т.д., была непонятна, а значит, опасна (7). Такие охранительные и другие традиции жизнеобеспечения передавались в процессе обучения младшим поколениям и закреплялись в их сознании опытом повседневной деятельности: следование традициям удовлетворяло все их потребности. Поэтому традиции были тем сильнее, чем дольше жила группа в данных условиях (8), и постепенно превращались в автоматическое соблюдение правил, предписанных в данной этнической группе при подчинении младших поколений старшим как знатокам и блюстителям традиций. Пока окружающие условия остава-

лись неизменными, усвоение чего-то нового было чрезвычайно затруднено (9).

Обычно очень немногие индивиды способны к самостоятельному мышлению, поступкам, выходящим за рамки общепринятых, различным изобретениям, нововведениям и т.д.(10) В древности такими "отклонениями" они могли нарушить строго регламентированный образ жизни группы, что в тех условиях могло привести к дезорганизации привычной жизни и производства ("еретики"). Таких людей, если они не "таили своих возможностей в себе", обычно сторонились, изолировали от общества, убивали или изгоняли (отсюда "изверги", "изгои")(11).

С ростом численности этносов эксплуатация природы постепенно распространялась в том же виде по всей "своей" территории. Людям в этом случае не было необходимости развивать производительные силы и менять собственный образ жизни. Когда же вся территория была освоена (тем быстрее, чем меньше территория)(12), дальнейший рост населения увеличивал его плотность, а следовательно, и "давление" на природу территории. Необходимые для жизни ресурсы не успевали восстанавливаться, что порождало недостаток средств существования; накапливались продукты жизнедеятельности. Наступал локальный демографо-экологический кризис. Таким образом, не желая того, группа так изменяла окружающую ее среду, что жить на данной территории по-старому становилось все труднее и труднее.

Необходимо было искать пути выхода из кризиса. Однако из-за традиционности мышления люди еще долгое время продолжали бездумно следовать нормам, выработанным в докризисный период ("так надо", "так всегда было", "так все поступают", "так заведено" и т.д.), в том числе вести традиционное хозяйство, тем самым еще более усиливая кризис. Так охотники продолжали охотиться на традиционный вид дичи, несмотря на то что резкое его сокращение уже нарушило структуру местного биоценоза; скотоводы даже при истощении пастбищ до предела считали позором занятие

земледелием; земледельцы изводили в подсеке леса, необходимые для нормального функционирования пашен.

Но кризис рано или поздно подрывал все-таки авторитет традиций, противоречивших изменившимся условиям окружающей среды. Теперь беспрекословное подчинение им не гарантировало группе "нормальную" жизнь. Преодоление таких традиций становилось жизненной необходимостью для общества. В этот период часть молодежи, у которой уважение к традициям еще не успело в достаточной мере закрепиться в процессе личного опыта, шла за "еретиками"-новаторами, которых, по-видимому, можно идентифицировать с "культурными героями" фольклора. Лишь "еретики" могли преодолеть традиции: например, увести часть населения ("дочернюю" по отношению ко всему обществу группу) на запрещенную традицией территорию (13). С такими героями фольклорная традиция нередко связывает возникновение новых этносов. Например, происхождение чехов и поляков (ляхов) связывается, по преданию, с деятельностью братьев Чеха и Ляха, восточнославянские племена родимичей и вятичей берут начало от братьев Родима и Вятки и т.д.

Одним из результатов переселения на новую территорию явилось "наложение" на "первичные" этнические признаки "вторичных", связанных с адаптацией к новой территории. "Дочерние" группы могли выделяться из "материнских" неоднократно, а со временем аналогично и сами выделять "дочерние" группы, которые, приспосабливаясь к новым условиям, вырабатывали новые элементы культуры и даже этнические признаки (14).

На старых же территориях с уходом части людей, с ослаблением "демографического давления" природное равновесие могло в той или иной степени восстановиться. Это позволяло оставшемуся здесь населению вести прежний образ жизни, "консервируя" свою культуру или развивая ее иначе, чем у "дочерних" этносов.

Если же страх перед "чужой" территорией оставался еще слишком сильным, особенно на ранних этапах прогресса, когда транспортные средства были недостаточно развиты

или мигрировать оказывалось некуда (оазисы в пустыне, горные долины, морские острова и т.д.)(15), "еретики"-новаторы и те, кто шел за ними, в период кризиса имели больше преимуществ в борьбе за выживание на своей старой территории. Такие новаторы могли предложить новые орудия труда, новый вид ресурсов для использования, новую систему эксплуатации природы и более совершенную систему организации общества и т.д. "Консерваторы" же, в основном люди пожилые, а потому приверженные традициям, которым они привыкли подчиняться еще в пору своей молодости, не принимали новаций. Поэтому с победой новых отношений многие из них погибали не только в борьбе с "еретиками", но и просто от стрессов или предпочитали самоубийство нарушению "священных обычаев предков" (16).

Следует, однако, отметить, что изменения меньше касались традиций неэкономических, например относящихся к области духовной культуры, так как они не затрагивались, по крайней мере явно, изменениями в окружающей среде. Поэтому такие традиции живут гораздо дольше. Так, даже самоназвания этноса как неэкономическая традиция часто оставались прежними, хотя в действительности вряд ли можно идентифицировать современные этносы (особенно в смысле материальной культуры) с теми, которые носили то же название в глубокой древности.

В какой-то определенный момент накапливаемые таким образом навыки и знания приводили к качественному скачку - новому способу (типу, ступени) эксплуатации природы. Можно выделить несколько таких последовательно сменяющих друг друга ступеней: собирательство, охота, скотоводство, земледелие (17).

При этом, если бы все этносы на Земле возникли в одно и то же время и развивались с одинаковой скоростью, каждый этап или способ эксплуатации природы не являлся бы признаком этническим, т. е. выделяющим какой-то конкретный этнос среди остальных, а был бы общим социальным признаком для любого этноса. Но так как из-за различных природных условий развитие одних этносов постепенно ускорялось, а других замедлялось, общие этапы те или иные народы проходили в разное время* из-за чего в истории одновременно сосуществуют охотники, скотоводы, земледельцы и собиратели. Благодаря этому уровень (ступень) развития может нередко восприниматься не как общая для всех народов черта, а как этнический признак, присущий какому-то определенному народу, отличающий его от других. Например, так обычно земледельцы воспринимают соседних кочевников-скотоводов.

Достигнутый на каком-то этапе уровень развития производительных сил позволяет эксплуатировать часть территории, ранее считавшейся непригодной ("твердая" земля степей, склоны гор, полупустыни и пустыни, болота и другие неплодородные земли или недоступные "заморские" территории и т.д.). При этом с каждой новой ступенью эксплуатации природы сокращается размер земельной площади, необходимый человеку для обеспечения его нормальной жизнедеятельности. Так, скотоводу требуется земли меньше, чем охотнику, а земледельцу меньше, чем скотоводу. Это позволяет увеличить плотность населения на данной территории (18), использовать излишки необходимого продукта как в качестве запасов, так и на содержание работников "непроизводящей сферы". Так создаются условия для разделения труда внутри общества и его социальной дифференциации. Развитие же обмена между народами способствует консервации хозяйственных традиций.

Таким образом, в различных местах планеты теми или иными разными народами накапливается значительный опыт природопользования. Это делало взаимоотношения этносов, долго живущих на данной территории, все более равновес-

* Быстрее эти этапы проходили те народы, привычные условия существования которых были ограничены (оазисы в пустыне, горные долины, острова и т.д.), и наоборот, дольше "застревали" на каком-то этапе народы, имеющие практически безграничную привычную окружающую среду, например, охотники Сибири, скотоводы Евразии и т.п.

ными с ее природными условиями. Такое равновесие достигалось разнообразным сочетанием способов эксплуатации природы, использованием разных видов необходимого продукта, повышением его продуктивности, развитием производительных сил и т.д., что давало возможность не истощать до конца одни и те же ресурсы, а распределять нагрузку на природу более или менее равномерно между разными их видами путем ведения комплексного хозяйства. Эти способы отрабатывались веками и тысячелетиями. Поэтому, если этнос долго жил на данной территории, он обычно наиболее оптимально адаптировался к ней и, сохраняя традиции природопользования, не нарушал природного равновесия. В то же время, казалось бы, самые прогрессивные современные методы эксплуатации природы, привносимые извне без скрупулезного учета местных особенностей, могут принести этой же местности трудноопоправимый урон.

Кроме того, из-за традиционных политико-государственных, языковых, религиозных, психических, а также природных и прочих барьеров значительная часть любой накопленной тысячелетиями информации долгое время оставалась и в значительной мере остается сейчас "за семью печатями" для представителей "чужих групп", которым поэтому при вселении на данную территорию нередко приходится как бы заново решать уже решенные задачи.

С дальнейшим ростом населения в отдельных группах и учащением внешних миграций между группами все чаще возникали конфликты, а то и столкновения за землю, за воду, за ресурсы, за рабочую силу и т.д. Но какими бы соображениями в прошлом они ни оправдывались - требованием жертв кровавым богам, освобождением гроба господня или приобщением к цивилизации "дикарей", - чаще всего настоящей причиной было желание (пусть неосознанное) правящих слоев ослабить "демографическое давление" в среде собственного народа и уменьшить социальное напряжение. Войны в случае успеха помогали кормить собственные "излишки" населения за счет грабежа соседей, избавляться от этих "излишков" и

с помощью военной силы хищнически эксплуатировать свои и чужие земли.

Такая политика позволяла завоевателям сохранять "существующее положение вещей" в метрополии, но консервировала общество с его традициями и замедляла развитие производительных сил, благодаря чему на смену быстрому взлету государства (этноса)-завоевателя почти неминуемо приходило поражение в борьбе с государствами и народами, обделенными первоначально в разделе земель и ресурсов, и потому вынужденными более интенсивно развивать производительные силы. Однако победители повторяли ошибки побежденных и по тем же причинам в дальнейшем также терпели поражения от ущемленных ими народов и т.д.

Но увеличение числа контактов между разными народами и государствами способствовало и ускоренному восприятию свежих идей, обмену опытом, различной информацией, отбору полезных (в том числе чужих) навыков и расшатыванию вредных традиций, так как в новых условиях постоянного соседства с многочисленными "чужаками" и сокращения "свободных" земель для следующих поколений "заветы великих предков" перестали быть единственным источником информации, единственной "путеводной нитью" в будущей жизни. Поэтому чем позже по времени возникает новый этнос, выделившийся из "материнского", или "контактный", возникший на основе слияния с другими этносами и способный заимствовать чужие традиции *, тем он менее консервативен. Поэтому такие группы становились наиболее "беспокойной, энергичной и предприимчивой частью человечества". И если часть их даже вытеснялась (изгонялась) как "излишки" из метрополии в колонии, то все же они нередко вскоре обгоняли в развитии метрополию и завоевывали независимость.

---

* Например, наличие царей и "придворной организации" у скифов=кочевников, по мнению автора, образец такого заимствования: ведь для развития хозяйствования самого кочевого общества такой аппарат не нужен.

Литература

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.39. С.67.
2. Дубинин Н. П. Биологические и социальные факторы в развитии человека // Вопр. философии. 1977. N 2. С.46.
3. Подробнее см.: Ганжа А. Г. Природная среда и эволюция человеческой культуры // Культура средних веков и нового времени. М., 1987. С.3-7.
4. Беляев Д. Генетика, общество, личность // Коммунист. 1987. N7. С.94.
5. Алексеев В. П. География человеческих рас. М., 1974. С.39-40.
6. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.
7. Матюшин Г. Н. У истоков человечества. М., 1982. С. 53, 73-74; Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966. С.97-101.
8. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли.
9. Бромлей Ю. В. Культура и этнические аспекты экологии // Общество и природа. М., 1981. С.88-89.
10. Эти особенности можно связать с мутациями. См.: Ганжа А. Г. Природная среда и эволюция человеческой культуры. С.4-5.
11. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М., 1958. С.646-665; Франкфорт Р., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В. В преддверии философии. М., 1984. С.33.
12. Подробнее см.: Ганжа А. Г. К методологии исследования влияния окружающей среды на темпы развития исторического процесса // Проблемы воздействия общества и природы. М., 1983. С.60.
13. См., например: Геддон А. Переселения народов. М., 1928.
14. Козлов В. И. Особенности воспроизводства населения в доклассовом и раннеклассовом обществе // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С.17, 31; Мейер М. С. Роль природно-географической среды в средневековой истории Ближнего и Среднего Востока // Проблемы взаимодействия общества и природы. М., 1983. С.69.
15. Мунчаев Р., Гуляев В. Первые земледельцы планеты // Наука и жизнь. 1973. N 1; Постовская Н. А. Начальные стадии развития государственного аппарата в Египте. М., 1961; Кинк Х. А. Додинастический Египет. М., 1961; Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй древнего Дву-

Б. В. Андрианов

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ И ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ НАРОДОВ МИРА

Изучая историю, быт и культуру конкретных народов, этнографы так или иначе сталкиваются с проблемой взаимодействия общества и природы. Перед ними встают вопросы: какова роль среды в формировании многообразия форм культуры народов мира? Какое место в природных системах эти народы занимали? Как менялась сама среда в результате воздействия на нее людей в зависимости от хозяйственной деятельности, образа их жизни и уровня хозяйственно-культурного развития?

Нередко перед исследователями возникает потребность и в общей целостной картине, которая отражала бы все многообразие природных систем, их структурные и функциональные связи во взаимодействии с деятельностью общества на разных этапах исторического процесса. Для решения этих проблем необходимо привлечение не только знаний, накопленных историческими науками, но и знаний о природных системах, развиваемых современными географическими науками, где широкие планетарные подходы сегодня тесно смыкаются с экологией (1). Классическая экология - наука биологическая, в центре внимания которой находится структура и функционирование экосистем, в частности биогеоценозы. Внедрение математики позволило сегодня подойти к моделированию сложных природных систем на самых разных уровнях. Однако современная экология занимается преимущественно изучением конкретных биоценозов и элементарных геосистем на локальном уровне. Интересы же географической науки были всегда шире, они охватывали физико-географические закономерности всей географической (ландшафтной) оболочки или сферы Земли. Важнейшее значение среди этих закономерностей в истории человечества имели поясно-зональные климатические различия, обусловленные неравномерностью распределения солнечной радиации на земном шаре, вращением планеты вокруг Солнца и своей оси, движением

воздушных масс, а также распределением влаги, размещением океанов и морей по отношению к суше, характером рельефа (2).

Представления о географических поясах земного шара возникли еще в глубокой древности (3). Научное обоснование идеи географической зональности было развито в работах А.Гумбольдта, Н.А.Северцова, В.В.Докучаева (4).

Большой вклад в учение о географической зональности принадлежит Л.С.Бергу, детально описавшему ландшафты Советского Союза по географическим зонам. Общие закономерности физико-географических процессов были выявлены А.А. Григорьевым, который противопоставил описательно-хронологическому подходу системно-структурный анализ на основе применения количественных методов. Он разработал теорию о едином физико-географическом процессе и физико-географической оболочке Земли. Важнейшей частью географической оболочки является биосфера как область активной жизни, состоящая из совокупности биогеоценозов (биостром)(5). Географами А.А.Григорьевым и М.И.Будыко был разработан периодический закон географической зональности, который позднее усовершенствовал Ф.Н.Мильков. Главная суть географических закономерностей заключается в том, что зональные типы ландшафтов и типы высотной поясности объединяются в крупные географические пояса, обусловленные главным образом климатом. Для каждого пояса характерен свой тип соотношения тепла и влаги, смены сезонов, накопления биомассы, интенсивности гидрогеоморфологических процессов и процессов почвообразования, связанных с растительным покровом.

Большое значение для понимания сложных процессов взаимодействия общества с природной средой имеют три уровня дифференциации географической оболочки (6). По мнению В.Б.Сочавы, геосистемы планетарного порядка - результат проявления универсальных физико-географических закономерностей, зональных и азональных, связанных с притоком энергии извне в географическую оболочку. Этот планетарный уровень сочетался с региональным (континенты,

страны, области). Третий уровень - экологический, или топологический. Он связан с локальными, местными закономерностями, внутренне присущими отдельным ландшафтам, биогеоценозам или их группам.

Если площадь самых мелких геосистем - биогеоценозов (фаций, урочищ) нередко измеряется лишь несколькими гектарами, то наиболее крупная единица экологического, или топологического, уровня - макрогеохора имеет территорию в 5-10 тыс.кв.км. Региональный уровень имеет дело с площадями от 20 до 100 тыс.кв.км. Отдельные физико-географические области могут достигать и нескольких миллионов кв.км. (7). Самые крупные планетарные природные системы - зоны и пояса.

Эти широкие, планетарные физико-географические закономерности поясной (и зональной) направленности климатических и экзогенных процессов приходят во взаимодействие с рельефом земной поверхности, значительно трансформируются. Меняются они также в зависимости от близости или удаленности от океанов и морей. Каждый материк имеет свой особый набор поясов и зон, а также секторов, приморских и внутриконтинентальных, влияющих на циркуляцию воздушных масс и характер ландшафтов.

Выделяя геосистемы самых разных иерархических уровней, В.Б.Сочава рассматривает однородные геосистемы (геомеры) и разнокачественные (геохоры) раздельно. По его мнению, планетарная геосистема имеет только три пояса: северный внетропический, тропический и южный внетропический. Они распространяются как на сушу, так и на территорию океанов и морей. Особое внимание В.Б.Сочава уделил дробным, локальным подразделениям природной среды на топологическом уровне. Это - биогеоценозы, фации и группы фаций. Главные объекты географических исследований на региональном уровне - природные зоны (и подзоны), физико-географические области и провинции. На планетарном уровне рассматриваются группы физико-географических областей, субконтиненты и физико-географические пояса.

По мнению В.Б.Сочавы, на новом уровне развития

географии следует вернуться к идеям американского географа Х.Берроуза, который еще в 1922 г. призывал поставить в центре внимания географических исследований экологию человека. В.Б.Сочава отмечает, что "распространение экологической концепции на всю биосферу и ландшафтную оболочку, равно как и применение комплексного географического подхода к самым дробным ячейкам природной среды, – это важнейшее условие, необходимое для успешного изучения и оптимизации географической среды жизни человеческого общества" (8).

С этим заключением В.Б.Сочавы нельзя не согласиться. Однако далее автор предлагает ограничить рамки исследований проблем взаимодействия общества и природы только региональным и топологическим (локальным) уровнями. Этого явно недостаточно для понимания всемирно-исторического процесса хозяйственно-культурной дифференциации народов мира. Планетарные различия и зональные закономерности сыграли в этих процессах, как мы увидим ниже, существенную роль.

Как отмечалось выше, схема планетарной системы географической зональности А.А.Григорьева и М.И.Будыко была несколько улучшена Ф.И.Мильковым, который предложил свою модель (таблицу) периодической зональности с делением на четыре пояса: 1) полярный (холодный) с годовым радиационным балансом от 0 до 30-35 ккал/кв.см ; 2) умеренный – от 30-35 до 55-60 ккал/кв.см; 3) субтропический (теплый) – от 55-60 до 65-70 ккал/кв.см; 4) тропический (жаркий) – от 65-70 до 80-90 ккал/кв.см. В каждом поясе выделяются группы зон-аналогов (от пустынь до лесов) в прямой зависимости от коэффициента увлажненности и радиационного индекса сухости (9).

Самый яркий показатель зональности – растительность от полюса к экватору: последовательно сменяют друг друга арктические пустыни, тундры и лесотундры, тайга, смешанные и широколиственные леса, лесостепи и степи, полупустыни и пустыни, саванны, жестколистные леса, переменно-влажные и влажные вечнозеленые леса.

Ж а р к и й э к в а т о р и а л ь н ы й пояс характеризуется наибольшим количеством тепла и влаги. Это пояс влажных вечнозеленых лесов (гилей) с огромным количеством растительной биомассы, относительной бедностью животного мира и отсутствием сезонной смены климатических условий, что на стадии охоты и собирательства создавало довольно благоприятные условия для жизни людей. Современные комплексные географические исследования доказали, что в недавнем прошлом природный потенциал экваториальной зоны и особенно влажно-тропических ландшафтов несколько переоценивался (10). Оказалось, что сумма активных температур (важных для определения природного потенциала земледелия) не отражает истинной величины солнечной радиации, расходуемой на фотосинтез в тропических растениях. Невысокой плодородностью отличаются и распространенные там латеритные почвы, на которых из-за тропических ливней не формируются значительные гамусные слои. Сильное увлажнение и высокие температуры ускоряют процессы разложения органических веществ. Здесь существует значительная пространственная дифференциация ландшафтов, обусловливаемая как различиями соотношений влаги и тепла, так и конкретными морфоструктурами – горными массивами, защищающими отдельные территории от интенсивного увлажнения. Поэтому ландшафты экваториальных и отчасти субэкваториальных дождевых лесов часто соседствуют с сухими плато, обширными равнинами с сухими саваннами и редколесьями (11).

Относительная сухость или влажность климата определяется в этой переходной зоне числом сухих месяцев, т. е. таких месяцев, когда осадки превышают испаряемость. На тех территориях, где сухой период отсутствует или продолжается не более 2 месяцев, господствуют вечнозеленые влажные тропические многоярусные леса, при 3-4 сухих месяцах развиваются листопадные (в сухой сезон), при 4-6 месяцах – редколесья и саванны, а при большей продолжительности сухого сезона – сухие опустыненные саванны и пустыни. Наибольшая биологическая продуктивность зафикси-

рована там, где наблюдается непродолжительный сухой период и некоторая ритмичность в развитии растительного покрова. С увеличением засушливого периода уменьшается устойчивость природных комплексов к антропогенным воздействиям, особенно к пожарам, которые с давних времен устраивают охотники для загона дичи.

Экваториальный пояс обрамляется широкой полосой двух субэкваториальных поясов, доходящих примерно до 15-20° широты к северу и к югу от экватора. Летом здесь господствует экваториальный воздух, приносящий ливневые дожди, а зимой - тропический, жаркий и сухой. Ландшафты влажных экваториальных лесов сменяются переменно-влажными лесами, влажными и сухими саваннами (12). Субэкваториальным поясам Земли свойственно большое разнообразие животного мира и наличие крупных стад травоядных животных - объектов охоты человека. Здесь уже намечается сезонное изменение физико-географических процессов, влияющих на образ жизни обитателей.

Экваториальный и субэкваториальный пояса Старого Света, по-видимому, древнейшая "экологическая ниша" предков человека современного типа. Охота на крупных стадных животных сплачивала человеческие коллективы. Складывался древнейший хозяйственно-культурный тип бродячих охотников и собирателей жаркого пояса. Постепенно развивалась материальная и духовная культура, которая представляла собой специфическую для гоминид искусственную среду и форму взаимодействия развивающегося человеческого общества с географической средой.

Архантропы и их непосредственные потомки - палеантропы, расселяясь по различным областям земной суши в Старом, а позже и в Новом Свете, попадая в иные экологические условия, постепенно приобретали и новые навыки хозяйствования (13). Однако население экваториальных лесов и в более позднее время частично сохраняло традиции древнейшего хозяйственно-культурного типа охотников и собирателей жаркого пояса. И ныне еще кое-где существуют небольшие группы охотников: пигмеи Заира, обитатели дождевых лесов Юго-Восточной Азии (аэта, кубу и др.), отдельные группы индейцев в Амазонии (14). Их социальные отношения еще не вышли за рамки общинно-родового строя. В этом сказались локальные особенности исторического процесса в жарком поясе, неравномерность развития общественного производства и культуры обитателей разных частей ойкумены.

Огромное видовое богатство экваториальных лесов благоприятствовало формированию человеческого общества на ранней стадии охоты и собирательства. Но оно сыграло и роль "исторического тормоза" в прогрессе обитателей массовых формаций (15).

Являясь временем коренной перестройки всей материальной базы первобытного общества, верхний палеолит, мезолит и ранний неолит стали своего рода первобытной эпохой великих переселений, в ходе которых были заселены и освоены обширные новые территории в Старом и Новом Свете, а численность человечества 12-10 тыс. лет до н.э. достигла 4 млн (16). Этот процесс великого расселения человечества привел к образованию многих локальных вариантов культуры, обусловленных прежде всего многообразием источников существования в разных ландшафтах. Это охотники и собиратели тропических лесов и влажных саванн, лесов умеренной зоны, бродячие охотники и собиратели гор и равнин аридной зоны, полуоседлые рыболовы морских побережий и дельтовых областей, тундровые и таежные охотники, арктические охотники и т.п. (17).

В мезолите и неолите начали проявляться различия в темпах процесса населения тех или иных ландшафтных зон. Выделилась зона, где зародилось "производящее" хозяйство, начался исторический переход от собирания дикорастущих съедобных растений (и в первую очередь злаков) к их искусственному выращиванию и от охоты за дикими животными к их приручению. Процесс этот зародился 12-10 тыс. лет тому назад в очень узкой горной зоне субтропического (в Старом Свете) и тропического (в Новом Свете) географических поясов. Природные условия здесь обладают хорошо

выраженными сезонными ритмами растительного покрова и значительными региональными различиями, связанными со структурой рельефа и разнообразием ландшафтов - от лесов до пустынь (18). Характерна пестрота субтропических горных и равнинных ландшафтов, разнообразие экологических условий, наличие значительных очагов дикорастущих съедобных злаков (пшеницы, ячменя), а также важнейших родоначальников домашних животных (в Старом Свете).

Переход от "присваивающих" форм хозяйства к "производящим" в этой зоне был обусловлен многими факторами, причем не только благоприятным "экологическим фоном" и техническим прогрессом каменной "индустрии" мезолитических обитателей, но и кризисным состоянием их охотничьего хозяйства. Этот кризис был вызван истреблением крупной дичи и дальнейшим ростом населения. По мнению М.И.Будыко, кризис охватил огромную территорию теплого и умеренного климатических поясов (19).

На другой значительной части ойкумены человечество оказалось накануне острого экологического кризиса, когда в своей хозяйственной деятельности оно почти полностью исчерпало все ограниченные и невосполнимые на этой стадии доступные им ресурсы биосферы. Считают, что на стадии охоты и собирательства вся хозяйственно осваиваемая территория земной суши могла прокормить не более 10 млн человек, а человечество продолжало увеличиваться в численности.

Недостаточное, можно сказать слабое, развитие технической вооруженности общества каменного века, состоявшего из небольших по численности и разрозненных групп, компенсировалось формированием стабильной и вместе с тем гибкой социальной организации, ядром которой была охотничье-собирательская община. Кризисные ситуации не разрушали ее, а напротив, укрепляли (20).

Переход к производящему хозяйству, который произошел в отдельных очагах теплого пояса, был назван в свое время археологом Г.Чайлдом "неолитической революцией". Археологические и палеоэтноботанические исследования последних

десятилетий (21) подтвердили в основном выводы генетика Н.И.Вавилова о географическом размещении центров образования многих культурных растений, среди которых он выделил: 1) Южноазиатский тропический центр с очагами - индийский, индо-китайский, островной; 2) Восточноазиатский; 3) Юго-Западноазиатский с очагами - кавказский, переднеазиатский, северо-западноазиатский; 4) Средиземноморский; 5) Эфиопский и Южноаравийский; 6) Центральноамериканский; 7) Андийский (22).

Последователь Н.И.Вавилова американский геоботаник Дж.Харлан добавил к этим центрам Западносуданский в Африке. Он предложил значительные по площади центры называть "нецентры" (noncenters). Им выделены на мировой карте: А1 - Переднеазиатский центр; А2 - Африканский регион; В1 - Северокитайский центр; В2 - Юго-Восточноазиатский и Южный океанический регионы; С1 - Мезоамериканский центр; С2 - Южноамериканский ареал (23).

Очень важно отметить, что широкие исторические закономерности хозяйственно-культурного и социального развития человечества определили независимое формирование сходных хозяйственно-культурных типов и социальных структур как в Старом, так и в Новом Свете. В тех районах субтропического и тропического поясов, где кризис охотничьего хозяйства проявился особенно остро и где он не мог быть разрешен миграциями или освоением новых хозяйственных угодий, охотники и собиратели были вынуждены переходить в отдельных очагах к более широкому и более интенсивному использованию природных ресурсов, совершенствуя свои навыки и технологию.

В каждом из раннеземледельческих очагов хозяйственно-культурные типы охотников-собирателей постепенно уступали место хозяйственно-культурному типу оседлых ручных (палочно-мотыжных) земледельцев, а в Старом Свете - и скотоводов. Еще Ф.Энгельс писал, что Старый Свет "обладал почти всеми поддающимися приручению животными и всеми пригодными для разведения видами злаков, кроме одного; западный же материк Америка, из всех поддающихся приручe-

нию млекопитающих - только ламой, да и то лишь в одной части юга, а из всех культурных злаков только одним, но зато наилучшим - маисом. Вследствие этого различия в природных условиях население каждого полушария развивается с этих пор своим особым путем, и межевые знаки на границах отдельных ступеней развития становятся разными для каждого из обоих полушарий" (24).

Прогресс в развитии орудий труда и систем жизнеобеспечения ускорил переход к производящим формам хозяйства. Это был очень сложный и длительный процесс, который не являлся простой диффузией из одного Юго-Восточного азиатского центра, как это считал географ К.Зауэр (25). В каждом "центре" или регионе существовали свои отдельные и разновременные ареалы, где постепенно развивались процессы доместикации местных видов растений и использования природных ресурсов (полезных растений, видов животных, особенностей почв, рельефа, гидрографии, тепла и влаги). Процесс этот занял в отдельных очагах Старого Света две-три тысячи лет, а в Новом - три-четыре тысячи лет (26).

В земледельческо-скотоводческих областях тропического и субтропического поясов увеличилась численность населения, усилились информационные связи, формировались новые трудовые навыки и представления, связанные с сельскохозяйственной деятельностью, с оседлостью и накоплением пищевых запасов. Менялась и усложнялась особенно в зоне орошаемого земледелия социальная структура общества, наметилось имущественное неравенство членов общин. Постепенно менялся и характер взаимодействия общества и географической среды, увеличилась роль позитивных и негативных последствий хозяйственной деятельности. Особенно заметно эта деятельность проявилась в аридной зоне, где в результате земледельческой деятельности и орошения были созданы по берегам рек среди пустынь цветущие оазисы. Труд земледельцев изменил рельеф речных долин, создал мощный культурно-ирригационный слой почвы, изменил водно-солевой режим, преобразовал растительность и микроклимат. В то же время многие соседние с оазисами территории

превратились в солончаки или скопления подвижных песков.

В древних очагах земледелия активно развивались процессы приспособления местных природных ресурсов к хозяйственным нуждам обитателей. Именно здесь начался долгий и сложный путь от раннеземледельческих общин к классовым структурам и государствам Древнего мира. Это был путь развития традиционных форм хозяйства и культуры, специализации одних районов на орошаемом земледелии в долинах крупных рек, других - на пастбищном скотоводстве. Это было, по существу, разделением единого хозяйственно-культурного типа полуоседлых земледельцев-скотоводов (с ручными орудиями труда) на пашенных оседлых земледельцев с ирригацией (в долинах крупных рек) и кочующих скотоводов, которые начали хозяйственное освоение обширных полупустынь жаркого, а позже и умеренного поясов (27).

В долинах великих исторических рек субтропического пояса: Нил, Тигр, Евфрат и др.- регулирование паводков для орошения и создания оросительных систем (сначала небольших,позже-крупных) сопровождало становление в IY-III тыс. до н.э. первых государственных образований, что сильно изменило характер взаимодействия общества и природы.

Развитие орошаемого и неорошаемого земледелия и отчасти скотоводства в разных ландшафтных зонах тропического и субтропического (теплого) поясов Старого и Нового Света способствовало дальнейшей дифференциации хозяйственно-культурных типов, увеличивало неравномерность и многовариантность исторического прогресса в отдельных историко-культурных областях. Если на западе Старого Света главную роль в этом процессе сыграли зерновые культуры (пшеница, ячмень) и животноводство (мелкий и крупный рогатый скот, свиньи, позже - лошади), то на востоке - зерновые (просо, рис), свиноводство и отчасти скотоводство. Базой древних цивилизаций Мезоамерики и Перу стали главным образом кукуруза и бобовые.

Прогресс в земледелии сопровождался развитием земледельческих орудий: на легких аллювиальных почвах от деревянной палки-землекопалки до лопаты и мотыги, на каменистых

почвах развивались орудия ударного типа с каменным наконечником (28). С распространением металлических орудий земледельцы стали осваивать лесные массивы как субтропического (теплого), так и умеренного поясов. Особенно велико было значение железных орудий труда и оружия, когда после "речных" цивилизаций зона классовых обществ расширилась, включив многие страны Евразии - от Гибралтара до Тихого океана. Потрясаемые классовыми противоречиями и разрушительными войнами, древневосточные цивилизации пришли в I тыс. до н.э. в упадок. Появляются новые центры всемирно-исторического развития, связанные с иными хозяйственно-культурными типами. Так, например, складываются античные рабовладельческие государства в Южной Европе, для которых было характерно прежде всего плужное неполивное земледелие в сочетании со стойловым и выгонным скотоводством. Активная историческая жизнь постепенно перемещается в страны умеренного пояса (29).

Природные условия умеренного пояса характеризуются ярко выраженным сезонным ритмом биоклиматических и других экзогенных процессов, большими региональными и зональными различиями в характере соотношений тепла и влаги (от избытка каждого компонента до его резкой недостаточности) и отсюда большим, чем в других поясах, разнообразием зональных ландшафтов, - от сухих степей и полупустынь до таежных лесов, что, в свою очередь, способствовало дальнейшему прогрессу общества на определенной более высокой ступени исторического процесса.

Умеренный пояс занимает огромные пространства в Северном полушарии (Северная Америка и Евразия). Характерными особенностями этих территорий, также определяющими разнообразие ландшафтов, является четкое разделение их на сектора - океанический и континентальный, ярко выраженная сезонность климата, особенности строения поверхности.

В умеренном поясе начиная с римского времени наиболее широкое развитие получили хозяйственно-культурные типы, основанные на плужном (пашенном) земледелии. Именно в

этом поясе прежде всего начался в древности процесс отделения ремесла от сельского хозяйства. В средневековье там развивалась мануфактура, а в новое время и фабрично-заводская промышленность. Однако главной экономической базой подавляющего большинства классовых обществ Азии, Северной Африки и Европы вплоть до начала применения механизации в сельском хозяйстве было именно плужное земледелие. В Америке оно получило распространение вместе с европейскими поселенцами с ХУ1 в., а в Австралии и Океании - с XYIII-XIX вв. (30)

В начале XX в. в ряде стран умеренного пояса Европы и Америки преобразование традиционных форм ведения сельского хозяйства зашло настолько далеко, что на месте прежних хозяйственно-культурных типов благодаря механизации, росту промышленного производства и городов начали складываться новые комплексы экономического и бытового характера. Однако традиционные комплексы продолжали в это время сохраняться в ряде областей со специфическими природными условиями, в жарком и холодном поясах (31).

Холодным поясам - арктическому и антарктическому - свойственны очень низкие температуры воздуха, отсутствие лесов, скудная растительность тундр и лесотундр. С глубокой древности жизнь и деятельность человека там протекали в суровых условиях. Начиная с эпохи палеолита тут формировались специализированные ХКТ полуоседлых охотников на морского зверя и рыболовов, а в тундре Старого Света значительно позже - оленеводов и бродячих охотников.

Анализ географического размещения хозяйственно-культурных типов по континентам мира показывает, что многие особенности хозяйственно-культурной дифференциации народов были в той или иной степени обусловлены планетарными поясными биоклиматическими условиями. Эта закономерность наиболее ясно заметна в жарком и холодном поясах, где в силу неравномерности исторического процесса почти до наших дней сохранились хозяйственно-культурные типы "присваивающей" стадии развития человечества. Имеем ли мы

11.Зак.1376

дело с экваториальными лесами Африки, римбой Индонезии, сельвой Амазонии в Южной Америке или арктической пустыней Северной Америки – там еще можно встретить отдельных представителей этой древней группы хозяйственно-культурных типов. В конце XIX – в начале XX в. в экваториальной и субэкваториальной зонах жаркого пояса стабильно сохранились также и различные земледельческо-скотоводческие и чисто земледельческие типы, основанные на ручном труде.

Переходя на региональный уровень отдельных континентов, мы видим уже только фрагменты общепланетарной зональности хозяйственно-культурных типов, а в основном каждому материку в XIX – начале XX в. был свойствен свой индивидуальный набор хозяйствено-культурных типов и историко-культурных областей. И это понятно. На разнообразии и сходстве образа жизни народов отражались, конечно, не только историко-географические, но и самые различные исторические и социальные факторы. Если планетарная система хозяйственно-культурных типов в своем формировании испытала большое влияние со стороны поясно-зональных условий, то в историко-культурных областях можно обнаружить определенные связи с территориальными единицами физико-географического районирования – странами, областями, подобластями, а в отдельных случаях и районами (32). Признание подобных связей отнюдь не означает, конечно, уступок географическому детерминизму, давно отвергнутому современной наукой.

Историко-культурные области занимают те или иные физико-географические территории, отличающиеся друг от друга набором хозяйственно-культурных типов, что обусловлено не только спецификой географической среды, но и характером исторического процесса. Можно, например, сопоставить две близкие по природным условиям историко-культурные области – Центральноафриканскую и Юго-Восточноазиатскую. В Африке преобладают типы, основанные на ручном палочно-мотыжном тропическом земледелии; в Азии широко распространено пашенное тропическое земледелие (переложное и ирригационное), ставшее экономической основой высоких цивилизаций этого региона.

Тропическая и отчасти субэкваториальная аридная части Африки – это область скотоводческо-земледельческих, а также кочевых хозяйственно-культурных типов. В экваториальной и субэкваториальной Африке преобладают полуоседлые скотоводческо-земледельческие типы. Далее к югу располагается область хозяйственных и экономических контрастов. Здесь, в Ботсване и Намибии, еще сохраняется небольшая зона "присваивающей" и частично "производящей" экономики. С ними соседствует зона высокотоварного капиталистического земледелия и скотоводства ЮАР.

Для рассмотрения л о к а л ь н о г о или э к о л о г и ч е с к о г о уровней взаимодействия человека и среды на всех ступенях развития общества необходимо обратиться к современному представлению о биогеоценозах и экосистемах. Это представление базируется, как известно, на понятиях, связанных с цепями питания, с трофическими связями в природе и с уровнями этих связей. В экосистемах происходит трансформация солнечной энергии, ее аккумуляция в растительном покрове, последующее потребление в животном мире, затем потребление биомассы в человеческом обществе.

Экосистемы объединяются на базе трофических связей ландшафтов как однотипных (геомеры), так и в той или иной степени различающихся (геохоры). Исследование взаимодействия человека и экосистемы, как локальной среды человеческой деятельности, дает возможность на экологическом системно-функциональном уровне подойти к анализу взаимоотношений и взаимосвязи хозяйственно-культурного типа и объединенных в экосистемы ландшафтов (33).

В процессе своей хозяйственной деятельности человек в той или иной степени изменяет ландшафт, нарушая существующие в нем динамические связи. Вследствие этого естественные ландшафты на протяжении истории человечества, в зависимости от глубины и степени антропогенного воздействия, то почти полностью изменяли свой облик и структуру, то преобразование затрагивало лишь некоторые черты их строения и внешнего облика.

Современные природные ландшафты по степени изменения их человеком разделяют на семь основных групп(34). В первую группу входят ландшафты, почти не измененные человеком. Это материковые и высокогорные ледники, многие ландшафты слабо населенных гор и пустынь (жаркого и теплого поясов), а также тундровые и таежные ландшафты холодного пояса,которые еще в XIXв. были слабо изменены и использовались охотниками-собирателями и примитивными скотоводами.

Обширные засушливые пространства столь интенсивно использовались кочевниками для выпаса верблюдов, коз и овец, что трудно найти пастбища, не пострадавшие от неумеренной пастьбы. В то же время кочевой образ жизни по своей структуре экологичен, основан на сезонных передвижениях стад, что способствует сохранению степей и причиняет меньше всего ущерба природным системам.

Вторая группа включает ландшафты, в которых основные природные связи нарушены, но не настолько глубоко, чтобы "закрыть дорогу" естественной динамике самовозобновления. Условием этого, однако, является достаточно длительное время и прекращение эксплуатации. Сюда входят распаханные земли (цикл: целина – распашка – залежь – целина или новая распашка); естественные луга, косимые или вытаптываемые скотом; бассейны небольших озер и малых рек, разбираемых на орошение и водоснабжение. Наиболее значительные площади в лесах жаркого пояса занимают территории, где ведут свое хозяйство мотыжные (ручные) земледельцы с переложным (местами подсечно-огневым) земледелием и где значительные площади находятся под залежью и вторичными лесами и кустарниками.

Третья группа состоит из нарушенных человеком ландшафтов, которые в первичном виде уже не возобновляются. Примером могут служить евразиатские степи, где древние кочевники (скифы, гунны, тюрки) использовали травяной покров для животноводства. Переход к земледелию, т. е. производство в степи не белка, а углеводов повысило производительность территории для питания населения, в то же время интенсивная распашка земель в ряде мест имела

катастрофические последствия, и теперь мощность и плодородие степных черноземов сократилось (до 7-14% от первоначальной мощности).

Примером ухудшения ландшафтов могут быть также вторичные леса, появляющиеся на месте вырубленных или ранее выжженных человеком, а также районы вторичного засоления.

Четвертая группа состоит из еще более измененных и обедненных ландшафтов. Это вторично засоленные и заболоченные участки в границах поливных и прилегающих к ним земель; барханные подвижные пески, образовавшиеся в результате неурегулированного чрезмерного выпаса скота в пустынной, полупустынной и степной зонах; "дурные земли", возникающие в результате неправильной распашки склонов или при нерегулируемой пастьбе; ландшафты, сопровождающие горные выработки, и т. д.

В пятую группу входят культурные, целенаправленно оптимизируемые ландшафты, в которых природные связи видоизменены в результате традиционной сельскохозяйственной деятельности. Это – распаханные поля, сады, плантации, виноградники, осушенные земли, орошаемые оазисы, культурные пастбища и многие другие.

Шестая группа включает технически и целенаправленно (нередко необратимо) преобразованные и в большинстве своем оптимизированные природно-антропогенные (природно-технические) ландшафты или их группы и комплексы с новыми экосистемными связями.

Седьмая группа включает созданные людьми на природной основе города, большие и малые, сельские поселения, промышленные предприятия и их территориальные объединения, энергетические и транспортные узлы и т. д. В процессе трудовой деятельности, непосредственного и опосредованного добывания пищи между человеком и каждой из семи групп ландшафтов возникают прямые и обратные связи – взаимодействие, при котором влияние человека на среду и среды на человека закономерно исторически изменяется.

Окидывая единым взглядом исторический путь человечества, не трудно заметить, что народы (этносы) всегда и

всюду в своей хозяйственной деятельности связаны с географической средой множеством прямых и косвенных связей на всех трех уровнях: планетарном, региональном, локальном. Обмен человека с природой веществами, энергией, информацией был всегда социально опосредован. Эти связи, передаваемые из поколения в поколение через механизмы культуры, на протяжении истории совершенствовались. Они воплощались в системе хозяйственно-культурных типов. На каждом историческом этапе система средств и механизмов культуры обеспечивала обществу возможность в определенных пределах использовать жизненно необходимые ресурсы для своих возрастающих нужд.

На стадии присваивающих форм хозяйства адаптация к природной среде (биологическая, а затем культурная) являлась главным ведущим фактором исторического прогресса. Человечество было тогда раздроблено на множество изолированных групп, судьбы которых жестко детерминированы природными ресурсами. Охотники, рыболовы и собиратели даже при наиболее благоприятных условиях были ограничены низким уровнем технической вооруженности в своих производственных возможностях создания жизнеобеспечивающего и накопления избыточного продукта. Их численность, как уже отмечалось,не превышала 4 млн. С появлением переходных хозяйственно-культурных форм, а также и развитых форм мотыжного земледелия и животноводства главное противоречие первобытной эпохи - противоречие между растущими с увеличением населения жизненными потребностями и ограниченными пищевыми ресурсами среды как бы отступает на второй план. Во взаимодействии с окружающей средой начинает складываться нарастающая с каждым техническим достижением обратная преобразующая сила общества. Она становится особенно заметной с прогрессом различных форм земледелия и увеличением общей численности человечества, которое на рубеже нашей эры насчитывало уже около 230 млн, а к 1900 г. увеличилось почти в 10 раз и достигло 2,5 млрд человек. Сейчас человечество насчитывает свыше 5 млрд человек.

На каждом конкретном историческом этапе одни географические условия оказывались более благоприятными, другие - менее благоприятными. Предоставляемые окружающей человека средой жизнеобеспечивающие средства, предметы труда, орудия и средства производства, бесспорно, отражались на специфике хозяйственно-культурных типов и хозяйственных систем, а через них и на особенности надстроечной сферы, порождая локальное и региональное многообразие человеческой культуры.

В свою очередь, с развитием сельского хозяйства и особенно пашенного земледелия хозяйственная деятельность общества все более активно воздействовала на среду, нарушая сложившиеся в природе биотические соотношения и способствуя многим необратимым ее изменениям, которые местами принимают кризисный характер. Современное сельское хозяйство мира отличается не только существующими контрастами, где на одном полюсе находится сложное многоотраслевое механизированное хозяйство и агропромышленные комплексы развитых стран, а на другом - например, земледельцы горных районов Новой Гвинеи с неолитическими орудиями труда и подсечно-огневым ручным земледелием с подсобным свиноводством. Первое является порождением научно-технической революции, вторые - остатками прошлых этапов хозяйственно-культурного развития, которые прошли многие народы мира.

Традиционные хозяйственно-культурные типы мира на рубеже XIX-XX вв.

Первая (наиболее ранняя) группа ХКТ, основанных на присваивающей натуральной экономике:

1 - полуоседлые арктические охотники на морского зверя;
2 - бродячие охотники и рыболовы тайги и тундры;
3 - бродячие собиратели и охотники жаркого и теплого поясов
4 - полуоседлые собиратели и рыболовы морских побережий и бассейнов больших рек.

Вторая группа ХКТ с переходными к земледелию и скотоводству формами полунатуральной экономики:

5 - кочевые оленеводы-охотники тундры и тайги холодного пояса;

6 - полуоседлые мотыжные земледельцы-охотники жаркого пояса;

7 - полуоседлые скотоводы и земледельцы (с охотой и рыболовством) жаркого пояса;

8 - оседлые собиратели, "рубщики саго" (с мотыжным земледелием и рыболовством) на океанических островах жаркого пояса.

Третья (более поздняя) группа ХКТ с полунатуральным ручным земледелием и скотоводством:

9 - полукочевые скотоводы (местами с земледелием) жаркого пояса;

10 - оседлые земледельцы (при незначительном скотоводстве) жаркого пояса:

а - с тропическим переложным (подсечно-огневым) земледелием;

б - с интенсивным тропическим орошаемым земледелием;

в - с горным тропическим земледелием.

Четвертая (наиболее поздняя) группа ХКТ с мелкотоварным плужным земледелием и скотоводством:

11 - оседлые земледельцы и скотоводы умеренного и холодного поясов:

а - с подсобным рыбным промыслом;

б - с подсобным лесным промыслом в тайге;

в - лесов, лесостепей и степей;

12 - оседлые земледельцы и скотоводы теплого пояса:

а - западный (средиземноморский) с садоводством и огородничеством;

б - восточный, с интенсивным орошаемым земледелием, огородничеством и садоводством;

в - горный;

13 - оседлые земледельцы жаркого пояса:

а - с тропическим переложным земледелием

б - с интенсивным тропическим орошаемым (заливной рис) и неорошаемым террасным земледелием;

14 - оседлые земледельцы и скотоводы аридной зоны с интенсивным орошаемым земледелием;

15 - кочевники и полукочевники-скотоводы аридной зоны, с очагами оазисного орошаемого земледелия:

а - жаркого и теплого поясов;

б - умеренного пояса;

в - высокогорий.

Трансформированные ХКТ с товарным направлением:

16 - бродячие и полуоседлые охотники на пушного зверя;

17 - оседлые рыболовы и скотоводы островов и морских побережий умеренного пояса;

18 - оседлые и полуоседлые скотоводы - земледельцы гор;

19 - бродячие и полуоседлые "морские кочевники", рыболовы и собиратели жаркого пояса.

Зоны нового времени:

20 - зона высокоразвитого товарного земледелия;

21 - зона высокоразвитого товарного пастбищного животноводства;

22 - зона тропического товарного плантационного земледелия;

23 - территории с преобладанием городского и промышленного населения.

Литература

1. Сочава В. Б. География и экология // Материалы У съезда Географического общества СССР. Л., 1970.

2. Григорьев А. А. Опыт аналитической характеристики состава и строения физико-географической оболочки земного шара // Тр. Географо-экономического НИИ. ЛГУ. Л., 1937; Он же. Географическая зональность и некоторые ее закономерности // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1954. N 5-6.

3. См.: З а б е л и н И. М. Физическая география в современном естествознании: Вопр. истории и теории. М., 1978. С.129.
4. Д о к у ч а е в В. В. К вопросу о переоценке земель Европейской и Азиатской России // Докучаев В.В. Избр. соч. М. Т.2. С.392-397.
5. М и л ь к о в Ф. И. Ландшафтная сфера Земли. М., 1970. С.25.
6. С о ч а в а В. Б. Геотопология как раздел учения о геосистемах // Топологические аспекты учения о геосистемах. Новосибирск, 1974. С.5-7.
7. Там же. С.10-12.
8. Там же. С.7.
9. М и л ь к о в Ф. И. Ландшафтная сфера Земли. С.57-58.
10. Г о р н у н г М. Б. Постоянновлажные тропики (изменение природной среды под воздействием хозяйственной деятельности). М., 1984. С.25-73.
11. Tropical grazing land ecosistems: A state-of-knowledge report prepared by UNESCO/UNEP/FAO. P., 1979.
12. В а л ь т е р Г. Растительность земного шара. Эколого-физиологическая характеристика: Тропические и субтропические зоны. М., 1968. С.71-76.
13. А н д р и а н о в Б. В., Ч е б о к с а р о в Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // Сов. этнография. 1972. N 2. С.9.
14. Там же. С.14; Ч е б о к с а р о в Н. Н., Ч е б о к с а р о в а И. А. Народы, расы, культуры. М., 1985. С.184-185.
15. М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С.522.
16. M c E v e d y C., J o n e s R. Atlas of world population on history. Harmondsworth, 1978. P.343-344.
17. А н д р и а н о в Б. В. Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс // Сов. этнография. 1968. N 2. С.23.
18. В а в и л о в Н. И. Учение о происхождении культурных растений после Дарвина // Вавилов Н.И. Избр. произведения: В 2 т. Т.1. Л., 1967. С.303-327.
19. Б у д ы к о М. И. Глобальная экология. М., 1977. С.230; C o c h e n M. N. The food crisis in prehistory: Overpopulation and the origins of agriculture. L., 1977.
20. К а б о В. Р. Первобытная доземледельческая община. М., 1986. С.249.

21. H a r l a n J. R. Crops and man. Madison, 1975. P.52-57; См. также: Ш н и р е л ь м а н В. А. Проблема перехода к производящему хозяйству в зарубежной историографии: Науч.-ан. обзор. М., 1987.
22. В а в и л о в Н. И. Учение о происхождении культурных растений после Дарвина. С.313-317.
23. H a r l a n J. R. Crops and man. P.55.
24. М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч. 2-е изд. Т.21. С.30.
25. S a u e r C. O. Agricultural origins and dispersials. Cambridge, 1952.
26. А н д р и а н о в Б. В. Роль перехода к земледелию в историческом процессе // Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф.Энгельса. М., 1972. С.130.
27. А н д р и а н о в Б. В. Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). М., 1969. С.230-231; О н ж е. Неоседлое население мира: Историко-этнографические исследования. М., 1985. С.25-26.
28. А н д р и а н о в Б. В. Древние оросительные системы. С.61-78.
29. К о н р а д Н. И. О смысле истории // Запад и Восток: Статьи. М., 1972. С.457-460.
30. G r i g g D. B. The Agricultural systems of the world. L., 1974.
31. А н д р и а н о в Б. В., Ч е б о к с а р о в Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования. С.15-16.
32. О н и ж е. Историко-этнографические области: Проблемы историко-этнографического районирования // Сов. этнография. 1975. N 3. С.23.
33. К о з л о в В. И. Основные проблемы этнической экологии // Сов. этнография. 1983. N 1. С.16.
34. М и л ь к о в Ф. П. Ландшафтная сфера Земли. С.191-193; К у р а к о в а Л. И. Современные ландшафты и хозяйственная деятельность. М.,1983. С.22-25.

Термические пояса и биоклиматические области мира (по Базилевич, Родину, Розову, 1970)			Европа	Азия	Америка Северная	Америка Южная	Африка	Австралия
умеренный холодный	Полярный пояс (арктические пустыни, тундры)	Полярные (арктическая и субарктическая) пустыни, тундры		1	1			
	Бореальный пояс (лесотундра, тайга)	Лесотундры	5	4 5				
			17 –	16 17	2 16			
	Суббореальный пояс. Области: гумидные	Тайга		а б в		4		
		Леса смешанные	а	11 12	20			
	Субаридные	Леса широколиствен.	б 20	б 18	23			
		Лесостепь и степь	в 11 21 23	в				
	Аридные	Полупустыни	18					
		Пустыни		14	20 21			
теплый	Субтропический пояс			15			15 21	3
	Области: аридные	Пустыни и полупустыни					12	
		Саванны и редколесья					а	21
	Субаридные	Субтропические леса	12	12			в	20
		(средиземноморского и	а 18	б 13	20			
	Гумидные	муссонного типа)	в	в а				
жаркий						20 21		
	Тропический пояс			15 14			15	3 21
		Тропические полупустыни					3	
	Области: аридные	и пустыни		9			9	
		Саванны и редколесья				10 13	7	
	Субаридные	Переменно-влажные (в т.ч.		13		а а		
		мусонные) леса		10 а			10 13	
	Гумидные	Субэкваториальные леса		а б	13		а а	
		и саванны		б	10 а		б б	
		Экваториальные леса		в 19	а	22	6 в	
		(гилеи)		3 4 6 8 22	22	3 6	3 4 22	

ЧАСТЬ II

ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

КУЛЬТУР НАРОДОВ СССР И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Григулевич Н. И.

СТАБИЛЬНОСТЬ ЛОКАЛЬНОГО ПИЩЕВОГО КОМПЛЕКСА КАК РЕЗУЛЬТАТ УСПЕШНОЙ АДАПТАЦИИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Для исследований в области экологии представляют интерес не столько собственно явления культуры, сколько их "изменчивость", иными словами то, как эти явления ведут себя в разных природных и социальных условиях, насколько они деформируются, при каких условиях исчезают, в какой степени одни элементы культуры альтернативны другим и т.д. Этноэколог стремится выяснить именно специфическое проявление какого-либо элемента культуры для того, чтобы понять его роль в конкретной системе жизнеобеспечения. Вместе с тем известно, что для жизнеобеспечения, в особенности традиционного, необходимым является наличие комплекса локальных связей человека с природой. Поэтому в этнической экологии данные о локальных этнокультурных процессах оказываются необходимыми для конструктивного осмысления таких явлений, как жизнеобеспечение и этнокультурная адаптация.

Модельным объектом для изучения систем жизнеобеспечения являются переселенческие группы, живущие в инокультурной среде. Оказавшись на далеком расстоянии от прежней этнической территории в новых природно-экологических условиях и в окружении иноэтнического населения, такие группы вынуждены в той или иной степени изменять способ существования. Миграция населения - важнейший фактор этнической эволюции и трансформации, прослеживаемый на протяжении всей истории народов мира, однако происходящим в результате этого изменениям системы жизнеобеспечения до сих пор не уделялось достаточного внимания.

В качестве модели переселенческой группы были выбраны поселения русских сектантов-молокан и духоборов, обосновавшихся в Закавказье главным образом в середине XIX в. В ходе исследований выяснилось, что такие группы в силу присущей им конфессиональной обособленности, как правило, сохраняют характерные для данного этноса черты материаль-

ной и духовной культуры (1). С течением времени комплекс традиционной системы хозяйства, перенесенный на новые земли, под воздействием культурных и экологических факторов все же претерпевает некоторые изменения, которые должны способствовать трансформации традиционной системы питания.

Изучая адаптацию русских старожилов на примере локальных пищевых комплексов системы жизнеобеспечения, мы ставили перед собой следующие задачи: выявление структуры потребления продуктов в прошлом и в настоящее время; тенденции инноваций и заимствований; получение достоверной картины фактического питания сельского населения с учетом его традиционных и экологических особенностей.

В 1985 г. нами была разработана программа, по которой обследовались жители русских сел в республиках Закавказья, а также их соседи - представители коренных национальностей. Программа состоит из практических рекомендаций для сбора материала по программе "Традиционная пища сельского населения" и трех типов анкет, а также образцов заполнения анкет и списка дикорастущих растений с указанием русского ботанического и русского простонародного названия. Сбор сведений по программе осуществлялся в 1986-1989 гг.(2)

В данной работе мы не имеем возможности привести анкеты полностью, поэтому ограничимся лишь перечислением вопросов, которые в них затрагиваются: перечень основных продуктов; частота употребления каждого продукта в теплый и холодный сезоны; продукты, производимые и потребляемые в данном хозяйстве; покупные продукты; в виде каких блюд и изделий употребляются основные продукты; продукты охоты и рыбной ловли; технология приготовления отдельных блюд и изделий; способы хранения и заготовки впрок продуктов; перечень основных дикорастущих трав, кустарников и деревьев; сроки сбора трав, ягод и плодов; способы их употребления и хранения; алкогольные и безалкогольные напитки; суточный рацион сельской семьи; особенности пищевого рациона, характерного для разных возрастных

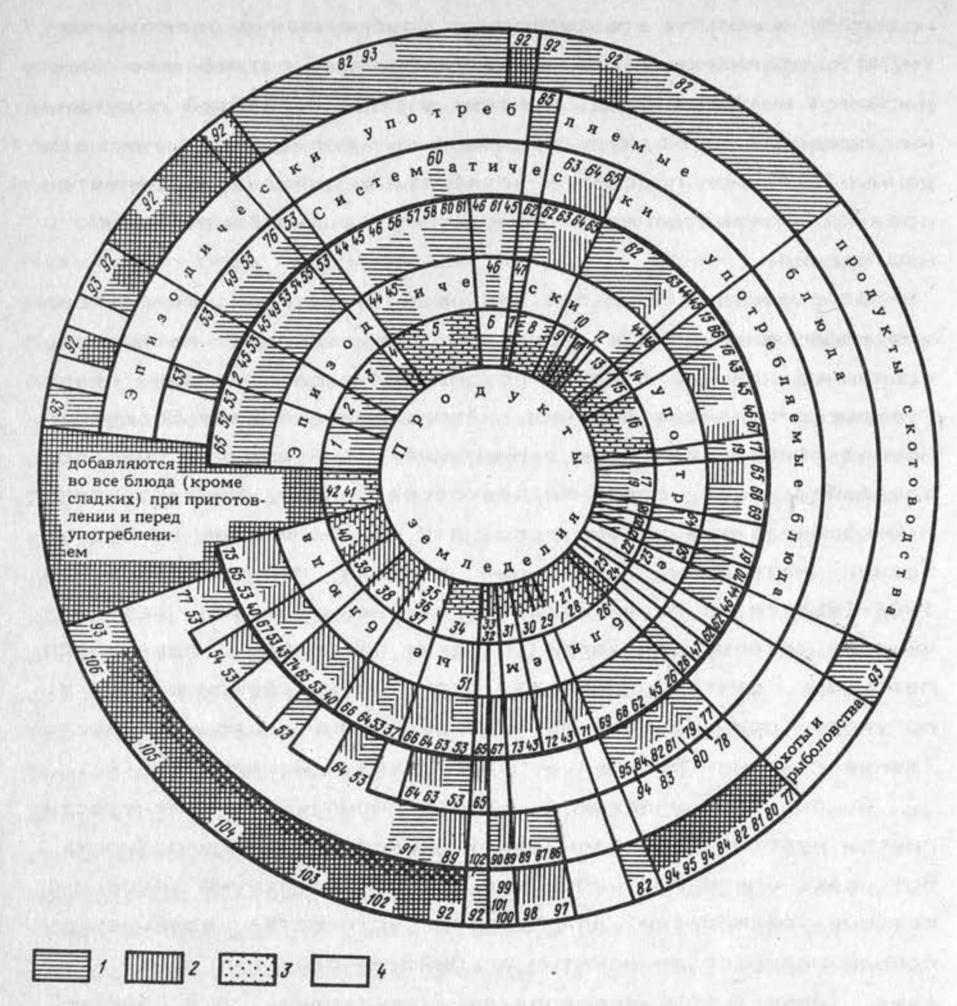
групп; пищевые запреты; праздничные, гостевые блюда, ритуальные блюда, напитки, печенья; инновации и заимствования в традиционной кухне; данные о приусадебном хозяйстве; состав семьи информатора; данные о материальном положении и доходах семьи (3).

Сбор полной информации по программе требует продолжительных, иногда неоднократных бесед с одним и тем же информатором, что, безусловно, затрудняет обследование большого контингента жителей села. Сокращение времени бесед возможно только тогда, когда по полной схеме опрошено хотя бы несколько человек. Некоторые затруднения возникают при выявлении наиболее знающих информаторов. Это прежде всего касается выполнения той части программы, которая касается питания в прошлом. Как правило, наиболее ценную информацию сообщают не самые пожилые люди, а достигшие 60-65-летнего возраста, т.е. те, которые довольно отчетливо помнят "традиционный период", связанный с единоличным хозяйством. При этом оказывается, что не на все вопросы компетентны ответить "хранительницы очага". Они обычно досконально знают технологию приготовления блюд и полуфабрикатов. А вот объемы запасов, источники их пополнения, период хранения, закупочные цены - обо всем этом лучше осведомлены мужчины. От них же можно получить более исчерпывающую дополнительную информацию (о хозяйстве, условиях заготовки и хранения продуктов, характере и объеме трудозатрат для их получения.) Молодые люди, как правило, обладают более полной информацией относительно инноваций, и особенно заимствований из пищи коренных народов. В исследовательской практике приходилось часто наблюдать, как в одной и той же семье люди старшего поколения больше привержены традициям, а молодежь наряду с традиционными широко употребляет в пищу заимствованные из инокультурной среды блюда и перенимает способы их приготовления.

К трудностям обследования питания сельского населения следует отнести и то обстоятельство, что сведения, даваемые информаторами, не всегда соответствуют действительности. В основном это связано с соображениями престижности, в особенности когда дело касается потребления ими мясных и молочных блюд. Поэтому в ходе обработки полученных сведений приходится производить коррекцию, учитывая данные о личном подсобном хозяйстве и доходах информаторов, а также данные, полученные в ходе включенного наблюдения.

В качестве примера изучения локальных комплексов жизнеобеспечения мы в основном представляем материалы, собранные нами за полевой сезон 1987 г. в русских селах Гугаркского района Армении - Лермонтово (бывшее Воскресеновка), Фиолетово (бывшее Никитино), а также в русско-азербайджанских селах Кедабекского района Ново-Ивановке и Ново-Саратовке. Кроме того, для сравнения нами использованы материалы, собранные в ходе полевых сезонов 1986-1988 гг. в селах Закавказья, значительную часть населения которых составляют русские старожилы, являющиеся потомками сектантов-молокан, которые в середине XIX в. по ряду причин были вынуждены покинуть родные места (южные губернии России) и перебраться в Закавказье (4).

В силу этнической и конфессиональной замкнутости группы русских переселенцев сумели сохранить целостность. Вот как описывает впечатления от поселений русских, которые облюбовали для своего устройства возвышенное горное плато со знаменитым альпийским озером Гокча (Севан), известный исследователь-кавказовед А.Ф.Ляйстер: "...И здесь, среди чуждо звучащих для русского уха названий армянских и татарских селений, появились: Воскресеновка, Никитино, Семеновка... Целый ряд селений, посещая которые, как бы незаметно переносишься за тысячи верст - в самую глубь коренной России: те же мазанки с подслеповатыми окнами у бедных, те же деревянные срубные хаты с тесовою или черепичною крышею и традиционным коньком на ней у зажиточных, тот же теплый запах теплого хлеба и дымка, который так мягко окутывает вас при въезде в любую из российских деревень..."(5).



Р и с. 1. Динамика и структура пищевого комплекса русских старожилов сел Лермонтово и Фиолетово

1 – продукты и блюда, традиционные для пищевого комплекса русских; 2 – заимствованые продукты и блюда, а также те, что возникли в XX в.; 3 – покупные продукты; 4 – продукты и блюда, вышедшие ныне из употребления.

Продукты земледелия

У п о т р е б л я е м ы е в т е ч е н и е в с е й ж и з н и в З а к а в к а з ь е: 1 – капуста (белокачанная); 2 – морковь; 3 – картофель; 4 свекла; 5 – мука пшеничная; 6 – дрожжи; крупы: 7 – гречневая, 8 – рисовая, 9 – пшенная, 10 – перловая, 11 – манная; 12 – тыква; 13 – сухофрукты; 14 – мед; 15 – огурцы; 16 – подсолнечное масло; 17 – фрукты (яблоки, груши, вишня...); 18 – грибы; 19 – ягоды (клубника, смородина, малина); 20 – мята, хмель; 21 – дикорастущие травы; 41 – соль; 42 – перец.

→

В ы ш е д ш и е и з у п о т р е б л е н и я: 22 – ржаная мука; 23 – льняное масло; 24 – конопляное масло; 25 – мука гречневая

З а и м с т в о в а н и я и и н н о в а ц и и: 26 – чай байховый; 27 – сахар; 28 – пареная свекла; 29 – крупа кукурузная; 30 – кабачки; 31 – баклажаны; 32 – фасоль; 33 – листья винограда; 34 – пряности и специи; 35 – чеснок; 36 – петрушка; 37 – кишнец; 38 – перец болгарский; 39 – лук; 40 – помидоры

Блюда на основе продуктов земледельческого и скотоводческого комплексов

У п о т р е б л я е м ы е э п и з о д и ч е с к и: 43 – икра (баклажаны, кабачки, лук...); 44 – кулага; 45 – пироги (с творогом, картошкой, морковью...); 46 – хлеб (собственного изготовления); 47 – кулеш; 48 – окрошка; 49 – супы (мясо, рис, лук); 50 – щи (картофель, капуста, морковь...); 51 – аджика

У п о т р е б л я е м ы е с и с т е м а т и ч е с к и: 52 – квашеная капуста; 53 – борщ; 54 – вареный картофель; 55 – жареный картофель; 56 – блины, 57 – саламата; 58 – затирушка; 59 – вареники; 60 – лапша; 61 – квас; 62 – каша; 63 – плов; 64 – харчо; 65 – долма; 66 – соленые огурцы; 67 – лобио; 68 – варенья; 69 – компоты; 70 – чай (из дикорастущих); 71 – мамалыга; 72 – жареные кабачки; 73 – печеные, тушеные баклажаны; 74 – запеченый перец болгарский; 75 – соусы; 76 – мясо с вареной картошкой; 77 – яичница с помидорами; 78 – молоко свежее коровье; 79 – простокваша; 80 – творог; 81 – мацони; 82 – масло сливочное (в том числе топленое); 83 – сыры; 84 – пахта

Мясные и рыбные блюда

У п о т р е б л я е м ы е э п и з о д и ч е с к и: 85 – кишки, начиненные печенью и гречкой; 86 – уха из форели; 87 – жареная форель; 89 – шашлык; 90 – жаркое из дичи; 91 – уха

Продукты скотоводства, охоты и рыбной ловли: 92 – говядина; 93 – яйца; 94 – молоко овечье; 95 – молоко козье; 96 – сливки; 97 – форель; 98 – другая рыба (сазан, карась, сиг); 99 – медвежатина; 100 – мясо копытной дичи (джейраны, кабан); 101 – мясо дикой птицы (куропатка, перепелка); 102 – баранина; 103 – козлятина; 104 – ковурма; 105 – домашняя птица (куры, утки, гуси); 106 – курдючное сало

Воскресеновка и Никитино возникли в 1840-х годах вдоль дороги Дилижан–Караклис (нынешний Кировокан), пролегающей по нескольким межгорным долинам. В одной из таких долин, в нескольких километрах одно от другого и разместились эти два села. Конкретные места для поселений выбирались мигрантами с тем расчетом, чтобы сельскохозяйственные угодья, размещались на плоскости, хорошо прогреваемой солнцем, а жилые строения были защищены от северных ветров. Поэтому, несмотря на большую высоту, климатические условия, в которых проживает и ныне русское население, здесь в целом удовлетворительны для жизни и ведения хозяйства. Ново-Ивановка расположена в межгорьях

Малого Кавказского хребта на высоте 1400-1500 м над уровнем моря. Селение и его окрестности находятся в горно-лесном поясе (6). Несколько ниже относительно уровня моря в том же Кадабекском районе расположена Ново-Саратовка.

Для того чтобы систематизировать и проанализировать полученные в результате анкетирования в селах Лермонтово и Фиолетово сведения, мы составили матрицу в виде круговой диаграммы, в которой весь объем данных группируется по восьми параметрам: продукты, блюда, к какому комплексу (земледельческому или животноводческому) относятся, исторический период их употребления, частота употребления (систематически или эпизодически), свои - покупные (рис.1). Такая матрица дает представление об основной структуре изучаемого пищевого комплекса и происходивших в нем изменениях приблизительно за 150 последних лет.

Анализ матрицы позволяет сделать ряд выводов. В структуре питания русских старожилов в местах выхода основу составляли продукты земледелия. При переселении на Кавказ почти все компоненты системы питания, относящиеся к земледельческому комплексу, сохранились практически без изменений. На первоначальном этапе адаптации русские переселенцы пытались сохранить без потерь традиционный пищевой комплекс: выращивали озимую и яровую пшеницу, полбу, просо, рожь, гречиху, овес, ячмень, лен, коноплю (из семян двух последних давили растительное масло), капусту, тыкву, хрен, морковь, свеклу, бобы, горох. Ячмень и овес шли в основном на корм скоту. Лук и чеснок из-за религиозного запрета молокане не выращивали и в пищу не употребляли.

Со временем из употребления вышли лишь гречневая и ржаная мука. Те культуры, которые по каким-либо причинам переставали возделывать, сохранились в рационе благодаря тому, что перешли в разряд покупаемых; льняное и конопляное масло заменили подсолнечным. Некоторые традиционные для русских компоненты земледельческого комплекса стали употреблять шире за счет введения в рацион новых для

русских старожилов блюд, заимствованных из кухни кавказских народов.

Набор земледельческих продуктов, используемых в питании русских старожилов, с течением времени также расширялся за счет заимствования ряда продуктов, традиционных для народов Закавказья. Это в первую очередь зернобобовые: кукурузная крупа, кукуруза в початках, фасоль; овощные культуры: помидоры, кабачки, баклажаны; пряности, соленья, перец острый (аджика); пряные травы, специи, маринованные виноградные листья.

Заимствованные компоненты используются либо для приготовления русских блюд (борщ) и солений (маринованные огурцы, помидоры), либо для приготовления традиционных кавказских блюд и приправ (плов, лобио, долма, аджика и др.). Таким образом, заимствованные компоненты не столько компенсируют утраченные при переселении, сколько существенно расширяют основу традиционного питания, главным образом его земледельческий компонент.

Если принять весь набор когда-либо употреблявшихся продуктов земледелия в исследованных селах за 100%, то около 60% будет приходиться на долю традиционно используемых русскими старожилами, 10% - на долю утраченных и 30% - на долю заимствованных из кухни кавказских народов.

А теперь более подробно рассмотрим, как изменялся состав сельскохозяйственных культур у русских переселенцев. На первых порах они выращивали пшеницу и рожь, посевы которой постепенно уменьшались. Из ржаной муки пекли хлеб, готовили в печи любимое старинное русское блюдо - кулагу. *. Затем рожь, как пользовавшуюся малым спросом на местных рынках, перестали возделывать. Н.Дингельдштедт писал по этому поводу, что переселенцам пришлось расстаться с посевами ржи и овса, но они не только скоро вошли во вкус пшеничного хлеба, но по примеру местных жителей стали кормить ячменем своих лошадей,

* Кулага - традиционное русское постное блюдо, приготовлявшееся на основе солода и ржаной муки.

находя даже, что так лучше (7). Несмотря на это, жители сел Лермонтово и Фиолетово до наших дней сохранили пристрастие к хлебу, выпеченному из ржаной муки, который они покупают в ближайшем городе.

Наши полевые материалы свидетельствуют, что живя в Закавказье, русские переселенцы из пшеничной муки, кроме хлеба, выпекали и выпекают пышки, калачи, витушки, пироги, блины, блинцы, пряники, орешки. Пироги и "чиненки" (пироги определенной формы) выпекают как с традиционной для русских начинкой, так и с "шишками" (мушмула), тыквой, щавелем. Кроме того, русские старожилы Ново-Ивановки и Ново-Саратовки заимствовали у азербайджанцев такие мучные блюда, как хингяль (отваренные кусочки теста, приправленные мацони с чесноком), халва, пирожки, начиненные дикорастущими травами. В настоящее время пшеничная мука употребляется достаточно широко, но ряд традиционных блюд перешли в разряд дополнительных (эпизодически употребляемых). Это кулага, саламата, хлебный квас. По-прежнему часто как в повседневных, так и в ритуальных трапезах употребляется лапша, сваренная на мясном бульоне.

Самодельные дрожжи из пшеничных отрубей, муки и соцветий хмеля использовались русскими для выпечки хлеба, пирогов, приготовления кваса. В настоящее время дрожжи используются гораздо реже, так как хозяйки пекут хлеб только по праздникам или в торжественных случаях. Традиция приготовления кваса практически утрачена.

Интересно, что во всей Эриванской губернии гречиху выращивали, и притом весьма успешно, только в этих двух селах. Вот как в сельскохозяйственном очерке об Эриванской губернии за 1870 г. пишет об этом Н.И.Спасский: "Русские переселенцы - молокане селений Никитино и Воскресеновки Александропольского уезда разводят для собственного употребления гречиху, которая родится там отлично. В 1870 г. под гречихой было 40 десятин, посеяно на этом пространстве 45 четвертей; урожай был сам=14, так что собрано его 230 четвертей"(8). Из гречневой крупы

варили кашу, из муки - кулеш. По всей вероятности, сокращение посевов гречихи, а затем и их полное исчезновение было вызвано теми же причинами, что и сокращение посевов ржи - низкими урожаями и незначительным спросом на местных рынках. Н.И.Спасский подчеркивает, что гречиха не только нигде больше по губернии не возделывается, но и вряд ли известна местному населению. В Ново-Ивановке посевы гречихи, несмотря на низкие урожаи, сохранились до 1930-х годов, хотя и занимали незначительные площади (9). В наше время присутствие гречки в рационе целиком зависит от ее наличия в магазине, что при нынешнем дефиците продуктов питания случается не часто. Гречневая мука полностью вышла из употребления. Это единственный компонент земледельческого комплекса традиционной системы питания русских старожилов, который был полностью утрачен при адаптации к условиям Закавказья.

Сладкая рисовая каша традиционно подавалась русскими старожилами Закавказья на свадьбах и поминках в качестве ритуального блюда (кутья). Она до сих пор осталась в рационе, приобретя некоторые кавказские черты (в нее добавляют корицу, кишмиш). В наши дни рис используется русскими в основном для приготовления заимствованных из кавказской кухни блюд - плова, харчо, долмы. К крупяным блюдам относятся пшенная, манная и перловая каши. Просо выращивали, и обрушенное зерно в виде крупы употребляли в пищу, готовили из нее пшенную кашу. Азербайджанцы использовали просо как добавку при выпечке хлеба. В настоящее время оно перешло в разряд покупаемых. Пшенную кашу иногда по традиции готовят с тыквой. Из кукурузной крупы, купленной на рынках, русские готовят мамалыгу, которую едят со сливочным маслом. Это единственное крупяное блюдо, заимствованное из кухни кавказских народов.

Набор выращиваемых культур в значительной степени складывался под влиянием традиционного хозяйства и образа жизни. Кочевники-азербайджанцы заводили очень маленькие огороды, так как в сезон поспевания овощей они бывали на эйлагах. На равнинах у азербайджанцев славились бостаны,

на которых разводили дыни, арбузы, огурцы и лук. Армяне, соблюдая посты 158 дней в году, постоянно нуждались в растительной пище. С ранней весны до осени они собирали до 26 видов разных дикорастущих растений, употребляемых ими в отваренном и маринованном виде. Из культурных растений они больше разводили фасоль (лобия), горох, лук, чеснок, огурцы и др. Картофель сеяли преимущественно русские поселенцы. От них его переняли армяне. Меньше всех сеяли картофель азербайджанцы. При этом русские излишки картофеля продавали, армяне употребляли его в пищу как постное блюдо, а азербайджанцы смотрели на картошку как на лакомство.

В различных природных и климатических условиях старались высаживать наиболее подходящий сорт картофеля. Так, в горной части Ленкоранского уезда выращивали так называемый зувандский картофель, отличавшийся хорошими вкусовыми качествами (10). Жители селений Ново-Саратовка и Ново-Ивановка высевали красный и белый рассыпчатый сорта(11). Наши полевые материалы свидетельствуют, что недалеко от высокогорного с.Гореловка Ахалкалакского уезда русские поселенцы также получали небольшие, но устойчивые урожаи картофеля. Это стало возможным благодаря тому, что эмпирическим путем были найдены оптимальные для произрастания этой культуры участки земли. Картошку высаживали на вершине холма, почва которого содержала большую примесь вулканических пород (пемзы). Во всех остальных местах картофель не успевал созреть. Жители с. Гореловка до сих пор называют этот курган "Картошкин курган". Таким образом, в народной памяти топонимически закрепилось название жизненно важного для них места (12).

Русские крестьяне были монополистами и в возделывании капусты, основными потребителями которой являлись, кроме них, армяне. Мусульманское население разведением капусты не занималось и в пищевой рацион мусульман этот продукт не входил. В селах Лермонтово и Фиолетово капуста выращивалась и на продажу. До наших дней капуста, выращенная крестьянами этих сел, пользуется особым спросом на рын-

ках. Кроме того, русские на приусадебных участках выращивали разнообразные овощи, широко использовавшиеся при приготовлении традиционных русских блюд: свеклу, морковь, редис, репу, редьку, тыкву. Лук и чеснок, ранее не употреблявшиеся молоканами по религиозным соображениям, стали выращивать в конце 30-х годов. В наше время эти запреты соблюдаются только людьми очень преклонного возраста, и то далеко не всеми.

Рацион расширялся и за счет покупных овощных культур, которые невозможно было вырастить в местных климатических условиях. Это прежде всего помидоры, огурцы, салат, баклажаны, кабачки, фасоль, болгарский перец. В большинстве своем это были новые для русских культуры, и готовили их так, как это было принято у кавказских народов. Кабачки и баклажаны жарят, запекают, делают из них икру. Баклажаны, кроме того, фаршируют. Русские переняли традицию приготовления голубцов в виноградных листьях - долмы. Они так же, как и коренные народы, покупают фасоль. Стручковую жарят с луком и яйцами, из зерновой готовят лобио, добавляя в него многочисленные травы и специи. Огурцы, как и капусту, по традиции, засаливают на зиму.

Постепенно русские переселенцы переняли у армян и азербайджанцев традицию широкого употребления зелени и пряностей. На приусадебных участках они наряду с петрушкой и укропом выращивают кишнец, сельдерей, чабрец, рейхан, тархун. Покупают гвоздику, черный перец, лавровый лист, шафран, корицу, виноградный уксус. Раньше выращивали мак и давили из него маковое масло. Используются пряности как в свежем виде, так и в различных соленьях, маринадах, в выпечке, при приготовлении заимствованных долмы, плова и других блюд.

Соль добавлялась русскими во все блюда, кроме сладких, и в тесто. Было принято досаливать пищу на столе. Черный и жгучий перец употреблялся русскими переселенцами первоначально в весьма умеренных количествах. Живя в Закавказье, русские стали использовать перец и соль в больших количествах. Дело в том, что, кроме традиционных

для них способов засолки овощей, они заимствовали у коренных народов ряд других. Очень популярна среди русских кавказская жгучая приправа аджика, которая готовится в нескольких вариантах. Одними из основных компонентов аджики наряду с пряной зеленью являются соль и перец.

Что касается садоводства, то русские в целом занимались им меньше, чем местные жители. Хотя там, где условия позволяли, садоводству также уделялось много внимания. Так, в степных русских селах Ленкоранского уезда культивировали айву, яблоню, грушу, сливу, терн, алычу, кизил, абрикос, персик, вишню, черешню, мушмулу, гранат, инжир, грецкий орех, лещину. В горной части уезда тоже выращивали многие из этих растений, но в области высоких гор плодовые растения были уже не так разнообразны и здесь встречались только яблони, груши, сливы, вишни и орешник (лещина). В северной части степного района и в безлесном предгорье, отличающемся вообще бедной растительностью, садоводства не было совершенно (13). Жители горного села Ново-Ивановка в конце прошлого века очистили 30 десятин земли от леса и валунов на правом берегу Бабаджан-чая и сделали прививки на лесных фруктовых деревьях. На 10 десятинах земли они посадили груши и яблони самых лучших сортов, которые были выписаны из Тифлисского ботанического сада, из Нухинского уезда, из Воронежской губернии (14).

Фрукты, ягоды и орехи широко используются в традиционной русской кухне как в свежем виде, так и для приготовления варенья и компотов. В селах Лермонтово и Фиолетово на приусадебных участках выращивают яблоки, груши, вишню, сливу, клубнику, малину, крыжовник, кизил. Виноград, айва, черешня, абрикосы, гранаты, персики, хурма, дыни, арбузы так же, как грецкие и миндальные орехи, в этом климате не вызревают. Поэтому по возможности их покупают на рынке и употребляют как в свежем виде, так и для компотов и варений.

В России русские использовали сухофрукты из дикой яблони и груши в основном для приготовления компотов и

кулаги. При переселении на Кавказ ассортимент сухофруктов у русских значительно расширился за счет покупных, традиционных для закавказской кухни: чернослива, кураги, урюка, инжира, изюма, которые используются как заменители сладкого, а также добавляются в плов, рисовую кашу.

Традиционная система питания русских переселенцев складывалась в условиях преобладающего значения земледельческого хозяйства с большим набором культурных растений. Этим, видимо, объясняется тот факт, что дикорастущие растения играют в их питании более скромную роль, чем у закавказских народов. Так, наши полевые материалы свидетельствуют, что жители с.Новоголовка Джалилабадского района Азербайджана собирают кизил, алычу, ежевику, шиповник, лещину, грецкий орех, которые используются как в свежем виде, так и для приготовления компотов и варений. Русские заимствовали у азербайджанцев технологию изготовления из алычи кислой пастилы - туршлаваша, который представляет собой концентрированный препарат витаминов и микроэлементов, так необходимых человеку в зимнее и весеннее время. Несмотря на большое количество разнообразных дикорастущих трав, произрастающих в районе с.Новоголовка и широко используемых в традиционной азербайджанской кухне, русские не восприняли эту традицию.

В то же время русские поселенцы с.Ивановка Исмаиллинского района Азербайджана издавна употребляли в пищу большое количество дикорастущих растений: конский и кислый щавель, лебеду, кишнец, петрушку, крапиву, стебли и плоды ежевики и калгана, стебли и головки дикого мака, корень солодки, душицу, зверобой, цветы боярышника, черемшу, "косматки", мяту, плоды шиповника, полынь, калину, грибы (белые, грузди, опята). По традиции готовят квас из ржаных сухарей или пшеничных второго сорта, добавляя в него дикие яблоки, грушу, айву. Кроме того, русские так же, как и живущие рядом коренные народы, стали употреблять в пищу спаржу, каперсы, пастушью сумку. В то же

время такие травы, как портулак и лапышник (мальва), русские в пищу никогда не использовали.

Русские старожилы сел Лермонтово и Фиолетово также, как их соседи – армяне, широко употребляли в пищу дикорастущие растения. В условиях весеннего авитаминоза включение в рацион щавеля, шпината, крапивы, лебеды, черемши, хвоща насыщает организм необходимыми ему витаминами. Кроме того, русские собирают дикорастущие смородину, землянику, малину, ежевику, алычу, терн, калину, шиповник. Облепиху покупают на рынке. Ягоды употребляют как в свежем виде, так и заготавливают впрок. Наше внимание обратил на себя тот факт, что жители обследованных сел в отличие от русских, живущих в средней полосе, не собирают плоды рябины, растущей в окрестных лесах. По-видимому, эта традиция была ими утрачена, но на фоне резкого расширения спектра используемых в пищу фруктов, овощей и ягод это представляется совершенно незначительной потерей. Грибы собирают и варят из них супы. Соцветия дикого хмеля используют, как уже упоминалось, при изготовлении самодельных дрожжей. Мята, чабрец, зверобой, душица – испокон веков использовались русскими для заварки ароматных и полезных чаёв. Кроме того, мяту добавляли в квас. Постепенно в связи с широким распространением черного байхового чая, чай из дикорастущих трав перешел в разряд эпизодически приготовляемых напитков. Это же можно сказать и о приготовлении кваса. В трудные годы Отечественной войны эти полузабытые народные традиции вновь возродились и, безусловно, помогли преодолеть лихолетье. В наши дни русские старожилы сел Лермонтово и Фиолетово заваривают и пьют черный байховый чай по нескольку раз в день. Новосаратовцы также переняли традицию широкого использования в пищу дикорастущих: мокрицы, шпината, пастушьей сумки, "свинушек", мушмулы. Пик использования дикоросов приходится на военные годы. В настоящее время дикорастущие используются русскими уже не так широко, как прежде.

Большую роль в пищевом рационе коренных народов и русских переселенцев играли растительные масла различного происхождения. Для получения растительных масел русские старожилы сел Никитино и Воскресеновки выращивали на приусадебных участках лен и коноплю. Такое масло, сбивавшееся на многочисленных маслобойнях, очень широко использовалось в пищу как в сыром виде, так и для жарения. В настоящее время конопляное и льняное масла полностью уступили место подсолнечному. Интересно, что русские старожилы и сейчас считают конопляное масло самым вкусным и полезным. Покупное подсолнечное масло используется в свежем виде для заправки салатов, супов, при жарке, добавляется в тесто для хлеба и пирогов. Растительное масло – необходимый компонент в заимствованных из кавказской кухни блюдах – баклажанной и кабачковой икре, лобио. Молокане Казахского уезда для добывания масла разводили в небольшом количестве сурепицу, а армяне – рыжик. Коноплю в этом уезде русские выращивали ради пеньки, а армяне, кроме того, получали из нее масло. Для тех же целей они высевали кунжут и клещевину (15). Духоборы Елисаветпольского уезда получали масло из льна и конопли (16). В настоящее время как русские, так и коренные народы, используют в пищу в основном подсолнечное или хлопковое масло.

Мед широко употреблялся в традиционной русской кухне, как заменитель сахара. Когда русские поселились в селах Воскресеновка и Никитино, они стали активно заниматься пчеловодством. Этому способствовало и местоположение сел в горно-лесной зоне, недалеко от альпийских лугов с их богатыми медоносами. Дореволюционные исследователи отмечали, что коренные жители Эриванской губернии, в отличие от русских, не были хорошо знакомы с пчеловодством (17). Достигнув некоего пика, пчеловодство постепенно стало сходить на нет. В Лермонтово сохранилась всего одна пасека. Это по сути негативное явление в традиционном хозяйстве объясняется как исчезновением традиционных медоносов (гречихи и др.), так и тем, что в связи с

доступностью сахара мед давно перестал употребляться как естественный сладкий и, кроме того, питательный и целебный продукт.

Вплоть до 40-х годов XX в. рафинированный сахар на столе сельских жителей был большой редкостью. Вместо него употребляли сухофрукты, мед, а также уваренный сок винограда или тутовника - бекмез. Сахар получали также из корня солодки. Естественную кислоту получали, вываривая плоды дикого терна. Эти заимствованные у коренных народов способы получения сахаристых и кислых веществ, обогащенных витаминами и микроэлементами, особенно пригодились русским переселенцам в голодные годы Отечественной войны. В наше время население практически полностью перешло на использование покупного сахара.

На широких плато в горных зонах Закавказья главной отраслью сельского хозяйства являлось оседлое и кочевое скотоводство. Первым преимущественно занимались русские колонисты из сектантов, которые селились на казенных землях и арендовали или покупали пастбищные и сенокосные участки в окрестностях их селений (18). Кочевым скотоводством занимались в основном азербайджанцы. В высокогорных селениях из-за сравнительно низкой температуры не всегда вызревала пшеница, поэтому там скотоводство и разведение ячменя составляло главное занятие сельских жителей.

Иногда русские привозили с собой скот, который пытались выращивать в новых условиях. Крестьяне Казахского уезда Елисаветпольской губернии разводили особую серую пятнистую породу коров, так называемую русскую (19). Они постепенно сокращали численность тонкорунных пород овец, заменяя ее азербайджанской. В Ленкоранском уезде местные жители разводили буйволов очень ценной мазандаранской персидской породы. Русские также разводили их в качестве рабочего и молочного скота. Кроме того, в первые годы переселенцы в большом количестве разводили привозной, преимущественно из Кубанской области, скот, но он плохо акклиматизировался и погибал от малярии. В русских поселениях также встречался скот, представлявший собой помесь

местных пород с привозными бычками, но и последний оставлял желать лучшего. В горной полосе были распространены зебу, весьма устойчивые против малярии крупного рогатого скота - бича местного скотоводства (20). Духоборы с.Славянка разводили мериносов, дававших им огромные доходы. В то же время молочное хозяйство было у них неразвито (21).

Наши полевые материалы показывают, что в личном хозяйстве русские старожилы сел Никитино и Воскресеновка держали коров, лошадей, овец, коз, птицу. Буйволов они, в отличие от армян, не разводили, хотя условия для этого имелись. Причем обеспеченность скотом была довольно высокой: в с.Никитино на каждые 100 человек населения приходилось 175 голов только крупного рогатого скота (22). На употребление свинины в пищу был религиозный запрет. В настоящее время на личном подворье, как правило, содержится крупный рогатый скот, овцы, птица (в основном куры и утки). В последние годы в связи с ухудшением социально-экономической ситуации на селе, нехваткой кормов и пастбищ количество скота, содержащегося в личном пользовании, сокращается.

Что касается продуктов питания животного происхождения, то можно заметить тенденцию заимствования не столько самих продуктов, сколько способов их переработки. В данном случае мы смогли четко проследить влияние окружающей среды на формирование структуры и особенностей пищевого комплекса. Русские крестьяне использовали преимущественно некипяченое молоко и продукты из него (простокваша, творог). Масло сбивали из скисших сливок. Народы Закавказья же, как правило, кипятят молоко, а потом уже обрабатывают его, получая многочисленные молочные и прежде всего кисломолочные продукты.

Полевые материалы свидетельствуют, что русские, попав в Закавказье, если климатические условия позволяли, пытались максимально сохранить традиционные для них способы переработки молока. В селах Лермонтово, Фиолетово, Ново-Ивановка, Ново-Саратовка в условиях среднегорной мест-

ности со сравнительно мягким, умеренным климатом наряду с заимствованными у коренных народов способами переработки молока сохранилась традиция приготовления простокваши. Русские старожилы считают ее более полезной для здоровья, чем мацони. Это же мы наблюдали в 1988 г. в русских духоборческих селах Богдановского района Грузии, расположенных на высоте 2000 м над уровнем моря. В то же время русские, живущие в жарких субтропиках Ленкоранской низменности, все молоко подвергают кипячению (23).

В селах Лермонтово и Фиолетово русские кроме мацони делают и два вида армянских сыров: нитевидный сыр "чил-чил" ("чичель"), который получается путем нагревания мацони и молока с последующим вытягиванием нитей (в последние годы за неимением молока его делают редко) и круглый сыр из цельного овечьего молока "чанах" (иногда с добавлением козьего), который готовится из теплого кипяченого молока, заквашиваемого сычужной закваской (часть желудка ягненка кладут в 3-литровую банку, заливают сывороткой от мацони, добавляют рис и сахар). Эту закваску делают весной и она сохраняет свои полезные свойства в течение всего лета. Сыворотку из-под сыра в пищу не используют. Она идет на корм скоту. Бурдючный сыр "мотал" в с.Лермонтово делают только армяне.

Еще несколько лет назад, когда условия (главным образом наличие кормов) позволяли получать на личном подворье достаточное количество молока, русские старожилы собирали с некипяченого молока сливки, оставляли их скисать и затем в деревянных бочонках из них сбивали масло.

Русские переняли такие специфические для Кавказа молочные продукты, как отжатое кислое молоко, каймак (пенки с кипяченого молока) и айран (сыворотка из-под масла). Летом они готовили окрошку на основе мацони – овдух, а также варили кисломолочный суп – довгу. Заимствованные русскими способы переработки молока позволяли использовать его почти без потерь. Наряду с этим

сохранилась традиция приготовления топленого молока в русской печи.

Для азербайджанцев, живших в сельской местности, издавна была характерна традиция употребления в пищу молозива, которое, как известно, богато витаминами и микроэлементами. По-видимому, это один из довольно редких примеров отрицательного влияния традиции на культуру жизнеобеспечения. Лишение молодняка такого ценного продукта вызывало среди телят большой падеж, но инерция традиции такова, что в той или иной степени она сохранилась среди азербайджанского населения до наших дней практически во всех обследованных нами селах. В тех же селах, где азербайджанцы проживают совместно с русскими, они под влиянием последних постепенно отходят от этой традиции.

Наряду с традиционными для русских мясными блюдами (щи на мясном бульоне, мясо с картошкой, пирожки с мясом и потрохами) в быт русских старожилов вошли блюда, заимствованные у армян (харчо, долма, сациви, мамалыга, шашлык, плов), которые употребляются как повседневно, так и по праздникам. Некоторые из них уже стали общекавказскими. Кроме того, русские по примеру армян и азербайджанцев научились консервировать мясо на зиму, делая ковурму (пережаренное, залитое курдючным салом мясо). В качестве животного жира используется перетопленное курдючное сало. В пищу идут куриные яйца во всех видах, утиные добавляют в тесто.

Процесс заимствования тех или иных компонентов традиционной системы питания носил двусторонний характер. Заимствования армян из традиционной системы питания русских старожилов также касаются ее основополагающих компонентов. Это такие традиционные для русских блюда, как лапша, блины, борщ, квашеная капуста, которую армяне по примеру русских заквашивают в дубовых или лиственничных бочках. Как правило, армяне и азербайджанцы, проживающие в русских селах, выпекают национальные виды хлеба. По праздникам они посылают соседям – русским – свой хлеб, а

13.Зак.1376

те в свою очередь угощают их "молоканским" хлебом. Нам представляется, что процесс взаимного заимствования в области традиционной пищи со временем углубляется и расширяется.

В употреблении мяса и мясных продуктов в повседневной пище русских старожилов и коренного населения прослеживается четкая сезонная зависимость. Их использование смещено в основном на осенне-зимний период. На летнем столе преобладают молочные и овощные блюда. Удельный вес хлеба, печеностей и мучных продуктов остается весьма значительным на протяжении всего года. Такая же сезонная зависимость отмечается нами и в питании коренных народов. Что касается особенностей рациона людей старших возрастных групп, то нами не выявлено сколько-нибудь значительных отклонений от общей картины. В некоторых семьях люди старшего поколения, чаще всего женщины, продолжают придерживаться пищевых запретов, не употребляя в пищу свинину, зайчатину, лук и чеснок.

Охота и рыболовство, игравшее большую роль в традиционной культуре русских, в условиях Закавказья с его горными лесами и реками и относительно ограниченными земельными ресурсами получили дополнительный импульс. Продукты охоты и рыбной ловли стали весомой добавкой к столу русских старожилов. Наши информаторы свидетельствуют, что окрестности русских сел Воскресеновка и Никитино были богаты дичью. Вплоть до 40-х годов XX в. жители этих сел охотились на диких кабанов, медведей, джейранов, куропаток, перепелок. Интересно, что, несмотря на запрет для молокан употреблять в пищу свинину, мужчины охотились на диких кабанов и сами потом готовили и ели это мясо. Таким образом, они раньше женщин стали отходить от этого запрета. В последние годы охота полностью запрещена на все виды птицы и дичи.

В многочисленных реках и источниках в изобилии водилась форель, численность которой из-за обмеления рек и речушек в последнее время значительно сократилась. На столе русских старожилов в наши дни чаще можно встретить

сазана, карася, а также севанского сига. Из них варят уху, жарят, а также по примеру армян и азербайджанцев делают из рыбы шашлык.

В Закавказье русские встали перед необходимостью налаживать хозяйство в иных, чем у себя на родине, природных и климатических условиях. Для более успешной адаптации было выгодно максимально расширить набор используемых в повседневном питании продуктов и блюд. Русские переселенцы осуществили это прежде всего за счет заимствований в области скотоводческого комплекса коренных народов, оказавшегося более разнообразным и, что самое главное, более адаптированным к местным условиям. В свою очередь, русские крестьяне принесли в Закавказье высокую земледельческую культуру южных губерний России, ряд новых, неизвестных местным жителям пород скота и видов сельскохозяйственных растений.

Для русских жителей закавказских сел характерна значительная стабильность пищевого комплекса на протяжении всей истории их проживания в горах Кавказа. Это свидетельствует об успешной адаптации переселенцев в таких важных сферах жизнеобеспечения, как хозяйство и быт. Продуктовая основа земледельческого комплекса осталась практически неизменной, так как те культуры, которые перестали по тем или иным причинам выращивать, перешли в разряд покупаемых. Из употребления вышла незначительная часть малосущественных для рациона культур. Заимствования составляют 30% от всего набора земледельческих культур. Блюда чисто земледельческого комплекса тоже сохранились. Больше заимствований обнаруживают блюда, приготовляемые из продуктов земледельческо-скотоводческого комплекса, хотя основные блюда и здесь остались неизменными. Более или менее существенные изменения претерпел комплекс блюд из продуктов скотоводства. Значительно количество новых блюд и заимствованных способов обработки первичных продуктов. На тех территориях, где позволяет экологическая ситуация, традиционные для русских способы обработки продуктов скотоводства сохраняются в максимальной степени.

В целом пищевой комплекс русских старожилов изменился незначительно, в основном за счет добавления новых элементов, не ставших, впрочем, главными. Стержень жизнеобеспечения (основной набор продуктов и способы их обработки) остался прежним. Более пластичным оказался скотоводческий комплекс, т.е. та часть жизнеобеспечения, которая составляет подчиненную роль и имеет менее развитые формы, чем у коренного населения. Консервативность земледельческого комплекса происходит из-за его наибольшей развитости (главенствующее положение в структуре традиционного питания, большое разнообразие продуктов и блюд в абсолютном значении по сравнению со скотоводческим и относительно того же у коренного населения). Сохранить земледельческий комплекс в значительной степени удалось благодаря удачному выбору места для поселения и соответственно для ведения хозяйства. На нынешнем этапе многие элементы этого комплекса сохраняются в рационе за счет покупки продуктов, что, безусловно, сказалось на частоте их употребления. Если раньше оно было стабильным и регулярным, то теперь целиком зависит от наличия в продаже.

Именно ориентация на покупное, а также перечисленные нововведения сильно поколебали традиционную систему питания русских старожилов, а вовсе не разнообразные заимствования кавказских рецептов, как это можно было предположить. Возможность купить и затруднения с производством продуктов питания в домашних условиях резко снизили стимулы к самообеспечению. Покупные макаронные и хлебные изделия при их сравнительной дешевизне явились серьезной альтернативой традиционному питанию, а употребление сахара и чая "отсекло" культурный пласт, включающий развитую технологию хранения и переработки фруктов, ягод, трав и их использование в различных видах выпечки. Такая замена не оказалась полезной и для организма: сахар практически полностью вытеснил мед, сухофрукты, лесные ягоды. Поэтому единственным источником витаминов в зимне-весенний период, если не считать некоторое количество сохраняемых

фруктов и овощей в свежем виде, являются всевозможные варенья, которые, как известно, содержат в 4 раза меньше полезных веществ, нежели сухофрукты.

В 60-70-е годы в системе питания русских наступает качественный перелом. Отныне большинство основных продуктов питания становятся покупными, за исключением картофеля, некоторых овощей и зелени. Все остальное, в том числе мясные и молочные продукты, становится невозможно производить (24). При нестабильности пищевого рациона, зависимого от колебаний цен на рынке, дефиците в государственной торговле основу питания составили картофель и хлебопродукты.

В 80-е годы перечисленные тенденции еще более усилились. Нынешняя система питания русских старожилов, сохраняя свою ориентацию на круг традиционных продуктов и блюд, по источникам пополнения стала целиком зависимой от рынка и государственной торговли. А это значит, что нет стабильности повседневного рациона, а также сбалансированности питания. Во все сезоны резко преобладают мучные блюда, картофель, капуста, яйца, увеличилось потребление сахара, соли, специй (перенимаются рецепты кавказской кулинарии). Постоянно ощущается серьезный недостаток мяса (30-40 кг в год на человека), молока и молочных продуктов (особенно весной и в первую половину лета), фруктов и овощей (выращивание фруктов было прекращено в связи с необходимостью увеличения посевов товарных картофеля и капусты на приусадебных участках).

Таким образом, даже если не придерживаться существующих в науке усредненных показателей потребностей человека в питательных веществах, становится очевидным, что начиная с 60-х годов качество питания становилось все более неудовлетворительным, в особенности по части потребления белков животного происхождения, минеральных веществ и витаминов, хотя общая калорийность продуктов, судя по всему, увеличилась.

Описанные выше тенденции дают представление о том, какова вообще была роль традиционной системы питания в

адаптации русских переселенцев. На примере русских старожилов Закавказья видно, что люди, оказавшись в новых условиях, в которых для того, чтобы выжить, необходимо полагаться исключительно на себя, не стремились придумать какие-то новые способы жизнеобеспечения, а целиком исходили из того, что уже имелось в их опыте. Достижение традиционного образа жизни стало для переселенцев как бы целью адаптации к окружающей среде. Можно даже предположить, что в иерархии ценностей переселенческих групп в период адаптации важнейшее место занимает привычная система питания - источник жизни и опыта прошлых поколений. Иначе было бы трудно объяснить, почему русские переселенцы многие десятилетия продолжали культивировать малоурожайные в горных условиях культуры (пшеницу, ячмень, гречиху), почему для них практически незаметным осталось легко выращиваемое здесь просо, почему, наконец, они не перешли полностью на производство продукции, пригодной для товарного обмена (картофелеводство, скотоводство). Консервативные установки в питании, наряду со стремлением заниматься привычным хозяйственным трудом, толкали русских переселенцев к поиску наиболее пригодных для этого мест в непривычных условиях Закавказья.

Таким образом, система питания у русских переселенцев оказалась одной из самых консервативных сфер жизнеобеспечения. Действительно, пищевой комплекс в течение 100 с лишним лет оставался приктически неизменным. Так, например, в с.Ново-Ивановка общее количество употребляемых в пищу продуктов за этот срок увеличилось примерно на треть т.е. на 19 наименований, однако существенными среди них были только четыре - свинина, макаронные изделия, сахар и чай, из которых три последних наименования - сравнительно недавние нововведения (см. рис.2). Однако гораздо более важным является тот факт, что в период относительно самостоятельного хозяйственного развития (до 60-х годов) ни один из существенных продуктов, ровно как и ни одно блюдо повседневного рациона не были заменены какой-либо местной (кавказской) формой.

Таблица 1

Продукты (сырье)	до 1900 г.		до 1930 г.		до 1960 г.		до 1987 г.	
	н	п	н	п	н	п	н	п
Мука пшеничная	■		■	□	■	□		□
Мука ржаная		□		□		□		
Мука ячменная	■		■		■			□
Мука кукурузная				□		□		□
Крупа манная								□
Крупа гречневая	■		■			□		
Крупа рисовая				□		□		□
Крупа пшенная	■		■	□		□		□
Макаронные изделия						□		□
Соль		□		□		□		□
Отруби пшеничные	■		■					
Сахар						□		□
Мед	■		■		■			
Молоко	■		■		■	□	■	□
Молоко топленое	■		■		■	□	■	□
Сливки	■		■		■		■	
Сметана	■		■		■	□		□
Творог	■		■		■	□		□
Пахта					■			□
Сыворотка					■			
Масло сливочное	■		■		■			□
Масло топленое	■		■		■	□		□
Масло горчичное		□		□				
Масло конопляное	■		■					
Масло подсолнечное		□		□		□		□
Баклажаны	■		■		■	□		□
Брюква	■		■		■			

Р и с. 2. Ассортимент продуктов питания в с.Ново-Ивановка (1850-1980-е годы)

Р и с. 2. (продолжение)

Таблица 1 (продолжение)

Продукты (сырье)	до 1900 г.		до 1930 г.		до 1960 г.		до 1987 г.	
	н	п	н	п	н	п	н	п
Кабачки				□	■	□		□
Капуста	■	□	■		■		■	
Картофель	■		■		■		■	
Лук зелен. (перо)					■		■	
Лук репчатый					■		■	
Морковь	■		■		■		■	
Огурцы	■		■		■		■	
Перец сладкий					■	□	■	□
Петрушка	■		■		■		■	□
Редис				□	■	□	■	□
Салат					■		■	□
Свекла	■		■		■		■	
Сельдерей			■		■		■	
Хмель	■		■		■			
Томаты	■	□	■	□	■	□	■	□
Укроп	■		■		■		■	
Фасоль	■		■		■		■	□
Хрен						□		□
Черемша						□		□
Чеснок						□		□
Щавель	■		■		■		■	
Тыква		□		□		□		□
Вишня		□		□	■	□		□
Груша	■	□	■	□	■	□	■	□
Инжир		□		□		□		□
Рябина	■		■		■		■	
Слива		□		□		□		□
Терн	■		■		■		■	
Шелковица		□		□		□		□

Р и с. 2. (продолжение

Таблица 1 (продолжение 2)

Продукты (сырье)	до 1900 г.		до 1930 г.		до 1960 г.		до 1987 г.	
	н	п	н	п	н	п	н	п
Яблоки	■		■		■		■	□
Ежевика	■		■		■		■	
Малина	■		■		■		■	
Грибы белые	■		■		■		■	
Лисички	■		■		■		■	
Подосиновики	■		■		■		■	
Чай черный (байховый)				□		□		□
Баранина	■	□	■		■	□	■	□
Говядина	■		■		■	□	■	□
Свинина			■		■		■	
Гуси	■		■		■		■	
Куры	■		■		■		■	
Яйцо домашней птицы	■		■		■		■	
Всего продуктов:	42 + 13		43 + 18		48 + 32		34 + 38	

Условные обозначения:
н — натуральные; п — покупные

Частота употребления продуктов:

эпизодическое;

сезонное; частое

систематическое

И все же было бы неверно утверждать, что в питании русских переселенцев не происходило никаких метаморфоз, связанных с адаптацией. К наиболее весомым мы относим увеличение роли картофеля и сокращение объема и вариантов потребления гречневой крупы. И то, и другое оказалось прямым следствием хозяйственной адаптации к местным условиям. Вторым по важности средством приспособления явилась переориентация с одних способов получения продуктов на другие, а именно переход от натурального производства необходимых продуктов к их покупке, что, в свою очередь, позволило в значительной степени сохранить традиционный комплекс питания в неадекватных условиях хозяйствования.

В последние годы в связи с общей неблагоприятной социально-экономической ситуацией в ряде районов Закавказья, ассортимент продуктов в сельских магазинах сильно оскудел. В сочетании с трудностями ведения подсобного хозяйства, выращивания крупного рогатого скота и получения молока и молочных продуктов это привело к ухудшению и оскудению пищевого рациона сельских жителей. Приоритет продукции земледелия еще более усилился в связи с негативными явлениями в сельском хозяйстве: трудности с кормами, сокращение поголовья скота в подсобном хозяйстве и др.

* *
*

Итак, существенных альтернативных перемен в структуре пищевого комплекса русских с момента их переселения в Закавказье произошло немного. И в этом смысле можно говорить о стабильном пищевом комплексе как о свидетельстве успешной адаптации культуры жизнеобеспечения русских переселенцев к новым этнокультурным условиям. Однако динамика безальтернативных потерь некоторых важных элементов ежедневного пищевого рациона (гречиха, ржаная мука, конопляное и льняное масло и др.) за последние 30 лет свидетельствует скорее о процессе социально-экономической дезадаптации, который по всем признакам носит глубинный, всеохватывающий систему жизнеобеспечения характер.

В настоящий момент социальная дезадаптация представляет собой серьезный противовес этнокультурной адаптированности русских старожилов Закавказья, свидетельством чему является их активный отток в сельские местности РСФСР.

Литература

1. Козлов В. И., Комарова О. Д., Степанов В. В., Ямсков А. Н. Проблемы адаптации русских старожилов в Азербайджане (середина XIX-XX в.) // Сов. этнография. 1988. N 6; Русские старожилы Азербайджана: Материалы по этнической экологии. М., 1990.

2. Комплексная этноэкологическая экспедиция по изучению ских поселенцев на Кавказе: Полевые материалы автора 1986 - 1989 гг./ Архив Ин-та этнографии АН СССР.

3. Более подробно об анкетах см.: Григулевич Н. И. Этноэкологическое исследование локальных пищевых комплексов русских старожилов Армении // Сов. этнография. 1990. N 1. С.114-125.

4. См. об этом более подробно: Исмаил-заде Д. И. Русское крестьянство в Закавказье (30-е годы XIX - начало XX в.). М., 1982; Долженко И. В. Хозяйственный и общественный быт русских крестьян Восточной Армении (конец XIX - начало XX в.). Ереван, 1985.

5. Цит. по: Памятная книжка Эриванской губернии на 1912 г. Эривань, 1912. Ч.5. С.2.

6. Ямсков А. Н. Ново-Ивановка: История селения и крестьянского хозяйства // Русские старожилы Азербайджана... С.96.

7. Дингельдштедт Н. Закавказские сектанты в их семейном и религиозном быту. СПб., 1885. С.3.

8. Цит. по: Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1872. Т.2. С.175.

9. Ямсков А. Н. Ново-Ивановка: История селения... С.103.

10. Очерк сельского и лесного хозяйств Ленкоранского уезда Бакинской губернии. Баку, 1914. С.122.

11. Петров И. Е. Селения Ново-Саратовка и Ново-Ивановка Елисаветпольского уезда // Изв. Кавказского отд. Русского геогр. об-ва (ИКОРГО). Тифлис, 1909. Т.19. N 1. С.239.

12. Архив Ин-та этнографии АН СССР. Комплексная межинститутская этноэкологическая экспедиция по изучению русских поселенцев на Кавказе, 1988. Грузинский этноэкологический отряд: Полевые материалы автора.

13. Очерк сельского и лесного хозяйства... С.125.

14. Петров И. Е. Селения Ново-Саратовка и Ново-Ивановка... С.241.

15. Ерицов А. Д. Экономический быт государственных крестьян Казахского уезда Елисаветпольской губернии// Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис, 1886. Т.2. С.155.

16. Петров И. Е. Духоборы Елисаветпольского уезда// ИКОРГО. Тифлис, 1906. Т.18. N 3.

17. Спасский Н. И. Сельскохозяйственно-статистические сведения об Эриванской губернии за 1870 // Сб. сведений о Кавказе. Тифлис, 1872. Т.2. С.190.

18. Кофод А. А. Сельскохозяйственные очерки Закавказья. СПб., 1904. С.30.

19. Ерицов А. Д. Экономический быт... С.182.

20. Очерк сельского и лесного хозяйства... С.109.

21. П е т р о в И. Е. Духоборы Елисаветпольского уезда... С.171.

22. Д о л ж е н к о И. В. Хозяйственный и общественный быт... С.65.

23. Grigulevich N.J. Cultural and ecological peculiarities of the traditional diet of the Russians in Azerbaijan // XII ICAES. Zagreb, July 24-31, 1988. Moscow, 1988.

24. К о м а р о в а О. Д., С т е п а н о в В. В. Исторические этапы адаптации русских переселенцев на примере села Ново-Ивановка Азербайджанской ССР // Русские старожилы Азербайджана... С.130.

А. П. П а в л е н к о
В. В. С т е п а н о в

РОДСТВЕННЫЕ БРАКИ, ТРАДИЦИОННАЯ ПЛАНИРОВКА И ЭКОЛОГИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО СЕЛА

Большинство аспектов исследования различных явлений и процессов в исторических науках имеет свою экологическую проблематику, в чем нас убеждают результаты плодотворного сотрудничества этих дисциплин с другими, на первый взгляд, далекими от истории отраслями знаний. Однако сколь ни были бы неожиданными и впечатляющими получаемые выводы, всякий раз приходится удивляться, когда уже известный объект предстает в новом ракурсе. В нашей статье таким объектом является институт брачных отношений между родственниками. Даже искушенному читателю трудно представить, в какой взаимосвязи с экологическими условиями он может находиться, поэтому материалы, приводимые ниже, возможно, вызовут не только интерес, но вначале также и некоторое недоумение специалистов, что в равной степени плодотворно для развития этнической экологии.

Вопросом о причинах появления института брака по родству задавались мыслители разных эпох (1) и большую часть их предположений следует считать правильными. Уже одно то, что родственный брак как основная форма родственных отношений существовал у многих народов в различные исторические периоды (2), свидетельствует о многообразии

предпосылок и причин развития этого института. Так, знаток культуры арабского Востока Э.Уэст объяснял родственный брак стремлением сохранить в определенной политической ситуации религиозную принадлежность (3). М.М.Ковалевский, а вслед за ним и С.С.Агаширинова трактуют его как средство сохранения материальных ценностей в пределах родственного коллектива (4). Древние арабы считали двоюродную сестру по отцовской линии - женщиной наиболее выносливой(5).В позднейших частях "Авесты" родственный брак рассматривался в качестве богоугодного деяния (6). Современные азербайджанцы объясняют женитьбу на родственнице как "более дешевую" (относительно небольшая традиционная "плата" за невесту). Ситуативный брак по родству (т.е. не в форме традиционного института) встречается в среде мелких этнических групп, живущих в отрыве от своей основной этнической территории. Он не редкость, а иногда и доминирует, в частности у русских старожилов Закавказья. Сами русские объясняют причины его бытования в шутливой форме: "Свою возьмешь - дурочка, а чужая - так и вовсе..."

Думается, что всякое объяснение заслуживает внимания, будь то научная концепция или житейское представление. Однако в данной статье нет возможности, да и необходимости детально разбирать историю и сущность вопроса об институте родственного брака. Достаточно заключить, что родственный брак является вполне последовательной формой охраны прав коллектива родственников. В условиях родового строя или его пережитков одним из важнейших прав родственного коллектива было владение средствами производства, ведущее значение которого в совокупности с другими причинами делало необходимым совместное проживание родственников. Естественно, что сохранить в целости предмет коллективного владения, в том числе и одну из его форм - селитебный ареал - легче всего, если право владения не распространяется за рамки родственных уз, т. е. при родственном браке. При этом логично предположить, что недопущение таким способом "чужих" для заселения родовой территории становится тем актуальнее, чем удачнее произ-

веден выбор места жительства основателями родственного коллектива. В этой связи родственный брак как средство сохранения для потомков участка с оптимально выбранными экологическими условиями играет заметную роль в создании необходимых условий для жизнеобеспечения. Если принцип локального поселения родственников представляет собой важнейший механизм наследования экологического опыта прошлых поколений, то институт родственного брака является оригинальным способом сохранения такого опыта потомками на возможно более долгий срок.

Все сказанное выше в полной мере подтверждается материалами о современных азербайджанских селениях, собранными нами в 1984-1986 гг. Как свидетельствуют наши полевые материалы, традиционная брачная система азербайджанцев и ее основной брачный принцип - жена из того же квартала - до сих пор не претерпели существенных изменений. Основным принципом размещения жителей в азербайджанских селах и поныне остается соседско-родственный, в особенности в тех селениях, где застройка развивалась стихийно. В результате большинство селений, возникших естественно-исторически, состоит из кварталов - мехелле (7), населенных в основном родственниками. В общем виде азербайджанский квартал представляет собой более или менее целостную территорию, где проживают родственники различных степеней. Здесь необходимо отметить, что это определение скорее подходит для "молодых" (недавно созданных) кварталов. В дальнейшем, по мере роста населения квартала, брак между родственниками становится все более затруднительным. Сказывается неоднородность их возрастного состава, сложность исчисления родства из-за большого родственного контингента, например, если родители - двоюродные родственники составляют 30 пар (что далеко не редкость в азербайджанских селениях), то общее количество их детей обычно насчитывает не менее 200 человек. С ростом населения квартала и усилением хозяйственно-экономической самостоятельности входящих в него относительно небольших групп родственников брак с более отдаленными

родственниками и вовсе становится невыгодным, поскольку общеквартальные формы коллективной жизни и коллективного владения превращаются во все более пережиточные. Квартал, таким образом, можно назвать историческим продуктом стремлений отдельных групп близких родственников отстоять свое право на собственность, в частности право на коллективное проживание. Поэтому азербайджанские кварталы характеризуются не просто эндогамностью, но и повышенным числом близкородственных браков.

В прошлом в кварталах проживали члены патронимий, впоследствии - большие семьи. В последнее же столетие, когда большесемейные коллективы окончательно распались, широко распространено проживание по соседству близкородственных между собой малых семей. Тем самым облегчается удовлетворение существующих доныне потребностей в некоторых формах коллективизма (в культурно-бытовой сфере, в целях осуществления какого-либо рода взаимопомощи и пр.). Стремление поселиться рядом с родственниками сохраняется также, если очевидны природно-экологические выгоды такого размещения.

Для того чтобы показать наглядно, как развивается процесс заселения территории и какие при этом существуют взаимоотношения между институтом родственного брака и экологическими условиями, обратимся к материалам о территориальной структуре брачных отношений жителей одного из азербайджанских селений - Абдал. Однако прежде необходимо дать общую характеристику экологической ситуации села. Если учесть, что большинство селений размещается в предгорно-низкогорной зоне, селение Абдал можно рассматривать как одно из типичных для Азербайджана и по положению, и по числу жителей, и по характеру их занятий, и по внешнему облику.

Селение Абдал Агдамского района расположено в области низкогорий Восточного склона Малого Кавказа на высоте 700 м над уровнем моря. Это область старинного и многократного заселения с довольно плотным сейчас размещением населенных пунктов. Местность представляет собой пологие отроги гор, вытянутые в субширотном направлении. К восто-

ку они постепенно понижаются, переходя в наклонную равнину. Данные средних многолетних характеристик климата (8) показывают, что природные условия этих территорий можно считать одними из самых комфортных. Здесь преобладает умеренно-теплый климат с достаточным увлажнением. Почти не бывает сильных суточных перепадов температуры и влажности, кратковременны или почти отсутствуют жаркие погоды.

Само селение расположено в днище узкой неглубокой долины, рассекающей платообразную поверхность в северо-восточном направлении, и разделяется на две части протекающей здесь небольшой речкой Гюлаблычай. Большинство жилых и хозяйственных построек сосредоточено в нижней части северо-западного склона горы Чирахлы, а остальные – на противоположных склонах низких холмов. Внутрисельские и окружающие ландшафты значительно изменены в результате хозяйственной деятельности (земледелие, строительство, выпас скота). Главными источниками питьевой воды являются четыре кягриза (подземные водосборы), расположенные в прирусловой части реки Гюлыблычай. Их водоносность несколько ослабевает к лету, однако воды в основном хватает. На полив, кроме того, берут воду и из местного ручья Чаймак, пересыхающего в летний период.

Жители с.Абдал, как и окрестное сельское население, с давних пор занимаются земледелием и отгонным скотоводством. В последнее столетие преобладало земледелие – зерноводство, виноградарство и садоводство (9).

В настоящее время с.Абдал состоит из 12 кварталов, 8 из которых находятся на северо-западном склоне, а другие 4 расположены на противоположном, юго-восточном склоне (рис.1). В 1986 г., по данным похозяйственных книг, в с.Абдал проживало свыше 1 тыс. человек. В нем около 150 одно- и двухэтажных каменных жилых домов, расположенных вместе с хозяйственными строениями на относительно плоских участках речных террас с уклоном не более 10°. Многие усадьбы примыкают друг к другу, улицы отсутствуют. Незастроенные участки селения дают возможность проезда или прохода. Незаселенными остаются лишь отвесные участки.

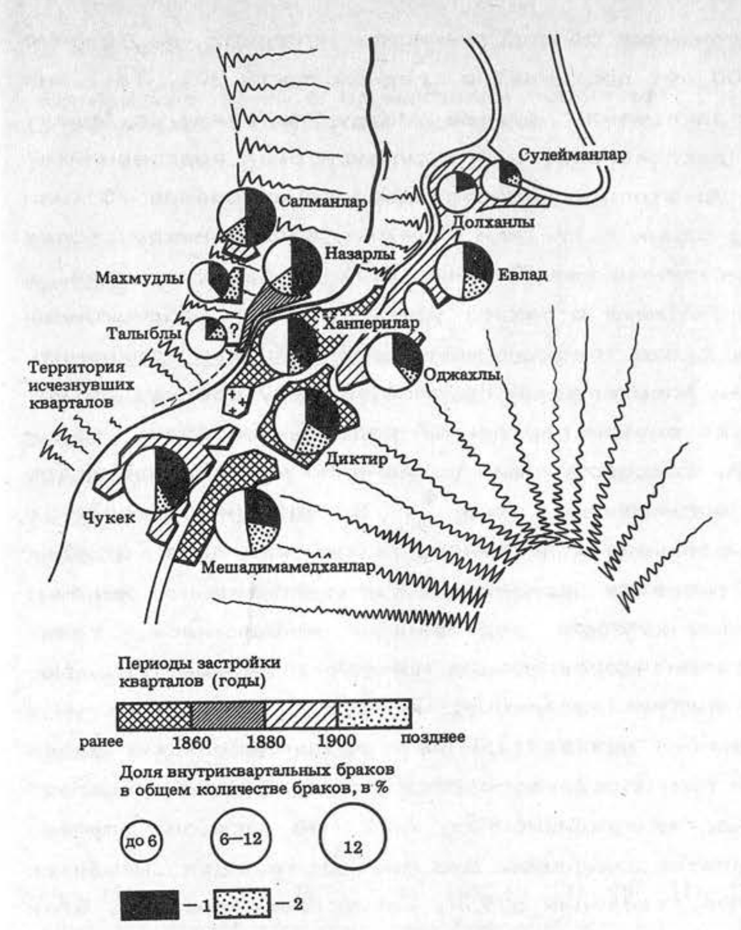


Рис. 1. Традиционные браки мужчин селения
1 – внутриквартальные родственные браки;
2 – межквартальные родственные браки

Учитывая рассказы старожилов, а также время возведения и расположение жилищ, можно утверждать, что облик села в последнее столетие существенно не менялся.

Общим принципом организации территории с.Абдал является кучное расположение усадеб кварталами. По свидетельству старожилов, еще 100 лет назад в селении насчитывалось до 16 кварталов. Наши подсчеты свидетельствуют, что число родственников в этих локальных жилых массивах и ныне составляет заметный удельный вес, а количество

14.Зак.1376

браков, заключенных по родственному принципу в течение последних 100 лет достигает в среднем почти 30%. Так, из 342 случаев заключения браков между жителями с.Абдал, которыми мы располагаем, в 109 супруги были родственниками (27,5%). Из этого количества двоюродных браков 75 (или 68,8%), троюродных – 19 (или 17,4%) и браков между более дальними родственниками 15 (или 13,7%). Однако цифра в 30% не в полной мере отражает удельный вес традиционных браков. Коль скоро традиционный брак призван сохранить территорию за определенной группой, к нему следует относить не только внутриквартальный родственный брак, но и любой другой, способствующий сохранению и воспроизводству квартальной организации села *. В условиях, когда в результате небольшие родственные группы или даже отдельные семьи становятся экономически и хозяйственно независимыми от более крупных родственных коллективов, квартально-родственная организация неминуемо нарушается. Поэтому любые внутриквартальные, но неродственные браки, а также родственные межквартальные и даже межсельские браки (при условии патрилокального поселения) логично рассматривать в качестве традиционных или, во всяком случае, носящих отпечаток традиции. Это необходимо для наиболее целостного представления о том, какие преследовались цели при заключении родственного брака. Таким образом, фактическое количество браков, способствующих сохранению традиционного квартального деления с.Абдал оказывается гораздо большим – в среднем 50%, а это означает, что на протяжении последнего столетия причины и условия поквартального деления села играли значительную роль, хотя и неодинаковую, если судить об удельном весе традиционных браков в отдельных кварталах (табл.1).

---

* Мы считаем, что традиционным является всякий брак, носящий хотя бы в редуцированном виде черты классического (родственного внутриквартального) и способствующего, таким образом, сохранению и воспроизводству традиционной квартальной структуры.

Т а б л и ц а 1

Количество семей с одинаковыми фамилиями в кварталах с.Абдал за последние 100 лет

Названия кварталов	Мешадимамед-ханлар	Ханперилар	Диктир	Долханлы	Салманлар	Евлад	Назарлы	Чукек	Оджахлы	Талыблы	Сулейманлар	Махмудлы
Мешадимамед-ханлар		1	43		18	1	32	45	38	41	13	5
Ханперилар	7		24		22	10	8	27	8	12	2	
Диктир	35	10			20	6	35	39	32	32	9	5
Долханлы					4		3					
Салманлар	8	12	19	6		14	21	23	6	11	5	12
Евлад	1	10	6		9		9	7	1	2	1	4
Назарлы	17	5	26	9	35	8		26	12	17	18	8
Чукек	25	8	30		21	4	28		19	21	11	6
Оджахлы	18	8	18		9	7	12	18		12	3	
Талыблы	6	10	14		13	11	14	13	7		1	7
Махмудлы	4		5		9	3	7	6		3		
Всего семей	123	73	187	16	164	65	173	207	127	153	66	47
Распространенность фамилий квартала в селе	27	32	27	2	40	30	30	27	16	27	27	18
Среднее количество семей на фамилию (по данным опроса)	5,3	4,3	4,7	2,3	2,9	3,5	3,3	3,2	5,0	2,9	2,5	1,8
Возраст квартала (T= x)	143	138	*127	5	116	105	99	86	80	*78	68	32

* Расчетный возраст не соответствует действительному из-за значительного механического оттока населения из квартала за пределы села.

Территориальная неравномерность брачных предпочтений дает возможность исследовать их в зависимости от экологических факторов. Для этого мы постарались определить качество экологических условий отдельных частей села. При этом мы исходили из следующих критериев: характер рельефа, экспозиция склонов, уклоны, наличие естественных и антропогенных ландшафтов, условия и доступность водопользования, микроклимат; на основе этих данных делались выводы о потенциальных возможностях заселения рассматриваемого участка. В качестве дополнительных критериев были учтены оценки местных жителей.

В с.Абдал можно выделить три группы кварталов по качеству экологических условияй. В лучших условиях находятся кварталы Диктир, Евлад, Мешадимамедханлар, Оджахлы, Ханперилар, Чукек, Махмудлы, Назарлы и Салманлар. Первые занимают основание северо-западного склона горы Чирахлы. Здесь жилые и хозяйственные строения расположены на террасах р.Гюлаблычай и выше – на наиболее пологих участках. Местами естественные горизонтальные площадки искусственно увеличены так, что территории некоторых усадеб вклиниваются в лесистую часть довольно крутого склона. Три других квартала расположены на противоположном пологом склоне, обращенном в юго-восточную и восточную стороны. Экспозиции обоих склонов и их выгодное положение в системе окружающих крупных форм рельефа не приводят к значительным локальным вариациям местного климата, который, как уже говорилось выше, благоприятен для жизни и хозяйственной деятельности.

Следует все же уточнить, что территория юго-восточного склона чуть менее комфортна летом. Эта "солнечная" – "гюнейная", как ее называют азербайджанцы, сторона прогревается сильнее. Например, в июле 1986 г. в дневное время наши приборы нередко фиксировали температуру воздуха +32°С в тени, в то время как средняя многолетняя температура воздуха для всего селения равняется +27°С. Влажностный режим в значительной мере сходен для территорий обоих склонов и, возможно, несколько более комфортен

по сравнению с условиями окружающих территорий из-за специфической суточной циркуляции воздуха (в урочище, где расположено селение, во все сезоны преобладают горно-долинные ветры юго-западных четвертей. Снабжение водой для населения всех кварталов связано с трудностями ее доставки (чаще всего вручную или на ослах) от кягризов, расположенных в низкой части селения. Поэтому жители этих и остальных кварталов имеют примерно равные возможности в водообеспечении.

Участки с менее приемлемыми условиями для жизни и ведения хозяйства расположены в той части склона горы Чирахлы, которая обращена к наклонной равнине, т. е. на склонах северной и северо-восточной экспозиций. Здесь проживают жители кварталов Долханлы и Сулейманлар. Эффект горно-долинной циркуляции на территориях этих кварталов утрачивает свое значение. Микроклимат здесь формируется в основном под влиянием неблагоприятной экспозиции склона. В жаркий период из-за слабой циркуляции воздушных масс и "теневой" стороны наряду с повышенными температурами воздуха (27°С и выше) держатся высокие показатели относительной влажности воздуха (до 80%). В холодые же периоды, по свидетельству местных жителей, эта территория "открыта всем ветрам". Однако главным препятствием дальнейшего увеличения здесь плотности населения является дефицит удобных мест для усадеб. Ограниченность выбора в верхней части склона обусловлена особенностями рельефа, а в нижней – размещением сельскохозяйственных угодий.

К худшим можно отнести экологические условия квартала Талыблы, расположенного на южном склоне. Основным недостатком его территории является значительная крутизна, которая почти везде превышает 10° (и кое-где достигает 20°). В связи с этим сюда крайне затруднена доставка воды, строительных материалов и т. д.; существует опасность осыпей. Здесь же наиболее высоки летние температуры воздуха.

Группировка квартала по качеству экологических условий показывает, что кварталы, расположенные на лучших

территориях, сохранились в большей степени (см. рис.1), удельный вес традиционных браков в них составляет в среднем 52 %, а в кварталах на худших территориях - меньше 25%. Как видим, действительно существует зависимость между традиционными принципами размещения населения и характером экологических условий. Однако научный подход требует, чтобы были учтены и другие факторы, а кроме того, необходимо решить не менее важную проблему - попытаться раскрыть механизм выявленной зависимости.

Помимо экологических наиболее вероятными факторами, влияющими на сохранность кварталов, являются социально-экономические и хозяйственно-бытовые, а также фактор времени. Территориальная дифференциация социально-экономических условий внутри с.Абдал вряд ли играла сколько-нибудь важную роль. Это следует из материалов похозяйственных книг за различные периоды, опросов местных жителей и из наших наблюдений уровня благосостояния жителей данных кварталов. В частности, в последнее столетие наблюдалось сходство в обеспеченности усадебной землей, а в период, предшествовавший коллективизации, - и в обеспеченности надельной землей. Сходными были средние полезные площади жилья, типы жилья и т.д.

Куда более серьезными являются два других фактора - хозяйственно-бытовой и фактор времени. Первый проявляется во внутрисельских миграциях жителей, второй заключается в возрастных различиях отдельных кварталов. Но где найти на этот счет данные? Сведения, сообщаемые информаторами, отрывочны и противоречивы, а документальных материалов попросту не существует. Выходом из положения послужила идея проанализировать с этой целью фамильный состав населения отдельных кварталов.

Вполне логично предположить, что старейшим является тот квартал, жители которого носят фамилии, имеющие наиболее широкое распространение не только в этом, но и в других частях селения. Распространенность (дисперсность) какой-либо фамилии по территории селения мы определяем по количеству кварталов, в которых она бытует, учитывая

наименьшее количество кварталов, где проживает свыше 50% ее представителей. Вычислить дисперсность фамилий можно по формуле: $d = (x - 1)X$, где d - показатель дисперсности фамилии, x - количество кварталов, где распространена данная фамилия, X - минимальное количество кварталов, где проживает более 50% представителей фамилии.

Предлагаемый метод вычисления дисперсности фамилий предусматривает такую форму, при которой показатель равен 0, если фамилия бытует только в одном квартале. Однако руководствоваться единичным критерием распространенности фамилий для определения возраста кварталов было бы недостаточно, так как в этом случае в категорию старых кварталов могут попасть и сравнительно молодые, возникшие путем переселения на локальную территорию представителей тех или иных кварталов, а следовательно, носителей различных фамилий.

Очевидно, что в общей массе внутрисельских перемещений, когда сильна традиционная установка: селиться рядом с родственниками, мигрирует меньшая часть представителей какой-либо фамилии. Особенно это относится к представителям крупных фамилий. В таких случаях в более молодых переселенческих кварталах, несмотря на их сложный фамильный состав, количество брачных пар одной фамилии должно быть меньше, чем представителей той же фамилии в более старых кварталах. Например, крупнейшая по числу семей фамилия Маммедовы распространена в кварталах Мешадимамедханлар (23 семьи), Диктир (16), Чукек (8), Назарлы (6), Оджахлы (3). Приводимые ниже расчеты возраста кварталов покажут, что среди них Мешадимамедханлар самый старый, а возрастная последовательность остальных кварталов практически соответствует уменьшению в них количества семей данной фамилии. Учитывая, что количество браков, фиксируемое нами, относится к более чем столетнему периоду и их поквартальное соотношение является как бы "шлейфом", т. е. свидетельством еще более ранних перемещений жителей, можно полагать, что представители фамилии Маммедовых переселялись в указанные кварталы с той же очередностью.

Конечно, применительно к одной фамилии подобный подход не всегда может быть верным, так как при этом не учитываются многие случайные факторы, в частности вероятность "расцвета" или, наоборот, "вырождения" фамилии в том или ином квартале. Однако при одновременном сравнении всех имеющихся фамилий в квартале, а их нередко бывает свыше десятка, особенности развития каждой фамилии, как увидим ниже, оказываются не столь существенными.

Собранный нами материал охватывает 388 брачных пар, носящих 40 фамилий. Поэтому для определения возраста какого-либо квартала удобнее рассматривать распространенность по селению не каждой фамилии в отдельности, а учитывать среднюю дисперсность для всех фамилий, бытующих в квартале. Также логично оценивать и общее количество брачных пар, носящих одинаковые фамилии в сравниваемых кварталах.

Таким образом, можно определить возраст квартала, если учитывать два поступательных процесса: распространенность фамилий, бытующих в квартале, на остальной территории селения и увеличение количества их членов (семей) в данном квартале. Без каких=либо дополнительных исследований формально это можно представить следующим образом: $T = S \times d$, где T - возраст квартала, S - количество семей, приходящееся в среднем на одну фамилию в квартале (учитываются только те фамилии, которые бытуют и в других кварталах), d - распространенность фамилий квартала в селе.

Все исходные данные отражены в табл.1. Произведя несложные расчеты, получаем численные соотношения возрастов кварталов. В частности выясняется, что среди всех кварталов наиболее старым является Мешадимамедханлар, а относительно "молодым" - Махмудлы.

Однако насколько верны подобные расчеты? Прямых данных о возрасте кварталов, как указывалось, у нас нет. В качестве же косвенных можно использовать, к примеру, данные о доле семей, фамилии которых имеют хождение только в данном квартале. В древнем Мешадимамедханларе

таких семей всего 4%, в Диктире, возникшем позднее, - 15%, а в еще более "молодых" - Чукеке и Оджахлы - 29 и 30%. Однако не во всех кварталах имеются свои, местные фамилии, поэтому указанный критерий нельзя считать общеприменимым. Другим свидетельством правильности расчетов является то, что большинство старых кварталов размещается на территориях с лучшими экологическими условиями. Наконец, третьим подтверждением может служить совпадение расчетных периодов кварталообразования с известными историческими событиями, происходившими в с.Абдал. Наиболее важная для нас веха - время возникновения селения. Местные жители говорят, что их предки, выходцы из Ирана, гоняли в эту местность скот с равнин Барды и Евлаха, имели здесь временные хозяйственные и жилые постройки - казмы, а позже - окончательно осели в этих местах.

На подробных картах прошлого столетия с.Абдал появляется в конце 30-х - середине 40-х годов вначале как сезонно обитаемое поселение (кишлаг), а затем как постоянное (10). Указанная дата хорошо согласуется с материалами Д.Исмаил-заде о периодах массового оседания кочевников и полукочевников Азербайджана (11). Таким образом, можно предположить, что возраст "постоянного" селения Абдал примерно равен 150 годам. Для нас было совершенно неожиданным почти полное совпадение расчетной цифры возраста самого старого квартала с этой величиной. Это объясняется тем, что мы учли большое количество семей и их фамилий, существовавших за всю историю села.

Если возраст селения неизвестен старожилам, то события текущего столетия они помнят. Так, среди "молодых" кварталов они называют Чукек, Сулейманлар, Махмудлы, что соответствует нашим расчетам. Однако среди старых кварталов иногда упоминается Оджахлы, хотя ему, вероятно, всего около 80 лет. Дело в том, что наши расчеты основываются на массовых явлениях и, естественно, отражают периоды наиболее активного заселения и застройки территорий кварталов. Именно поэтому расчетный возраст несколько ниже реального.

Зная теперь о возрасте кварталов, можно с большей достоверностью судить о роли экологических факторов в развитии традиционной квартальной планировки. Принимая во внимание тот факт, что в последнее столетие количество традиционных родственных браков сокращается, можно ожидать, что доля подобных браков, оставаясь на прежнем уровне или уменьшаясь в старейших кварталах, будет увеличиваться в более молодых. Действительно, в Мешадимамедханларе она составляет 48%, в Ханпериларе - 50, в Диктире - 58% и т.д. (табл.2). Однако в некоторых случаях эта закономерность нарушается. Если рассматривать кварталы, расположенные только на экологически благополучных территориях, то нетрудно заметить, что тенденция уменьшения доли традиционных браков с возрастом кварталов характерна только для группы старых кварталов. А совсем "молодым"

Т а б л и ц а 2

Браки, способствующие сохранению квартальной структуры села

Квартал	Количество внутриквартальных браков	Межквартальные родственные браки, заключенные мужчинами квартала	Всего	% от общего количества браков, заключенных мужчинами квартала
Мешадимамедханлар	15	8	23	48
Ханперилар	14	3	17	50
Диктир	19	11	30	58
Долханлы	1	-	1	14
Салманлар	20	6	26	63
Евлад	10	5	15	52
Назарлы	19	6	25	63
Чукек	26	4	30	52
Оджахлы	9	4	13	37
Талыблы	2	3	5	25
Сулейманлар	2	3	5	33
Махмудлы	4	-	4	44

кварталам свойственна, наоборот, минимальная доля традиционных браков, на основе чего можно предположить, что молодые кварталы "утратили" свою традиционную брачную структуру в связи с миграцией значительного количества жителей. Проверим это.

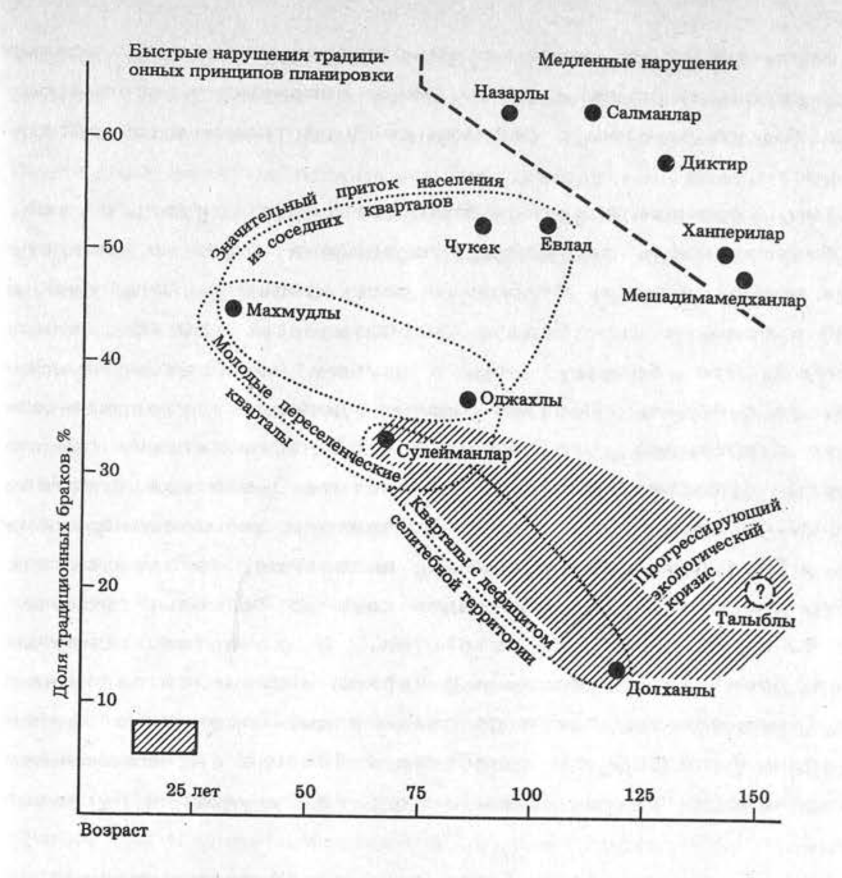
Из девяти экологически благополучных кварталов у четырех - Евлада, Махмудлы, Оджахлы и Чукека - доля традиционных браков, как следует из табл.2, занижена. Почти все эти кварталы недавнего происхождения, чем, конечно, и объясняется меньшая склонность их жителей к традиционным бракам. При этом стимулом к заключению браков с представителями других кварталов является то, что указанные четыре квартала возникли в результате переселений на их территорию жителей из других мест с.Абдал. Об этом мы можем судить по следующим фактам: фамильный состав квартала Евлад в значительной мере сходен с набором фамилий более старых кварталов - Диктира, Салманлара, Ханперилара, расположенных от Евлада по соседству и мало сходных между собой набором фамилий (особенно в Диктире и Ханпериларе). Из этого можно заключить, что выходцы из перечисленных трех кварталов и составили основное население Евлада (рис.2). Те же закономерности свойственны и остальным, относительно молодым кварталам (см. рис.2).

Таким образом, можно с полным основанием заключить, что в нормальных экологических условиях кварталы все же размываются, но постепенно. Важным фактором исчезновения здесь традиционных браков является усиливающаяся хозяйственно-экономическая и бытовая самостоятельность мелких групп родственников. Так как процесс отделения таких групп происходит непрерывно по мере роста населения, больший удельный вес нетрадиционных браков приходится на старые кварталы. Вместе с тем хозяйственно-экономическая независимость и, как результат этого, усилившаяся подвижность мелких групп населения в текущем столетии привели к образованию полигенных (переселенческих) кварталов, которые распадаются быстрее, чем старые (рис.3).

Еще быстрее деградируют, как уже говорилось, кварталы, расположенные на территориях с менее удовлетворительными экологическими условиями, в частности с ограниченными селитебными ресурсами. В квартале Долханы традиционных браков всего 14%, в то время как в несравненно более старых кварталах, но расположенных в лучших условиях, их больше: в Мешадимамедханларе – 48%, а в Ханпериларе – 50%. Это характерно и для квартала Сулейманлар, рост территории которого также ограничен. Главную причину ускоренного нарушения эндогамности этих кварталов мы видим именно в недостатке территории для жизни, что, несомненно, вызывает механический отток молодежи. В результате установившиеся брачные отношения с жителями других кварталов еще больше способствуют разрушению традиционных брачных ориентаций. Кроме того, в связи с выездом молодежи и стабильным числом жителей в кварталах Долханы и Сулейманлар усиливается тенденция постарения населения, что еще более осложняет возможность выбора брачного партнера в соответствии с традициями. Как бы там ни было, указанные два квартала отличаются от остальных в

Р и с. 2. Распространенность одинаковых фамилий в кварталах, в %

1 – направления внутрисельских миграций



Р и с. 3. Зависимость квартальных традиций от экологических условий

1 – кварталы, расположенные в местах с негативными экологическими условиями

селении самым большим удельным весом браков (свыше 70%), заключаемых с жителями других кварталов и соседних селений.

Как уже говорилось, наименее удобны для жизнедеятельности условия той части с.Абдал, где ныне располагается квартал Талыблы. К моменту экспедиционного обследования население квартала уже практически отсутствовало. Жилой оставалась всего одна усадьба. Остатки построек сохранились на южной и юго-восточной сторонах склона, в основном в возвышенной его части. Из-за значительной крутизны склона дома располагались там на искусственных площадках – террасах. Судя по небольшой величине оставшихся жи-

лых строений и их скученности площадки-террасы, должно быть, сплошь покрывали склон. Ныне поверхность склона покрыта только осыпями с пятнами скудной травянистой растительности.

Тип и размеры остатков жилья свидетельствуют о том, что большая часть застройки произведена там не позднее конца прошлого века. Старожилы рассказывают, что еще в 20-30-х годы на этом склоне насчитывалось 50-60 жилых строений. Это больше, чем в любом ныне существующем квартале с.Абдал. Поэтому можно доверять утверждениям тех же старожилов, что раньше в этой части селения помимо Талыблы существовали еще три-четыре квартала, жители которых переместились в другие кварталы или выехали из села. Последнее значительное выселение, в результате которого окончательно обезлюдел квартал Талыблы, произошло в 40-е годы нашего столетия. В качестве основных причин перемещения местными жителями называются постоянно усугубляющиеся трудности доставки воды, отсутствие земли для ведения подсобного хозяйства в связи с исчезновением растительности (жара, осыпи) и другие ухудшения условий жизни.

Запустение южного склона, с одной стороны, связано с местным экологическим кризисом, который возник как результат чрезмерной нагрузки на ландшафт, с другой стороны - с несоответствием экологических условий новым требованиям хозяйственного производства и быта. По мере возрастания тяги к земледелию и садоводству более выгодными для жилья становились прирусловые части селения, а также отлогие участки противоположного склона горы Чирахлы, где почвенный покров не был уничтожен.

Указанные причины способствовали не только прямому оттоку населения, но и оттоку, связанному с выдачей замуж женщин квартала Талыблы за представителей других кварталов и селений. В этих кризисных условиях родственники, очевидно, считали, что нетрадиционный брак вполне приемлем. В результате лишь 25% браков, заключенных в последнем столетии в квартале Талыблы, можно считать традиционными, да и то с достаточной степенью условности, так как многие семьи вскоре после заключения брака обосновывались вне квартала или даже переезжали в другую местность. Последний факт не позволяет нам определить возраст квартала. Расчетная цифра совпадает с первой четвертью нашего столетия, когда, по словам старожилов, начался активный отток населения из этой части села. Действительный возраст квартала, несомненно, бóльший. Можно даже предположить, что квартал Талыблы самый старый в селении. Не случайно здесь наиболее широко распространено примитивное жилье типа "имарат", а в устройстве усадебных территорий и в расположении самого квартала (по южному краю платообразных холмов) прослеживается тяга к занятиям скотоводством, в то время как преимущественное занятие скотоводством для населения с.Абдал не было характерно уже в начале нашего столетия.

Является ли квартал Талыблы старейшим или средним по возрасту, определить точно теперь уже не представляется возможным. Для нас очевидным остается одно, что в период развития локального экологического кризиса происходит не только переселение жителей в другие места, но также и быстрая перемена брачных ориентаций, отход от традиционных воззрений на брак.

Суммируя изложенные выше факты, отметим, что традиционные браки, являясь средством оформления и закрепления права собственности родственного коллектива, существуют до тех пор, пока имеются основания, в нашем случае - экологические причины для сохранения этой собственности. Мы рассмотрели три принципиальных варианта экологических условий: нормальные, недостаточные и негативные, в каждом из которых традиционный брак сохранялся в разной степени, причем лучше в условиях наиболее благоприятных для жизни и хозяйствования (см. рис.5). Оно и понятно. Ведь если существует настоящая потребность жить локальными родственными коллективами, то для этого необходим определенный минимум условий, среди которых экологические условия (в случае, когда они неблагоприятны) могут иметь решающее значение.

Но это только одна сторона процесса организации селитьбы.

Другой, не менее важный аспект, состоит в том, что экологические условия могут быть не только фоном, основанием для развития планировки, но также и его типообразующим фактором. Коротко говоря, селитебная территория, как и многие другие материальные ценности, является предметом владения. Поэтому именно от качества селитебной территории зависит, будет ли территория находиться в сфере интересов родственного коллектива или нет. Вполне понятно, что стремление сохранить за собой право на какой-то участок села возрастает, если другие участки в этом селе явно хуже по качеству жизненных и хозяйственных условий. Для Азербайджана (и в горах, и на безводных и засоленых равнинах) такая ситуация не редкость. Всегда в селении имеются участки лучшего и сравнительно невысокого качества. Первые притягивают население, вторые - выталкивают. В результате в кварталах с лучшими экологическими условиями жители стараются придерживаться традиционных браков, а жители в кварталах с худшими условиями постоянно нарушают эту традицию. Поэтому можно полагать, что целиком эндогамными кварталы в большинстве азербайджанских сел никогда не были, и проблема ухудшения генофонда в связи с широкой практикой родственных браков являлась менее острой, чем это может показаться на первый взгляд. Существовала лишь идеальная модель, оформленная в виде религиозных воззрений, к которой следовало стремиться. К ней и стремились, поскольку в большинстве случаев она является действительно правильным решением. Однако ситуация, которую требовалось разрешить, безусловно, включала условия, при которых институт родственного брака не мог не существовать, иначе откуда бы возникла проблема, да и сам институт? В качестве таких условий мы рассмотрели экологические условия, которые, как оказалось, являются важным фактором развития или упадка института родственного брака и соответственно традиционной квартальной планировки.

Институт родственного брака, восхваляемый еще в VII в. в Пехлевийских текстах, фактически представляет

собой *м о д е л ь а д а п т а ц и и* родственного коллектива к многообразию социальных и экологических условий. Вернее, это одно из ее главных средств, нечто вроде алгоритма, программы, предполагающей и другие шаги: совместное владение родственниками лучшей территорией и тяготение к ней последующих поколений, что в результате и приводит к появлению квартально-родовой системы планировки.

* * *

В какой мере все, о чем сказано выше, имеет отношение к современному азербайджанскому селу? На первый взгляд, весьма отдаленное, связанное с историческим прошлым. Даже старики уже с трудом вспоминают и названия кварталов, и их местоположение в застройке. Однако это вовсе не означает, что традиционные брачные ориентации отошли в прошлое. Наоборот, есть основания полагать, что стремление к заключению браков по родственному принципу значительно усилилось в последние десятилетия. Старик, не желающий признать, что в его селе существуют какие-то кварталы, тем не менее выдает свою дочь замуж за своего племянника. Спорить с ним не приходится, старинные кварталы действительно исчезают, но механизм, воссоздающий новые подобные образования, остался, и для этого, безусловно, имеются свои причины.

Главные факторы своего рода "ренессанса" традиционного института родственного брака скорее всего следует искать, с одной стороны, в возросшем (примерно с середины 50-х годов) уровне жизни сельского населения Азербайджана. Здесь уместно привести вывод Т.Шулера по поводу причин сохранения родственной спайки: "Низкий жизненный уровень не стимулирует хозяйственное сотрудничество между родственниками... В составе зажиточных хозяйств доля родственников, как правило, выше..."(12) С другой стороны, достигнутый жизненный уровень на сегодняшний день не настолько высок, чтобы он позволял вести вполне самостоятельную жизни вне родственных связей. Наоборот, можно с уверенностью сказать, что этот уровень зачастую только и

можно поддерживать лишь при условии сохранения родственной взаимопомощи. Связь с родственниками, их материальная и моральная поддержка выступает гарантом стабильного существования, а часто и продвижения по ступеням социальной и административной лестницы. Там, где трудно действовать одному - легче выжить в корпорации, в данном случае - в привычной, традиционной форме родственного коллектива. Внутри такого коллектива - свои законы перераспределения материальных ценностей и чем основательнее подобная циркуляция поддерживает существование отдельных членов родственной спайки, тем меньше остается возможностей "подключиться" к этому источнику кому-либо со стороны. Тенденция к эндогамности родственного коллектива усиливается.

Что касается хозяйственно-экологического аспекта существующего и поныне традиционного института родственного брака, то можно констатировать, что и в этом случае осталось многое от прошлого, в частности стремление селиться рядом с близкими родственниками. Это связано прежде всего с повышением внимания, особенно в последние годы, к развитию приусадебного хозяйства сельских жителей. Кроме того, появляются и новые стимулы, в частности стремление к постоянным, обыденным контактам родственников между собой, что дает возможность контролировать различные события с пользой для себя. Становится важным личное присутствие, возможность общения с наиболее авторитетными членами родственного коллектива. Соседское проживание родственников по нынешним временам связано не столько с потребностью совместной работы в поле или на строительстве дома, как это было раньше, сколько с потребностью совместной работы в разных сферах или, что еще важнее, с потребностью координировать относительно друг друга свои действия в тех или иных сферах.

Таким образом, родственный брак и соседское проживание родственников на современном этапе отражают иные социальные реалии и наряду со старыми, несомненно, включают и новые социально-экологические аспекты. Но это тема дальнейших исследований.

Л и т е р а т у р а

1. Упоминания и размышления о родственном браке наиболее часто встречаются в древних сирийских текстах, китайских, арабских, еврейских, армянских документах. Они имеются в средневековых сочинениях. См.: Р а ш и д Э д - Д и н. История монголов (о турецких и монгольских племенах).СПб.,1858. С.4-5; К о н о н о в А. Н. Родословная туркмен. Сочинения Абу-л-Гали, хана Хивинского. М.;Л., 1958.

2. В частности, у тюркских народов, см.: А г а д ж а н о в С. Г. Брачные и свадебные обряды огузов Средней Азии и Казахстана в IX-XIII вв. // Страны и народы Востока. М., 1980. Вып. XXII, кн.2; у греков, арабов, персов: И н о с т р а н ц е в К. Сасанидские этюды. СПб., 1909; у некоторых народов Кавказа: К о в а л е в с к и й М. М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890; А г а ш и р и н о в а С. С. Происхождение свадебных обрядов у народов Дагестана: Заочная консультация по естественно-научным и научно-атеистическим вопросам. Махачкала, 1959. Однако у одних народов родственный брак исчез еще в древности, у таких же, как персы, курды, азербайджанцы, существует и поныне.

3. W e s t E. W. The meaning of Khvetuk-das or Khvetudad: Pahlavi texts, II. Oxford, 1882.

4. К о в а л е в с к и й М. М. Закон и обычай на Кавказе; А г а ш и р и н о в а С. С. Происхождение свадебных обрядов ...

5. И н о с т р а н ц е в К. Сасанидские этюды.

6. W e s t E. W. The meaning of Khvetuk-das ...

7. См., например: Р а д ж а б о в Г. А. Пережитки сельско-общинного быта в дореволюционном азербайджанском селе. Баку, 1966; Г е й б у л а е в Г. А. О пережитках большой семьи в Азербайджане в XIX в.: Азербайджан. этнограф. сб. Баку, 1966.

8. Климат Азербайджана. Баку, 1963.

9. Азербайджанская сельскохозяйственная перепись 1921 г. Баку, 1923. Т.1, вып.3. С.52-61; Современные землеустроительные материалы. Баку, 1923.

10. Ср.: Карта театра войны с персиянами. 1:840000. Б.м., 1927; Карта Российских владений за Кавказом. Б.м., 1836.

11. И с м а и л - з а д е Д. Крестьяне-кочевники Азербайджана и реформы 1870 г. // Учен. зап. АГУ. Сер. истор. и философии. 1971. N 7. С.43.

12. Ш у л е р Т. Семьи в средние века. Демография западноевропейского средневековья в современной зарубежной историографии. Реф. сб. М., 1984.

Красникова Т. В.

НЕКОТОРЫЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФЛОРЫ АБХАЗИИ

Развивающаяся в СССР этническая экология состоит из различных субдисциплин и направлений. Одной из таких субдисциплин является этноботаника, так как использование флоры играет ведущую роль в жизнеобеспечении многих народов, живущих в различных природных условиях. Особенности использования флоры во многом зависят от природной среды, но и те народы, которые живут в одинаковых условиях, обычно используют ее по-разному в соответствии с этно-культурными особенностями их хозяйства, а также традиционно сложившимся отношением к окружающей природе.

Этноботаника как наука возникла в прошлом веке. Первоначально это был раздел ботанической науки, изучающий, какие растения и каким образом используются племенными обществами, и носящий название "аборигенной ботаники". В 1895 г. американский ботаник Дж.Харшбергер впервые употребил термин "этноботаника" и сформулировал понятие этой дисциплины (1). В дальнейшем этноботанические исследования проводились в США также главным образом биологами, что определило их биологическую направленность. В 1920 г. в США произошло окончательное отделение культурной антропологии от естественных наук и ее присоединение к общественным наукам. Принятие термина "этноботаника" культурными антропологами подчеркивало культурное значение и важность растений в жизни человека. Культурные антропологи концентрировали свое внимание на отношении местного населения к природе, на его представлениях в восприятии окружающего мира. С 1950-х годов этнонаука вновь привлекла к себе интерес благодаря развитию как лингвистических исследований, так и культурной экологии. Первоначальное ограничение области исследования американскими этноботаниками лишь примитивными обществами, не имеющими литературного языка, было вызвано представлением о принципиальном различии в ботанических знаниях между данными обществами и современными народами. Однако если

различия в количественном отношении здесь действительно велики, то о "качественных" можно говорить лишь условно. Народные знания о растениях и сейчас занимают важное место в системе народных представлений и ценностей. Окружающий нас мир очень быстро меняется, и это еще одна из причин для расширения этноботанических исследований. Большинство изучавшихся ранее этноботаниками обществ стали уже частью мировой экономической системы. Почти полностью изменился их хозяйственный уклад: нередко они имеют только эпизодические прямые контакты с растениями, например, в качестве лекарств. Но в каждом обществе до сих пор сохраняется фольклор, содержащий огромную информацию об использовании растений в прошлом. Это относится, по-существу, ко всем этнокультурным группам, в том числе и к находящимся в процессе быстрого изменения.

В последнее время этноботанической тематике уделяется пристальное внимание и со стороны советских этнографов. Этнографами развиваются отдельные направления этой дисциплины, связанные с использованием растений в народной медицине, в религиозных верованиях, обрядах и обычаях, в фольклоре. Большая часть работ по использованию флоры в системе жизнеобеспечения (жилище, пища и т.д.) написана главным образом ботаниками, и поэтому в них сделан акцент на описание самих растений, их свойств и условий произрастания, а сведения об их использовании в материальной культуре народов даются как дополнительные.

Останавливаясь подробнее на флоре Закавказья, следует отметить, что она издавна привлекала интерес исследователей. Богатство этой флоры заинтересовало многих ботаников и путешественников, побывавших в этом регионе в конце XIX в. и давших подробные описания как растительности, так и жизни населявших его "племен". Известный ботаник Н.М.Альбов оставил не только ценнейшие ботанические работы по Абхазии, но и многочисленные этнографические заметки из жизни абхазов (2). Не останавливаясь подробно на литературе, хотелось бы выделить две работы по этноботанике Кавказа. Это книги А.Х.Роллова "Дикорастущие расте-

ния Кавказа, их распространение, свойства, применение" и А.В.Петрова "Этноботаника Нагорного Карабаха"(3), наиболее полно отражающие данную тематику.

Данная статья посвящена характеристике этнокультурных особенностей использования флоры, с одной стороны, коренными жителями Западного Кавказа - абхазами, а с другой стороны, переселенческими группами с иной культурой - эстонцами и русскими, прибывшими в Абхазию в конце XIX в. В этой статье будут упомянуты не все направления этноботаники, а главным образом те, которые связаны с системой материального жизнеобеспечения - жилищем, хозяйственной деятельностью, домашним бытом и пищей. Представляется целесообразным дать краткое предварительное пояснение времени и причин появления русских и эстонских поселенцев в этом своеобразном регионе.

Первые русские военные поселения возникли в Абхазии еще в 30-х годах XIX в. (4). В 60-е годы того же столетия возникли новые казачьи поселения. Однако размеры переселения в то время были незначительны. В результате массового переселения исламизированных абхазов в Турцию - махаджирства - в последней четверти XIX в. в Абхазии появились значительные массивы опустевших плодородных земель. Царское правительство стремилось к использованию земель Абхазии для развития широкой колонизации края. В конце XIX в. в Абхазию хлынул поток безземельных крестьян из разных районов России.

Основная масса русских крестьян из внутренних губерний России переселились в Абхазию в последней четверти XIX - начале XX веков, что было связано с развитием капитализма в сельском хозяйстве центральных губерний и увеличением массы безземельных крестьян, которые стремились в незаселенные районы в поисках свободной земли. В 80-е годы XIX века в Абхазии появились первые эстонские переселенцы, выехавшие ранее из Эстляндии и Лифляндии в Крым и Нижнее Поволжье, но не закрепившиеся там. Затем к ним присоединились эстонские крестьяне из других областей. В 1884 г. были образованы четыре эстонских села:

Сальме, Сулев, Эстония и Линда (5). В дальнейшем эстонские поселенцы жили в Абхазии компактно, сохраняя свой язык и культуру, хотя сами эти села стали этнически неоднородными, в настоящее время представители других национальностей в большинстве из них преобладают. Что касается русских переселенцев, то большая часть их попала в Абхазию в результате более поздних миграций. Сейчас они в отличие от эстонцев уже не образуют компактных поселений и разбросаны по разным селениям. Потомков русских переселенцев конца XIX в. удалось обнаружить во время экспедиционного выезда в 1987 г. в с.Бомборы, однако здесь русские частично уже смешались с местным населением (абхазы, грузины) в результате межнациональных браков.

Прибыв в Абхазию, русские и эстонские поселенцы оказались в природной зоне, резко отличающейся природно-климатическими условиями от их родины. Особенно ощутимые перемены испытывали эстонцы, которые раньше жили в Прибалтике. Зима там мягкая и теплая. Температура января от -3 до -7°С и ниже. Снежный покров лежит от 70 до 130 дней в году. А в субтропической Абхазии зимой средняя температура января составляет +4-7°С и не опускается ниже 0 градусов на территориях, расположенных на побережье ниже 500-700 м над уровнем моря. В этой зоне у многих субтропических видов растений вегетация продолжается и зимой. Выше 500 м над уровнем моря в Абхазии лежит зона влажного умеренно теплого климата. С удалением от моря к горам зимние температуры понижаются, появляются редкие заморозки. Именно в этой зоне обосновались первые эстонские поселения. Еще больший контраст наблюдается в климате Эстонии и Абхазии летом: средние температуры июля в Эстонии составляют +16-17°С; в Абхазии лето жаркое со средней температурой июля +22-23°С и влажное.

Субтропический климат Абхазии, а вместе с ним и весь уклад хозяйственной жизни отличался от областей средней России, откуда переселились русские. Первые поселенцы отмечали щедрость абхазской природы и особенно изобилие диких плодовых деревьев, наличие которых в лесу часто

становилось причиной выбора места для будущих поселений. Тяжелым испытанием для переселенцев оказалась свирепствовавшая в Абхазии малярия, особенно в низменных прибрежных районах. Известно, что от этой болезни страдало и местное население, однако у части его, вероятно, уже выработался некоторый иммунитет.

Переходя к собственно теме статьи, отметим, что в формировании абхазской флоры огромную роль сыграла геологическая история развития Кавказа. Чередования горных поднятий и понижений суши, сопровождающиеся морскими трансгрессиями, смена теплого тропического климата на резкое похолодание с наступлением горного оледенения – все это привело к формированию сложного рельефа Кавказа и своеобразию флоры этого региона. В начале палеогена на месте Большого Кавказа господствовала тропическая флора с вечнозелеными лиственными и хвойными деревьями. Позднее сюда с севера и востока современной Азии начали проникать представители тургайской флоры, состоящие из древесных листопадных и хвойных пород. В сарматский век из них сформировалась средиземноморско-тургайская флора, которая дифференцировалась на две ветви: возникли Колхидский и Гирканский (талышский) флористические центры (6). Неогеновые поднятия привели к смыканию суши Большого Кавказа с Передней Азией, что способствовало проникновению ксерофитных растений из древнего иранского флористического центра. К концу неогена флора Кавказа приобрела более бореальный характер, представители прежней тропической флоры почти совсем исчезли из состава лесов. С запада проникли многочисленные средиземноморские виды, обогатившие растительность нижних ландшафтных поясов. Таким образом, к четвертичному периоду флора Кавказа имела чрезвычайно сложный и пестрый состав.

Четвертичные тектонические поднятия привели к формированию горного оледенения. Резкое похолодание стало причиной вымирания средиземноморских видов. Колхида стала одним из убежищ для теплолюбивых видов, хотя ледники южного склона Большого Кавказа подходили к ней близко и в

нее проникли некоторые северные растения. В условиях незначительной изменчивости природных условий Колхиды здесь в большой мере сохранились черты, предшествующие третичному периоду, во всяком случае верхнего плиоцена. Поэтому Колхида стала основным "убежищем" (рефугиумом) третичной флоры (7), сохранившейся до наших дней.

В послеледниковое время в Колхиде возник центр видообразования пшеницы. Узко эндемичными для Западной Грузии были виды пшеницы: Triticum (далее Т.) monococcum L. – (культурная однозернянка), Т. timopheevi Lhik – пшеница Тимофеева, челта, и Т. zhukovsky Men. et. Eriz. – пшеница Жуковского. Все три вида представляли собой сочетание популяции зандури, которая сейчас исчезла (8). Также эндемичны для Западной Грузии пшеница маха (Т. macha Dek et Man), нагорный вид культурной пшеницы (Т. carthlicum Nevski-Duke), пшеница милетини (Т. militinae Lhuk. et. Migush), полба колхидская (Т. polaeo-colchicum Men) (9). Кроме того, Колхида была первичным центром происхождения нескольких видов льна. Археологические находки позволяют проследить историю культуры льна в Закавказье с середины II тыс. до н.э. Льняное ткачество было распространено в Колхиде задолго до эллинской эпохи, там имелся свой аборигенный озимый лен (10). Вика паннонская, миндаль грузинский, лавровишня, несколько видов орешника, каштан и многие другие виды происходят из Западной Грузии. Специфическую роль выполнила Грузия и как своеобразный эндемичный географический вторичный центр таких культур, как соя, гоми, фасоль, кукуруза, лютик белый, виноград Изабеллы (11).

Вследствие сильной расчлененности рельефа Абхазии, смены ландшафтов от приморских аллювиальных равнин до высокогорных ледников на относительно небольшой территории, а также из-за разнообразия литологического состава материнских пород в ней сформировался пестрый почвенно-растительный покров, отличающийся необычайным богатством и разнообразием растительных группировок. В составе флоры насчитывается около 2 тыс. видов, среди них 450 колхидс-

ких эндемиков, из которых 319 видов представлены в Абхазии. Растительность — наиболее яркий показатель изменений физико-географической среды. Она реагирует на изменение абсолютной высоты, температурного режима, количества осадков, химического состава материнских пород и почв. Взаимосвязь этих факторов прослеживается в высотной зональности растительности. На территории Абхазии выделяется пять фитоландшафтных зон (по Колаковскому А.А.): 1) средиземноморская область приморской литоральной растительности; 2) эвксино-кавказская область низовых и предгорных лесов; 3) эвксино-кавказская область горных лесов; 4) эвксино-кавказская область субальпийских криволесий, кустарников и высокотравья; 5) северокол хидская и эвксино-кавказская область луговой, плотнодерновой и ковровой растительности (12).

На растительный покров в значительной мере в историческую эпоху повлияла и человеческая деятельность, выразившаяся в расчистке лесных массивов под пашни, замене естественной растительности на культурную, пополнении флоры за счет интродуцированных растений, особенно в субтропической зоне. В Абхазии культивируются выходцы из Юго-Восточной Азии — цитрусовые: мандарин уншу, апельсин, лимон, грейпфрут, помпельмус, хурма, мушмула японская, тутовое дерево, чайное растение. Южная Америка является родиной фейхоа и винограда Изабеллы, кукурузы. Австралийский эвкалипт сыграл видную роль в осушении заболоченных почв и борьбе с малярией. Интродуцированы также такие культуры, как табак.

Богатство и своеобразие флоры в значительной степени сказалось на культуре коренного населения — абхазов. Основной ареал расселения абхазов расположен в предгорной зоне на высоте от 30 до 700 м над уровнем моря. Это область низовых и предгорных лесов, отличающаяся наибольшим богатством видов - 1001 (13) и разнообразием растительных группировок. Наибольшее распространение здесь получили широколиственные леса, основными растительными формациями в которых являются ольховые леса, дубняки,

грабинники, каштановые и буковые леса. Растительные ресурсы этой области нашли самое широкое применение в хозяйстве абхазов, особенно для нужд строительства, сбора дикоросов, а также выпаса мелкого домашнего скота. В этой области происходит максимальное взаимодействие человека с окружающей его флорой. Значительная часть дикой растительности заменена культурными насаждениями, хотя в лесах здесь сохранились вечнозеленые реликты третичной флоры: понтийский рододендрон, лавровишня, падуб, иглица и листопадные кустарники: грузинская клекачка, лещина, сумах (14).

В прошлом многие поселения абхазов были расположены выше теперешней зоны их расселения — в области горных лесов; об этом свидетельствуют покинутые в горах селения, храмы, заброшенные дороги. По-видимому, такое переселение в низлежащие районы было связано с увеличением оледенения Большого Кавказа, максимум которого приходился на 1850 г.(15). В результате него покрылись льдом и снегом легкодоступные прежде перевалы, увеличилась лавиноопасность, что также могло стать причиной для переселения в более безопасные районы. Часть населения, занятая отгонным скотоводством, много времени находилась в фитоландшафтной области альпийской луговой плотнодерновой и ковровой растительности. Эта область отличается высоким флористическим разнообразием (644 вида) и эндемичностью (406 видов). Здесь сосредоточены богатейшие кормовые и лекарственные ресурсы Абхазии.

Остановимся на особенностях использования флоры абхазами и эстонскими и русскими переселенцами. Начиная с жилища, отметим, что самым добротным и долговечным материалом для строительства у абхазов считается древесина каштана и дуба. Все досчатые и бревенчатые постройки сделаны из этих пород деревьев. Но в результате усиленной рубки к настоящему времени почти все дубовые леса уничтожены и заменены культурной растительностью. Для плетеных строений, таких, как апацха, аца, применяются ветки медвежьего ореха, лещины и рододендрона, азалии.

Каркас этих строений делался также из каштана. Крыша раньше покрывалась ветками папоротника, соломой, а позднее - дранкой из пихты. Столбы у заборов делаются из каштана, а переплетения - из акации и других материалов. Самой недолговечной, быстро портящейся во влажном климате Абхазии считается древесина ольхи. Из нее мастерят только временные постройки, заборы и т.д. При строительстве мостов сваи, находящиеся в воде, делаются из дуба, а доски - из каштана.

В эстонских селах, расположенных так же, как и абхазские, в предгорной зоне с очень богатой растительностью для строительства используются те же породы деревьев, что и у абхазов и других местных жителей. Для строительства домов - это каштан, дуб, бук, для плетеных строений - лещина, медвежий орех; дранка делается из пихты и дуба. Первоначально эстонские переселенцы, по сообщению информаторов, пытались строить дома из любой древесины, в том числе даже из ольхи, так как не знали, что она быстро гниет в условиях влажного климата Абхазии. В дальнейшем лучше узнав особенности природных условий, эстонцы обратились к опыту местного населения по применению той или иной древесины для строительства.

В обследованном нами русском селе Бамборы, расположенном на побережье моря, леса для строительства в окрестностях было мало, поэтому первоначально дома строили главным образом саманные и турлучные, использовали древесину мелкого ореха и акации. Крышу крыли соломой и папортником. Древесины здесь не хватало, так как село возникло на месте русского гарнизона, уничтожившего всю растительность в целях безопасности. Повсеместно использовали бревна, выловленные из моря. Во время нэпа, когда благосостояние жителей значительно улучшилось, они стали возводить деревянные дома на каменном фундаменте. Кроме того, большая часть русского населения из этого села приехала в Абхазию из западных губерний, где также строятся турлучные дома. Поэтому здесь сказался и традиционный опыт строительства. В лесной зоне русские исполь-

зовали опыт местного населения; их дома не отличаются от абхазских ни архитектурой, ни строительными материалами.

Основными отраслями абхазского сельского хозяйства являются земледелие и скотоводство. В крестьянских хозяйствах в XIX - начале XX в. получили распространение зерновые полеводческие культуры - просо и кукуруза, а также технические - табак, лен, хлопок. Сельскохозяйственный инвентарь и домашняя утварь были приспособлены для обработки этих культур. Видную роль в традиционном хозяйстве абхазов играло виноделие.

Для изготовления сельскохозяйственного инвентаря абхазы использовали разнообразную древесину в зависимости от ее свойств. Орудия, требующие особой прочности, - сохи, оглобли, молотилки - делали из каштана. Прочным и хорошо гнущимся материалом считались грецкий орех, шелковица. Из них мастерили колеса, а спицы в колесе делали из акации. Из древесины тута делали зубья для бороны. Легкая древесина липы шла на изготовление арбы, из нее же строили ульи. На бочки шла древесина дуба. Ручки для тохи (мотыги), цалды (топора) готовили из комлевой части ствола лещины, граба; ярмо, борону - из трифолятты.

Многие сельскохозяйственные орудия у эстонских переселенцев были более совершенными, чем у местного населения. Так, вместо сохи они использовали борону с четырьмя лемехами и культиватор с тремя лемехами, деревянные части которых в Абхазии изготовляли из шелковицы и дуба. Обода колес они делали так же, как и местное население, из шелковицы.

Многие предметы домашней утвари абхазы изготовляли из ольхи. Древесина ольхи не трескается после высыхания, поэтому из нее обычно вырезали посуду: деревянный подойник для молока - анығa (его также изготовляли из наплывов на стволе липы, каштана), лопаточка для абысты (мамалыги), деревянные миски, кружки для молока, таз для муки. Из лещины, медвежьего ореха и других видов орешника плели корзины различного назначения: большая корзина (акалат) - для початков кукурузы, фруктов, чая; корзина для высуши-

вания сыра – ахуарта; корзины для шелушения зерен проса и кукурузы (16). Крепкая древесина груши использовалась для молота, длинного рубанка, из нее часто резали ложки. Сосуд для сыра – абхул – делали из дубовой древесины. Разнообразные и очень прочные изделия получаются из древесины самшита, которая хорошо обрабатывается на токарном станке. Это – ложки, черпаки, стаканчики, солонки. Корыто, в котором давят виноград, изготовляли из липы. Музыкальные инструменты (пандур, чагур) обычно делают из древесины карагача, шелковицы, клена. Из тыквы изготовлялась цедилка с папортниковыми листьями внутри для процеживания свежего молока. Применение самых разнообразных местных древесных пород для изготовления домашней утвари свидетельствует об очень длительном использовании местной флоры для хозяйственных целей и большом опыте местного населения, хорошо знающего и учитывающего разнообразные свойства древесных пород. Что касается эстонских и русских переселенцев, то значительную часть домашней утвари они привезли с собой. Новые предметы домашнего обихода часто были фабричного производства, а те, которые изготовлялись своими руками, делали как из пород деревьев, применяемых на родине (у эстонцев солонки, масленки – из липы), так и из местных пород (у эстонцев корыто – из граба, шелковицы и т.п.).

Для изготовления домашней тканой одежды абхазы выращивали лен, коноплю, а с середины XIX в. – хлопок. Волокна обрабатывали вручную. Для изготовления веревок готовили особым способом волокна из коры лапины и шелковицы. Эстонцы также выращивали лен, семена которого привозили с родины. Пытались они сажать и хлопок, но он рос плохо из-за высокой влажности. Русские переселенцы, по данным информаторов, использовали главным образом фабричные ткани. Для изготовления веревок сажали коноплю, семена которой вывезли из Белоруссии.

У абхазов имеется множество разнообразных способов крашения тканей, шерстяной пряжи, кожи. Используются различные способы протравки и закрепления краски. Наиболее часто используемое растительное сырье для окраски в различные цвета и их оттенки: кора ольхи, дуба, алычи, лапины, айвы, плоды бузины черной, фитолякки, корни граната и др. Эстонцы из растений-красителей применяли дубовую кору, шелуху лука, ивовую кору, фитолякку. У русских собрать материалы о растениях красителях нам не удалось. Сведения об использовании местной флоры русскими переселенцами очень ограничены.

Абхазская кухня очень своеобразна. Она отличается от пищи северокавказских народов преобладанием в ней фруктов, орехов, вина и молочных продуктов. Блюда отличаются остротой, большинство их не обходится без острой приправы – аджики. В состав аджики входит более 20 растительных компонентов, включающих перец и разнообразные пряные растения (17). Главным повседневным блюдом абхазского стола является абыста (густая каша из кукурузной и пшеничной муки, в прошлом вместо кукурузы употреблялось просо). Абыста обычно заправляется ореховым маслом и подается с сыром. Из кукурузной муки готовят пресные лепёшки – чурек или амгял, заменяющие хлеб, а также вареные хлебцы в виде больших вареников – ахампал. Среди разнообразных растительных компонентов абхазской пищи особо нужно выделить орехи (грецкий, фундук). Орехи являются важной составляющей многих острых растительных, мясных, мучных и даже молочных блюд. Ореховое масло, обладающее большой питательной ценностью и целебными свойствами, содержащее много витаминов, применяется в абхазской кухне для приправы готовых блюд. Используется также остающаяся после извлечения масла тертая ореховая смесь – акуца (18). Тертый орех и ореховое масло добавляют в молочное блюдо ашвхы, приготовленное с кисломолочным сыром и мятой; а также в острый соус – араших сабзал, который подают с вареной курицей, мясными блюдами, мучными изделиями.

Важное место в рационе абхазского питания занимают острые овощные блюда. Различные блюда приготовляют из фасоли; одно из любимейших среди них – лобио. Летом к

столу обязательно подаются свежие овощи (помидоры, огурцы, лук, чеснок). На зиму солят капусту, топинамбур, баклажаны, огурцы. Пряные травы – обязательный компонент абхазской кухни. На огородах выращивают кориандр, чабер, базилик и др. Летом и осенью на абхазском столе изобилие фруктов. Яблони, груши, персики, гранаты, фейхоа, мушмула, черешня, хурма, мандарины, виноград, инжир и другие фруктовые деревья выращиваются на приусадебном участке. Новыми для абхазской кухни стали разнообразные компоты и варенье из фруктов. Традиционно абхазы готовят домашнее вино из черного винограда Изабеллы и других сортов.

Своеобразие абхазской кухне придают, как уже отмечалось, различные острые соусы. Кислые соусы из алычи, барбариса, ежевики, зеленого винограда, граната, а также упомянутый выше соус из грецких орехов подают к мясу, а соус из тертого ореха и кислого молока едят с молочными продуктами и абыстой (19).

Эстонские переселенцы во многом сохранили своеобразие национальной кухни. Особенно отличается от обычных для Кавказа набор блюд на эстонских поминках и свадьбах. Вместе с тем, эстонцы многое заимствовали из кавказской кухни: сациви с ореховым соусом, лобио, баклажаны с орехами, острую приправу из алычи, домашнее виноградное вино и др. На приусадебном участке эстонца растут все те же овощи, фрукты и пряные растения, что и у местного населения.

Русские поселенцы также сохранили особенности русской кухни. Наиболее распространенными повседневными блюдами являются у них щи, борщи, уха, каши (гречневая, перловая), блины. Блюда готовятся на свином сале с обилием лука и чеснока. У местного населения русские переняли аджику, мамалыгу, большинство овощных блюд и особенности их приготовления.

Флора Абхазии характеризуется богатством дикорастущих полезных растений, часть которых используется местными жителями. Ежегодно в Абхазии созревают обильные урожаи дикой ежевики, барбариса, боярышника, шиповника, облепихи, диких яблок и груш, алычи, мушмулы, кизила, малины,

черники, лавровишни и др., а также множество съедобных травянистых растений. Из алычи и инжира варят густую кашицу (аткьаб), которую разливают тонким слоем на чистые доски, сушат и используют зимой для заправки блюд (20). Из алычи также готовится соус (ахваса садзбал). Ягоды лавровишни используются для приготовления освежающего напитка (21). Наряду с дикими орехами раньше в пищу часто использовались каштаны. Из них готовили густую кашу наподобие мамалыги (ахьачапа). Весной, когда еще нет овощей, в пищу идут блюда из диких трав. Чаще всего употребляют крапиву, сассапариль, черемшу, портулак. Черемшу едят в сыром виде. Из крапивы, или щирицы, и осота готовят острую икру с добавлением тертого ореха и мацони (22). Побеги вареной сассапарили с тертым орехом и аджикой – одно из наиболее распространенных блюд из дикоросов. Повсеместно применяется в пищу дикий чеснок. Традиционно абхазы не едят грибы; само абхазское слово "гриб" означает "плесень". В последние десятилетия доля дикорастущих видов сильно сократилась в абхазской кухне из-за обилия культивируемых овощей и фруктов.

Эстонские поселенцы в Абхазии, как и местное население, собирают чернику, дикую алычу, дикий хмель, облепиху крушиновидную, щавель, а также сассапариль и крапиву. Кроме того, из крапивы и щавеля готовят суп. Из дикой хурмы, яблок, алычи эстонцы изготовляли крепкий напиток типа водки.

Сведений об использовании дикоросов русскими нет.

Подводя итоги, отметим, что сходство в использовании флоры Абхазии переселенческими группами русских и эстонцев, с одной стороны, и абхазов, с другой, связано как с одинаковыми природными условиями проживания, так и с заимствованиями поселенцами хозяйственного опыта местного населения. Различия в большей степени связаны с культурными традициями этнических групп и в меньшей – с проживанием в различных локальных природных ландшафтных зонах. Так, переселенцы стали выращивать новые субтропические культуры и в то же время не отказались от своих излюблен-

16.Зак.1376

ных культур, например, картофеля. Орудия для обработки почвы и сельскохозяйственные орудия труда у них часто были более усовершенствованными, чем у абхазов, они раньше начали использовать орудия промышленного производства. У местного населения были заимствованы сначала материалы для строительства жилища, а позднее и традиционный стиль архитектуры. Домашняя утварь использовалась русскими и эстонцами главным образом своя, привычная, существовали собственные способы изготовления ее, а также свой выбор древесины (посуда из липы). Добавим к этому, что переселенцы использовали для шитья одежды собственные ткани, а также свои способы обработки (шерсти и льна), способы ткачества (у эстонцев станки с 4-х и 6- рядным переплетением). Из-за более теплого климата они стали изготовлять более облегченную одежду, хотя и не отказались от значительного количества вязаных изделий. Способы окраски сырья применялись как традиционные, так и заимствованные. Пища оказалась наиболее подвижным элементом культуры, хотя здесь тесно переплелись как новое, так и традиционное. Традиционная пища преобладает в обрядовых застольях (поминки, свадьба). Таким образом, у эстонских и русских поселенцев постоянно шла внутренняя борьба между стремлением сохранить традиции и возможностью заимствования у коренного населения инокультурных этноботанических навыков.

Как ясно из изложенного, данная статья охватила лишь часть этноботанической тематики. В дальнейшем работа по этой тематике будет продолжена и охватит другие, не упомянутые направления этноботаники, в частности народную медицину, архаические обычаи и др.

Литература

1. The nature and status of ethnobotany. Michigan, 1978. P.35.
2. См.: Альбов Н. М. Путешествие в Черноморских горах в 1894 г. Зап. Кавказ. Отд. Рус. Географ. об-ва (КОРГО). 1896. Т.18; Он же. Очерки растительности Колхиды // Землеведение. М., 1896. Кн.1; Он же. В заброшенных углах Кавказа // Землеведение. М., 1899. Кн.1-2.

3. Роллов А. Х. Дикорастущие растения Кавказа, их распространение, свойства, применение. Тифлис, 1908; Петров А. В. Этноботаника Нагорного Карабаха. Тбилиси, 1940.
4. Исмаил-заде Д. И. Русское крестьянство в Закавказье. М., 1982. С.35.
5. Выйме Л. А. Эстонские поселения на Черноморском побережье Кавказа. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Таллинн, 1975. С.18-19.
6. Гвоздецкий Н. А. Кавказ. М., 1963. С.16-17.
7. Колаковский А. А. Растительность Колхиды. М., 1961. С.14.
8. Жуковский П. М. Культурные растения и их сородичи. Л., 1971. С.58-59.
9. Там же. С.27.
10. Синская Е. И. Историческая география культурной флоры. Л., 1969. С.53.
11. Жуковский П. М. Культурные растения... С.33-34.
12. Колаковский А. А. Фитоландшафты Абхазии и история их развития: Автореф. дис. ... д-ра биол. наук. Сухуми, 1947. С.4.
13. Количество видов дается по: Колаковский А. А. Флора Абхазии. Сухуми, 1980. Т.1.
14. Куфтырева Н. С., Лахшия Ш. В., Мгеладзе К. Г. Природа Абхазии. Сухуми, 1961. С.210.
15. Гвоздецкий Н. А. Кавказ. С.26.
16. Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии. Сухуми, 1969. С.65.
17. Инал-ипа Ш. Д. Традиции и современность. Сухуми, 1973. С.32.
18. Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии. С.415.
19. Копешавидзе Г. Г. Растительные компоненты в питании абхазов // Среди долгожителей Абхазии. Тбилиси, 1987. С.70.
20. Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии. С.415.
21. Инал-ипа Ш. Д. Традиции и современность. С.35.
22. Копешавидзе Г. Г. Растительные компоненты... С.68.

Я. В. Чеснов

ЦЕННОСТЬ ЖИЗНИ И ЭКОФИЛЬНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ В ТРАДИЦИОННОЙ АБХАЗСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Данная статья является первым приближением к исследованию проблемы о месте, занимаемом человеком, согласно представлениям носителей абхазской этнической культуры. Автор предлагает реконструкцию внутренней точки зрения этой культуры. Материалами исследования служат полевые данные, собранные в Абхазии в 1980-1988 гг.

В целях такой реконструкции последовательно рассматриваются основные части мироздания, которые всегда выделялись информаторами: 1) Вселенная в целом, 2) природа как самостоятельное начало, 3) Земля как всеобщее место обитания человека, как источник жизненных ресурсов, 4) горы, равнины, реки и другие элементы физической среды, которые в науке объединяются под названием ландшафта, 5) воздух (в традиционном представлении он объединяет в себе все атмосферные явления).

Наш исследовательский прием заключается не только в описании этих явлений в восприятии носителей традиционной культуры, в изложении принятых народных этимологий и т.п., но в стремлении рассмотреть эти явления в их целостности. Для этнографа системный подход означает не только вскрытие взаимозависимых элементов и структур разных уровней, но и нахождение основной поведенческой и мировоззренческой доминанты. Таким системообразующим фактором у абхазов считается отношение к жизни и смерти. Это отношение многообразно и пронизывает все сферы этнической культуры. Именно в отношении к жизни и смерти кроются все мотивационные истоки поведения. Отсюда, из этой области наивысших абстракций мы считаем нужным подходить к институизированным блокам: к соционормативной культуре, к культуре жизнеобеспечения (жилище, одежда и т.п.).

Мы не беремся с такой же определенностью внести в этот институизированный ряд экологические ориентации. Дело в том, что в традиционалистских культурах те стороны

действительности, которые мы сегодня называем экологией человека, не обладают такой самостоятельностью, которая позволила бы их рассматривать вне основных ценностей жизни. Сама природа непосредственно включена в ценности жизни и тем самым выступает важным мотивационным фактором поведения.

<u>Вселенная.</u> Архаические метафизические представления абхазов, хотя и ощутимы (особенно в фольклоре), но все же они составляют для настоящего времени предмет научной реконструкции.

Термин, которым обозначается Вселенная у абхазов, - адуней - арабского происхождения. Он проник вместе с исламом и в разных сходных вариантах встречается у многих народов Кавказа. Но нам важно отметить, что во всех трансформациях своей модели Вселенная сохраняет многослойность. В одном из вариантов, который зафиксирован в прошлом веке (однако нашими даже самыми пожилыми информаторами уже не подтвержден), Вселенная мыслится трехслойной. Есть верхний мир, где живут люди, которые носят ремень на голове. Мы, обитатели Земли, живем в среднем мире и поэтому ремень носим посередине тела. Есть еще нижний мир, у живущих там ноги связаны ремнем, т. е. они одноноги в мифологическом смысле (1).

В памяти лиц старших возрастов сохранились представления о том, что абхазы верили в существование семи населенных миров. В одном из бытующих речений (сейчас это шуточное проклятие) адресату рекомендуется "провалиться через семь деревьев грецкого ореха и семь яблонь". Здесь принцип слоистости организован числом семь, которое часто встречается в других ритуально-мифологических ситуациях: семидольный бог кузницы Шьашэы, семь ручьев у священной скалы Нал-куба, перейти через семь рек (в фольклоре) и т.д.

Как бы ни была в разных вариантах организована Вселенная, в нее не включается мир мертвых (нарцэы). Иногда мир мертвых называется арабским по происхождению термином "ахарат" (в бзыбском диалекте абхазов - ахрат).

Ахарат стал этимологизироваться на абхазской почве через ахара - "далеко" и "т" - локативный суффикс, т.е. "удаленное место". Что касается слова "нарцзы", то носителями абхазского языка оно воспринимается в этимологическом значении "на том берегу". Мир живых тогда получает название "аарцзы" - "на этом берегу". Отделенность загробного мира от мира живых водной преградой - распространенная культурологическая универсалия.

Коммуникация с миром мертвых считается нежелательной - появление мертвых в мире живых чревато опасностями для последних. Например, душа, вышедшая из мира мертвых, может превратиться в акуртлаг - демона, всячески вредящего живым родственникам. Души мертвых остаются в загробном мире, если они удовлетворены поминальной трапезой.

Л.Х.Акаба попыталась вскрыть истоки абхазских представлений о душе. По ее мнению, они восходят к восприятию шкуры (кожи) как субстанции, оживляющей деятельность организма (2). Очевидно, это представление относится к глубокой древности и связано с ранним охотничьим бытом. Его пережитком, бытующим по сие время, можно считать вывешивание на дереве шкуры домашнего животного, зарезанного по какому-либо ритуальному случаю. Такие шкуры коз нам не раз приходилось наблюдать во время посещения горных пастбищ в начале 1980-х годов.

В абхазском языке до сих пор сохранились представления о том, что душой является нечто материальное, которое можно "повесить". Так, выражение "он повесил свою душу" означает, что человек чем-то очень рискует. В с.Куланурхва Гудаутского района есть местность, называющаяся Апскнахарта, т.е. "место, где вешали души".

Однако скорее всего шкура животного, подвешенная на дерево или шест, как это имело место в прошлом у всех абхазо-адыгских народов, не воспринималась душой как таковой. Речь здесь должна идти о ритуальном поедании мяса закланного животного с целью "кормления души". Такое "кормление души" - наиболее стойкий элемент метафизической абхазской системы. Он явственно ощущается в разнообразных поведенческих актах, связанных с отношением к миру как таковому. Исламские представления о судьбе души, которую уносит архангел (апаимбар) (3), не вошли в быт и в наших опросах ни разу не были указаны или подтверждены.

Таким образом, если мир мертвых выступает в роли оппозиции к Вселенной, то объективацией последней является жертвоприношение, которое осмысляется как "кормление души".

Вселенная (как мир живых), оппозиционно через жертвоприношение связанная с миром мертвых, подчинена определенному порядку. Термином, которым описывается такой высокий порядок, является слово "ацкара". Оно имеет также значение "правила". Объясняя смысл этого слова, наш информант Б.К.Кутарба (с.Блабурхва), излагал это так: "Во всякой жизни есть порядок. Собака от бега высовывает язык, заяц нет. У собаки на коже нет пор. Нет их и у зайца. У собаки кровь охлаждается в раскрытой пасти, у зайца в его больших ушах. Человек и лошадь имеют на коже поры и поэтому в работе они потеют". Характерно, что здесь информант решил проиллюстрировать понятие примерами кардинального биологического характера. Поддержание порядка выступает также критерием бытового поведения. Так, в характеристике одного председателя колхоза его односельчане четко различали его качества как руководителя и как крестьянина, ведущего свое хозяйство. Как организатор большого коллективного хозяйства, этот человек проявил себя не очень хорошо. Но при этом подчеркивалось, что он рачительный хозяин дома, соблюдает "порядок". Как бы поздно он ни вернулся домой, он выполнит в хозяйстве нужные работы, почистит хлев, подоит коров. Его любят за гостеприимство и как положительное качество отмечают, что у него хорошее здоровье, благодаря которому он хорошо ест и может противостоять воздействию алкоголя. В оценке этой личности на первое место вынесен не образ жизни как таковой, а умение соблюсти "порядок".

Аналогичное можно обнаружить в древнеиндийской концепции порядка ("рита") как основы всего мироздания.

Ближайшая же аналогия абхазскому представлению нами обнаружена у осетин. В их восприятии "фатк" ("порядок") – именно всеобщий порядок, нарушать который не положено. Это табу выражается по-осетински словами "нэе фачиы" ("не положено"), образованными от слова "фатк". Есть у осетин более низкий уровень семейного порядка, который обозначается термином "эхдау".

В абхазском языке смысловое содержание термина "порядок", "правило", "закон" передается и словом "ацас". Оно родственно грузинскому слову "цеси" с таким же смыслом. О соотношении "ацас" с "ацкара" пока сказать что-либо трудно. Но возможно, что эти два термина отражают дихотомию, аналогичную осетинскому "фатх" и "эхдау". Понятие "табу" передается словом "цасым", "ицасдым", где "м" – формант отрицания.

Сфера "цасым" регулирует отношения человека именно со Вселенной, с разными ее элементами и уровнями. Перечислим важнейшие из запретов:

– Запрещено осквернять стихии огня и воды.

– Запрещено оскорбительное отношение к светилам, выражающееся в указательном жесте пальцем; нельзя также "показывать" радуге зубы.

– Нельзя оправляться лицом к солнцу, луне (также – к дому).

– Нельзя жаловаться на погоду.

– Нельзя проявлять непочтительное отношение к тем силам, которые окружены культом: богу, молнии, святыням-аныхам, ритуальным кузницам.

– Нельзя на охоте убивать животное, когда оно пьет или пасется, а также стрелять в животное, имеющее детенышей.

Есть серия чисто бытовых запретов, которые так или иначе связаны с отношением к жизни как элементу, принадлежащему уровню Вселенной. Таковы, например, запреты:

– Не качать надочажную цепь.

– Не качать пустую колыбель.

– Не стирать в воскресенье.

– Не мыть руки над остатками пищи.

– Не наступать на хлеб или молоко.

– Не вступать в родственный брак.

Есть серия табу, прямо регламентирующих отношения с миром мертвых. Например:

– Нельзя свистеть около кладбищ и в доме – иначе являются духи мертвых.

– Нельзя указывать пальцем на могилу.

– Нельзя указывать пальцем на гроб.

– Нельзя танцевать или петь на поминках.

– Нельзя забирать домой продукты с ритуального жертвоприношения.

– Нельзя плевать или оправляться около памятного камня.

– Нельзя есть пищу на поминках, пока по ней не проведут ножом.

Есть серия запретов, по которым нельзя нарушать направление движения или переворачивать предмет:

– Нельзя разливать вино так, чтобы тыльная сторона руки оказывалась внизу.

– Нельзя ставить стакан, чашку дном кверху.

– Нельзя хлеб класть коркой вниз.

– Нельзя давать нож лезвием вперед.

– Нельзя дрова в огонь класть тем концом, который ближе к вершине, надо комлем.

– Нельзя переворачивать подгнивший кол забора, заостряя для этого верхний конец.

Рассмотренные четыре группы запретов поведенчески конкретизируют понятие порядка. В рассмотренных примерах выявляется одна очевидная тенденция, запрещающая перемену естественного хода вещей, включая смену направления движения. Особенно ощутима эта тенденция в последней группе примеров.

Иногда какой-либо запрет связан с прецедентом. Так, запрет на переворачивание кола забора часто иллюстрируется историей о лишении человека знания сроков его жизни. Как-то апаимбар (архангел) увидел человека, который заос-

трял старый кол с вершины, чтобы перевернуть и снова загнать его в землю для устройства ограды. На вопрос апаимбара этот человек ответил, что делает это потому, что намерен еще долго жить. Апаимбар вернулся к богу и рассказал о виденном. Тогда бог решил, что человек не будет жить вечно, но срок кончины он от человека скрыл. После этого люди, делая забор, перестали заботиться о том, чтобы он простоял очень долго.

В другом варианте действует не апаимбар, а апсцваха, т.е. дух. По мнению Л.Х.Алабы, это хозяин царства мертвых. Этот дух подошел к крестьянину, который делал забор, слегка вдавливая колья. "Почему так плохо делаешь забор?" - спросил дух. "А зачем лучше, на один год хватит, а я больше года не проживу", - ответил крестьянин. Тогда апсцваха скрыл срок жизни и дал человеку веру в будущее. На следующий год дух увидел того же крестьянина, который заострял кол с двух сторон, думая о его долгой службе. Апсцваха был удовлетворен и произнес: "Пусть он надеждой живет". Эта история имеет и другие варианты, но везде подчеркивается, что соблюдение порядка и есть отражение порядка во Вселенной (хотя заострение кола получает разную оценку).

Есть в порядке Вселенной аспект, который воспринимается как "правда" или "истина". Это проявляется в речениях типа "адуней наказывает за неправду". Но характерно, что и мир мертвых - это тоже мир, где господствует истина, о чем говорит поговорка: "Умерший уже там, где только истина".

В системе таких взглядов сама смерть есть выражение порядка. С этим согласуется представление, что "людям адуней дана во временное владение". В таком случае смерть выступает в качестве нравственного ориентира всей жизни человека. Неизбежность смерти, дающей порядок любому беспорядку, определяет всю структуру изложенных выше запретов.

Природа. Термин, которым обозначается природа - "апсабара". Среди носителей абхазского языка он всегда

этимологизируется через понятия души и видения. Апсабара - "то, что видит душа", или "видящая душа". Эти различающиеся по смыслу трактовки слова не нарушают основной идеи, которую вкладывают в содержание понятия носители абхазского языка разных возрастов и разных образовательных цензов. Определить это содержание через анимизм, через всеобщее оживление природы было бы неправильно, это сужало бы семантику термина. Правильнее будет видеть в представлениях абхазов о природе максимальную духовную насыщенность. Приведенные факты будут конкретизировать это представление.

В формальном содержании понятий элементов природы у абхазов есть внутренняя противоречивость. Если наши информанты согласны в том, что сущностью природы являются некие духовные ценности, то мнения о частях природы различаются. Широко бытует представление о том, что море в состав "природы" не входит. "Природой" считается населенный человеком мир, где он работает и отдыхает. В таком подходе из элементов природы исключают иногда также и небо. Есть еще более узкое представление о природе как о таком пространстве, которое "покрыто зеленой растительностью". При таких расхождениях вычленяется тем не менее одна общая мысль: природа - мир человека, а человек - ее часть. Распространено такое суждение: "Мы все принадлежим природе". Другой оттенок мы зафиксировали в разговоре о нашей современности, о том, что люди до сих пор так благополучно не жили. Это мнение было выражено фразой: "В нашей апсабаре такого еще не было". Природа считается пределом положительных эмоций человека. "Что должен любить человек, как не природу", - гласит пословица. Об эмоциональном отношении к природе мы будем говорить ниже. Здесь же подчеркиваем, что это отношение входит в само понятие, точнее, в образ природы.

Для более полного его раскрытия мы должны внимательнее присмотреться к той оппозиции понятию природы, которое уже было выделено - морю и, по смежности понятий, воде. В архаической абхазской метафизике море опасно уже

тем, что в нем находится всепоглощающая дыра. В эту дыру вливаются воды рек и по каким-то подземным каналам снова поднимаются к истокам (4). Со стороны моря исходит всякая опасность. Божество моря Хаит считалось очень опасным, как и морской туман или туча, в которой находится чудовищное божество Аг-ных (Эт-ных) (5). Это чудовище требовало человеческих жертвоприношений - девушек из определенных фамилий.

Огромным мифологическим смыслом оказалось наполнено толкование символики абхазских знаков, которое сообщил нам заслуженный артист Абхазии С.И.Габниа. Знак из поставленных в ряд треугольников С.И.Габниа воспринимает как символ страданий, испытываемых абхазскими девушками, которых вели к морю для продажи в турецкие гаремы. Здесь прекрасно уловлена суть основной абхазской ландшафтной оппозиции горы - море (см. об этом ниже). Несомненно, что подобные восприятия отражают один из древнейших мифов человечества, в котором внешний мир представлен образом чудовищного дракона, а человек дан в облике женщины (6).

Но, очевидно, таких реминисценций недостаточно для объяснения резко отрицательной позиции по отношению к морю. В этой позиции проступают другие мотивы. Море оказалось гибельным для великана в нартском эпосе: великан был вморожен в морской песок и убит нартским героем. Даже в современной фразеологии абхазского языка лед выступает символом смерти. О своем умершем говорят: "Между нами лег лед". Мифологема льда как смерти не исключительно абхазская: еще Зороастр грозил грешникам наказанием не вечным огнем, а вечным льдом. Трудно судить с определенностью о причине переклички абхазских верований с авестийскими, но контакты здесь вполне допустимы. Так же возможно, что "тот берег" (мир мертвых) располагался на другом берегу моря. Даже у современных абхазов с морем связаны отрицательные ассоциации. Они вспоминают о том, что море поглотило множество жизней в махаджирский период. Даже у молодых людей мы встречаем нелюбовь к купанию в море.

Море вместе с ассоциированным с ним льдом - олицетворение косности и безжизненности. Природа, находящаяся в оппозиции к морю, обладает свойством жизни и роста, динамического перераспределения сил. Эти силы могут быть небесными и земными.

Огонь имеет небесное происхождение. Его может ниспослать с неба божество молнии Афы. Наш информант поздним вечером в с.Джгерда, глядя на огонь в очаге, раскрывал эту идею таким образом: "Почему хворост для огня называется по-абхазски афархь? Потому что от Афы упала искра и зажгла сухие ветви. Отсюда в слове "афархь" сокрыто имя Афы". Такая концепция шире того, что в науке принято называть анимизмом. Сама природа как таковая является источником энергии для человека. Распространено мнение, что все мужчины-абхазы в молодости стремятся стать охотниками, постичь искусство жизни в горах и найти охотничью удачу. Но это дается не каждому. О тех же, кто стали охотниками, говорят, что "природа вливает необходимые качества в охотника".

Сила (амч, амчра), имеющаяся в природе, - это эксплицитно выраженное понятие абхазской культуры. Тост за природу (один из важнейших в с.Ачандра и соседних с ним) может быть адресован собственно к природе (апсабара) или к хайхазымчу ("имеющим силу над ними"). Сила - нечто, имеющее полюса напряжения, поэтому динамичное. Так, считается, что дядя по матери имеет больше "силы" (амч), чем дядя по отцу.

Не просто в экофильности абхазской культуры нужно видеть то бережное единение с природой, которым пронизана жизнь человека, придерживающегося традиционных абхазских ценностей. И дело здесь не в религиозной основе этих ценностей, (хотя и о таком аспекте мы не должны забывать). Божества разных частей природы - гор, леса и т.д. - охраняют свои владения от посягательств человека, даруя свои богатства только тому, кто достоин. Функциями божества - карателя всех врагов природы наделен Айергь. Ему особенно поклонялись пастухи, охотники, путники (7).

Возможно в имени этого божества и в его функциях имеются связи с культом христианского святого Георгия.

Поведение по отношению к природе в традиционной абхазской культуре подчинено максиме "Не повреди!". Общественному осуждению подвергались еще недавно люди, срубившие в лесу красивое дерево и не вывезшие его. В старину человек, рубивший дерево, должен был произносить слова "Я не виноват". В этой поведенческой системе понятно запрещение сбрасывать камень с горы, объясняемое абхазскими старцами тем, что камню тоже больно. До сих пор бытует такое абхазское выражение: "Лес плачет, когда туда идет не плотник (который не рубит сверх нужды. - Я. Ч.) или плохой человек". Прежде бытовало правило, которое объяснялось именно такими соображениями, - укрывать лезвие топора, идя в лес.

В экофильных ориентациях абхазской культуры подчеркивается активность человеческой позиции. "Сохранившего саженцы ждут деревья", - говорит пословица. В народе хранится память о тех людях, которые и вне своего дома бережно, по-хозяйски относились к природе, растениям и животным. Такую память о себе может оставить человек, который в лесу окультуривал дикие яблони и груши, в горах обустроил родник. Эти традиции живы до сих пор. В с.Члоу жил старый крестьянин Ивако Цвижба. Он не пускал ретивых мужчин в горы на охоту в неположенный срок: ранней весной, когда у зверей любовные игры и когда подрастает молодняк.

По взглядам носителей традиционной абхазской культуры, деятельность человека должна не только сберегать данное природой, но улучшать ее как среду обитания человека. Площадка, расчищенная от диких зарослей под пастбище, выведенный наружу родник и т.д. связываются в памяти народа с именем человека, это сделавшего.

Нам удалось зафиксировать рождение такого топонима. Оно связано с именем Урыча Шараховича Смыра, заведующего колхозной фермой с.Ааца Гудаутского района. В свои молодые годы У.Ш.Смыр был известным в Абхазии охотником,

занимавшимся промыслом в труднодоступных урочищах Кавказских гор.

По своим служебным обязанностям У.Ш.Смыр ежегодно весной (в мае) отправляется со скотом в горы на летние пастбища. Этот нелегкий для людей и животных путь занимает несколько дней. У.Ш.Смыр несколько лет назад стал прокладывать по склону, заросшему лесом, новую, более удобную дорогу для скота.

Труд У.Ш.Смыра привел к появлению нового топонима - участок дороги, устроенный им, стали называть Урычимю (Тропа Урыча). Но это название односельчане Смыра считали как бы неофициальным. Для его "утверждения" сам У.Ш.Смыр должен был устроить в местности, где проходит проложенная им тропа, угощение для односельчан. Оно состоялось в сентябре 1985 г. Там присутствовали председатель сельсовета, самый старший член фамилии Смыров, другие старейшины села, ближайшие родственники У.Ш.Смыра, пастухи, охотники и работники Сухумского радио и телевидения. В речи одного из старейшин отмечалось, что Урыч Смыр, сделав полезное дело для людей, соблюдает древние законы гор, главное в которых - бережное отношение к природе.

Совершить что-то хорошее, чтобы у людей о тебе осталась добрая память, - одна из важных мотиваций поведения у многих кавказских народов и в наше время. В частности, у абхазов, адыгейцев и кабардинцев мы в середине 1980-х годов зафиксировали желание людей, обладающих какой-либо ценной вещью, передать ее безвозмездно в местный музей только лишь для того, чтобы эта вещь была "положена на мое имя". Люди хорошо отдают себе отчет в том, что этот поступок будет служить доброй памятью о них после кончины. Поступки такого рода можно назвать меморативным поведением. Характерно, что в прошлом акцент меморативного поведения лежал именно в экологической сфере. Объектами приложения усилий людей, желавших оставить о себе память, были посадки деревьев и садов, проложение участков дорог, строительство мостов, обустройство родников и т.д.

Такие действия были довольно распространены не только у абхазов, но и у грузин, армян. Наши полевые материалы выявляют важный этнографический аспект меморативного поведения - оно составляло часть обряда поминок, устраиваемых еще при живом человеке. Институт этот был хорошо известен абхазам в прошлом, но зафиксировать его подробности нам не удалось. Поэтому воспользуемся хевсурским материалом, собранным нами в 1985 г. Если у очень пожилого человека не было сыновей и он был уверен, что должные поминки по нему справить некому, он устраивал их сам. Приглашенные на поминки вели себя так, будто их хозяин и в самом деле умер. При помощи участников празднества хозяин выбирал какой-либо родник и устраивал его так, чтобы вода шла через деревянную трубку. Рядом с родником устанавливали камень (иногда два-три камня), на котором можно было сидеть. На одном из них выбивали имя человека, устроившего по себе поминки. (Записано в с.Гудани в ноябре 1985 г. от Б.Г.Чинчираули, 65 лет.)

В Абхазии скамьи в память мертвых устраивали у дорог. Этот обычай существует и ныне, когда в память об умершем близкие устраивают укрытия на автобусных остановках. Есть сведения, что в прошлом в мемориальных местах у дорог рыли колодцы, чтобы ими могли воспользоваться прохожие (8).

Коснувшись ассоциации источника воды со смертью, мы возвращаемся к рассмотренной выше оппозиции "природа-море", но на более конкретизированном, сведенном к жизни человека уровне. Водная стихия и загробный путь - это почти общечеловеческие универсалии осмысления смерти. Оценка прожитой жизни и мотивация поступков в ее течении даются через эти универсалии. Здесь нет ничего удивительного, ибо таким образом частные проблемы конкретной человеческой жизни получают статус всеобщности.

Земля. В абхазском языке существуют два термина для понятия "земля". Один из них - "адгил" - с широким смыслом. Это слово имеется также и в грузинском языке. Другой термин только абхазский - "анышэ". Отношение к

обоим терминам разное. Носители абхазского языка всегда отдают себе отчет, что слово "анышэ" древнее. Оно по-разному интерпретируется, т.е. обладает большим этимологическим потенциалом: слог "ан" воспринимается как обозначение матери. Что же касается "ш", то идя даже в разрез с фонетическим различием этого "ш" с тем, которое представлено в слове "алашара" ("свет"), его воспринимают именно так. Таким образом, "анышэ" этимологизируется как "светоносная мать". В более узком смысле слово "анышэ" употребляется в значении "почва". Для наших изысканий важно и то, что слово "могила" образовано от "анышэ" (анышэынтра) (9).

Лингвист В.Кварчия допускает возможность трактовать "анышэ" как "покров", идя от слова ашьац ("трава"), которое этимологизируется как "земляной покров" (сообщено нам 20 сентября 1986 г.).

В Гудаутском районе среди носителей бзыбского диалекта нам удалось записать термин "анышара", употребляющийся в значении "умереть". Этимологически это слово раскрывали через выражение "примириться с землей". В этой связи заслуживает внимания выражение "резать землю", которое употребляется вместо слов "копать землю" (для могилы). Чтобы закончить с танатологическим пучком значений слова "анышэ", укажем еще на бытование очень сурового проклятия: "Чтобы ты взбугрил землю", означающего пожелание могилы для адресата.

Среди абхазов до сих пор широко бытует мифологический рассказ о том, как бог предложил дьяволу избрать себе для господства одну из двух субстанций - землю или растительность. Дьявол избрал растительность, а землю предложил богу, не догадавшись, что поскольку растительность расположена на земле, то и власть бога будет в этом мире преобладающей. В этом дуалистическом мифе растительность равнозначна поверхности земли, тогда как собственно земля несет явный хтонический смысл, что подтверждается приведенными выше танатологическими коннотациями.

Хтоническую ценность земли можно проиллюстрировать тем фактом, что абхазы-махаджиры, более 100 лет назад отправлявшиеся в Турцию, непременно брали с собой ком земли с могилы предков.

Существенно то, что земля воспринимается в символике красного цвета. Об ассоциации красного цвета с потусторонним миром у народов разных культурных традиций существует обширная литература. Это относится, например, к аборигенам Австралии, Новой Зеландии, Юго-Восточной Азии, к библейской традиции, к индо-европейским народам (10). Примечательно, что там, где развиты представления о хтонической заупокойной жизни, как, например, у индо=европейцев, красный цвет воспринимается положительно. Где нет разработанных представлений о загробной жизни, там красный цвет опасен. Именно таким он воспринимается у абхазов.

Символика цвета позволяет нам перейти к оппозиции земли небу. Синий цвет, цвет неба - женский. Близкая к абхазцам адыгская группа темиргоевцев, обращаясь к верховному божеству Шибле, говорили: "Небо служит подножием для копыт твоего коня, а лазурь небесная для твоей невесты"(11).

У осетин до сих пор существует загадочный обычай. Он заключается в свадебном пожелании молодым иметь девять (или семь) мальчиков и одну синюю девочку (12). Это благопожелание произносилось также на празднике Кехцкенен в Юго-Осетии, когда дети в игровом действии приходили к дому, в котором имелась беременная, и с крыши через свето=дымовое отверстие спускали внутрь шест. Они желали "счастья, девять мальчиков и одну синюю девочку". Беременная женщина в благодарность должна была на шест надеть головку сыра (13). Е.Г.Пчелина справедливо критиковала В.Ф.Миллера, давшего вольный перевод: вместо непонятного "синяя" он поставил "синеокая" (14). Сама же Е.Г.Пчелина, исходя из резко выраженного у осетин отрицательного отношения к рождению девочки, интерпретировала "синюю" как полузадушенную, т.е. имела ввиду пожелание ей смерти (15). На деле синий цвет выступает здесь атрибутом женщины, женского плодородия. Это универсалия, свойственная целому кругу культур. В женской молитве о ребенке у карачаевцев обращаются к голубому камню (16). У киргизов бесплодные женщины шли к мазару, называемому "синий камень" и расположенному в труднодоступной горной местности. Там находился синевато-серый вертикальный камень (17). У ингушей мифический герой Соска-Солса родился от юноши, который, влюбившись в девушку, сел на синий камень. Он возбудился желанием, и в камне очутился зародыш, из которого родился будущий герой (18). Уместно отметить, что в Китае женщине на 7-8-м месяце беременности дарили синие оконные занавески (19).

В абхазском языке есть загадочное речение, которое считается самой страшной клятвой. Имеются в виду слова "уашхо макепсыс". Этимология их для носителей абхазского языка затруднена, но до сих пор существует поверье, что тот, кого заставили их сказать, лишается всех своих гражданских прав. Иногда в этой клятве "уашхо" заменяется на "ашхо" - "лодка". В этом случае обычай нам толковали так: "Совершившего страшное преступление сажали в лодку на море и этой клятвой брали обязательство не возвращаться в родные места". Русалка=дзыдзлан, если она побеждена в борьбе с мужчиной и вынуждена сказать "уашхо макепсыс", по поверью, становится служанкой семьи победителя. "Макепсыс" - грамматически непонятный термин, но с явным присутствием в нем названия оселка (макя), который делался из куска дерева, вымоченного в речных отложениях, ими пропитанного и имевшего голубовато-серый цвет. Очевидно, цвет здесь играет решающую роль, ибо абхазское название медного купороса тоже включает термин "макя" (ацар макя).

Л.Х.Акаба посвятила интересующему нас речению особое место в своих исследованиях абхазской мифологии. Она на большом сравнительно-историческом материале показала связь термина "уашхо" (уашхуа) с принципом рождения, который в архаические эпохи ассоциировался с волосами

(волосатой шкурой). Эта ассоциация, по мнению Л.Х.Акаба, указывает на Великую (Рождающую) мать (20).

Все линии анализа сходятся к мнению, что голубое небо ассоциируется с женским рождающим принципом. Действительно, по мнению некоторых наших абхазских и адыгских информантов, рассматриваемую клятву могли произносить только женщины. У адыгов, по сообщению А.Т.Шортанова, именем Уашхо клянутся в основном женщины (21). По В.Б.Тугову, упоминание Уашхо у абазин содержится в женских выражениях (22). Не противоречит этому и такая клятва в устах русалки-дзыдзлан. Да и отправлять в море могли скорее всего женщину-преступницу, ибо мужчина в таком случае карался просто смертью.

Итак, мы устанавливаем, что в оппозиции земля-небо рождающий принцип сосредоточен, по традиционным абхазским представлениям, на втором члене - небе. Земля не противостоит небу по половому признаку, она тоже "женственна". Между рождающим небом и могильной землей есть общая логическая связь как между началом и концом человеческой жизни.

Возникает вопрос: поскольку оба полюса оппозиции земля-небо женственны, то где в таком случае следует искать мужской принцип?

Он находится между землей и небом. Это воздух и атмосферные явления. По абхазским представлениям, в тучах скрывается божество мужского пола. Это божество в некоторых мифологических сюжетах похищает девушек. Подробнее уровень атмосферы мы рассмотрим в конце статьи.

<u>Ландшафт.</u> Самое общее членение ландшафта часто подчинено двоичному принципу, ориентированному на оппозицию море-горы. Выражение "побережье-горы" (гей-шьхей) указывает не просто на противостоящие части ландшафта, но имеет также смысл всеобщности, его можно перевести наречием - повсюду (23). Примечательно, что ни болотистое побережье, ни высокие горы не были основной зоной расселения абхазского этноса. Этой зоной была полоса холмов и предгорий. Скрытый смысл приведенного выражения

указывает на обитаемую зону как на средний элемент между крайними полюсами побережья и гор.

Эта зона в ландшафтно-климатическом отношении делится на "равнину" и "возвышенность". Варианты "арха-ачаоа, археи-ачаоеи, рхеи-чаоеи" означают эту дихотомию и подразумевают противопоставление равнин, где случаются заморозки, возвышенностям, где постоянно тепло. Экологический аспект в дихотомии "арха-ачаоа", несомненно, сильнее выделен, чем в более метафизической дихотомии "гей-шьхей". Расселение на возвышенности считается более полезным для здоровья и более престижным.

Абхазам известно также характерное для многих горных народов терминологическое различение южных и северных склонов хребтов. Южные склоны Кавказских гор называются Аахытц, северные - Нхытц. Последний термин употребляется также для обозначения всего Северного Кавказа; в его пределы абхазы включают также местность Псху, которая в преданиях считается прародиной многих фамилий, а также местопребыванием почитаемых этими фамилиями святынь (24).

Реальной двоичной классификации ландшафта соответствует ритуально=мифологическая. Последняя заключается в представлении о том, что за пределами обитаемой этнической территории находятся две страны. Одна (дзыбна) расположена в стороне моря и этимологизируется как "водяной лес". Другая (дзышана) этимологизируется информантами как "край льда" и помещается в горах. Формула "дзыбнака-дзышнака" произносилась при проклинании преступника: изгоняя из общества, его отправляли за пределы обитаемой земли. "Край льда" считался более страшным местом, чем "край водяного леса". (Л.Х.Акаба в сообщении нам от 5 октября 89 г. дает другую этимологию: "чудо-вода" - от дзы - "вода" и ашана - "чудо").

Одно из ритуальных противопоставлений гор и моря выявляется в обряде в честь божества - покровителя коз "Джьабран ("Матерь коз") - часть теста для обрядового чурека женщина-молельщица ("чистая женщина") бросала в сторону моря, другую - в сторону гор (25).

Ценностное противопоставление южных низинных территорий северным горным выразилось в дихотомии терминов "алада" и "аюада", из которых первый означает "юг", "южный", "низину", а второй - "север", "горы", "верх". Алада - это еще устья рек. Верховья рек считаются "головой". Поэтому при соматизации ландшафтных терминов алада иногда может получить самые пренебрежительные коннотации. Так, устье Ингури считается "алада=кьe" - "экскрементным алада". Объясняют это тем, что весенние грозы, идущие от устья Ингури, несут в Очимчирском районе плохие урожаи, грозы со стороны Кодора - хорошие.

Выявленное нами абхазское отношение к морю специфично. Отношение к нему резко отрицательное и, как мы увидим ниже, море исключено из состава "природы". Информантами подчеркивается, что в сторону моря в прошлом ориентировали погребения. Живые должны были спать головой в противоположную сторону - к горам.

Двоичная оппозиция возникает также при описании ровного пространства, поля (адэи) в противоположность лесу (бнеи). Лес в этом случае воспринимается как находящийся на возвышенных местах. В этой оппозиции дэи-бнеи поле означает необработанное пространство (амхурста - поле обработанное). Адэи в абхазском языке имеет также смысл "пространство вообще".

Пребывание людей в доме или вне его также описывается двоично. Есть термины "находящийся в доме" (аюнаэцэа) и "находящийся в лесу" (абнаэцэа), означающие пастухов и охотников (26).

Лес воспринимается абхазами как неокультуренное и враждебное пространство. В старину селились только в безлесных местах на возвышенностях (27). Очевидно, с каким-то отрицательным отношением к лесу связан отказ от использования древесных кровельных материалов в традиционном строительном деле - абхазы специально сеяли особую кровельную траву (вид осоки) (28). Дом находился в идеологической оппозиции ко всему, что находилось вне его. Поэтому считалось предосудительным строить дом на

средства, полученные от продажи сыра, изготовленного на летних пастбищах в горах (29).

Оппозиция дома и обитаемой территории горам выражается в убеждении, что жить постоянно в горах нельзя. Информанты для объяснения этого ссылаются на то, что "законы гор этого не позволяют". В горах вплоть до конца XIX в. абхазами не возводилось каких-либо капитальных построек. На летовках не было даже больших пастушеских балаганов. Сооружались лишь небольшие навесы. В качестве укрытий использовались пещеры, скальные навесы, кроны больших деревьев (30).

Вместе с тем использование горных территорий для пастьбы скота и охоты с хорошо налаженным хозяйственным циклом, общественными институтами, специальными ритуалами и верованиями - примечательная сторона абхазской культуры и притом неплохо изученная (31). Отметим, что при активной экономической деятельности в горах сами горы до сих пор остаются для многих абхазов местом самой тщательной регламентации всех процессов жизнедеятельности человека.

Эта регламентация охватывает сферу индивидуальной гигиены. Так, например, не положено в роднике мыть лицо. Купаться или мыть все тело положено было только под укрытием буркой. Существует запрет на интимную жизнь в горах. Женщинам раньше вообще было запрещено подниматься в горы. За нарушение подобных запретов следовала кара от божеств: в горах устанавливалась плохая погода, нарушивший запрет заболевал или даже погибал.

До сих пор существует любопытное правило, по которому тот человек, который наклоняется зачерпнуть в источнике или реке воды, должен три раза назвать себя: "Я такой-то".

Атмосфера. "Атмосфера" структурно находится между землей и небом. Абхазская натурфилософия видит в атмосферных явлениях активный принцип, наделенный в мифологии атрибутами мужского божества.

Культ таких божеств у абхазов всегда привлекал внимание исследователей, но его историческое место остается

слабо определенным. Попытка решения проблемы с нашей стороны оправдана тем, что построение целостной мировоззренческой системы открывает перспективу решения частных проблем, в данном случае культа мужских божеств.

Эти культы разнообразны по форме, но группируются именно по признаку мужского активного начала. Важно отметить, что речь идет не только о конкретных персонификациях в существах мужского пола, хотя эти ассоциации преобладают. Мы отказываемся от такого узкого мифологического подхода и пытаемся реконструировать здесь систему мужских (по принципам их активности) божеств и систему мужских культов. Несомненно, что сосредоточение культовых отправлений в руках мужчин перестраивает в мифологии и половую принадлежность божеств, иерархию которых возглавляют мужские божества. Бросается в глаза, что это культы семейные, они сосредоточены в конкретных фамилиях. "Семейный" принцип распространяется и на то, что божества распадаются на существа мужского и женского пола и сами образуют семьи. Рассмотрим некоторые из таких культов.

Божество, появляющееся как облако или туча, фигурирует у абхазов во многих мифологических ситуациях. Именно оно в горах карает страшной бурей мужчин, нарушивших законы гор. Примечательная черта атмосферных божеств – отсутствие у них антропоморфного облика. Таковым является, например, Анан-Лдзаа-ных, почитавшийся во всей Западной Абхазии. Его святилище находится рядом с Пицундским храмом среди дубовой рощи. "Божество это абхазы представляли не имеющим определенного вида, как божество "наподобие облака". По их рассказам, оно показывалось иногда в виде огненного шара с головой и хвостом, отбрасывающего большие искры при полетах, которые якобы оно совершало, общаясь с Анылс-ных (божеством, якобы находящемся в селении Ачандара. – Я. Ч.). Оба эти божества составляли нечто вроде одной семьи, причем Анан-Лдзаа-ных являлась богиней, а Анылс-ных – богом(32). Культ Анылс-ныха на горе Дыдрипш в Ачандаре был подробно исследован Ш.Д.Инал-Ипа, который изучал его на месте (33). В теоретическом аспекте его проанализировала Л.Х.Акаба, которая вскрыла в нем исходный слой, связанный с культом Великой матери (34).

Наша задача в данном случае состоит не в анализе исторических корней культа Аных, но в типологическом определении его места во всей традиционной мировоззренческой системе абхазов. Такое место мы не сможем найти, не учитывая семейный характер культа, сосредоточенного в руках мужчин, глав семейств.

Семейность культа атмосферных божеств достаточно убедительно выявляется при анализе хозяйственного быта семей абхазских крестьян. Примечательная его черта, сохранившаяся в пережитках до нашего времени, – установление дней недели, в которые запрещалось работать. Они так и называются по-абхазски – "амшара" (не рабочие дни).

Амшара устанавливается от захода солнца до захода солнца следующего дня. Запрет работать в этот день информантами всегда конкретизируется. Вот наиболее полный список таких частных запретов: не сеять, не кастрировать животных, не брать в руки железные вещи, не точить инструмент, не купаться, не расчесывать волосы, не стричь ногти, не мыть ребенка, не давать денег взаймы, не хоронить умерших и не ходить на оплакивание, не ступать по зеленой траве.

Часто запретный день падает на воскресенье, что связано скорее всего с влиянием христианства. Это влияние, возможно, гораздо глубже, чем просто почитание дня воскрешения Иисуса Христа. Дело в том, что во многих случаях установление запретного дня также связано с легендами о вознесении на небо в прошлом какого=то члена данной семьи.

Приведем некоторые сюжеты такого характера с учетом того, что такие сюжеты составляют почитаемую часть семейных преданий и что их неохотно сообщают чужим.

В одной крестьянской семье был воспитанник княжеской фамилии. Однажды на виду у всех людей с неба спустилась золотая арба, в которую была впряжена пара золотых быков.

Из толпы вдруг выбежал мальчик, вскочил в арбу и арба поднялась с ним в небо. Этот день (суббота) стал в той семье "амшара".

Заслуживает внимания факт, что вознесшимися детьми, юношами или девушками часто бывали дворянские или княжеские воспитанники в крестьянских семьях. Они улетают на арбе, на коне, иногда просто исчезают, поднявшись в облаке. День исчезновения юноши или девушки отмечается как запретный, но бывает, что таким днем называется тот, на который укажет гадалка. Несоблюдение запретного дня грозит насчастьями для семьи. Нами записано одно предание, в котором появилось облако и унесло женщину, работавшую в такой день.

Мифологема вихря или тучи как мужского начала не только абхазская специфика. Н.И.Толстой видит в образе облака-жениха древнее индо-европейское представление (35). Образ демона-вихря встречается в восточнославянских поверьях (36). В верованиях армян г.Тбилиси, например, этот образ предстает Сурб Саргисом (Св.Сергеем), который весной, обычно в марте, появляется в виде вихря и уносит девушек (37).

На абхазском материале выявляется трансформация мифологемы "облака, тучи – другие атмосферные явления", которая, как мы считаем, возникла под христианским влиянием. Показательно, что аналогичное предание о вознесении на небо девушки бытовало и у осетин, охваченных влиянием раннего христианства.

Возможно, что ранее христианство породило у абхазов представление о грехе. На абхазском материале грех выступает как нарушение этических отношений с экологией, о чем свидетельствуют явно "экологические" запреты в день "амшара" сеять, ступать по зелени, работать железными инструментами. Другая группа запретов в такой день касается человеческого тела. С него как бы снимается культурный облик, оно возвращается в природное состояние.

Поиск оппозиции для атмосферных божеств приводит нас к заключению: поскольку карающие мужские божества смертоносны по всем своим функциям, то оппозицию им следует видеть в жизненесущем принципе – душе. Для абхазского мировоззрения этот логический вывод естественен. К тому, что говорилось выше о душе, добавим, что народное этимологическое толкование термина "душа" ("апсы") связывается со словом "воздух" ("апсыпс").

История представлений о душе сложна. Сложны и неоднозначны эти воззрения и у абхазов. Нет оснований сомневаться в общей эволюционной схеме, по которой ранние пласты этих воззрений носили аспект, связанный с женским плодородием. В конце такой схемы появляются божества, дающие и забирающие душу. Но такая эволюция не была постепенным перетеканием из одной формы в другую. Она осуществлялась в довольно жесткой системе оппозиций, на которые распадалось в данном случае абхазское мировоззрение о Вселенной, природе, земле, ландшафте и атмосфере.

Как мы видели, все эти части, из которых состоит мир человека, детерминируют те или иные экологические установки. Для абхазской культуры такие установки явно экофильны. Включенность их во всю мировоззренческую схему, трактующую основные проблемы жизни и смерти, не позволяет видеть в них адаптивный по происхождению механизм. Скорее наоборот, абхазские ценности жизни являются первопричиной экофильного отношения к природе.

Литература

1. Лукьянов Ф. Из космогоническихповерий абхазцев // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1904. Вып.34. С.29.
2. Акаба Л. Х. У истоков религии абхазов. Сухуми, 1979. С.80.
3. Бгажба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка. Исследования и тексты. Тбилиси, 1964. С.366.
4. Лукьянов Ф. Из космогонических... С.31.
5. Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы: Историко-этнографические очерки. Сухуми. 1965. С.293; Он же. Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми, 1971. С.200.
6. Чеснов Я. В. Дракон: метафора внешнего мира // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. М., 1986. С.59.

7. Б ж а н и я Ц. Н. Из истории хозяйства абхазов. Сухуми, 1962. С.259.

8. И н а л - И п а Ш. Д. Абхазы... С.548.

9. Ш а к р ы л К. С., К о н д ж а р и а В. Х. Словарь абхазского языка. Сухуми, 1986. Т.1. С.491.

10. Ч е с н о в Я. В. Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976. С.208; D u h n F. Rot und Tot // Archiv fur Religionswissenschaft. B., 1906. Bd.IX. S.49.

11. В а с и л ь к о в В. Очерк быта темиргоевцев // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1901. Вып. 29. С.114.

12. Ш а н а е в Дж. Свадьба у северных осетин // Сб. сведений о кавказских горцах. 1970. Вып.IX. С.29.

13. П ч е л и н а Е. Г. Родильные обычаи у осетин // Сов. этнография. 1937. N 4. С.102.

14. М и л л е р В.Ф. Осетинские этюды. М., 1882. Ч.II: Исследования. С.252.

15. П ч е л и н а Е. Г. Родильные обычаи у осетин. С.86.

16. Ш а м а н о в И. М. Обряды и поверья карачаевцев, связанные с рождением ребенка (XIX-нач.XX в.) // Проблемы этнографической истории народов Карачаево=-еркессии. Черкесск, 1980. С.77.

17. А б р а м з о н С. М. Рождение и детство киргизского ребенка // Сб. Музея антропологии и этнографии. М.-Л., 1949. Вып.XII. С.87.

18. Г - о й Н. С. Кавказские параллели к фригийскому мифу о рождении из камня (земли) // Этнограф. обозрение. 1908. N 3. С.88-92.

19. J a r c h o J. Postures and practices during labor among primitive peoples / Ed.P.Hoeber. N.Y., 1934. P.8.

20. А к а б а Л. Х. У истоков религии абхазов. С.83, 89-91.

21. Ш о р т а н о в А. М. Адыгская мифология. Нальчик. 1982. С.14, 40.

22. Т у г о в В. Б. Примечания // Абазинские народные сказки. М., 1985. С.370.

23. И н а л - И п а Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976. С.377.

24. А к а б а Л. Х. У истоков религии абхазов. С.108.

25. Х а ш б а И. И. Избранные работы. Сухуми, 1972. С.126.

26. И н а л - И п а Ш. Д. Абхазы... С.242.

27. Б а х и а С. И. Абхазская "абипара" - патронимия (грузино-абхазские этнографические параллели). Тбилиси, 1986. С.21.

28. М а л и я Е. М., А к а б а Л. Х. Одежда и жилище абхазов. Тбилиси, 1982. С.153.

29. Б ж а н и я Ц. Н. Из истории хозяйства... С.140.

30. Там же. С.50.

31. Земледелие и скотоводство у абхазов: Материалы к историко-этнографическому атласу Грузии. Тбилиси, 1986.

32. И н а л - И п а Ш. Д. Абхазы... С.527.

33. Там же. С.530.

34. А к а б а Л. Х. У истоков религии абхазов; О н а ж е. Из мифологии абхазов. Сухуми, 1984.

35. Т о л с т о й Н. И. Сербское народно-поэтическое "облако"-жених // Структура текста, 1981. Тезисы. М., 1981. С.170-171.

36. М а н д ж у р а И. Малорусские рассказы и поверья // Живая старина. СПб., 1892. Вып.1/4. С.80; С о к о л о в М. И. Летучий огненный змей // Живая старина. 1895. Вып.III/IУ. С.493-494; С у м ц о в Н. Ф. Злыдни в бочке. М., 1913. С.2; Т о п о р о в В. Н. Еще раз о древнегреческом софиа; происхождение слова и его внутренний смысл // Структура текста, 1980. М., 1980. С.172.

37. Сообщено Н.Б.Тер-Акопяном от 26 марта 1988.

В. В. Лебедев,
Е. А. Оборотова

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ГОМЕОСТАЗЕ В ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВАХ АРКТИКИ И СУБАРКТИКИ

В настоящее время пересматривается концепция демографического гомеостаза арктических народностей, существование особых механизмов регулирования их численности в соответствии с естественной динамикой природных ресурсов. Исследователям не удалось обнаружить каких-либо антинаталистских этнокультурных традиций, социально-экономических институтов, прямо или косвенно регулирующих рождаемость и смертность на популяционном уровне. Селективный инфантицид рассматривается уже не как универсальная адаптивная стратегия населения Арктики и Субарктики, но как локальный культурный феномен. Напротив, констатируются установки на максимально расширенное демографическое воспроизводство этих этносов (1).

Но можем ли мы говорить об отсутствии экосистемного равновесия, если северные народности в течение длительного исторического времени являются частью экосистем тайги и тундры, столь хрупких и трудновозобновимых, к тому же с ограниченными ресурсами. В данном случае мы имеем дело именно с этноэкосистемами, составляющими которых являются: человеческий коллектив (территориальная группа или локальная популяция), осваиваемая территория, ее биологические ресурсы (пастбищные угодья, запасы зверя, птицы, рыбы, выпасаемое поголовье домашних оленей). На эту систему действуют две группы факторов - внешние и внутренние. Воздействие внешних факторов, например климатических, на северные этноэкосистемы довольно подробно описано в работах И.И.Крупника (2) и нет нужды останавливаться на нем здесь. Внутренние факторы, например, прессинг избыточного поголовья оленей на ягельники, вспышки эпизоотий могут привести к распаду территориальной группы - к вымиранию населения или же к его уходу с данных угодий, как это произошло с канчаланской группой оленных

чукчей во второй половине XIX в. (3). Избыток населения порождает миграции или даже экспансии на другие территории. Примером может послужить продвижение оленных чукчей южнее р.Анадырь в поисках новых пастбищ в период становления у них крупнотабунного оленеводства в XYIII в. Оно сопровождалось ожесточенными военными столкновениями с коряками (4). При этом часть населения вытеснялась в иные "экологические ниши" на берега рек и на побережье, что приводило к смене его хозяйственных занятий.

В демографической истории народов Севера были случаи, когда при избыточном населении миграция была невозможна. Например, на рубеже XYIII-XIX вв. в Средней Сибири сложилась максимально благоприятная природная ситуация, приведшая к резкому возрастанию численности селькупов. Здесь вступил в действие механизм естественного социального ограничения, который проявился через затрудненность формирования брачных пар. Источники этого периода фиксируют очень низкую брачность селькупов - до 60% неженатых мужчин и около 40% незамужних и бездетных женщин. Такая низкая брачность объяснялась не какими-то запретами, а нехваткой ресурсов жизнеобеспечения для возросшего населения Тазовско-Туруханского региона. Образование новой брачной пары было сопряжено со сбором калыма и приданного, которые в совокупности составляли полное снаряжение чума и весь необходимый инвентарь для жизни малой семьи, в частности более четырех десятков оленьих шкур. Жениху и невесте приходилось ждать, пока их семьи соберут необходимое количество шкур или они унаследуют жилище старших родственников. Вместе с тем это был период наибольшей социальной стабильности селькупов, высокой эндогамности этой группы (95% эндогамных браков, по данным ревизии 1782 г.)(5).

Аналогичная ситуация с низкой брачностью сложилась в это же время и у сосьвинских манси (6).

Прямая зависимость численности группы от пищевых ресурсов территории явно проявляется, вероятно, лишь в период экологических катастроф. Такой катастрофой было

исчезновение дикого оленя в северотаежной зоне в начале XIX в., повлекшее за собой массовые голодовки и вызвавшее сокращение населения этого региона к 60-м годам XIX в. более чем на 50% (7).

Видимо, социальные механизмы, направленные на достижение экосистемного равновесия, следует искать не на уровне популяции, но на таксономическом уровне производственного коллектива и семьи, где в единый узел сплелись хозяйственные и брачные связи, а также культовая практика. Попытаемся их выявить на материале оленных чукчей и отчасти нганасан. Эти народы не подверглись христианизации, остались практически вне сферы рыночных отношений, сохранив почти не трансформированный хозяйственный уклад и социальную структуру (8).

Известно, что в экстремальных условиях Крайнего Севера для полного использования ресурсов окружающей среды требуется ведение комплексного хозяйства, где сочетаются охота, рыболовство, оленеводство, собирательство. Сложилось жесткое половозрастное разделение труда при равно жизнеобеспечивающей роли мужчин и женщин. Именно производственный коллектив должен был иметь сбалансированную половозрастную структуру и оптимальные размеры. Так, на Чукотке в Канчаланской и Танюрерской тундрах со стадом в 2,5-3 тыс. голов оленей работало пять-шесть пастухов; в верховьях рек Хатырка и Великая со стадом в 2-2,5 тыс. голов - семь-восемь пастухов; в низовьях р.Хатырка и бассейне р.Алькатваам на 1,5-2 тыс. оленей приходилось семь-восемь пастухов. В целом численность пастухов зависела от особенностей выпаса на данной пастбищной территории (9). Можно предположить, что в процессе совершенствования техники оленеводства размеры производственных коллективов уменьшались. Судя по описаниям К.Мерка, в XYIII в. численность обитателей оленеводческого стойбища превышала 100 человек. В конце XIX в. и в настоящее время она не превышает 15-30 человек (10).

Экологические особенности чукотского оленеводства таковы, что требуют круглосуточного надзора за стадом.

Олени находятся в постоянном движении по пастбищам. Летом практикуется так называемый бесчумный выпас, когда пастухи уходят со стадами на несколько месяцев, оставляя семьи на стационарном стойбище, да и зимой, как правило, у мужчин не было возможности систематически работать в домашнем хозяйстве. На плечи женщин ложилась основная нагрузка при перекочевках по подготовке имущества к транспортировке, сборке и разборке яранг, по уходу за жилищем, а также приготовление еды, словом, все заботы по организации быта. Летом женщины, подростки и старики ловили рыбу, вялили и квасили ее впрок, собирали и заготавливали дикоросы, что составляло существенную часть традиционного чукотского рациона. Кроме того, за лето каждая женщина должна была обработать не менее 50-60 оленьих шкур, изготовить для каждого члена семьи по нескольку комплектов сезонной одежды и обуви, а также сшить новое покрытие для яранги. Число трудоспособных женщин, как правило, равнялось числу пастухов. Любое нарушение демографической структуры производственного коллектива стойбища сказывалось на благосостоянии всех его обитателей (11).

В одном оленеводческом стойбище в прошлом объединялось несколько семей. Это могли быть малооленные или безоленные семьи, сгруппировавшиеся вокруг крупного стада богатого оленевода. Платой за выпас оленей была часть продукции оленеводства. Иногда удачливому пастуху выделялось в самостоятельное распоряжение отдельное стадо (12).

Порой между собой объединялись владельцы небольших стад, но Н.Ф.Калинников отмечал, что такие производственные объединения непрочны: на зиму они устраиваются в одном соседстве, а на лето меняют его и пристают к другому... Каждая семья в таких объединениях сохраняла свою хозяйственную самостоятельность и при желании всегда могла отделиться и перейти в другое стойбище" (13).

Наиболее стабильными были стойбища, состоявшие из родственных семей. Независимо от количества оленей, принадлежащих каждому члену стойбища, распределение мяса и

18.Зак.1376

шкур происходило в зависимости от конкретных потребностей каждой семьи. Мысль о необходимости коллективного потребления продуктов питания внушалась с детства. Главным в чукотской педагогике было воспитание в детях чувства альтруизма, которое основывалось на любви к родственникам, проявления эгоизма наказывались беспощадно. Первые трудовые навыки дети приобретали на рыбалках. Когда они возвращались с уловом, они должны были разнести рыбу во все яранги стойбища, оставляя для собственной семьи самую малую часть (14).

Главой стойбища, состоявшего из родственных семей, был старший по генеалогическому счету родства мужчина, руководивший всеми сторонами жизни стойбища. Взаимоотношения между членами стойбища определялись их положением в генеалогической иерархии коллектива. Такие родственные объединения могли состоять из семей родственников по мужской линии - отца со взрослыми сыновьями, родных и двоюродных братьев, дядьев с племянниками (15). Стойбище могло состоять из семей кровных родственников и лиц, причисленных к таковым благодаря специальным обрядам усыновления и "товариществу по жене". Были и стойбища, куда наряду с родственниками принимались посторонние люди; их называли "нымтумгыт" - "товарищ по стойбищу". Традиционно действовала установка на формирование производственных коллективов стойбищ именно по родственному принципу, так как родство предусматривало многообразные взаимоотношения: от взаимопомощи до общности культовых обрядов. Поэтому у чукчей действовал разветвленный механизм учета кровного родства по отцовской и материнской линиям, включая троюродных родственников по коллатеральной линии, дедов по восходящей и внуков по нисходящей. Эта группа родственников обозначалась термином "синиткин" - "свои" (16). В этих пределах учитывается кровное родство при заключении браков. Родственников более отдаленных степеней родства обозначают термином "сесеткин" (17).

Современные генеалогические описания чукчей насчитывают от 3 до 11 поколений, т. е. родственный коллектив мог включать до 400 человек. Бессистемно запомнить такое количество людей и их родственную иерархию невозможно. Здесь начинал действовать иной принцип учета - счет родства по ярангам.

В представлениях чукчей яранга и ее обитатели - единое целое. Кроме людей ее якобы населяли духи - семейные охранители, которых воплощали связки семейных амулетов "гыргырти". Каждая семья имела свою ярангу и свои амулеты. При образовании новой семьи ей снаряжалось новое жилище, новую связку амулетов она получала от родителей мужа. Число новых яранг зависело от числа сыновей в каждом последующем поколении. Группа таких родственных яранг обозначалась термином "рэчвэптыт" (18) - "отделившиеся (от главной отцовской) яранги". На стойбище такие яранги располагались по старшинству своих хозяев. Впереди ставилась так называемая "переднедомная" яранга старшего по генеалогической линии мужчины (19). Объединительным признаком родственных яранг служила общность огня. Огонь в чужие яранги не передавался, так как вместе с ним из жилища якобы уходили здоровье и жизнь его обитателей. Это относилось ко всему, что уже побыло в яранге и хоть чуть-чуть продымилось. Никто не брал в свою ярангу чужую утварь, особенно ритуальную, так как вместе с ней приходили чужие вредоносные духи. Разрешалось делиться огнем ярангам отца и сыновей, ярангам родных или двоюродных братьев независимо от того, находились ли они на одном стойбище или кочевали отдельно. В яранги троюродных родственников огонь передавался только тогда, когда они постоянно находились на стойбище главной яранги. При перемещении на другие стойбища они "отдалялись огнем", становились "чужими". Обмениваться с ними огнем запрещалось (20).

С очагом, с семейными охранителями, главными из которых были доски для добывания огня в виде человеческой фигуры "гыргырти" и "тайныквыт" - деревянные рогульки,

символизировавшие оленей, тесно связано понятие "оленного счастья" семьи. Гыргырти считался главным "пастухом", от которого зависело благополучие стада.

Когда в семье вырастали и женились несколько сыновей, им снаряжали яранги вместе с необходимой хозяйственной утварью и амулетами, отделяли часть стада. Отцовская яранга переходила по наследству к самому младшему сыну, который, по обычаю, оставался с родителями. Во втором поколении "рэчвэптыт" состоял из главной яранги и отделившихся от нее яранг сыновей. В третьем поколении главной становилась яранга старшего сына - от нее отделялась яранга старшего двоюродного брата. По младшей линии родства образовывались новые соподчиненные яранги. В четвертом поколении, если число яранг было слишком велико, они разделялись на самостоятельные стойбища. Если число яранг "рэчвэптыт" было невелико, то родство между ними прекращалось только в пятом поколении (21).

Разговоры о родстве принимали форму героических сказаний о предках, так формировалась система генеалогической памяти, позволявшая в отдельных случаях учитывать родство вплоть до 20-го поколения и знать своих отдаленных родственников по мужской линии в составе территориальной группы (22). Коллектив из 200 родственников, например, состоял примерно из 35-40 семей и такого же количества яранг - шести - восьми "рэчвэптыт", иерархию которых было не так трудно запомнить. Наиболее интересна в этом отношении мейныпыльгинская группа чукчей, члены которой все являются потомками в 20-ом поколении легендарного героя Кыты, при котором начались чукотско=корякские войны за оленные пастбища. Используя систему такой историко=генеалогической памяти, мейнопыльгинские чукчи легко ориентируются в своей родственной структуре.

С детства каждый был осведомлен, в какой степени родства он состоит со своими живыми сородичами. На праздниках при испрашивании благополучия поминались все родственники от стариков до младенцев в соответствии с родственной номенклатурой. Кроме того, традиционными были

разговоры о том, с кем могут вступать в брак те или иные юноши и девушки (23). Любого гостя старики расспрашивали о его родне, определяли его родство с каждым членом стойбища. Так устанавливалось его положение в иерархии родственного коллектива, определялся круг его возможных брачных партнеров. Традиционно запрещалось вступать в брак лицам, принадлежащим к "синиткин", т. е. троюродным родственникам как по отцовской, так и по материнской линиям. Браки между троюродными родственниками разрешались только тогда, когда они находились на разных стойбищах. В этом случае брак считался даже предпочтительным, поскольку "отдалившиеся огнем" вновь возвращались к единому очагу. Если же по хозяйственным соображениям троюродные родственники оставались на одном стойбище, браки между ними запрещались. Иногда такое случалось и с четвероюродными родственниками, которые обычно не были экзогамны друг для друга (24).

В генеалогических схемах жителей сел Канчалан и Амгуэма встречаются браки между двоюродными родственниками. Заключение подобных браков осуждалось и подчеркивалось, что такой союз образуется лишь по необходимости и нуждается в специальной санкции стариков. В Амгуэме потомки от такого брака были вынуждены уехать и искать себе супругов за пределами своей территориальной группы. В других случаях такие браки были заключены мигрантами и были вызваны или хозяйственными соображениями или сложностями подбора брачных партнеров в чужой среде (25).

Номенклатура родства прослеживается у многих народов Сибири (нганасан, коряков, эвенков и т.д.) и указывает на наличие у них в прошлом институтов левирата и сорората (26). У чукчей эти институты бытовали в сравнительно недавнем прошлом - сведения о них удалось почерпнуть у информантов старшего поколения. Согласно правилу левирата, после смерти старшего по генеалогической линии мужчины один из его младших родственников (моложе него, но старше его сына) принимал на себя заботы о вдове и детях умершего. Это мог быть младший родной или двоюродный брат

или старший племянник (сын старшего родного или двоюродного брата умершего). На старших родственников правило левирата не распространялось (27).

Правило сорората заключалось в том, что мужчина женился на одной из младших незамужних родственниц своей умершей жены (ее родной, двоюродной или троюродной сестре или старшей племяннице) (28). Замужние родственницы уже принадлежали к очагам своих мужей.

И левират, и сорорат были направлены на восстановление целостности семьи и производственного коллектива, на расширение круга лиц, ответственных за подрастающее поколение наряду с родителями. Согласно нормам левирата возможными партнерами холостого мужчины могли быть жены его старших родственников еще при жизни их мужей. Для незамужней женщины это были супруги ее старших родственниц. Дети в этих семьях рассматривались как их собственные и по отношению к ним применялась соответствующая родственная номенклатура.

При отсутствии близких кровных родственников в силу вступал обычай "невтумгыт" - "товарищество по жене" (29), предполагающий обмен брачными партнерами между двумя супружескими парами. В описаниях путешественников (30) и материалах В.Г.Богораза говорится, что в такой союз могло входить до 10 и более супружеских пар. В имеющихся у нас материалах подобных примеров нет. Как правило, в "товарищество по жене" входили две супружеские пары, в частности, описан случай, когда два человека хотели скрепить дружбу подобным родством, но у одного из них уже был "товарищ по жене", и они сговорили своих малолетних детей. Но мы сейчас имеем дело с группами, уже осевшими в поселках, утратившими былую подвижность и интенсивность контактов с представителями других территориальных групп. Заключившие такой союз мужчины рассматривались как родные братья, общими становились их жены и дети.

В отношения "нэвтумгыт" преимущественно стремились вступить мужчины, не имевшие младших кровных родственников по мужской линии. В случае гибели таких глав семей их

жены оставались без брачных партнеров, а дети без отцовской опеки. Мужчины-"нэвтумгыт" в этом случае заменяли тех недостающих кровных родственников, на которых распространялись левиратные отношения. В этом смысле обычай "невтумгыт" может рассматриваться как своеобразная замена левирата.

Другой важной причиной для вступления в "товарищество по жене" было отсутствие детей у супружеской пары. В этом случае заключали союз с многодетной семьей. Институт "нэвтумгыт" способствовал реализации репродуктивного потенциала женщины, если своих детей эта пара не имела по вине мужчины. Подобный случай описан нами в поселке Ваеги на Чукотке. Семья чукчи Антаку долго не имела детей. Тогда они вступили в отношения "нэвтумгыт" с семьей чукчи Антолина. От этого союза родился сын, а затем родилось еще двое детей от самого Антаку. Когда к Антолину приходил любой из сыновей Антаку, он встречал его как собственного ребенка и готов был отдать ему любую понравившуюся вещь (31). Наши информанты сообщали, что, если бы от такого союза никто не родился, родство между этими семьями не образовалось бы (32). Очевидно, что обычай "нэвтумгыт" продиктован заботой о детях.

В отношения "невтумгыт" стремились вступать троюродные родственники, как мужчины, так и женщины, если они по каким-либо причинам оказались на разных стойбищах и "отдалились огнем". При обмене супругами утерянное родство восстанавливалось (33). Троюродные братья, жившие на одном стойбище, женами обмениваться не могли. На них распространялись левиратные отношения, в силу которых старший брат не имел права на жену младшего. В этом смысле нельзя согласиться с замечанием В.Г.Богораза о том, что наряду с троюродными двоюродные братья чаще всего бывали связаны узами группового брака (34).

На двоюродных братьев, даже живших в разных стойбищах, распространялось правило левирата. Следовательно, обмен женами между ними был невозможен. В имеющихся у нас материалах подобных примеров нет. Скорее, замечание

В.Г.Богораза было справедливо для лиц, женатых на двоюродных или троюродных сестрах. Обмен женами в этом случае приветствовался, поскольку восстанавливалось родство по женской линии, утраченное при выходе этих женщин замуж.

И наконец, обменивались супругами как мужчины, так и женщины, связанные узами дружбы и стремившиеся закрепить их этим своеобразным брачным союзом (35).

Таким образом, в отношения "нэвтумгыт" могли вступать троюродные братья, двоюродные и троюродные сестры, друзья и подруги. Женщины могли обмениваться супругами так же свободно, как и мужчины.

Препятствием для вступления в подобный союз могли быть возрастные различия и родство возможных партнеров ближе троюродного. Например, товарищество по жене невозможно при обменном браке, так как брачными партнерами оказываются родные или двоюродные братья и сестры. Не могли обмениваться супругами родные братья и сестры.

Следовательно, отношения "нэвтумгыт" осуществляясь в рамках общих брачных норм, во-первых, существенно расширяли круг брачных партнеров, как мужчин, так и женщин, и способствовали реализации репродуктивного потенциала каждого из них и, во-вторых, расширяли круг лиц, ответственных за детей, дополняя правило левирата. В этом смысле функции "товарищества по жене" далеко выходят за рамки удовлетворения полового инстинкта или гостеприимного гетеризма.

В случае смерти старшего родственника или одного из "товарищей по жене" оставшийся в живых отвечал за сохранность его стада и яранги до совершеннолетия детей-сирот. При осуществлении правила левирата средний брат переходил в ярангу старшего, но самый младший брат брал вдову с детьми в главную отцовскую ярангу. Яранга умершего вместе с амулетами и ритуальной утварью складывалась и хранилась до женитьбы его сына. Также поступали и при "товариществе по жене" (36).

Ритуал праздников годового хозяйственного цикла у оленных чукчей был рассчитан на брачную пару. При этом ритуальные действия отражали специфику разделения труда мужчин и женщин. Мужчина – хозяин яранги – закалывал жертвенного оленя, вместе с сыновьями разбрасывал жертвенную пищу духам – хозяевам тундры, луне, рассвету и т.д. Женщина-хозяйка была хранительницей очага семьи. Она добывала повседневный и ритуальный огонь, на ней лежала забота о семейных охранителях и ритуальной утвари. Она изготовляла праздничную одежду для всех членов семьи. На праздниках она готовила жертвенную пищу, "угощала" гыргырти, добывала ритуальный огонь, наносила знаки помазания жертвенной оленьей кровью на лица своих домашних и на ярангу (37).

Провести праздник имел право только женатый, имеющий собственную ярангу и стадо, мужчина. Женщина приобщалась к ритуальной жизни только после вступления в брак, став хозяйкой в яранге мужа. В родной семье девушку ритуалу не обучали. В семье мужа до рождения первого ребенка ее обучала свекровь или самая старшая женщина в "рэчвэптыт" – жена его главы.

Когда в семье не было брачной пары, которая могла бы совершить все необходимые праздничные действия, старались или вступить в новый брак, или поженить малолетних детей, передав им все ритуальные функции; отыскать кого-либо из дальних родственников, передать ему хозяйство и женить (38). В противном случае ярангу свертывали и семья переходила жить к родственникам, так как самостоятельно не могла позаботиться о духах – покровителях очага и обеспечить благополучие семьи и стада. В чукотском фольклоре часто говорится об одиночках – мужчинах и женщинах, которые были вынуждены бросить свое жилище в тундре и отправиться на поиски родственников или присоединиться к чужому стойбищу (39).

Социально-экономическая суть левирата и сорората состояла в том, что с их помощью восстанавливалась целостность семьи и производственного коллектива в случае

смерти одного из его членов; на их основе происходило распределение трудовых ресурсов в пределах территориальных групп, корректировалась демографическая структура в соответствии с постоянно изменявшимися эколого-экономическими, демографическими и историческими условиями.

Что касается биологического смысла этих институтов, то в совокупности они устанавливали круг возможных брачных партнеров, наиболее отдаленных в кровнородственном отношении. Согласно правилам левирата и сорората, брачные возможности мужчин и женщин реализовывались в разных возрастных группах. Для мужчин – в группе женщин от его жены до жены старшего двоюродного брата и жены младшего брата отца (левират), а также среди незамужних родственниц жены от нее самой до дочери старшей ее сестры (сорорат). Для женщин – в зеркальном отражении – в группе мужей старших родственниц до младшей сестры матери (сорорат) до замужества и в группе младших родственников мужа до сына старшего брата (левират). Такой порядок полового общения способствовал наиболее полной реализации репродуктивного потенциала популяции.

В традиционном чукотском обществе одним из наиболее строгих был запрет двум братьям жениться на двух сестрах. Этот запрет можно объяснить лишь исходя из сопоставления правил левирата и сорората с экзогамными нормами. Если женщина была связана сороративными отношениями с мужем старшей сестры, то, выйдя замуж за его брата, младшего или старшего племянника, она оказывалась партнером лиц из поколения, которое рассматривалось как поколение ее возможных (усыновленных по сорорату) детей. Такая связь запрещалась наравне с браками между кровными родственниками.

По классификационной системе родства в подобной ситуации оказывались все мужчины, родственники вступившего в брак, моложе его самого и старше его сына, а также все родственницы замужней женщины моложе нее самой и старше ее дочери. Обменный брак открывал возможность для вступления в супружеские отношения младшей сестры этого

мужчины с младшим братом его жены. Брачные отношения между другими членами данных родственных коллективов мужа и жены, согласно совокупному действию правил левирата и сорората и экзогамных норм, были недопустимы в двух поколениях. Новый брак между представителями двух "рэчвэптыт", уже связанных между собой брачной парой и ее левиративными и соροративными отношениями, мог заключаться только в четвертом поколении, если в первом была сама брачная пара. Родственники мужа и жены и их потомки во втором поколении могли подбирать супругов в других коллективах. В целом, учитывая то, что численность территориальных групп оленных чукчей составляла в среднем 300-500 человек, сгруппированных на 20-35 стойбищах, можно говорить о некоей определенной системе бракообмена по трехпоколенным циклам, что, несомненно, служило основой для перегруппировки генофонда популяций.

Генетики считают, что последовательная полигиния (наличие нескольких жен или их смена) перегруппировывает генофонд популяции. Таким образом, каждое последующее поколение отличается от предыдущего уникальным генотипическим составом. Это обеспечивало каждому поколению максимальные возможности для испытания путем естественного отбора большого числа генных комбинаций. В итоге на "сите" такого отбора задерживались лишь те, которые увеличивали выживаемость и повышали плодовитость (40).

Конечно, в реальности эта модель не выглядела столь жестко, хотя бы из-за наличия миграционных процессов.

В то же время, принцип замены в уже сложившихся семьях старших умерших родственников бессемейными младшими способствовал с одной стороны, сохранению жизнеспособности производственных коллективов и их потомства как резерва трудовых ресурсов всей территориальной группы, с другой – сдерживал до определенной степени численный рост тех же производственных коллективов и, стало быть, популяций.

При достижении численного оптимума популяций вступал в действие ограничивающий хозяйственно-социальный фактор,

который, конечно, не проявляется в виде осознанной стратегии территориальной группы по ограничению рождаемости и собственной численности, а вытекает из естественной нехватки ресурсов жизнеобеспечения для дальнейшего роста числа семей и производственных коллективов.

Очевидно, что здесь мы имеем дело со стадиальным явлением, характерным в прошлом для многих народов мира, в том числе и народов Сибири. Мы уже говорили о наличии его следов в родственной номенклатуре нганасан, энцев, долган. Наиболее полно брачная система, аналогичная чукотской, описана А.Ф.Анисимовым у байкитских эвенков(41). Он зафиксировал у эвенков возрастные классы, подобные чукотским, соответствующую терминологическую номенклатуру родства, взаимосвязь левирата и сорората, показал на ряде примеров групповой характер брачных отношений.

В этой статье мы только наметили те направления, по которым можно искать ключи к пониманию механизма экосистемного гомеостаза. Несомненно, что затронутые вопросы - лишь незначительная часть многообразных, связанных с этим механизмом факторов, которые нуждаются не только в объяснении, но и в выявлении. Необходимо значительно более глубокое и обширное комплексное исследование этой проблемы с позиций экологии, этнографии, демографии, генетики, антропологии и лингвистики.

Литература

1. Пика А. И. Гомеостаз в демографической истории народов Севера (XVII-XIX вв.): реальность или иллюзия // Сов. этнография. 1986. N 3; Крупник И. И. Арктическая этноэкология. М., 1989; Krupnik I. The male-female ratio in crain traditional populations of the Siberia Arctic // Inuit Studies. 1985. Vol.9, N 2. P. 115-127; Крупник И. И. Инфантицид в традиционных обществах Арктики: Адаптивная стратегия или культурный механизм? // Экология американских индейцев и эскимосов. М., 1988. С.76-84.
2. Крупник И. И. Факторы устойчивости и развития традиционного хозяйства народов Севера: К методике изучения этноэкологических систем: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977; Он же. Арктическая этноэкология.

3. Оборотова Е. А. Некоторые тенденции современного развития юго-восточных групп оленных чукчей // Межэтнические контакты и развитие национальных культур. М., 1985. С.125.
4. Вдовин И. С. Ваегские чукчи // ТИЭ. М.;Л., 1962. Т.78. С.154-155; Он же. О соотношении фольклора с историко-этнографическими данными // Фольклор и этнография. Л., 1970. С.22.
5. Лебедев В. В. Семья и производственный коллектив у населения притундровой полосы северо-запада Туруханского края в XIX в. // Сов. этнография. 1980. N 2.
6. Пика А. И. Сосьвинские манси как этносоциальная общность: Автореф. дис.... канд. ист. наук. М., 1982.
7. Лебедев В. В. Изменения в культуре Обско-Енисейского Севера // Расы и народы. 1987. Вып.17. С.97; Многочисленные данные об этом содержатся в Гос. архиве Красноярского края: Ф.160. Оп.1. Д.164.
8. Архив ИЭ. Фонд Северной экспедиции. Полевые материалы Беринговского отряда 1979 г.
9. Кись Р. Я., Лебедев В. В. Некоторые аспекты изучения традиционного оленеводства Чукотки // Полевые исследования ИЭ. М., 1980. С.123.
10. Антропова В. В. Военная организация у народов крайнего северо-востока Сибири // СЭС. М.;Л., 1957. Вып.2. С.122.
11. Баскин Л. М. Северный олень: Экология и поведение. М., 1970. С.48, 69; Кись Р. Я., Лебедев В. В. Некоторые аспекты... С.121-122.
12. Богораз В. Г. Чукчи. Л., 1934. Т.1. С.148; Олсуфьев А. В. Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения. СПб., 1896. С.121; Майдель Г. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868-1870 гг. СПб., 1894. С.158.
13. Калинников Н. Ф. Наш крайний Северо-Восток. СПб., 1912. С.56.
14. Архив ИЭ. Фонд Северной экспедиции...
15. Антропова В. В. Военная организация ... С.122.
16. Архив ИЭ. Фонд Северной экспедиции...
17. Там же.
18. Там же.
19. Там же; Леонтьев В. В. Хозяйство и культура народов Чукотки 1958-1970. Новосибирск, 1973. С.60.

20. Архив ИЭ. Фонд Северной экспедиции...; Богораз В. Г. Чукчи. Т.1. С.91; Т.2. С.53.

21. Архив ИЭ. Фонд Северной экспедиции...

22. Там же.

23. Там же.

24. Там же.

25. Там же.

26. Файнберг Л. А. Терминология родства нганасан как исторический источник // СЭС. М., 1962. Вып.4. С.226-238.

27. Богораз В. Г. Чукчи. Т.1. С.139-140; Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.;Л., 1965. С.216.

28. Архив ИЭ. Фонд Северной экспедиции. Полевые материалы Чукотского отряда, 1979; Полевые материалы Беринговского отряда, 1979 г.

29. Богораз В. Г. Чукчи. Т.1. С.135-139.

30. Вдовин И. С. Из истории общественного строя чукчей... С.92.

31. Там же.

32. Там же.

33. Там же; Полевые материалы Беринговского отряда 1979 г.

34. Богораз В. Г. Чукчи. Т.1. С.136.

35. Там же. С.135.

36. Архив ИЭ. Фонд Северной экспедиции. Полевые материалы Чукотского отряда, 1979.

37. Кузнецова В. К. Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных чукчей // СЭС. М.;Л., 1957. Вып.2. С.314-318.

38. Богораз В. Г. Чукчи. Т.1 С.190.

39. Там же. С.114; Он же. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора. СПб., 1900. С.47, 81.

40. Сукерник Р. И., Кроуфорд М. Г. и др. Первоначальное заселение Америки в свете данных популяционной генетики // Экология американских индейцев и эскимосов. М., 1988. С.23.

41. Анисимов А. Ф. Родовое общество эвенков (тунгусов). М.;Л., 1936. С.1-30.

А. Н. Ямсков

ТРАДИЦИОННОЕ СКОТОВОДСТВО И ПРИРОДНАЯ СРЕДА: КУЛЬТУРНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В последние десятилетия повсеместно резко обострились экологические проблемы, что привлекло к ним пристальное внимание ученых, общественности и политиков. В странах "третьего мира" наибольшее значение приобрела проблема деградации земельных ресурсов в связи со все более усиливающимся деструктивным воздействием на ландшафты хозяйственной деятельности, которая чаще всего ведется традиционными или близкими к ним методами. Особенно тяжелое положение (как для населения, так и для природной среды) сложилось в отличающихся естественной хрупкостью экосистемах засушливых регионов, где исторически основу хозяйства составляют различные типы номадного и подвижного скотоводства (1).

Процессы, происходящие в пастбищных ландшафтах в результате их антропогенного опустынивания или в более увлажненных горных районах - уничтожения древесной и большей части травянистой растительности, уже достаточно основательно изучены экологами, географами и ботаниками (2). Но значительно меньше, особенно специалистам естественнонаучного профиля, известны коренящиеся в традиционных скотоводческих культурах причины и побудительные мотивы к ведению хозяйства столь разрушительным для природной среды способом. Именно эта сторона проблемы в силу ее практической и методологической важности будет рассмотрена в данной статье.

Предваряя эколого-культурологический анализ традиционного природопользования скотоводческих народов, остановимся вкратце на экологических аспектах пастьбы домашних животных. Пастбищные экосистемы возникли и существовали благодаря регулярному выпасу копытных животных (домашних либо диких) и потому в случае его прекращения испытывают серьезные изменения видового состава растительности. В частности, продуктивность среднеазиатских зимних пустын-

ных пастбищ всего за 4-5 лет полного "отдыха" снижается в среднем на 20% (3).

Умеренный выпас, при котором уничтожение растительности скотом примерно соответствует приросту биомассы трав и при этом не затрудняет их рост и развитие, способствует наибольшей продуктивности и устойчивости пастбищных экосистем - луговых, степных и полупустынно=пустынных. Это объясняется тем, что пастьба скота искусственно поддерживает экосистему на ранних ("молодых") стадиях ее развития, характеризующихся сравнительно меньшим общим объемом биомассы при ее наибольшем ежегодном приросте. При отсутствии же регулярного выпаса пастбищные экосистемы довольно быстро (в течение несколько лет или десятилетий) проходят эти ранние этапы развития и после ряда сукцессий (последовательных изменений видового состава растительности) достигают стадии относительной стабильности ("зрелости"). В последнем случае экосистема характеризуется уже максимально возможным (в данных природных условиях) общим объемом биомассы при значительно меньших ее ежегодных приростах (4).

Однако ныне почти повсеместной проблемой является не отсутствие, а избыточность выпасаемого на пастбищах скота. Это означает, что домашние животные для своего питания нуждаются в объеме растительной биомассы, превышающем ее прирост на данной территории за сезон пастьбы. Положение обычно обостряется в годы, когда рост трав сильно затруднен засухой; в условиях резко сниженного прироста биомассы кормовых растений поголовье скота может оказаться чрезмерным для пастбищной территории, а растительность на ней в значительной мере уничтоженной. Продолжение выпаса становится затруднительным, и животным уже явно не хватает кормов. Но домашние животные в отличие от диких копытных не могут покинуть данный участок, ибо выбор конкретных пастбищных угодий и длительность содержания на них скота регулируются человеком, т. е. предопределены прежде всего социальными факторами - владением либо традиционной закрепленностью этих участков

за отдельными хозяйственными коллективами. Таким образом, возникает явление "перевыпаса" (выпаса поголовья скота, превышающего естественную емкость пастбища), приводящее к превышению "порога устойчивости" пастбищной экосистемы и деградации этого угодья.

Сам механизм воздействия домашних животных на ландшафт сводится к следующему. Существенное значение имеет нарушение биологического круговорота веществ, поскольку вместе с продукцией скотоводства из экосистемы безвозвратно изымаются аккумулированные в мясе и молоке микроэлементы и элементы минерального питания (5). Особенно велики эти нарушения при использовании кизяка в качестве топлива или при ночном содержании животных на пастбищах в постоянных загонах, где накапливается навоз. Наиболее важным, однако, является прямое влияние выпаса на растительный покров. Часть его уничтожается при поедании скотом, но в 3 раза больший урон причиняет вытаптывание (6).

При перевыпасе, когда возобновление поедаемых скотом растений прекращается, происходит смена видового состава вследствие резкого увеличения доли несъедобных видов в травостое. Появление лишенных растительности участков вызывает интенсивную водную эрозию или дефляцию; без растительного покрова почва к тому же быстро иссушается за счет усиленного испарения. Кроме того, под непосредственным механическим воздействием копыт пасущихся животных тяжелые почвы (глинистые и суглинистые) сильно уплотняются и их влагоемкость понижается, а легкие почвы (супеси и пески), напротив, разрыхляются. Первое способствует дальнейшей активизации водной эрозии, второе усиливает дефляцию. В засушливых областях уплотнение почв увеличивает также испарение почвенной влаги и грунтовых вод, что приводит к засолению пастбищ.

Таким образом, именно некомпенсируемое приростом изъятие биомассы, существенно меняющее растительный покров, является своего рода "спусковым крючком" процессов деградации пастбищ. Обусловленное этим многократное усиление эрозии и дефляции прежде всего означает вынос из

ландшафта плодородной почвы, т. е. общее падение биологической продуктивности территории. Ухудшающиеся условия существования растительности еще более снижают емкость пастбища и соответственно усугубляют выраженность перевыпаса. На определенном этапе прогрессирующее развитие эрозии или дефляции приводит к практически необратимым результатам. Тогда даже при условии полного прекращения выпаса скота для восстановления первоначальной растительности требуются уже не годы или десятилетия (как при обычных сукцессионных процессах), а многие века, ибо становится необходимым формирование нового почвенного покрова.

Случаи нерационального природопользования и соответствующих негативных изменений природной среды, в том числе из-за развития скотоводства, не раз имели место на протяжении истории человечества. Поэтому особую остроту приобретает вопрос о причинах, порождающих это явление. Признано, что исходными и предпосылочными функциями культуры каждого этноса являются адаптивные, обеспечивающие эффективное приспособление к природным условиям и их использование прежде всего в хозяйственной деятельности. Но столь же хорошо известно, что практически в любой культуре имеются также нейтральные или даже нерациональные с точки зрения их влияния на природную среду черты или приемы природопользования (7).

Сама по себе констатация наличия нейтральных либо нерациональных приемов природопользования в традиционных культурах еще не дает ответа на вопрос, почему такие этнокультурные черты вообще сформировались. Существуют разные объяснения этого феномена. Так, появление подобных черт в культурах этносов, находящихся на стадии присваивающего хозяйства, может выражать собой несовпадения или противоречия между объективно существующими, реальными условиями географической среды и их субъективным отражением в воспринимаемом людьми образе природных условий(8). Иными словами, именно своего рода "зазор" или разрыв между "действительной" и "познанной" картинами мира заполняется несущими нейтральные либо негативные (с точки зрения природопользования) функции элементами традиционной культуры.

Однако установлено, что находящиеся на стадии производящего хозяйства народы в целом хорошо понимают причины и возможные пути устранения негативных антропогенных изменений природной среды (9). В этом плане не составляет исключение и оценка кочевниками и полукочевниками Старого Света, пастушескими народами горных регионов Евразии и скотоводческими племенами Черной Африки феномена "перевыпаса", который особенно обостряется в худшие по погодным условиям годы (10).

Нельзя не признать, однако, что в традиционном хозяйстве нет механизма, предотвращающего это явление. Так, в хозяйственно-культурных типах с ведущей ролью скотоводства весьма значительную или даже бóльшую часть поголовья скота обычно составляют животные средних по достатку семей, а их обеспеченность домашним скотом чаще всего близко соответствует насущным потребностям в продуктах скотоводства. Поэтому необходимое в неблагоприятный год для устранения перевыпаса резкое сокращение поголовья могло бы привести к лишению населения существенной либо даже основной части продуктов скотоводства, предназначенных для питания или обмена. Причем эти последствия ощущались бы не только в неудачный и требующий подобной меры год, но и в течение ряда последующих благополучных лет, пока полностью не восстановится требуемое количество скота.

Однако должны быть и еще какие-то скрытые в традиционных культурах причины, обусловливающие проявление нерациональных приемов природопользования и в благоприятные для хозяйственной деятельности годы. Так, если отмеченный выше фактор, мешающий предотвращению перевыпаса в неблагополучные годы, достаточно понятен, то значительно сложнее определить повод, порождающий стремление скотоводов к усиленному росту поголовья и, как следствие, появление перевыпаса даже в неплохие по погодным условиям годы.

Примеров последнего, однако, немало. К тому же достаточно часто отмечались случаи, когда скотоводы увеличивали поголовье до таких размеров, что часть продукции им была просто не нужна и потому фактически не использовалась. Но несмотря на отчетливые и осознаваемые людьми проявления перевыпаса, ведущее традиционное хозяйство население тем не менее не стремилось снизить размеры стада за счет убоя либо продажи этих "лишних" животных. Данное явление известно в иностранной научной литературе как "экономическая иррациональность традиционного скотоводства". Благодаря ему, как ныне считают многие зарубежные экологи, географы и биологи, скотоводы развивающихся стран неминуемо разрушают природную среду, вызывая развитие антропогенного опустынивания (11).

В прошлом, особенно среди специалистов естественнонаучного профиля, довольно широкое распространение получило тривиальное объяснение наличия указанного "излишнего" поголовья как следствия связанных со скотом престижных или религиозно-мистических представлений, господствующих в традиционных культурах скотоводческих народов (12). Однако эти реально существующие представления, видимо, не являются первопричиной стремления скотоводов к максимальному увеличению стада, скорее они лишь отражают и идеологически закрепляют необходимость подобных действий. В зарубежной литературе помимо этой "престижно-религиозной" анализируется еще целый ряд причин, которые побуждают скотоводов доводить поголовье до размеров, превышающих текущие потребности в продуктах скотоводства и емкость используемых пастбищ (13). Видимо, можно согласиться, что все они вполне вероятны и в отдельных случаях ведущее значение может приобретать почти любая.

Однако весь этот комплекс мотивов, верований и представлений в определенной своей части является вторичным, базирующимся на одной действительно ведущей причине, которая реализуется на всем протяжении истории традиционного номадного и подвижного скотоводства, от их возникновения и до последних этапов перерождения в фермерское

товарное животноводство. Данная причина является в сущности культурно-экологической, поскольку обеспечивает сохранение традиционного хозяйственного уклада в меняющихся год от года условиях природной среды.

Этот парадоксальный на первый взгляд вывод основан на следующих заключениях. Многочисленные исследования американских эколого-антропологов показали, что в механизмах культурной адаптации чаще всего отражается не некое "среднее многолетнее" состояние природной среды, а наиболее тяжелые ситуации, неоднократно возникающие на протяжении жизни одного поколения. Последнее в полной мере относится и к экологическому поведению скотоводческих народов (14).

Как известно, в особо неблагоприятные годы возможны массовые падежи скота от бескормицы; в тропиках они обычно случаются непосредственно во время засух, а в умеренном и субтропическом поясах - чаще зимой, следующей за особо засушливым летом (15). При этом в одной местности доля погибших животных у хозяев как крупных, так и небольших стад бывает примерно одинаковой. Но владелец очень большого стада, потеряв, допустим, половину скота, все же может продолжать вести традиционное хозяйство, поскольку и уцелевшего поголовья достаточно для снабжения его семьи продуктами питания хотя бы на минимальном прожиточном уровне. В последующие благоприятные годы размеры стада могут быть вновь значительно увеличены, с тем чтобы повысить жизненный уровень и гарантировать устойчивость хозяйства, учитывая возможные крупные потери и в будущем. Однако семья, у которой количество домашних животных не превышало существенно прожиточный уровень, в случае потери половины стада попадает в критическое положение. Не имея более возможности вести самостоятельное скотоводческое хозяйство, ее члены вынуждены работать на соседей-богачей либо переключиться на преимущественно земледельческое хозяйство, или же вообще жить за счет подаяний (16). К тому же чем меньше животных выжило, тем

отдаленнее перспектива восстановления необходимого для жизнеобеспечения пострадавшей семьи поголовья скота.

Факты, доказывающие периодичность массовых падежей скота при номадном или подвижном скотоводстве и обусловленное этим стремление скотоводов к максимальному увеличению поголовья скота несмотря на серьезную перегрузку пастбищ, весьма многочисленны. Зарубежная эколого=антропологическая литература изобилует подобными сюжетами из жизни современных скотоводческих групп населения Африки и Азии. Но и в отечественных работах, например, по скотоводству народов Кавказа в конце XIX-начале XX в., встречаются очень яркие примеры такого рода.

В частности, стремление к наибольшей численности скота было зафиксировано у полукочевых и кочевых групп азербайджанцев (17). Использовавшиеся ими Агманганские (Малый Кавказ) высокогорные летние пастбища в самом конце XIX в. представляли, со слов очевидца-ботаника, такую картину: "Уже в конце июня, следовательно, когда разгар цветения еще не наступал, я видел здесь огромные пространства, растительный покров которых был буквально выстрижен до корня острым зубом коз и овец"(18). На основании многих подобных фактов у дореволюционных исследователей сложилось мнение, что "в большинстве случаев они (кавказские скотоводы - А. Я.) бывают глухи ко всем соображениям о тесноте пастбищ и, выгоняя скота более, чем может поместиться на пастбищах, обрекают скотину на некоторое голодание, а пастбища - на быстрое ухудшение"(19). Высказывалось даже такое ошибочное положение, что будто бы "кавказские горцы, по-видимому, не дошли до того, чтобы определять число животных, которое можно выпускать на пастбища без вреда для последних"(20).

Несмотря на не всегда верную интерпретацию породивших его причин, сам факт почти повсеместной перегрузки пастбищ на Кавказе в конце XIX-начале XX в. был установлен достаточно точно. Но в то время характерной чертой кавказского скотоводства, ведшегося исключительно традиционными методами, были повторяющиеся массовые падежи

скота от бескормицы (21). Так, зимой 1883/84 г. западные группы кочевых и полукочевых азербайджанцев потеряли на Караязских кишлагах 120 тыс. овец, т. е. намного более половины поголовья, ибо даже на следующий год после летнего сезона размножения они вернулись на эти зимние пастбища всего со 182 тыс. голов овец (22). Азербайджанские кочевники-шахсевены на зимних пастбищах Муганской степи в сезон 1871/72 г. лишились более 70% овец и около 50% поголовья других животных (23), а зимой 1948/49 г. у них пало от 80 до 90% скота (24). В зимы 1873/74 и 1883/84 гг. были также отмечены массовые падежи скота у восточногрузинских скотоводов (тушин, пшавов и др.) на пастбищах Тифлисской губернии (25). В степях Северного Кавказа кочевники-ногайцы из-за буранов в зимы 1888/89 и 1893/94 гг. каждый раз лишались примерно половины всего поголовья (26).

Нестабильность поголовья и периодические падежи скота из-за бескормицы косвенно подтверждаются еще и тем, что в качестве противовеса этим неблагоприятным и относительно частым явлениям скотоводы Кавказа выработали специальный социальный институт - безвозмездную передачу дальними родственниками и соседями скота разорившейся семье (27). В Азербайджане и Армении этот обычай был известен под названием "тамаэлух", у осетин и грузин Юго-Осетии - "очхари"; бытовал он и среди карачаевцев (28). Кстати, то же самое практиковали и кочевые скотоводы Ближнего и Среднего Востока (29). Еще бо́льшую роль в стабилизации системы жизнеобеспечения скотоводческих народов играли различные формы временной передачи обедневшим родственникам и соседям скота на выпас с правом потребления молочных продуктов и присвоения части приплода.

Таким образом, именно необходимость сохранения традиционного хозяйства и образа жизни при повторяющихся неизбежных массовых потерях скота вызвала закрепившееся в виде различных верований и представлений стремление скотоводов к увеличению поголовья сверх необходимого для удовлетворения потребностей в продуктах питания и объек-

тах обмена. Иными словами, эта "экономическая иррациональность" имеет веские культурно-экологически обусловленные причины, что убедительно доказали Г.Ашманн и Д.Кэмпбелл (30).

Однако подобная стратегия, страхуя от полного разрушения хозяйства при катастрофических изменениях природных условий, одновременно вызывает нерациональную перегрузку пастбищ в значительно более частые относительно неблагоприятные по погодным условиям годы. В ряде случаев она, вероятно, и в прошлом могла приводить к существенным негативным последствиям, подрывавшим пастбищную базу скотоводства. В последние же десятилетия, когда при быстром росте населения и поголовья скота практически прекратились столкновения из-за земельных угодий и насильственное перераспределение территорий, данная социокультурная установка приводит к деградации пастбищ на обширных пространствах Африки и Азии.

Видимо, нельзя поэтому однозначно охарактеризовать культурную адаптацию скотоводов как исключительно рациональную и успешную либо, напротив, как внутренне противоречивую и постоянно несущую в себе вероятность экологического кризиса. Выводы подобного рода могут быть оправданы лишь по отношению к конкретным хозяйственным коллективам скотоводов, рассматриваемым на протяжении определенного и достаточно длительного периода времени. В прошлом, когда действие этой установки на создание страхового избыточного поголовья отчасти компенсировалось частыми угонами домашних животных враждебными группами и вооруженными столкновениями с ними из-за пастбищ, ее разрушительные для природной среды последствия проявлялись в значительно меньшей мере.

К сожалению, современное тревожное и все более ухудшающееся состояние пастбищ и вообще природной среды в регионах распространения традиционных типов скотоводства объясняется уже не только действием указанного стремления скотоводов к созданию своего рода "резервного" поголовья. Данная установка, закрепленная в соционормативной и гуманитарной сферах традиционных культур скотоводческих народов, в настоящее время во многих местах уже начинает заметно ослабевать в связи с общей трансформацией образа жизни этих народов, возрастающей ролью в их жизнеобеспечении покупных продуктов питания и распространением практики эпизодической работы по найму. При этом, однако, никаких тенденций к сокращению поголовья скота обычно не наблюдается, так что явления перевыпаса не только не исчезают, но в ряде случаев еще более усугубляются. Подобное положение объясняется тем, что в последнее время проявилась еще одна, но опять-таки в значительной своей части коренящаяся в традиционных культурах скотоводческих народов причина нерационального использования ими пастбищных угодий.

Дело в том, что традиционный хозяйственный уклад, основанный на почти полном самообеспечении средствами существования либо предусматривавший натуральный товарообмен с соседними земледельческими народами, у большинства современных скотоводов Африки и Азии (равно как и на Кавказе с конца XIX в.) претерпел существенные изменения. Они оказались втянутыми в товарно-капиталистические отношения и все более активно поставляют продукты скотоводства на местные рынки. Таким образом, их зависимость от домашних животных не уменьшилась, ибо скот дает уже не только основную часть продуктов питания, но и денежных средств. Вместе с тем приемы природопользования и прежде всего общинный характер владения пастбищными угодьями при сохранении традиционных способов составления стад, выбора маршрутов перегона скота и пастьбы домашних животных остались практически неизменными. Именно это противоречивое сочетание в жизни современных скотоводов давних традиций природопользования с совершенно новыми для них задачами хозяйственной деятельности (производство продукции скотоводства на продажу) и породило феномен, наиболее известный в зарубежной литературе под названием "трагедии общих ресурсов" (tragedy of the commons). Как раз в нем большинство современных специалистов видит еще одну и,

пожалуй, ныне самую важную причину хищнического использования и прогрессирующей деградации пастбищных ландшафтов в развивающихся странах (31).

На территориях, где в полной мере проявляет себя "трагедия общих ресурсов", люди фактически преследуют те же цели - получить возможно больше продукции скотоводства и как можно скорее, и достигают их ценой разрушения пастбищ. Биолог Г. Хардин (32) обосновал данную гипотезу в более общем плане, т.е. как своего рода теоретическое объяснение, приложимое к таким не имеющим внутренних ограничителей и неминуемо ведущим к катастрофе процессам, как рост населения, загрязнение окружающей среды и т.п.

Классическим проявлением механизма действия таких процессов Хардин считает традиционное скотоводство; именно на его примере он предпочел раскрыть "трагедию общих ресурсов". Суть ее выражается в следующем. Если какие-либо ресурсы (например, пастбище) находятся в совместном владении или пользовании группы людей (община скотоводов), то каждый член данной группы прямо заинтересован в максимально возможном увеличении эксплуатации этих ресурсов (рост численности его скота, выпасаемого на общинном пастбище), поскольку прибыль (прибавление общей продукции скотоводства по мере укрупнения его стада) достается лично ему одному. Ущерб же, наносимый при этом общинным ресурсам (истощение пастбища) и сопутствующее усложнение их дальнейшего использования (падение продуктивности каждого животного по мере обострения нехватки кормов из-за роста общего количества скота на данном пастбище), напротив, в равной степени затрагивают всех. Притом это происходит совершенно независимо от того, насколько активно каждый из членов данной группы эксплуатирует общинные ресурсы и какой ущерб причиняет им лично он сам. (Снижение продуктивности и ухудшение состояния животных от недостатка кормов одинаковы у малоскотных хозяев и у владельцев крупных стад.) Таким образом, общинное владение в действительности провоцирует хищническое отношение к природным ресурсам и потому неминуемо наступает момент

их окончательного исчерпания. Соответственно это означает катастрофу для базирующейся на использовании данных ресурсов общины. В нашем примере это опустынивание пастбища, массовый падеж скота, голод и разорение скотоводов.

Несмотря на убедительность доводов Г.Хардина, как раз в случае их применения к анализу традиционного скотоводства необходимо соблюдать большую осторожность. Во-первых, индивидуальные владельцы домашних животных могут увеличивать материальные доходы при постоянном приросте поголовья (а потому и должны быть заинтересованы в таком неограниченном приросте) лишь в случае регулярной реализации излишней продукции на рынке. Но подобное положение складывается только при перерождении традиционного скотоводства в товарное,что происходит за сравнительно небольшой отрезок времени. Во-вторых, в этот переходный период еще сказывается затухающее влияние закрепленного в традиционных культурах скотоводческих народов стремления к созданию избыточного страхового резерва скота на случай его вероятных массовых падежей в неблагоприятные годы.

Таким образом, наблюдаемое ныне истощение и опустынивание пастбищ в районах распространения традиционных или близких к ним типов номадного и подвижного скотоводства вызвано, наряду с общим ростом населения и поголовья скота, действием еще двух зачастую проявляющихся одновременно причин. Их объединяет принадлежность к традиционному компоненту культур скотоводческих народов. Та, что больше известна под малоудачным названием "экономической иррациональности", сформировалась, видимо, одновременно с зарождением скотоводства и в настоящее время исчезает в процессе трансформации традиционного хозяйственного уклада. Вторая, чаще всего выраженная понятием "трагедии общих ресурсов", возникла только на этапе разложения традиционного хозяйства и соответственно исчезнет лишь при сложении животноводства фермерского типа. Поэтому в исследованиях современного состояния и особенно при прогнозировании будущей ситуации с пастбищными ресурсами развивающихся стран необходимо учитывать эту двойственную природу

нерационального природопользования скотоводческих народов.

С методологической же точки зрения особый интерес представляет экологическая подоплека феномена "экономической иррациональности" традиционного скотоводства. Сказанное выше позволяет заключить, что, вероятно, главным критерием успешности этнокультурной адаптации к условиям природной среды служит все же сам факт длительного существования группы населения, являющейся носителем определенного культурного комплекса на освоенной ею территории. Сущность адаптивного поведения человека заключается в стремлении к выживанию и сохранению основных черт традиционной культуры в меняющихся вследствие природных и антропогенных изменений ландшафтов условиях географической среды.

Но это позволяет также по-новому взглянуть на некоторые из широко употребляемых терминов. По предложению С.А.Арутюнова (33) в нашей этнографической и этноэкологической литературе приемы и методы традиционного хозяйства, наносящие ущерб природной среде, стали называть экофобными, а предохраняющие от серьезных нарушений - экофильными. Оба понятия несут в себе однозначную ценностную информацию: экофобное - плохое, экофильное - хорошее. Однако точка зрения для выставления подобных оценок экологическим последствиям деятельности человека из традиционного общества выбрана, кажется, не вполне удачно. В данном случае был заимствован типичный для ряда биологов и физико-географов ограниченный естественнонаучный подход, когда во главу угла ставится и объявляется абсолютной ценностью сохранение природных экосистем (или ландшафтов) в их естественном состоянии, а деятельность человека оценивается по ее влиянию на выполнение этой задачи. Но ведь если довести такую мысль до логического конца, то придется признать, что наиболее экофильным был бы полный отказ от использования природных ресурсов на наибольшей территории.

Признание самостоятельной и многообразной ценности для человечества природных и малоизмененных ландшафтов - это особенность еще только формирующейся экологической культуры развитого постиндустриального общества, и потому

лишь в таких условиях имеет смысл говорить о реальной экофилии или экофобии, проявляющихся в действиях людей. На предшествовавших же этапах истории общество в своих взаимоотношениях с природой преследовало существенно иные цели, и эту принципиальную разницу желательно отразить в используемых этноэкологами терминах.

Видимо, в этнографических исследованиях вместо антитезы "экофильная/экофобная черта культурной традиции" предпочтительнее употреблять оппозицию "рациональный - нерациональный прием природопользования", что более точно передает экологические последствия хозяйственной деятельности в традиционном обществе. Многие (но, естественно, не все) нерациональные в определенный промежуток времени приемы природопользования в конечном итоге оказываются по сути своей адаптивными, а потому вряд ли целесообразно именовать их экофобными. Иначе говоря, если за точку отсчета при оценке степени "экологичности" человеческой деятельности взять сохранение соответствующей группы населения и ее культуры на освоенной территории, то, как показывает пример традиционного скотоводства, некоторые из периодически приводящих к нерациональному природопользованию приемов ведения хозяйства оказываются не только необходимыми, но и единственно возможными. Ведь именно они обусловливают длительное и относительно устойчивое функционирование соответствующей этноэкосистемы и в конечном счете сохранение всех составляющих ее компонентов.

Литература

1. Андрианов Б. В. Неоседлое население мира. М., 1985. С.246-248.
2. Герасимов И. П. Экологические проблемы в прошлой, настоящей и будущей географии мира. М., 1985. С.166-174, 221-226.
3. Исаков Ю. А., Казанская Н. С., Тишков А. А. Зональные закономерности динамики экосистем. М., 1986. С.61.
4. Одум Ю. Экология. М., 1986. Т.2. С.165, 168.
5. Круговорот вещества в природе и его изменение хозяйственной деятельностью человека. М., 1980. С.162.
6. Арманд Д. Л. Наука о ландшафте. М., 1975. С.219.

7. А р у т ю н о в С. А. Культурологические исследования и глобальная экология // Вестн. АН СССР. 1980. N 12. С.96; К о з л о в В. И. Основные проблемы этнической экологии // Сов. этнография. 1983. N 1. С.4.

8. L a u g h l i n C. D., B r a d y I. A. Introduction // Extinction and survival in human populations. N. Y., 1978. P.7.

9. М и р о н о в Б. Н. Историк и социология. Л., 1984. С.129.

10. P a i n e R. Animals as capital // Anthropological Quartely. 1971. Vol.44, N 3. P.164; H e l l a n d J. Five esseys on the study of pastoralists and the development of pastoralism. Bergen, 1980. P.95.

11. S t i l e s D. Relevance of the past in projections about pastoral peoples // The future of pastoral peoples. Ottawa, 1981. P.370.

12. Д о р с т Ж. Влияние человека на природу // С м и т Р. Л. Наш дом планета Земля: Полемические очерки об экологии человека. М., 1982. С.129; М а к с и м о в А. Н. Скотоводство малокультурных народов // Учен. зап. Ин-та истории РАНИИОН. М., 1927. Т.2. С.7.

13. L i v i n g s t o n e I. Irrationality among pastoral peoples: Myth or reality? // Development and Change. 1977. Vol.8, N 2. P. 210-217.

14. A l l a n d A., M c C a y B. The concept of adaptation in biological and cultural evolution // Handbook of social and cultural anthropology. Chicago, 1973. P.172; B e n n e t t J. W. Ecosystemic effects of extensive agriculture // Annual Review of Anthropology. 1973. Vol.2. P.45.

15. Р а к и т н и к о в А. Н. Центральный Тянь-Шань и Иссык-Кульская котловина: Вопр. построения горного животноводческого хозяйства. М.;Л., 1936. С.95, 98.

16. B r a d b u r d D. Volatility of animal wealth among Southwest Asian pastoralists // Human Ecology. 1982. Vol.10. N 1. P.101.

17. К а л у г и н И. И. Проект (предварительный) мероприятий по улучшению животноводства Азербайджана. Баку, 1928. С.5.

18. Х о ц я т о в с к и й И. Обзор флоры окрестностей озера Гокча // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1900. Т.27. С.31. (далее: СМОМПК).

19. В е р м и ш е в Х. А. О скотоводстве на Кавказе в связи с пастбищным вопросом // Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. Тифлис, 1887. Т.1. С.92. (далее: МУКЛЗПИСК).

20. Г е е в с к и й В. Н. О состоянии скотоводства в верховьях рек Терека и Белой Арагвы // МУКЛЗПИСК. 1887. Т.1. С.261.

21. В е р м и ш е в Х. А. О скотоводстве... С.90-91.

22. Е р и ц о в А. Д. Экономический быт государственных крестьян Казахского уезда Елисаветпольской губернии // Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис, 1886. Т.2. С.138.

23. Р о с т о п ч и н Ф. В. Заметки о шахсеванах // Сов. этнография. 1933. N 3/4. С.104.

24. T a p p e r R. L. Pasture and politics: Economics, conflict and ritual among Shahsevan Nomads of Northwestern Iran. L., 1979. P.59.

25. Г е е в с к и й В. Н. О состоянии скотоводства... С.290.

26. Ф а р ф о р о в с к и й С. В. Ногайцы Ставропольской губернии // Зап. Кавказ. отд. Рус. Географ. об-ва. Тифлис, 1909. Кн.26, вып.7. С.9.

27. Ч у р с и н Г. Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913. С.29.

28. К и р ш А. А. Очерки сыроваренных заводов на Северном Кавказе // МУКЛЗПИСК. 1887. Т.1. С.63; Ч и к о в а н и Т. Формы коллективного труда у двалетских осетин // Кавказский этнографический сб. Тбилиси, 1980. Т.5, вып.3. С.189; Ш а в е р д о в С. "Тамазлух", или Обычай взаимного вспомоществования домашним скотом // СМОМПК. 1889. Т.7. С.64.

29. M a r x E. Ecology and politics of Nomadic pastoralists in the Middle East //The Nomadic alternative. The Hague, 1978. P.67.

30. A s c h m a n n H. Comments on the symposium "Man, culture and animals" // Man, culture and animals. Wash., 1965. P. 266-268; C a m p b e l l D. J. Response to drought among farmers and herders in Southern Kajiado district, Kenya // Human Ecology. 1984. Vol.12, N 1. P.43-44.

31. О д у м Ю. Экология. Т.1. С.146.

32. H a r d i n G. The Tragedy of the Commons // Science. 1968. Vol.162, N 3859. P.1244.

33. А р у т ю н о в С. А. Культурологические исследования... С.96.

Э. С. К у л ь п и н

ПРИРОДНЫЙ ФАКТОР В СТАНОВЛЕНИИ КИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Нет сомнений, что на своеобразие китайского этноса, его материальную культуру, особенности хозяйства и духовную жизнь повлияла окружающая природная среда. Однако четкого представления о том, как реализовалось воздействие природы, нет.

Относительно хорошо мы знаем историю Китая последних двух тысяч лет. Но в этот интервал времени в местах постоянного проживания китайцев с древности основные природные составляющие – вмещающий ландшафт, климат, почвы, флора и фауна – мало менялись (например, в сравнении с Европой). Сложение китайского этноса, его определяющих черт произошло ранее. До нашей эры уже сформировался антропогенный ландшафт со всеми вытекающими отсюда последствиями для почв, флоры и фауны, четко обозначилась ориентация в хозяйстве – на трудоемкое, трудоинтенсивное, высокопродуктивное земледелие, в основе зерновое, которому подчинялись все другие отрасли хозяйства, в пище – на растительную, преимущественно злаковую, овощи и фрукты, а также рыбу, при низком потреблении мяса. В Китае не было молочного животноводства, виноградарства и разведения оливок, столь характерных для Европы.

Вместе с тем неясно, когда, как, насколько и какие именно изменения в природе воздействовали на возникновение и развитие отличительных черт хозяйства и быта, мировоззрения китайцев и как, в свою очередь, развитие китайской цивилизации отразилось на природных процессах. Характер представлений по этим вопросам обусловлен уровнем развития не только гуманитарных, но и естественных наук.

Исследователи до сих пор спорят о глобальной истории климата в эпоху голоцена, т.е. послеледниковой, современной геологической эпохи. Подавляющее большинство исследователей берут за основу схему Блитта – Сернандера,

разработанную на базе динамики климата Скандинавии, модернизированную и распространенную ныне в качестве глобального хронолого-палеографического эталона. Однако современные исследования недвусмысленно доказывают необходимость отказа от концепции полной синхронизации изменений климата всех регионов мира (1). Нет единства мнений относительно времени климатического оптимума голоцена и температурного максимума климатического оптимума (2). Сами сроки, да и разница во времени для историка весьма существенна, поскольку история цивилизаций много короче геологических эпох.

Если обратиться к сведениям о региональных и локальных изменениях климата, то нужно отметить, что сведения о них базируются прежде всего или исключительно на знаниях о флоре и фауне, выявленных либо археологическими раскопками, либо почерпнутыми из письменных источников. Общепризнано, что один из главных путей реконструкции климата прошлого – это реконструкция типа растительности, биоты (3). Поль Б.Серс, отражая мнение современных климатологов, пишет: "Насколько мне известно, ни один из видов растений или животных не в состоянии далеко переступить границы свойственной ему климатической области"(4).

Однако точность сведений о климате на основании знаний о биоте не абсолютна. В.П.Гричук отмечает: "Тесные связи растений и растительных сообществ с климатом несомненны, но также несомненно и то, что эти связи весьма и весьма сложны"(5). Эта сложность, в частности, объясняется тем, что смена растительности запаздывает по сравнению с изменением климата и по ней не всегда легко отделить влияние температуры от влияния увлажненности (6).

Лишь изредка мы можем проверить достоверность того, что сообщают так называемые нарративные, повествовательные источники – литературные произведения, сочинения древних историков и официальные документы. Так, редакторы "Истории древнего мира" относительно древнего Китая подчеркивают, что его история базируется почти исключительно

20.Зак.1376

на нарративных источниках, документальных же "до обидного мало. Археология Китая находится, по=видимому, лишь в своем начальном периоде, несмотря на сделанные уже крупные открытия", - пишут они.(7)

Недостаточность источников существенно ограничивает возможность получения достоверных выводов, требует дифференциации источников по степени этой достоверности, но не закрывает дорогу объективному исследованию, целью которого является не столько получение окончательных истин, сколько создание представлений об излагаемом предмете на уровне знаний современной науки. Так, на основании сегодняшних знаний о глобальных изменениях климата относительно Китая можно сделать вывод о том, что зарождение китайской цивилизации произошло в конце эпохи, климатические условия которой были очень благоприятны для сельскохозяйственной деятельности.

Наши представления о природной среде существования протокитайского этноса складываются в такую картину:

Предки древних китайцев в III-II тыс. до н.э. проживали в речных долинах среднего и нижнего течения Хуанхэ. К узким полоскам земли - плодородным поймам - вплотную примыкали девственные леса, занимавшие в то время обширное пространство Лессового плато. В лесах водились носороги, тапиры, кабарги, бамбуковые крысы, слоны и другие животные тропиков и субтропиков. На Среднекитайской равнине произрастали субтропические деревья, кустарники и другие растения (8). Подобные свидетельства позволяют предположить, что средняя температура января - самого холодного месяца - не падала в то время ниже 0 °C. Отметим, что в настоящее время интервал изотерм января с севера на юг этой равнины составляет $-10^{\circ} - 0^{\circ}$C.

Местные природные факторы - наличие больших пространств лесных массивов, водной артерии Хуанхэ, а также глобальные факторы - особенности колебаний температуры и влажности в восточной Евразии способствовали более влажному климату, чем в настоящее время, когда годовые суммы осадков на Среднекитайской равнине колеблются в пределах от 200 до 750 мм. Во II тыс. до н.э., как свидетельствуют многочисленные данные иньских надписей, древнекитайское земледелие было независимо от искусственного орошения. На иньских стоянках археологи находят следы многочисленных дренажных каналов (9).

Помимо земледелия в хозяйственной деятельности жителей бассейна Хуанхэ во II тыс. до н.э. большое место занимали охота и рыболовство, а также собирательство. Л.С.Васильев отмечает очень важную роль Хуанхэ для людей, живущих на ее берегах: разливы реки приносили на пойму плодородный ил - залог хороших урожаев, сама она была широким полем для добычи рыбы и водоплавающей птицы, а также важнейшей предпосылкой создания и развития инфраструктуры, ибо обеспечивала наиболее дешевый и простой путь из всех возможных путей сообщения вплоть до нового времени. Наконец, полноводная Хуанхэ в окружении девственных лесов способствовала мягкому, влажному микроклимату (10).

Надо полагать, что когда в трактатах позднейшего времени о III-II тыс. до н.э. говорилось, как о "золотом веке", это являлось не просто традиционной для всех времен и народов идеализацией старины. С точки зрения природных условий и демографического давления на землю эта эпоха оказалась действительно чрезвычайно благоприятной.

Однако при огромных богатствах природных ресурсов население бассейна Хаунхэ было относительно малочисленным, так как поймы рек не могли вместить большого количества людей. Демографический рост регулировался количеством наличного продовольствия, издержками добычи продовольствия в лесах и на воде, войнами с соседями. Деятельность человека еще не нарушала естественный ландшафт, флору и фауну, а глобальное похолодание еще не

началось. Экологическое равновесие в то время поддерживалось естественным путем *.

В первом тысячелетии до н.э. природные условия Среднекитайской равнины существенно изменились. Стало суше и значительно холоднее. Сократился вегетационный период, из лесов постепенно исчезали влаго- и теплолюбивые растения. Повсеместно необходимым условием для роста культурных растений вместо дренажирования стало орошение. К началу нашей эры режимы влажности и температуры были уже такими же, как и в наши дни. А в новое и новейшее время неорошаемые земли Лессового плато на территории провинции Шаньси, например, давали на каждые 11 лет 10 плохих урожаев или полных неурожаев. После основательного анализа климатических условий Китая К.-А.Виттфогель отнес эти земли в группу, где орошение создает "саму возможность земледелия"(12).

Насколько сузились возможности древних китайцев жить охотой и собирательством, можно судить хотя бы по тому, что после похолодания на территориях к северу от хребта Циньлин в естественных условиях прекратилось произрастание множества видов растений, в том числе плодовых

---

* Следует отметить вместе с тем, что экологическая "идиллия", как свидетельствуют древнекитайские литературные памятники, в социальном плане таковой не была. До преобразований мифического героя Яо (III тыс. до н.э.) "народ питался дикими плодами, кореньями и моллюсками. Они источали ужасное зловонье и вредили желудку, отчего народ много болел", - сообщает древнекитайский трактат "Хань Фэй-цзы". Во время Яо даже сам великий правитель "питался грубым зерном, варил похлебку из диких трав, зимой носил шубу из оленьей шкуры, летом - платье из конопли. Другой легендарный правитель той же эпохи, Юй, сам шагал впереди своего народа с сохой и заступом, бедра у него были тощими (после голодных зимних месяцев - Э. К.), на голенях не было ни волоска, ныне даже труд раба не такой горестный" (11).

деревьев. Из последних остались немногие; в том числе из могущих играть важную роль в пище человека - лишь каштан и хурма, сохранившиеся до наших дней (13).

Компенсировать обеднение естественного животного и растительного мира можно было путем роста видового богатства в сельском хозяйстве и увеличения его производительности. Для этого у древнекитайского общества имелись необходимые предпосылки, так как сложение относительно развитой культуры земледелия уже произошло и была достигнута густота населения, необходимая для решения практических задач экспериментирования массой участников и для быстрого обмена информацией. Процессу создания культурных видов растений благоприятствовало и горное "окаймление" Северокитайской равнины на ее западной, южной и юго-восточной границах. В то время как на самой равнине число видов с похолоданием и аридизацией сокращалось, окружающие горы за счет локального разнообразия климатических, грунтовых и почвенных условий выполняли роль "убежищ" для сохранения древних флоры и фауны. Подобными "убежищами" человек всегда пользовался как биогенетическими банками при создании новых культурных растений и животных (14).

Количественные и качественные результаты процесса антропогенизации природы в Китае в общих чертах известны. Знакомство с китайской культурой привело Н.И.Вавилова к выводу "о полном своеобразии этой великой культуры, о совершенно уникальном составе культурных растений, об оригинальных агротехнических навыках, о полной самостоятельности древнего Восточно-азиатского очага, построившего свое сельское хозяйство на самостоятельных видах и родах растений", составивших почти 20% от мировой культурной флоры (15). Вместе с тем предки древних китайцев не сумели создать молочное животноводство и плодоводство, являющиеся важными источниками жиров, углеводов, протеинов. Роль плодовых деревьев в жизни человека в древнем Китае была минимальна, а молочного животноводства - ничтожна. В этом, несомненно, коренное отличие, определившее многие черты различия хозяйственной жизни и эволю-

ции производительных сил автохтонно развивавшихся европейской (средиземноморской) и дальневосточной цивилизаций. Напомним, что плодовые деревья, прежде всего маслина, а также каштаны, виноград, рожковые, грецкий орех, инжир, фундук, всегда находились в благоприятных почвенно-климатических условиях в Средиземноморье, широко произрастали в диком виде и сыграли видную роль в европейской цивилизации; они входили в состав основных продуктов питания широких народных масс. Средиземноморская цивилизация вообще не представляема без оливкового дерева, а климат Средиземноморья не случайно получил в литературе название "климата маслины"(16); возможно, что в жизни населения Средиземноморья плодовое дерево было предшественником культурных хлебных злаков. Даже после широкого распространения зерноводства земледелие Эллады оставалось ориентированным на масличные и виноград, а производство - на оливковое масло и виноделие. Италия, согласно древнеримским источникам, к началу нашей эры была почти сплошь покрыта садами и виноградниками, прерываемыми пастбищами и полями злаковых.

Иную картину представляли в те же века древнекитайские царства бассейна Хуанхэ. Здесь, кроме каштанов, не было других видов плодовых деревьев, известных Европе и дающих большие урожаи высококалорийных плодов. Если в Средиземноморье замена естественного ландшафта антропогенным происходила путем сведения лесов не столько под пашню, сколько под пастбища, сады, оливковые рощи, позднее - рощи других плодовых и технических культур, то в древнем Китае - почти исключительно под пашню. В результате там было распахано все Лессовое плато.

В настоящее время хорошо известно, что в условиях неизменного глобального климата именно замена естественного ландшафта антропогенным обычно приводит к сокращению видов флоры и фауны, к изменению в худшую сторону локальных климатов. При глобальных климатических сдвигах соотношение влияния антропогенных и климатических факторов на изменение природной среды меняется. Как считает большинство естественников, при глобальных изменениях климата роль остальных факторов отходит на второй план (17). Безусловно поэтому, что не вырубка лесов, а именно глобальные изменения климата 1 тыс. до н.э. стали причиной исчезновения теплолюбивых флоры и фауны, в том числе и культурных растений, а следовательно, невозможности сохранить неизменным сложившийся ранее жизненный уклад. Вырубка лесов также не могла принципиально изменить локальный климат, но она нарушила ход естественных процессов в самый уязвимый момент - смены биоты и почв. Старые биота и почвы были обречены на "умирание" глобальным похолоданием "железного века", но одновременно должны были родиться новые, которым из-за действий человека на больших пространствах уже не суждено было возникнуть естественным путем. Иными словами, человек усугубил здесь негативное влияние природы.

Можно следующим образом представить цепь причинно-следственных явлений в природе и жизни древних китайцев. Изменение природных условий в худшую сторону, вызванное глобальным похолоданием на рубеже II-I тыс. до н. э., а также процессом аридизации, начавшимся, как считает В.А.Ковда, 4-6 тыс. лет тому назад и продолжающимся до сих пор (18), сузило возможность добывать средства к существованию пойменным земледелием, охотой и собирательством. Общество встало перед дилеммой: либо деградировать, либо компенсировать потери за счет интенсивного или экстенсивного земледелия.

Есть основания полагать, что уже во второй половине II тыс. до н.э. иньцы собирали по два урожая в год с одного поля: проса и пшеницы (19). Сокращение вегетационного периоды в XI-IX вв. до н.э. лишало крестьян второго урожая при неизменных технике и технологии земледелия. Сохранить массу продуктов можно было либо за счет внедрения новой интенсивной технологии - скороспелых сортов и сокращением сроков страды, либо за счет расширения площади запашки. Частично первый, но более второй путь подра-

зумевает использование помимо мускульной силы людей и тягловой силы животных.

На рубеже III-II тыс. до н.э. имел место процесс перехода древних китайцев к пашенному подсечно-огневому земледелию, для которого характерна более высокая урожайность. В этот период в соху - лэйсы впрягались люди, да и другие сельскохозяйственные работы производились без мускульной силы домашних животных. С наступлением I тыс. до н.э. идет постепенная подготовка к новому качественному скачку в повышении производительности труда, начинают использоваться селекция риса, применяться органические удобрения (с YII-YI вв. до н.э.), с YI-У вв. до н.э. все больше становится ирригационных систем, как мельчайших и мелких, так и крупных, все более широко используется мускульная сила животных на пахоте, бороновании и молотьбе, появляются и находят широкое применение железные орудия труда (20).

По всей вероятности, выплавка железа в Китае начинается с периода Чуньцю - Весны и осени (YIII-У вв. до н.э.). При раскопках относящихся по времени к следующему историческому периоду - Чжаньго (У-III вв. до н.э.), обнаружены железные сошники, мотыги, лопаты, зубья борон, отвалы и т.п. "В это время без железа не мог обойтись ни крестьянин, ни ремесленник", - пишет Р.Ф.Итс (21). Чтобы оценить переворот в технике и технологии земледелия в середине I тыс. до н.э. в Китае, достаточно вспомнить, что недавняя "зеленая революция" складывалась из следующих составляющих: внедрение высокоурожайных сортов пшеницы и риса, химизация и механизация сельского хозяйства, сводимых в формулу: семена - удобрения - орудия труда. По сути дела, в древнем Китае также имела место "зеленая революция", осуществленная в более трудных условиях, чем сейчас.

Переход от собирательства и охоты к производящему хозяйству неизбежно вызывает быстрый демографический рост. Известные экологи Г.и Э.Одумы считают, что даже в тропических лесах, богатых природными ресурсами, на одном

квадратном километре может прокормиться не более трех человек (22). В лесах умеренного пояса этот показатель ниже. В древнем Китае с одного квадратного километра пашни могло прокормиться не менее 130 человек. Иными словами, теоретически в местах, пригодных для земледелия, население могло возрастать в десятки и даже сотни раз.

Если исходить из времени распространения железных орудий труда, интенсивная вырубка лесов китайцами на Лессовом плато имела место частично в период Весны и осени (YIII-У вв. до н.э.), но главным образом в период Сражающихся царств (У-III вв. до н.э.). По данным хроник, именно в период Чжаньго силами крестьян-арендаторов интенсивно осваивались новые земли, распахивались пустоши, сельское население Восточного Чжоу достигло 10-20 млн человек и стали наблюдаться явления аграрной перенаселенности (23). Вместе с этим изменился образ жизни людей, формировалось новое мировоззрение, которым с небольшими модификациями суждено было жить более 2 тыс. лет.

Эти изменения нашли свое отражение в литературных памятниках I тыс. до н.э. Так, в "Сюнь-цзы" утверждается, что как только стало возможным обрабатывать землю и этим кормиться, "для всего живого было так: есть земля - есть и жизнь, лишился земли - приходит смута". В "Мэн-цзы" говорится, что с тех пор, как Хоу-цзи - Князь-зерно, покровитель земледелия, "научил народ сеять и собирать урожай... У людей появились свои устои жизни", они стали "досыта питаться, тепло одеваться и жить в хороших условиях"(24).

По мере сведения новых лесных массивов и продвижения целинников все дальше от рек изменялась экологическая ситуация. Прежде всего уничтожались естественная флора и фауна. Защита окружающей среды стала настоятельной потребностью древнекитайского общества уже во второй половине I тыс. до н.э. В "Принципах правления совершенномудрого вана", наиболее четко и детально сформулированных в "Сюнь-цзы", рекомендовалось не облагать налогом охоту и рыболовство, но разрешать ее лишь в определенное время

года. Согласно этим принципам, под государственную охрану должны браться не только деревья и растения во время цветения, сухопутные и морские черепахи во время кладки яиц, простая и красная рыба во время икрометания, но также и хищный аллигатор, не только пруды, озера, реки, но также болота, необходимость которых для сохранения экологического равновесия осознана мировой наукой лишь в наши дни. Одновременно, в связи с исчезновением лесных массивов возникло требование систематических лесопосадок для предотвращения оголения гор (25).

По мере сведения лесов постепенно нарастало число неурожайных лет за счет ускорения процесса аридизации сначала микро-, а затем локального климата, и уже к началу н.э. один урожайный год приходился на десять неурожайных. Изменение такого соотношения становилось возможным лишь за счет искусственного орошения. Сначала можно было обходиться мелкими ирригационными сооружениями. Но большие площади новой запашки и все бо́льшая удаленность от Хуанхэ, обмеление ее мелких притоков после сведения лесов объективно требовали, чем дальше, тем сильнее, создания крупных ирригационных систем, непосильного для крестьянских общин, которые во II тыс. до н.э. строили лишь дамбы и дренажные каналы в поймах малых рек.

Распашка Лессового плато - ровной возвышенности, где естественными резервуарами влаги, как в нашей Беловежской пуще, могли быть только болота, означала, что земля, лишенная влаги и постоянной растительности легко разрушалась под действием атмосферной влаги и ветра. В.А.Ковда, анализируя причины мощной эрозии почв в лессовых северозападных районах Китая, отметил несколько основных: а) большая разница в высотах местности на коротких расстояниях из-за близости мирового базиса эрозии, каким является Тихий океан; б) непрерывно продолжавшиеся в Китае процессы значительного поднятия местности, что увеличивало склонность территории к эрозии; в) рыхлость и легкая размываемость лессовых толщ; г) ливневый характер осенних атмосферных осадков; д) почти полное отсутствие древесной

и кустарниковой растительности; е) распашка и использование под сельскохозяйственные культуры склонов и приовражных участков; ж) уничтожение на удобрения, на корм скоту и топливо травянистой и кустарниковой растительности в горах, на склонах холмов и вблизи оврагов, постройка дорог в верховьях оврагов с выемкой грунта (26).

Для предохранения плодородных почв от разрушения в принципе существует лишь один эффективный способ ведения земледелия: поддерживать их на самом высоком уровне производительности (27). Для этого требуются: 1) высокая культура земледелия; 2) круглогодичные, непрерывные трудоинтенсивные агротехнические мероприятия; 3) неукоснительное соблюдение технологической дисциплины; 4) искусственное орошение с возможностью использования на больших пространствах лишь воды крупных рек, т.е. создание крупных и крупнейших ирригационных систем; 5) создание мощного слоя искусственного чернозема путем постоянного и в больших количествах внесения органических удобрений (в таком хозяйстве обязательно наличие домашнего скота); 6) охрана основного производственного процесса от любых нарушений, начиная от войн и восстаний и кончая несвоевременными празднествами. Создать оптимальные условия функционирования хозяйственного механизма на больших территориях могло только централизованное государство.

При повышении эрозионной опасности неукоснительное соблюдение перечисленных правил хозяйствования гарантирует общество от экологического кризиса. Несоблюдение чревато не только экологическим кризисом, но, поскольку речь идет о продовольственной базе общества, экономическим, социальным и политическим кризисом. Поддержание почв на самом высоком уровне их производительности, с одной стороны, дает возможность получать максимальный при данном уровне развития производительных сил урожай с единицы площади и достигать наивысшей величины демографического давления на землю (28); с другой - ограничивает или полностью исключает применение на земледельческих работах людей слабо заинтересованных или вовсе незаинтересованных

в результатах труда, для древности - рабов; с третьей - снижает возможность извлечения прибавочного продукта деревни путем так называемой "барской запашки".

Необходимость выполнения требований, дающих возможность поддерживать почвы на самом высоком уровне их производительности, в древнем Китае была осознана и нашла отражение в рекомендациях литературных памятников. Уже тогда возникло правило: что из земли взято, должно быть возвращено в землю. "Когда в стране существует дао, лошади унавоживают землю", утверждается в "Дао дэ цзин". "Больше удобрять поля навозом, чтобы сделать их плодородными, - таковы обязанности простого народа", - гласит памятник IУ-III вв. до н.э. "Сюнь-цзы". Из "Мэн-цзы" известно, что удобрения были предметом купли-продажи в широком масштабе, по-видимому, еще до III в. до н.э. Удобрения ценились высоко и стоили недешево. В неурожайные годы "урожая не хватало на оплату удобрений"(29).

Что касается другого важного условия высокой производительности труда, то литературные памятники позволяют выделить следующие основные моменты. "Великий закон использования земли" запрещал в страду перемещения войск, церемонии, обряды, свадьбы, наем работников для личных целей земледельца. Требования были предельно жесткими, в идеальном варианте, "кроме стариков, никто не оставлял работу, кроме больных, никто не отдыхал, только смерть могла заставить покинуть работу". Кроме указанного в "Великом законе использования земли", было сформулировано еще пять запретов, относящихся к полевым работам: "если поля не перепаханы как следует, то нельзя заниматься обработкой конопли и нельзя вывозить навоз. Если человек по возрасту не стар, то он не смеет работать в саду или огороде. Если при расчете (рабочей) силы недостает, то нельзя копать канавы, а надо пахать землю. Земледельцы не смеют заниматься торговлей и не вправе заниматься другими делами, ибо все это вредит сезонным работам в земледелии". В "Хань Фэй-цзы" для эффективного ведения земледелия давались дополнительные рекомендации для государст-

венных чиновников разных рангов: не менять профессии людей, не снимать работающих со своих мест и не перемещать территориально. Специально подчеркивалось: "когда используя большую массу людей, много раз перемещать их с места на место, то успехи будут незначительны". В "Сюнь-цзы" содержится требование сократить число торговцев, уменьшить трудовые повинности крестьян, "не отнимать у крестьян время". В "Люй-ши чунь цю" рекомендуется закрепить крестьян за своими местами жительства: "Если крестьяне не относятся к одной фамилии, то нельзя жениться вне своей деревни, а девушкам выходить замуж в чужие селенья, чтобы земледельцы оставались на месте". В трактате "Гуань-цзы" содержатся особенно жесткие, регламентирующие все стороны повседневной жизни рекомендации. Все они направлены на достижение одной цели: гарантирование организации основного производственного процесса - земледелия (30).

Ученые, писавшие в древнем Китае трактаты, ходили по стране в поисках работы в качестве советников по реформам при правителях и стремились претворять свои идеи в жизнь. Известно, что руководящие должности почти все они занимали, но свои идеи претворяли в жизнь не всегда. Мы не знаем, насколько последовательно и в каком объеме положения их трактатов становились обязательными для исполнения, но об одном можно сказать совершенно уверенно: появление подобных рекомендаций было не случайным, проблемы взаимоотношения человека и природы были подняты, хотя и не в полном объеме, и многие решения, хотя бы на теоретическом уровне, были найдены уже в то время.

О том, насколько древние китайцы выполняли условия максимальной производительности земли: эксплуатируй, не нарушая законов природы, сохраняя и развивая животворную способность, насколько они в большом и малом подчиняли свою жизнь этим законам, можно судить лишь по косвенным результатам. Известно, что в эпоху Лего и Чунь-цю (УIII-У вв. до н.э.) выделялось пять сильнейших царств: Ци, Сун, Цзинь, Чу, Цинь. В следующую - Чжаньго (У-III вв. до

н.э.) число, набор и порядок по степени убывания силы царств стал иным: Цинь, Чу, Ци, Хань, Чжао, Вэй, Янь (31). Разумеется, на изменение полюсов силы повлияли разные обстоятельства. Трудно определить насколько, но несомненно важную роль сыграли и природные ресурсы государств. Отметим, что новые сильные царства - Чжао и Вэй лежали на распаханном в эпоху Чжаньго Лессовом плато, также как и Цинь, ставшее из сравнительно слабого государства эпохи Лего самым сильным в Чжаньго.

Более точные сведения об экономическом развитии и численности населения в районах древних царств, теперь уже частей единой Ханьской империи мы имеем для 1 в. н.э. Живший тогда известный историк китайской древности Бань Гу охарактеризовал их следующим образом. В Цинь плодородные почвы, заросли бамбука, горы покрыты лесом, родится хурма, имеются земли, удобные для скотоводства. Местное население занимается земледелием, в том числе на юге рисоводством, выращиванием овощей и фруктов, рыболовством, скотоводством, охотой. В Чу местность богата реками, озерами, лесом. Здесь на юге в бассейне Яньцзы, в отличие от северных царств постоянное изобилие продуктов питания. В северных царствах Ци, Хань, Чжао, Вэй, Янь ситуация менее благоприятная. В Ци земля богата солью, а хлеба родятся плохо. В Хань местность холмистая, малопригодная для земледелия. В Чжао земля неплодородна, а население многочисленно. В Вэй местность равнинная, богатая солью и железом. В Янь земли обширные, а населения мало. Район славится рыбой, солью, юбой и каштанами. В остальных регионах земля малопригодна для земледелия (32).

Обратим внимание на следующие обстоятельства. Хорошо известно высокое естественное плодородие лессовых почв - самых плодородных почв Китая. Но Бань Гу в государстве Вэй это плодородие не отмечает, а относительно Чжао даже говорит, что земля малоплодородна. Возможно, что население в нем выросло в период распашки плато, а земля стала неплодородной позднее из=за неправильной ее эксплуатации. Древнекитайские государства, расположенные на Лессовом

плато, для поддержания роста и могущества должны были сохранять производительность земли на самом высоком уровне и для этого прежде всего создавать крупные ирригационные системы. Из трех царств плато - Цинь, Чжао и Вэй, одно лишь Цинь выполнило эту задачу. Здесь было создано несколько крупных ирригационных систем, в том числе крупнейшая в древности - Вэйбэй. Создание системы стало эпохальным событием не только для периода Сражающихся царств (Чжаньго), она не утратила своего значения и в последующие эпохи. Крупнейший ханьский историк Бань Гу писал, что главное богатство Поднебесной - земли, пригодные для возделывания. Ими славится прежде всего район Вэйхэ, где "плодородные поля тянутся на тысячи ли"(33). Три крупные системы древности, построенные в Цинь продолжают служить людям и в настоящее время. Но в целом за всю историю Китая таких систем было создано мало.

В.А.Ковда пишет: "История орошения в Китае насчитывает более 2000 лет. Крупная оросительная система Китая, находящаяся в провинции Сычуань (система Дуцзяньянь), построена 2200 лет назад на р.Миньцзян (приток р.Янцзы). К тому же времени относится сооружение двух крупных оросительных систем - Циньцуй и Ханьцуй в провинции Ганьсу (все три на территории бывшего царства Цинь - Э. К.). Система Дуцзяньянь сыграла прогрессивную роль в развитии строительства оросительных систем в Азии, так как явилась прототипом других оросительных систем. Однако в целом размеры орошаемых массивов в прошлом в Китае были очень незначительны. Крупные оросительные системы, каждая с площадью более 700 га, охватывают около 2,2 млн га и составляют всего лишь 7% поливной площади"(34).

Неспособность всех остальных древних царств бассейна Хуанхэ (кроме Цинь) создать ирригационные системы, подобные Вэйбэй, стали причиной того, что к началу н.э. многие области бассейна Хуанхэ были в большей или меньшей степени лишены "главного богатства Поднебесной". Царство Цинь, имевшее наиболее надежную хозяйственную базу, в борьбе древних царств за гегемонию подчинило себе все

древнекитайские земли и заложило основу создания единого древнекитайского государства. В него вошли не только царства бассейна Хуанхэ (так называемый пшеничный пояс), но и юга Китая - царство Чу, а также Цинь (рисовый пояс). Специфика Цинь заключалась, в частности, в том, что его земли находились в двух основных вмещающих ландшафтах Китая - Севера и Юга. Взаимоотношения человека и природы на Севере и Юге Китая шли разными путями. На севере основные целинные земли древности постепенно выходили из хозяйственного использования. Переписи населения ханьской эпохи показывают неуклонное сильное снижение численности населения районов Лессового плато (даже в бывшем царстве Цинь) (35). Одновременно с относительным падением хозяйственной роли земледелия Севера осваивалась целина Юга и росло его население. Процесс этот был длительным и сложным. В ходе его изменялись некоторые черты материальной культуры, например пищи. В ханьскую эпоху пшеничная каша была основным продуктом питания населения (36). В последующие эпохи все большее место в питании начинает занимать рис, выращиваемый на заливных полях Юга.

Технология поливного рисоводства более эффективна нежели технология суходольных зерновых. Степень зависимости от окружающей среды при ней ниже, противостояния окружающей природе и зависимости от капризов погоды практически нет. Поливное, точнее заливное, рисоводство позволило уже в древности достичь высокой и стабильной урожайности, без угрозы ее снижения вследствие засоления почв, без сложной материало- и энергоемкой техники, без использования дополнительных источников механической энергии сверх сил самого человека. Распространение высокоэффективной технологии выращивания поливного риса всюду на Востоке способствовало росту продуктивности сельского хозяйства, повышению производительности труда отдельного работника, росту населения. Однако эта технология имела и свою оборотную негативную сторону: она была консервативна. Экспериментальный поиск, как известно, требует глубоких научных знаний, больших затрат труда,

энергии и материалов, но дает, за крайне редкими исключениями, эффект, не соответствующий затратам. Надежнее не совершенствовать, а просто эксплуатировать системы, основанные на такой технологии, где наибольший эффект дает не внедрение нового, а строгое соблюдение старого, технологической дисциплины. Здесь более, чем в других случаях, действует закон гомеостазиса: изменения вредны. Помимо эксплуатации природных ресурсов, основным видом деятельности как отдельного человека, так и общества в целом стал ремонт текущий и капитальный: устранение разрушений, вызванных социально-политическими или природными причинами - войнами, восстаниями, землетрясениями и т.п., восстановление хозяйственных систем по раз и навсегда установленным стереотипам.

Дополнительной негативной стороной такой технологии риса выращивания оказалась и ее самодостаточность. Поскольку для рисового поля органические удобрения не обязательны, постольку оно не требует наличия в хозяйстве животных, а отсюда и многоотраслевого крестьянского хозяйства. Самодостаточное в технологическом и натуральное в экономическом отношении, мелкое крестьянское хозяйство, ориентированное на производство монокультуры, само по себе не требует отделения ремесла от земледелия, развития инфраструктуры, территориального расширения единого рынка от малых до все более крупных вмещающих ландшафтов. Естественно, что на формирование технологии выращивания поливного риса оказали влияние не только природные условия, но и вся духовная атмосфера китайской цивилизации. Широкое распространение этой технологии на террасированных полях, созданных трудом многих поколений земледельцев горного Юга, в свою очередь оказало влияние на ход общественного развития и Северного Китая, способствовало консервации и там многих основных черт социально-экономической, политической и культурной системы на длительное время.

Литература

1. См.: Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии: Опыт трансконтинентальной корреляции этапов развития растительности и климата // Голоцен. Париж, 1977. С.13-14, 184. Нет единства мнений относительно времени климатического оптимума голоцена. Ср., например: Монин А. С., Шишков Ю. А. История климата. Л., 1979. С.321; Гричук В. П. Опыт реконструкции некоторых элементов климата северного полушария в атлантический период голоцена // Голоцен. М.,1969. С.41; Кинд Н. В. Позднее послеледниковье Сибири: (Новые материалы по абсолютной хронологии) // Голоцен. М., 1969. С.195; Гриббин Дж., Лэм Г. Г. Изменение климата за исторический период // Изменения климата. Л., 1980. С.105 и др.
2. Ср.: Кукла Г. Дж. Современные изменения площади снежного и ледяного покрова // Изменения климата. Л., 1980. С.178; Вайсберг Дж. Погода на Земле. Л., 1980. С.183 и др.
3. Виймстра Т. А. Палеоботаника и изменения климата // Изменения климата. С.44.
4. Серс Поль Б. Климат и цивилизаци // Изменения климата. С.52.
5. Гричук В. П. Опыт реконструкции некоторых элементов климата Северного полушария в атлантический период голоцена // Голоцен. С.42.
6. Дроздов О. А. О временной структуре климатов голоцена и современной эпохи // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1983. N 4. С.17.
7. Дьяконов И. М., Неронова В. Д., Свенцицкая И. С. Проблема источников по истории Древнего мира // История древнего мира. М., 1983. Т.1. Ранняя древность. С.19-21.
8. Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983. С.146; Степугина Т. В. Первые государства в Китае. Китай в первой половине 1 тыс. до н.э. // История древнего мира. Т.1. С.90.
9. Васильев Л. С. Проблема генезиса китайского государства: Формирование основ социальной структуры и политической администрации). М., 1983. С.87, 88.
10. Васильев Л. С. Проблема генезиса... С.90.
11. Хань Фэй-цзы / Пер. Е.П.Синицына и В.С.Спирина // Древнекитайская философия. М., 1973. Т.2. С.261, 262.
12. Wittfogel K.-A. Wirtschaft und Gesellschaft Chinas: Versuch der wissenschaftlichen Analise einer grossen asiatischen Agrargesellschaft. V.1. Productivkrafte: Productions-und Zirkulationprozess. Leipzig, 1931.

13. Букшпанов А. Д., Грошев Б. И., Крылов Г. В. Леса. М., 1981. С.155.
14. Алехин В. В. География растений. М., 1950. С.421.
15. Вавилов Н. И. Пять континентов. М., 1962. С.121.
16. Алехин В. В. География растений. С.199.
17. Будыко М. И. Глобальная экология. М., 1977. С.27; Он же. Тепловой баланс земного шара // Изменения климата. Л., 1980. С.150-151.
18. Ковда В. А. Аридизация суши и борьба с засухой. М., 1977. С.56.
19. Васильев Л. С. Проблема генезиса... С.88
20. Илюшечкин В. П. Методические проблемы истории производительных сил (применительно к древнему и средневековому Китаю) // Общество и государство в Китае. М., 1978. Ч.1. С.28-35; Степугина Т. В. Первые государства... С.166-167; Она же. Расцвет рабовладельческого общества в Китае // История древнего мира. М., 1983. Т.2. Расцвет древних обществ. С.49-493, 508-510; Васильев Л. С. Проблема генезиса... С.89-91; Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы... С.149-155.
21. Итс Р. Ф., Смолин Г. Я. Очерки истории Китая с древнейших времен до середины XYII в. Л., 1961. С.44-45.
22. Одум Г., Одум Э. Энергетический базис человека и природы. М., 1978. С.198.
23. Итё Р. Ф., Смолин Г. Я. Очерки истории... С.45.
24. Мэн-цзы / Пер. Л.И.Думана // Древнекитайская философия. Т.2. С.156, 159.
25. Сюнь-цзы / Пер. В.Ф.Феоктистова // Древнекитайская философия. Т.2.
26. Ковда В. А. Очерки природы и почв Китая. М., 1959. С.302.
27. Серс Поль Б. Климат и цивилизации. С.54-55.
28. Как полагают в настоящее время в КНР, "по уровню производительности труда и производству зерна на душу населения сельское хозяйство Китая практически топталось на месте на протяжении двух тысяч лет... За это время урожайность зерновых выросла в 2,2 раза"("Гуанмин жибао". 1979. 10 апр.).
29. Мэн-цзы. С.234.

30. Подробнее см.: К у л ь п и н Э. С. "Гуань=цзы" об организации основного производительного процесса // Общество и государство в Китае. М., 1983. Ч.2.

31. П е р е л о м о в Л. С. Китай в эпоху Лего и Чжань-го: Деспотизм Цинь и Хань в III-I вв. до н.э. Кризис древних империй // История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974. С.17.

32. К р ю к о в М. В., П е р е л о м о в Л. С., С о ф р о н о в М. В., Ч е б о к с а р о в Н. Н. Древние китайцы... С.180-181.

33. Там же. С.197.

34. К о в д а В. А. Очерки природы и почв Китая. С.10.

35. К р ю к о в М. В., П е р е л о м о в Л. С., С о ф р о н о в М. В., Ч е б о к с а р о в Н. Н. Древние китайцы... С.43-44, карты 4, 5.

36. Там же. С.201.

Ф а й н б е р г Л. А.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ АМЕРИКАНСКОГО СЕВЕРА

Огромные площади в Северной Америке занимает физико-географическая область, именуемая "Севером". Однако несмотря на то, что это название широко применяется географами, экономистами, политиками, в периодической печати и художественной литературе обозначаемое им понятие не имеет пока точного и общепризнанного определения (1).

Нередко в литературе можно встретить утверждения, что Север - это область, лежащая к северу от 53-55° с.ш. или (в других работах) 60-65° с.ш., отличающаяся более или менее холодным климатом. При этом конкретные характеристики этого климата (среднегодовые температуры, средняя температура самого теплого месяца года и т.д.) разнятся в зависимости от того, насколько далеко к югу опускает тот или иной автор южную границу Севера. Иногда критерием для отнесения того или иного района к Северу считают не среднегодовую температуру и не среднюю температуру самого теплого месяца, а придают решающее значение сумме средних дневных температур за вегетационный период. Если эта сумма выше 1600, ведение зернового хозяйства возможно, если ниже - невозможно. Таким образом, согласно этой точке зрения Север - это территория, на которой невозможно ведение зернового хозяйства. В применении же к тематике нашей работы, Север - это область, где в силу природных факторов не мог совершиться переход от присваивающего хозяйства к производящему, от охоты, рыболовства и собирательства - к земледелию. Вся жизнь охотников Американского Севера - индейцев и эскимосов очень тесно связана с природной средой. До недавнего времени природная среда не только обеспечивала коренных жителей Севера пищей, материалом для одежды и постройки жилища, а также удовлетворяла другие потребности этих людей. Вместе с тем она образовывала базу, на которой развилась их культура. Их личности и взгляды на мир сформировались в ходе

приспособления к образу жизни морских зверобоев, охотников и рыболовов в условиях суровой природы.

Оказавшись в тяжелых экстремальных условиях, первопоселенцы Американского Севера много времени потратили на экологическую адаптацию. Став искусными охотниками на морского зверя, оленей-карибу, белых медведей и других животных и птиц, эти люди сумели не только выжить, но и чувствовали себя комфортабельно и счастливо там, где для уроженцев средних широт жизнь возможна только благодаря могуществу современной техники и использованию богатого опыта эскимосов.

Характер культуры жителей таежных лесов Северной Америки - атапасков и алгонкинов - был несколько иным. Ее отличала очень большая даже по сравнению с эскимосами гибкость в использовании ресурсов этой многообразной по своим природным условиям зоны. Такая гибкость - результат и более быстрых экологических изменений во внутренних районах Американского Севера по сравнению с приморскими, к которым индейцам постоянно приходится приспосабливаться. В соответствии с разнообразием природных условий и их флуктуацией не только технология, но, по утверждению исследователя северных атапасков Дж.Ван Стоуна, и формы социальных связей индейцев варьировали от района к району, от сезона к сезону (3). Иными словами, для северных индейцев типично огромное разнообразие форм адаптации к микроэкологическим нишам.

При всех различиях между индейцами таежных лесов и эскимосами, на наш взгляд, оправданно рассматривать их экологию совместно, так как имеющиеся между ними различия по важности уступают элементам сходства. Прежде всего у эскимосов и северных индейцев, как и у многих других обществ охотников и собирателей, нет даже тех сравнительно небольших возможностей влиять на природное окружение, которые имелись у примитивных земледельцев и скотоводов. У северных индейцев и особенно эскимосов потребность в такой адаптации усиливается суровостью природных условий и меньшим, чем в умеренных широтах, и особенно в тропиках, разнообразием пищевых ресурсов. Поэтому охотники и собиратели всех зон должны особенно тесно и тщательно приспосабливать всю свою деятельность к экологическим нишам, которые они занимают (4).

Одной из важнейших составных частей социокультурной адаптации эскимосов к природным условиям Арктики являлось приспособление всей их хозяйственной деятельности к экологической обстановке тундр и полярных морей.

Традиционными занятиями эскимосов являлись охота на морского зверя, охота на оленя-карибу и рыболовство - морское, озерное и речное. Основные виды морского зверобойного промысла, сухопутной охоты и рыбной ловли были сходны в различных районах Американского Севера - от Аляски до Гренландии, но предпочтение того или иного приема зверобойного промысла, охоты на карибу и рыболовства, а также распределение форм охоты по временам года и видам животных заметно варьировали у отдельных эскимосских групп.

Почти все необходимое для жизнеобеспечения эскимосам давал морской зверобойный промысел: мясо и жир служили пищей, последний использовался и как топливо для освещения, отопления и приготовления пищи. Из шкур тюленей и моржей изготовлялись оболочка каяков и умиаков, собачья упряжь, ремни для гарпунов, покрышки для палаток, спальные принадлежности, одежда, обувь и т.д. Из кишок шили верхнюю непромокаемую одежду. Ими же затягивали оконные проемы в жилищах. Кости китов использовались для сооружения каркаса стационарных полуподземных жилищ, из сухожилий животных делали нитки. Неудивительно, что в языке восточногренландских эскимосов одним словом обозначаются такие весьма различные для европейца понятия, как "жить" и "ловить в море зверя"(5).

В целом хозяйство эскимосов носило экстенсивный характер. Плотность населения была низка, ибо низкой являлась, если пользоваться терминологией экологов, и емкость территории расселения эскимосов, т.е. она могла

предоставить жизнеобеспечение лишь небольшому числу людей, существующих за счет промыслового хозяйства (6).

В 20-30-х годах нашего столетия в канадской Арктике один человек приходился в разных районах на 300-500 кв. км; на Аляске в 80-е годы прошлого века один человек приходился на 33 кв. км на ее западе и на 105 кв. км на севере. Значительно выше была демографическая плотность в Западной Гренландии (1 человек на 8 кв. км в первые десятилетия XX в.), что объясняется непригодностью для обитания и использования внутренних частей острова, покрытых ледником (7).

Фактически, если судить по данным К.Расмуссена, относящимся к 20-м годам нашего столетия, охотничьи угодья составляли только часть территории проживания того или иного племени эскимосов. Поэтому плотность населения на реально используемых для жизнеобеспечения охотничьих угодьях была все же не так низка, как об этом свидетельствуют приведенные выше цифры.

Индейцы американской Субарктики по своей культуре, в том числе экологической, четко отличаются как от своих северных соседей эскимосов, так и от южных - индейцев умеренного пояса. Культуры жизнеобеспечения северных алгонкинов и атапасков во многом сходны между собой, хотя есть и некоторые различия в формах социокультурной адаптации к окружающей природной среде, а также в динамике изменений, вызванных особенностями европейской колонизации на востоке и западе этого региона.

В восточном секторе Субарктики единообразие природного окружения обусловило у различных племен алгонкинов сходные формы экологической адаптации. По-видимому, все северные алгонкины (монтанье, наскапи, кри) могут быть отнесены к одной этноэкологической системе.

Зона обитания северных алгонкинов и северо-восточной группы атапасков покрыта хвойными лесами. На крайнем юго-западе леса сменяются прерией, а на севере - лесотундрой. Еще дальше к северу за пределами зоны постоянного обитания алгонкинов лежат тундры или, как их нередко

называют в Канаде, "Бэррен=Граундз". Северные алгонкины и соседствующие с ними на северо-западе Канадского щита атапаски традиционно были охотниками на карибу (тундрового и лесного) и американского оленя. Эти животные распространены по всей территории Субарктики. Другие крупные копытные: лось, вапити (крупный американский олень), белохвостый олень имеют ограниченные ареалы обитания. Там, где они водятся, алгонкины также добывали их. Только в тундре, которую алгонкины эксплуатировали сезонами, встречаются мускусные быки. Медведи широко распространены в ареалах расселения северных алгонкинов, но добывали этих животных по одному и не часто. Поэтому их значение в питании алгонкинов было невелико.

Алгонкины, жившие у берегов зал. св. Лаврентия, промышляли тюленей. В питании алгонкинов восточной части щита важное место занимало мясо бобра. Только для обитателей низин, прилегающих к Гудзонову заливу, играла существенную роль охота на птиц. Охота на зайцев и других мелких животных, а также рыболовство приобретали решающее значение в жизнеобеспечении алгонкинов лишь в случаях неудачной охоты на крупных копытных (8).

Предпочтение охоты на копытных другим видам охотничьего промысла и рыболовству объясняется тем, что в восточноканадской Субарктике она дает наибольшую по полезному объему добычу в наименьшее время. Только такая охота в случае ее успеха обеспечивала алгонкинов достаточным количеством мяса и жира, потребными для полноценного питания. В климатических условиях Субарктики и при охотничьем образе жизни человеку зимой требуется 4500-5000 калорий (что соответствует почти 2 кг мяса и жира) и несколько меньше летом. Обеспечить себя таким количеством калорий за счет промысла мелких животных, птиц, а также лова не идущей косяками рыбы было практически невозможно. К этим видам промыслового хозяйства обращались тогда, когда охота на крупных копытных в силу тех или иных неблагоприятных обстоятельств оказывалась малоуспешной и давала недостаточное количество мяса (9).

Как показывают наблюдения охотоведов, в последние несколько десятилетий численность американского оленя на Аляске значительно возросла и ареал его обитания расширился. В результате это животное стало первостепенным источником жизнеобеспечения для атапасков Аляски. В прошлом американских оленей добывали с помощью ловчих петель, скрадывали в местах кормления и били из луков. Теперь американских оленей по большей части стреляют из ружей. Кучины Кордильер, коюкон Юкона и Кускоквима хорошо знали строение тела американского оленя; для обозначения его различных частей употреблялось до 50 анатомических терминов. Индейцы ели не только основную часть туши животного, но также нос, уши и другие малосъедобные, с нашей точки зрения, части тела.

Важным круглогодичным источником пищи для многих племен атапасков было и остается рыболовство. Правда, его значение несколько уменьшилось в XX в. в связи с увеличением промысла крупных копытных животных. Тем не менее оно остается в длительной перспективе одним из наиболее устойчивых источников жизнеобеспечения атапасков, особенно тех из них, кто живет на больших реках. Если же брать короткие отрезки времени, то значение рыболовства в жизнеобеспечении подвержено резким колебаниям в соответствии с изменениями количества рыбы в разные годы, а также в разные периоды одного года. По подсчетам исследователей, в одни месяцы рыба может составлять 10% от общего количества потребляемой пищи, в другие - 70% (10).

Эффективное рыболовство требует больших знаний особенностей разных рек и специфики поведения рыбы в тот или иной сезон года. Носителями знаний о рыбах и условиях их обитания являются прежде всего женщины, которым принадлежит видная роль в рыболовстве. Значение женщин, а также детей и стариков в добыче рыбы особенно возросло в последние десятилетия, так как именно эти группы населения находятся летом в рыболовецких лагерях, тогда как мужчины уезжают на заработки нередко в отдаленные районы. Традиционно лов рыбы велся и ведется различными способами. Поздней осенью и ранней весной кучины удят через лунки во льду щуку, налима, хариуса. В прошлом для подледного лова использовался ручной линь с крючком и насаженной на него приманкой. Теперь используются удочки фабричного производства с катушкой. Во время осеннего хода сига кучины ловят его вершами, помещенными в систему изгородей. Каюкон до сих пор пользуются ловушками в середине зимы для подледного лова налима. При лове же рыбы летом ловушки теперь почти не применяются. Их вытеснили жаберные сети, изготовленные из покупного хлопкового или нейлонового шнура. Эти сети, как замечают американские исследователи, ставятся в весьма различных гидрографических условиях, как в водоворотах вблизи речного берега, так и в спокойных водах озер (11).

Пойманная рыба используется весьма полно. Не только мясо, но и голову, печень, внутренности едят и люди, и собаки. Значительную часть улова сушат на зиму, а поздней осенью с наступлением холодов также замораживают.

Значение растений как источника пищи для атапасков очень невелико.

С началом освоения Американского Севера европейцами у индейцев, равно как и у эскимосов, получил развитие товарный пушной промысел (трапперство). Постепенно многие предметы материальной культуры местного изготовления были заменены привозными изделиями фабричного производства. Частью пищевого рациона стали мука, сахар и другие привозные продукты питания.

В современный период, начало которого условно датируется 1950-м годом, зависимость коренных жителей от окружающей среды, от биологических возобновимых ресурсов по сравнению с предшествующим временем значительно уменьшилась. В 70-х годах государственные социальные пособия составляли в разных селениях от трети до половины доходов. Меньший по размеру, но заметный доход большинство семей получали в результате временной, сезонной или, значительно реже, постоянной работы мужчин на борьбе с лесными пожарами, на лесоразработках, в строительстве, в

промышленном рыболовстве, в горнорудной промышленности, в туристской индустрии и т.п.

Значение трапперства как источника денежных доходов значительно упало. Количество трапперов на протяжении последних четырех десятилетий в общем остается стабильным. Учитывая быстрый рост численности индейцев и эскимосов и в том числе численности трудоспособных мужчин в этот период, следует сделать вывод о сокращении процента мужчин, занимающихся трапперством. В последние десятилетия упали также цены на меха и абсолютное количество добываемой пушнины. Теперь основу жизнеобеспечения многих, особенно южных, общин индейцев и эскимосов составляют не доходы от пушного промысла, не охота и рыболовство для собственного потребления, а правительственные пособия в сочетании с заработной платой за работу по найму. В результате покупные продукты питания, привезенные с юга, в целом все больше вытесняют в пищевом рационе мясо и рыбу, добытые самими индейцами и эскимосами.

В настоящее время численность американских эскимосов достигает 100 тыс. человек, а северных индейцев - 80 тыс. человек. Они распределены по странам следующим образом (в тыс. чел.):

	Аляска (США)	Канада	Гренландия (Дания)
Эскимосы	30	25	45
Северные индейцы	30	50	–

При этом надо иметь в виду, что приведенная цифра численности индейцев Канадского Севера в значительной степени условна. Она может быть большей или меньшей в зависимости от того, что считать южной границей Севера и как она соотносится с границами провинций и с цензовыми округами, по которым проводится перепись. Поэтому нельзя точно сказать, какая часть из проживающих в Канаде 400 тыс. индейцев обитает на Севере. Цифра 50 тыс. - резуль-

тат наших подсчетов и оценок и близка к значениям, приводимым в других североведческих работах последних лет (12).

Последние десятилетия ознаменовались на Американском Севере резким обострением экологических проблем, возникновением серьезной угрозы весьма ранимым и обладающим низкой способностью к самовосстановлению экосистемам этого региона (13).

В предшествующие столетия и в значительной степени также в первой половине нашего века экологические изменения на Американском Севере происходили постепенно и обусловливались преимущественно природными процессами. Так, например, периодические потепления и похолодания климата имели своим следствием циклические изменения в численности морского зверя и рыбы у западных берегов Гренландии. Это, в свою очередь, вело к преобладанию в промысловом хозяйстве местного населения то морского зверобойного промысла, то рыболовства. В центральноканадской Арктике изменение гидрографической обстановки, а точнее повышение уровня морского дна в конце XYII - начале XYIII в., привело к исчезновению в водах этого района китов и как результат этого к переориентации части местных эскимосов на промысел исключительно сухопутных животных, прежде всего оленей-карибу. Южнее в зоне Субарктики крупные лесные пожары, уничтожавшие растительность на значительных площадях, приводили к вынужденным изменениям в расселении промысловых животных, а следовательно и индейцев, чьей добычей они служили (14).

Резкое сокращение численности карибу в результате перепромысла в первые десятилетия XX в. означало обеднение экосистем восточноканадской Арктики, изменение связей и взаимозависимостей коренного населения с природной средой его обитания. Но все же изменения в этноэкологических системах Американского Севера в первой половине XX в. были далеко не столь масштабны и глубоки, как те, чей черед наступил в послевоенные годы и особенно в два последних десятилетия.

Интенсивно идет промышленное развитие и развитие

инфраструктуры на Канадском Севере и на Аляске, хотя США уделяют, пожалуй, большее внимание выделению природоохраняемых территорий, созданию резерва земель для будущего, промышленное использование которых запрещено на неопределенное время. В 1984 г. в США был издан закон "Исследования и политика в Арктике", которым предусмотрено разработать многостороннюю политику, обеспечивающую и охрану природы.

И на Канадском Севере, и на Аляске высокими темпами развивается горнодобывающая промышленность, которая влияет на экосистемы почти на всей этой площади. На природной обстановке в этом регионе сказывается и промышленная деятельность в южных районах Канады и на основной территории США. Так, преобладающее направление атмосферного переноса в Северной Америке таково,что окислы серы и азота, выбрасываемые в атмосферу предприятиями в южной части Канады и сопредельных районах США, попадают на север, особенно в северный Квебек, где выпадают в виде кислотных дождей или со снегом. Попадая, например, в воду, они вызывают гибель рыбы и тем самым отрицательно влияют на экологические основы традиционного хозяйства коренного населения.

Загрязнение атмосферы Канадского Севера промышленными выбросами с предприятий США резко увеличилось в 70-е годы, когда в США по предложению Агентства по охране окружающей среды для борьбы с промышленным смогом была увеличена высота заводских труб. Соответственно возросла дальность распространения выбросов, и под угрозой оказались 48 тыс. канадских озер, значительная часть которых находится в зонах расселения эскимосов и северных индейцев (16).

По данным исследователей, другие экосистемы Американского Севера, в частности болотные, проявляют бóльшую устойчивость по отношению к кислотным дождям, чем озерные.

Естественно, что кислотные дожди могут быть следствием не только переноса воздушных масс из промышленных районов юга, но и возникать в результате строительства местных металлургических предприятий, а также тепловых

электростанций (ТЭС), выбрасывающих в атмосферу продукты сгорания непосредственно в северных районах. Некоторые исследователи высказывают мнение, что реализация намеченной на вторую половину 80-х годов программы строительства на Канадском Севере ТЭС может быстро довести нагрузки на окружающую среду до критического уровня, вызвать деградацию северных экосистем (17).

Еще бóльшие нарушения в экосистемах Севера может принести, а на сотнях тысячах кв. км уже принесла осуществляемая с 70-х годов программа строительства гидроэлектростанций. Так, строительство ГЭС является основой развития энергетики Квебека. В 80-х годах строительство ГЭС велось преимущественно в районах ближнего и среднего Севера провинции, где проживает большинство ее 35-тысячного индейского и 5-тысячного эскимосского населения. Охота и рыболовство дают коренному населению Квебека в разных районах этой провинции от 39 до 54% годового дохода. Строительство ГЭС не только ухудшает условия для ведения традиционного хозяйства, во многих случаях оно подрывает саму возможность его ведения, так как оно сопровождается вырубкой лесов, затоплением охотничьих угодий, нарушением естественного гидрологического режима рек и прилежащих морских районов, загрязнением водоемов и многими другими отрицательными последствиями экологического характера (18).

Возникающие в связи с гидростроительством экологические и социально-экономические проблемы нашли свое концентрированное выражение в ходе создания в 1972-1985 годах каскада ГЭС в районе залива Джеймс, расположенного на юге Гудзонова залива. В ходе строительства работы велись на площади около 350 тыс. кв.км, где были сооружены четыре большие дамбы, водохранилища с поверхностью водного зеркала 12,5 тыс. кв.км и объемом воды свыше 95 млн куб.м, 218 водоотводов общей длиной 230 км, шоссейные дороги протяженностью 1400 км, не считая местных подъездных путей и зимних снежно-ледяных дорог, два аэропорта и т.д. Был произведен поворот нескольких рек. Вся местность

в зоне строительства с присущими ей экологическими особенностями коренным образом изменилась. Изменилось и ее население. До начала строительства там жило 13 тыс. индейцев и от 4 до 5 тыс. эскимосов. На строительство же приехало до 24 тыс. рабочих из различных районов Канады, для которых было создано несколько поселков.

Создание мощной энергетической базы и возникновение в ходе этого процесса разветвленной инфраструктуры, очевидно, ускорит начало разработки местных природных богатств (конечно, при наличии благоприятной экономической конъюнктуры). Интенсивно развиваются и лесоразработки. К началу 80-х годов здесь работало 19 лесопильных заводов (19).

Вся эта промышленная деятельность полностью или в значительной мере лишила коренное население возможности вести охотничье-рыболовное хозяйство. Даже там, где природная среда не деградировала, возможности ведения охоты коренным населением резко уменьшились. Создание в районе залива Джеймс сети дорог, аэродромов, гостиниц, новых поселков облегчило проникновение в местные леса приезжих охотников-любителей. Их численность в сезон охоты уже превышает численность охотников из коренного населения. Например, в августе-сентябре 1981 г. через г.Шеффервилл прошло 4 тыс. приезжих охотников-любителей, прибывших туда для так называемой спортивной охоты на оленя-карибу на путях его миграции. Между тем в этот же период промысел карибу вели лишь 2,5 тыс. местных жителей – индейцев и эскимосов. Конкуренция приезжих снижает доходы коренного населения от промыслового хозяйства, уменьшает потребление им мяса карибу (20).

Чтобы как-то разрядить обстановку, вскоре после начала строительства каскада ГЭС у зал. Джеймс были проведены переговоры между представителями коренного населения и канадских властей. В 1975 г. было заключено соглашение между представителями федеральных и провинциальных властей, с одной стороны, и такими организациями индейцев и эскимосов, как Большой совет кри и Ассоциация инуитов, с другой. Согласно ему коренные жители отказались от каких-либо прав на земли и промысловые угодья в бассейне зал. Джеймс и в округе Нуво-Квебек, а власти в качестве компенсации обязались выплатить им 225 млн долл. 60% этой суммы в течение 20 лет должны получить 6,5 тыс. кри, а 40% – 4 тыс. эскимосов; таким образом, на каждого из них приходится каждый год более чем по тысяче долларов. Уместно отметить, что подушный годовой доход коренных жителей Канадского Севера в 70-х годах составлял в разных районах 670–790 долл. для индейцев и в среднем 840 долл. для эскимосов (21).

При оценке значения этих денег для жизни коренного населения Квебека надо учитывать несколько обстоятельств. Во-первых, как нам представляется, в соглашение включены не все индейцы и эскимосы, на чей образ жизни повлияло или повлияет в ближайшем будущем создание каскада ГЭС и сопутствующее ему промышленное развитие района. Это влияние распространяется очень широко на зону значительно более обширную, чем та, в которой непосредственно ведется строительство. В частности, исследователи высказывают предположение, что связанный с созданием ГЭС поворот рек окажет немалое негативное воздействие на морскую промысловую фауну южной части Гудзонова залива вблизи заселенных эскимосами островов Белчер и Саутгемптон. В результате ухудшатся условия для ведения обитателями этих островов морского зверобойного промысла (22).

Во-вторых, численность индейского и эскимосского населения северного Квебека быстро растет. Следовательно, денежные выплаты, приходящиеся на одного человека, будут из года в год уменьшаться. И в-третьих, из-за инфляции на полученные в качестве компенсации за землю деньги чем дальше, тем меньше можно будет купить продовольственных и промышленных товаров.

Не стоит забывать и о том немаловажном обстоятельстве, что изъятие у коренного населения земель с денежной компенсацией за них противоречит первобытно-коллективистским нормам, пережитки которых еще сильны у значительной части аборигенов Американского Севера. Показательно, что

1/2 22.Зак.1376

представители трех эскимосских общин - Повунгнитук, Ивуджвик и Суглук отказались подписать соглашение и принять деньги, мотивируя свое решение тем, что "они не могут продать свои земли, поскольку земля не принадлежит никому, и должна использоваться теми, кто в ней нуждается"(23).

Учитывая подобные настроения, федеральные и провинциальные власти Канады, кроме денег, обязались выделить исключительно для промыслового хозяйства индейцев и эскимосов несколько довольно больших по площади территорий к северу и югу от 55 с.ш., всего около 150 тыс. кв.км (24). Но эти земли не были совершенно безлюдными. Здесь уже жили и использовали для своего жизнеобеспечения местную флору и фауну некоторые общины индейцев и эскимосов. Увеличение на выделенных землях количества охотников и рыболовов создало сложные экологические и социальные проблемы. Кроме того, есть уже первые признаки серьезного отрицательного воздействия ГЭС у залива Джеймс на фауну этих земель.

В сентябре 1984 г. эскимосы одной из общин северного Квебека обнаружили на берегах р.Каниаписка 10 тыс. мертвых карибу. Животные утонули, когда в ходе сезонной миграции переправлялись через реку. Это произошло из-за того, что из расположенного выше по течению водохранилища было сброшено большое количество воды. Течение реки убыстрилось и оленей унесло к расположенному ниже водопаду, где они и погибли, а затем были выброшены водой на берег. 10 тыс. карибу - это вдвое больше, чем добывает обычно за год все эскимосское население северного Квебека (5500 чел. в 1984 г.).

Гниющие туши карибу на берегах реки создали опасность заражения воды, угрозу возникновения эпидемий. Местным эскимосам пришлось прервать свою обычную хозяйственную деятельность и заняться очисткой берегов реки от груд гниющего мяса. На этот раз власти оказали помощь коренным жителям, предоставив в их распоряжение для вывоза туш вертолеты (25).

Кроме каскада ГЭС в районе зал. Джеймс как в Канаде, так и на Аляске запроектированы или строятся и другие гидроэлектростанции. Экологи предупреждают, что эти ГЭС также весьма отрицательно скажутся на природной среде, и в частности на охотничье-промысловой фауне обширных областей Американского Севера (26).

В 70-е годы животный мир в канадской тайге и тундре отличался значительным разнообразием и численностью. Так, поголовье ондатры на середину 70-х годов оценивалось в один млн животных только в бассейне р.Маккензи. Охотничий промысел и рыболовство служили в это время основным источником жизнеобеспечения эскимосов и индейцев, обитающих по течению этой реки и ее притоков.

Исследования экономики и пищевого рациона индейцев и инуитов нижнего течения р.Маккензи и ее притоков показали, что хотя большинство этих людей периодически работало по найму, но около 75% протеина, который они получали, обеспечивала охота и в меньшей степени рыболовство. Так было и во второй половине 60-х годов и в 70-е годы. Вылов рыбы за этот период несколько сократился, так как с распространением снегоходов у коренных жителей стало меньше собак, которых принято кормить в основном рыбой, а не мясом. Напротив, охота с целью получения мяса даже увеличилась. Так, в районе Коппермайна (Северо-Западные территории) охота и рыболовство в 1980 г. давали в натуральном виде продуктов питания (в пересчете на количество протеина, потреблявшегося местными инуитами) вдвое больше, чем покупные продукты питания. Такое соотношение местных и покупных продуктов питания, содержащих протеин, было типично для структуры потребления большинства инуитов и атапасков Канадского Севера (27).

Несколько меньшей, хотя также значительной была во второй половине 70-х годов доля местных продуктов в пищевом рационе коренного населения более южных районов. Например, в селениях юго-запада Аляски она колебалась от 29 до 39% (28).

Что касается потребления индейцами мяса в количест-

венном выражении, то по данным официальной канадской статистики, атапаски района Большого Невольничьего озера в 1968 г. добыли и съели по 80 кг мяса на душу. В этом подсчете не учитывалось ни мясо мелких животных (прежде всего кроликов), ни рыба. В результате местные индейцы потребляли в указанном году мяса не меньше, а с учетом крольчатины даже больше, чем среднестатистический канадец. Этот год не был случайным; по подсчетам некоторых исследователей, фактически атапаски района Большого Невольничьего озера в конце 60-х и в 70-е годы добывали в год в среднем по 180 кг съедобного мяса в год на человека.

Необходимо, правда, отметить, что какая-то доля добытого шла на корм собакам. Однако, думается, что эта доля была относительно невелика по сравнению с долей, идущей в пищу людям. Выше уже говорилось, что количество собак в селениях атапасков в 70-е годы резко сократилось, да и кормили их главным образом не мясом, а рыбой (29).

Стремление и индейцев, и эскимосов самим добывать, а не покупать мясо и рыбу объясняется не только традиционной приверженностью этих людей к охоте, но и тем, что такая экономическая стратегия позволяет коренным жителям экономить деньги, которых у них обычно немного. По данным разных исследователей, изучавших бюджеты атапасков в различных районах Канадского Севера, охота для собственного потребления во второй половине 70-х годов позволяла уменьшить их денежные расходы примерно на одну треть (30).

Выгоды от сохранения промыслового хозяйства для собственного потребления не ограничиваются экономией денег. Надо иметь в виду и то, что на Север преимущественно завозятся продукты, содержащие много углеводов, но значительно меньше жиров и протеинов, чем местная пища (31).

К сожалению, цены на охотничье снаряжение, снегоходы, моторные лодки, горючее растут значительно быстрее, чем цены на привозные продовольственные товары. В 70-е годы привезенные из основных районов США и Канады мясо и рыба обходились значительно дороже, чем добытые на месте

эскимосами и индейцами. Привезенные с юга стоили в среднем 4,30 долл. за 1 кг, а добытые на месте с учетом всех расходов на покупку и амортизацию снаряжения, на горючее и т.п. - 2,77 долл. за 1 кг. За счет этой разницы только в одном из поселков острова Нунивак суммарная ежегодная экономия, полученная его обитателями, составила более 76 тыс. долл. (32).

Если же тенденция ускоренного по сравнению с ценами на продовольствие роста цен на промышленные товары и энергию сохранится, то наступит время, когда добыча пищи посредством охоты станет менее выгодной, чем покупка привозного мяса.

Однако мясная охота и рыболовство могут стать невыгодными не только из-за повышения цен на снаряжение и горючее, но и как следствие неблагоприятных для фауны Севера экологических перемен, "спутников" промышленного развития этого региона. Гидростроительство неизбежно приводит к нарушению, а во многих местностях и к разрушению экосистем. Восстановление их потребовало бы большого времени. По мнению специалистов, восстановление растительных сообществ заняло бы 100-150 лет. Некоторые из них могут исчезнуть безвозвратно (33).

Деятельность США, Канады, Дании по промышленному освоению Севера не ограничивается строительством ГЭС и ТЭЦ. В последние десятилетия на Американском Севере наблюдается быстрое развитие нефтяной, газовой и горнодобывающей промышленности. Так, в Канаде на федеральных территориях Юкон и Северо-западные расходы на геологоразведочные работы увеличились с начала 70-х годов до начала 80-х годов в 10-12 раз, с 4 до 40-50 млн. Здесь были обнаружены богатейшие месторождения полиметаллических руд (свинца, цинка, серебра и др.), вольфрама, урана, меди, олова, золота. В 80-е годы в Канадской Арктике действовали крупные комбинаты: свинцово-цинковый в Фаро и на о-ве Литтл-Корнуоллис (Канадский архипелаг), серебро-свинцово-цинковый в Мейо, железнорудный на о-ве Мелвилл. Некоторые из этих рудников временно не работали в отдель-

ные годы из-за падения цен на полиметаллы на мировом рынке, но за время своей работы они успели оказать неблагоприятное влияние на окружающую среду. Оно проявилось в эрозии почвы, загрязнении воды и т.д. Многие перспективные месторождения находятся в районах с многочисленными популяциями оленя-карибу, лося, горного козла и других животных, промысел которых важен для жизнеобеспечения коренного населения. Освоение этих месторождений, а оно предполагается или уже ведется на площади не менее 1,5 млн га, имеет своим следствием изъятие из промыслового использования индейцами и эскимосами обширных и богатых охотничьих угодий.

Серьезные экологические проблемы создает на Американском Севере разведка, добыча и транспортировка нефти и газа, большие запасы которых имеются в этом регионе. На Аляске нефтегазоносными считаются 60% площади ее арктических районов, или 12,5 млн га. В Канаде - область от западного побережья Гудзонова залива на востоке до границы с Аляской на северо-западе. Нефть есть и на прибрежном шельфе, и на островах Канадского арктического архипелага.

Уже сами поиски нефти оказывают крайне отрицательное влияние на животный мир Арктики. Особенно вредна для местных экосистем сейсмическая разведка, при которой широко применяются взрывы. Так, в 70-е годы от последствий сейсмической и других методов геофизической разведки значительно пострадали популяции оленей-карибу, мускусных быков, рыбы и других важных для эскимосов видов промысловой фауны. Неоднократно выдвигавшиеся коренным населением требования ограничить сейсмическую разведку определенными районами и сезонами года обычно оставляются без внимания. На ряде островов Канадского арктического архипелага сложность ситуации усугубляется тем, что эскимосы поселились здесь лишь в 1953 г., когда в районах их прежнего обитания на севере провинции Квебек почти исчезли карибу. Теперь численность карибу быстро сокращается и на новом месте жительства выходцев из Квебека. Эскимосы, не желающие и не могущие отказаться от промыслового хозяйства

как важного источника жизнеобеспечения, снова вынуждены думать о переселении куда-то, где пока не гремят взрывы сейсмической разведки. Между тем канадское правительство отказывается оказать эскимосам архипелага помощь в переселении в другие районы (35).

На Аляске ареалы выпаса, места отела, пути сезонных миграций карибу, общая численность которых в этом штате оценивается в 300 тыс. голов, в той или иной мере совпадают с районами активных геологоразведочных работ, действующих или строящихся нефтяных и газовых промыслов. Примерно половина нефтегазоносных территорий Аляски составляет так называемый Национальный нефтяной резерв, находящийся в ведении Министерства внутренних дел США. На значительной части площади этого "резерва", примерно на 2 млн га, действует ряд мер по охране окружающей среды. Так, над плоскогорьем в бассейне р.Уток, когда там происходит отел карибу (с 15 мая по 15 июля), запрещен пролет самолетов на небольшой высоте, чтобы не беспокоить животных. На протяжении всего лета запрещено нахождение людей вблизи оз. Тешекпук, месте отдыха мигрирующей водоплавающей птицы.

На нефтегазоносных территориях, не включенных в Национальный резерв, подобные строгие меры по охране окружающей среды не применяются. По утверждению американского исследователя Р.Камерона, последствия нефтепромысловой деятельности на популяции карибу Аляски пока недостаточно ясны, а потому неясны и масштабы воздействия этой деятельности на промысловое хозяйство коренного населения (36).

Серьезные экологические проблемы, затрагивающие интересы коренного населения, возникли на Американском Севере в связи с необходимостью транспортировки добытых здесь нефти и газа в южные районы Канады и основные районы США. Для этой транспортировки уже построены или проектируются трубопроводы. Прокладка подобных трубопроводов протяженностью в сотни и тысячи километров прежде всего приводит к изъятию из хозяйственного использования коренным насе-

лением большого количества земель. Кроме того, несмотря на все принимаемые меры защиты окружающей среды, из трубопроводов происходят утечки нефти и газа, отрицательно влияющие на почвы и местные экосистемы. В 1980 г. только в Канаде было зарегистрировано 45 аварий на трубопроводах, в результате которых утечка нефти составила 8,5 тыс. куб. Судя по всему, подобные аварии случаются и на действующем с 1977 г. трансаляскинском нефтепроводе, тянущемся с севера Аляски к ее южному берегу. Очень опасным для морской фауны может оказаться проектируемый газопровод Канадский арктический архипелаг - юг Канады. Будет очень трудно обнаружить и ликвидировать утечки из той части трубопровода, которая будет проложена по морскому дну. Трубопроводы же, проходящие по суше, особенно если они подняты над землей на опорах, нарушают пути миграций карибу. Таким образом, отрицательное воздействие трубопроводов на водную и сухопутную фауну не ограничивается той зоной, где они проходят, а распространяется значительно шире. Чтобы минимизировать негативное воздействие транспортировки нефти и газа на арктические и субарктические экосистемы, а тем самым и на коренное население Американского Севера, предложены альтернативные средства доставки нефти и газа, например с помощью подводных танкеров. Но пока ни один из альтернативных проектов не осуществлен.

Последнее время не только ученые, но и власти государств, владеющих Американским Севером, уделяют немалое внимание экологическим проблемам, возникающим в связи с промышленным освоением этого региона. Предлагаются различные пути их решения. Выше мы видели, как ставится в Канаде и США этот вопрос в связи со строительством северных гидроэлектростанций, какие предпринимаются попытки решить его так, чтобы и промышленные капиталистические "волки" были сыты, и северные "овцы" были целы. При решении вопроса о сооружении каскада ГЭС в районе зал. Джеймс выбор между созданием его, с одной стороны, и интересами защиты экосистем Севера и тесно связанных с их

сохранением судеб коренного населения, с другой, был сделан в пользу строительства. В то же время, при решении вопроса о строительстве газопроводов выбор как будто иногда делается в пользу сохранения природной среды Севера и возможности обеспечить коренному населению условия для ведения промыслового хозяйства. Например, в 1975-1976 гг. на севере Канады работала специальная правительственная комиссия. Она имела своей задачей определить возможное влияние проектировавшегося вдоль р.Маккензи газопровода на природную среду и жизнь людей в бассейне этой реки.

По мнению комиссии, основанному на опросах коренного населения в 35 поселках Канадского Севера, промысловое хозяйство должно в обозримом будущем оставаться основой жизнеобеспечения аборигенов Севера. Привлечение индейцев и эскимосов к работе в промышленности и на транспорте должно осуществляться в ограниченных размерах, так как при господствующих условиях оно может привести к утере ими этнической самобытности, к их культурной деградации. Исходя из всего этого, комиссия, признавая важность газопровода для национальной экономики, тем не менее рекомендовала отложить его строительство до тех пор, пока не будут разработаны методы сохранения природной среды, найдены пути улучшения жизнеобеспечения коренного населения Канадского Севера (37). Рекомендации были приняты федеральными властями, и строительство газопровода отложено. Уместно отметить, однако, что решение в немалой степени объясняется и трудностями финансирования работ, падением цен на нефть и газ.

На середину 1986 г., по свидетельству Г.Финклера, ответственного сотрудника канадского Министерства по делам индейцев и развития Севера, на Северо-Западных территориях были заморожены все крупные проекты промышленного освоения природных богатств, в том числе строительство газопроводов и нефтепроводов. По словам Г.Финклера, такой шаг был предпринят в связи с серьезной угрозой, которую реализация различных проектов промышленного развития Се-

23.Зак.1376

вера создает для окружающей среды и традиционных отраслей хозяйства коренного населения. Промышленным компаниям, действующим на Севере, было вменено в обязанность вместе с проектом освоения тех или иных природных ресурсов одновременно представлять в соответствующие государственные учреждения социоэкономический проект с указанием возможного влияния хозяйственной деятельности на экосистемы региона и особенно на охотничью фауну (38).

С 1973 г. в Канаде существует и правительственная программа проведения экологического оценивания государственных проектов освоения северных районов. Ее цель - в каждом отдельном случае выявить потенциальное влияние реализации данного проекта на окружающую среду, найти средства минимизировать негативное воздействие промышленного развития на экосистемы. Экологическая и социально-экономическая экспертиза проводилась, например, в прибрежных районах южной части Дэвисова пролива, где ведется разведка на нефть и газ. Подобные экспертизы, наряду с финансовыми трудностями, несколько замедляют темпы промышленного освоения северных районов Канады.

Такова временная по своему характеру и в значительной мере конъюнктурная задержка с осуществлением планов промышленных корпораций юга Канады и основных районов США. Принципиально различно и отношение к окружающей среде индейцев и эскимосов, с одной стороны, и пришлого населения (южан), с другой. Как писал американский исследователь У.Бауэр, имея в виду Арктическую Аляску, для эскимосов Арктика - источник пищи, а для "белых" - прежде всего источник нефти для нужд национальной энергетики. У эскимосов есть чувство тесной связи с природным окружением. Они убеждены, что местное социально-экономическое развитие должно быть ограничено целями защиты культур аборигенов. "Белые", напротив, полагают, что сохранять природную среду и глубоко адаптированную к ней культуру аборигенов можно и нужно лишь в той мере, в какой это не мешает промышленному развитию Севера. Если "белые" выступают за консервацию природной среды, то и в этом случае

они ограничиваются требованиями защиты флоры и фауны и не распространяют свою политику на этническую часть этноэкологических систем Севера. Образ жизни коренного населения Аляски обычно рассматривается "белыми" как "потребительский", безвозвратно уходящий в прошлое и не подлежащий защите (38).

Мысль о том, что развитие Американского Севера осуществляется главным образом в пользу юга без должного учета нужд коренного населения самих северных районов, господствовала в выступлениях участников Первого международного симпозиума "Возобновляемые ресурсы и экономика Севера", состоявшегося в г.Банф провинции Альберта (Канада) в 1981 г. На симпозиуме отмечалось, что промышленное развитие северных районов Американского континета, сопровождающееся деградацией природной среды, резким ухудшением охотничье-промысловых и рыболовных угодий, является по отношению к индейцам и эскимосам "геноцидным фактором". На симпозиуме была высказана и нашла поддержку мысль, что экономика северных районов должна быть "социоэкосистемной", т.е. учитывать социальные и экологические нужды и интересы коренного населения этих районов. Она должна быть также сбалансированной в смысле паритетного развития отраслей хозяйства, использующих возобновляемые и невозобновляемые ресурсы (40).

Подобное изменение приоритетов в развитии экономики Американского Севера, меры по защите природных экосистем могут ослабить, но не ликвидировать кризисные явления в жизнеобеспечении коренного населения. В настоящих условиях охота на карибу, пушного зверя, морской зверобойный промысел и рыболовство, по мнению большинства специалистов, уже не являются надежной основой существования индейцев и эскимосов. Биологические возобновимые ресурсы уже во многом подорваны. В частности, это касается поголовья карибу. Численность же индейцев и эскимосов быстро растет, увеличиваются в количественном и качественном отношении их потребительские нужды.

Возможности работы по найму, которая бы компенсировала падение значения традиционных отраслей хозяйства в жизнеобеспечении, уменьшала зависимость коренных жителей от состояния местных экосистем, ограничены в силу низкого образовательного и профессионального уровня индейцев и эскимосов, плохой адаптации их к жесткому трудовому режиму и т.п. Так, на строительстве трансаляскинского нефтепровода работало в 1974-1977 гг. 5,8 тыс. индейцев, эскимосов и алеутов, или 16,6% взрослого коренного населения Аляски тех лет. Главным образом на работу нанимались жители центральных и юго-восточных районов Аляски, более подготовленные по степени усвоения европейской культуры и образовательному уровню к работе по найму, чем жители Северной Аляски. Хотя на стройке осуществлялось профессиональное обучение и его прошло не менее 3 тыс. индейцев, эскимосов, алеутов, 65% их использовались как разнорабочие. Остальные работали механиками, водителями, смазчиками и т.д. Более половины коренных жителей работали на строительстве газопровода не более 8 недель, в том числе 25% - менее двух недель. Лишь 0,4% занятых на строительстве коренных жителей проработали весь период сооружения газопровода, т.е. 3 года. Уход с работы коренные жители объяснили в большинстве случаев болезнью членов семьи, тоской по дому, нежеланием работать по 10 часов в день, недовольством условиями работы, плохим отношением "белых" начальников. Их не удерживали на стройке даже высокие по сравнению с обычным уровнем доходов коренных жителей заработки. Думается, что определенную роль в досрочном уходе индейцев и эскимосов со стройки сыграла и распространенная среди белых строителей расовая предубежденность.

Этот первый крупный эксперимент по привлечению аборигенов Аляски к работе по найму, по мнению американских исследователей, оставил без ответа многие важные вопросы: о физиологических и психологических пределах адаптации коренных жителей при сегодняшнем уровне их развития к работе по найму, о том, приносит ли работа по найму в

целом пользу или вред аборигенам (41). Некоторые ученые и государственные служащие-североведы полагают, что адаптацию к работе по найму коренным жителям могло бы значительно облегчить повсеместное введение для них вахтового метода, т.е. сменяемости рабочих и служащих каждые 7-10 дней. Это позволило бы индейцам и эскимосам в период перерывов между вахтами возвращаться к семьям в свои поселки, заниматься охотой, рыболовством, морским зверобойным промыслом, а также "отдыхать" от непривычного для коренных жителей размеренного плотного режима, присущего работе по найму.

Мнение о недопустимости интенсивного переключения коренного населения на работу по найму отстаивает видный канадский географ-североввед Л.Амлен. Он призывает к усилению мер по охране природной среды Американского Севера, некоторому ограничению в этой связи его промышленного освоения в качестве сырьевого придатка южных районов, к укреплению традиционных, основанных на возобновимых ресурсах отраслей хозяйства индейцев и эскимосов, несмотря на то, что одни эти отрасли не обеспечивают в полной мере потребностей коренного населения (42).

Следует отметить, что вышеприведенные рекомендации по торможению использования природных невозобновимых ресурсов на Аляске и Канадском Севере отчасти приняты федеральными и местными (штатными, провинциальными) властями этих стран. На это до нас обращал внимание в ряде своих работ Г.А.Агранат (43).

Предприняты также определенные шаги для обеспечения преимущественного использования некоторых видов возобновимых ресурсов коренными жителями. Так, на севере Аляски забой китов разрешен только эскимосам, пришлым охотникам этот промысел запрещен. Практически только эскимосы могут добывать нарвала у берегов Канадского арктического архипелага (популяция нарвала охраняется законом). На юго-востоке Аляски в Национальном парке Врангель индейцам Кордильер (атапаскам племен талтан, тсетсаут и др.) разрешена охота на копытных животных, лов пушных зверей,

а также рыболовство. Постоянное индейское население парка составляло в середине 80=х годов около 500 человек. Еще в среднем 250 индейцев ежегодно приезжают сюда на охотничий сезон (44).

Все это положительные явления для сохранения традиционных форм природопользования коренного населения. Однако любое значительное повышение цен на нефть, газ, продукцию горнорудной промышленности неизбежно поведет к увеличению масштабов деятельности "южных" капиталистических фирм по разведке и добыче на Севере невозобновимых ресурсов, в том числе и там, где ведет промысловое хозяйство коренное население, обострит экологические проблемы и в конечном счете уменьшит возможности сохранения индейцами и эскимосами традиционных форм природопользования.

Литература

1. Агранат Г. А. Использование ресурсов и освоение территории зарубежного Севера. М., 1984. С.6.
2. Fitzhugh W. Environmental archaeology and cultural systems in Hamilton Inlet, Labrador. Wash. (D.C.), 1972. P.197.
3. Van Stone J. Athapaskan adaptations. Chicago, 1974. H.122.
4. Burch E. Traditional Eskimo societies in Northwest Alaska // Alaska native culture and history. Osaka, 1980. P.275.
5. Thaltitzer W. Language and folklore: The Ammassalik Eskimo. Copenhagen, 1923.
6. Weeden R. Northern people, Northern resources and the dynamics of carrying capacity// Arctic. 1985. Vol.36, N 2. P.116-120.
7. Weyer E. The Eskimos. Hamden, 1962. P.109-110.
8. Knight R. A Re-examination of hunting, trapping and territoriality among the Northeastern Algonkian Indians // Man, culture and animals. Wash. (D.C.), 1965. P.27-42.
9. Feit H. The Ethno-ecology of the Waswanipi cree // Cultural ecology. Toronto, 1973. P. 124.
10. Nelson R. Athapaskan subsistence adaptations in Alaska // Alaska native culture and history. P.215, 226.
11. Idem. Hunters of the Northern forest. Chicago, 1986. P.57-62.

12. Агранат Г. А. Использование ресурсов...С.112; Тишков В. А. Аборигены Канады: Современная этноязыковая ситуация // Сов. этнография. 1986. N 6.
13. Woodford J. The violated vision. Toronto, 1972.
14. Feit H. The Ethno-ecology... P.115-125; Waisberg L. Boreal forest subsistence and the Windigo // Anthropologica. 1975. Vol.17, N 2. P.176-183 etc.
15. Godsell Ph. Is there time to save the Eskimo? // Natur. Hist. 1952. Vol.62, N 2. P.60-62.
16. Duval J. Reviewing environmental objectives in Quebec // Water and Pollut. Contr. (Canada). 1986. Vol.124, N 2. P.12, 14.
17. Moore T., Lewis J. Launer Regen in Nord-Kanada // Geogr. Rdsch. 1983. Bd.35, N 8. S.381-385.
18. Черкасов А. И. Зарубежный опыт исследования и освоения Севера. М., 1985. С.121; Lassaily-Jacob V. Undevelopment conteste // Hommes es terres Nord. 1983. N 2. P.44-45.
19. Dalla Rosa G., Di Meo G. Les Grandes Travaux d`Amenagement de la Baie James // An. Geog. 1981. Vol.90, N 498. P.151-202.
20. Muller-Wille L. Nouveau Quebec // Marburg Geographische Schriften. 1983. N 84. P.1-12.
21. Агранат Г. А. Использование ресурсов...С.127; Черкасов А. И. Зарубежный опыт... С. 136; Lassaily-Jacob V. Undevelopment conteste... P.44-45.
22. Freeman M. An Ecological perspective on man-environment // Nature Canada. 1982. Vol. 109, N 4. P.995-963.
23. Lassaily-Jacob V. Undevelopment conteste... P.44-45.
24. Couture A. The James Bay hydroelectric development: Social considerations // 24 Annu. Joint Engineering Conf. Montreal, 1976. P.63-76.
25. Canada: Inuit work to remove caribou // IWGIA Newsletter. 1984. N 40. P.9-14.
26. Gill D. Some ecological and human consequences of hydroelectric projects in the Mackenzie River drainage system // Pap. of the 34th Annu. Meet. of Social Applied Anthr. Edmonton, 1978. P.78-82.
27. Asch M. Home and native land. Toronto, 1984. P.19.
28. Nowak M. The economics of native subsistence activities in a village of the Southwestern Alaska

Arctic. 1977. Vol.30, N 4. P.225.

29. A s c h M. Home and native land... P.17.

30. B e r g e r T. Northern frontier. Ottawa, 1977. Ch.2; B o d d e n K. The economic use by native people of the resources of the Slave River delta. Edmonton, 1981. P.116; R u s c h f o r t h S. Country Food // Dene Nation. Toronto, 1977. P.40.

31. N o w a k M. The economics of native subsistence activities... P.225-233.

32. B e r k e s F. Energy subsidies and native domestic (subsistence) fisheries // Nature Canada. 1982. Vol.109, N 4. P.1011-1019; N o w a k M. The economics of native subsistence activities... P.225-233.

33. Gill D. Some ecological and human consequences... P.73-82.

34. А г р а н а т Г. А. Использование ресурсов...С.154; V a n S t o n e J. Athapaskan adaptations. P.10-11; M o t y k a R., R e i c h a r d t T. Concerns about the Susitna hidroproject // Alaska Conserv. Rev. 1979. Vol.20, N 1. P.6-11.

35. H a c k m a n L, F r e e m a n M. A land use conflict on Bathurst Island // Pap. of the 34th Annu. Meet. of Social Applied Anthr. Edmonton, 1978. P.235-249.

36. C a m e r o n R. Issue Caribou and petroleum development in Arctic Alaska // Arctic. 1983. Vol.36, N 3. P.227-231.

37. B e r g e r T. Northern frontier... Ch.2.

38. Из выступления Г.Финклера в Институте этнографии АН СССР 26 VII 1986.

39. B r o w e r W. Alaska: The conflict between environmental orientations in Arctic Alaska // IWGIA Newsletter. 1985, N 41. P.3-12.

40. First International Symposium on Renewable Resources and the Economy of the North: Proceedings. Ottawa, 1981.

41. N a y l o r L., G o o d i n g L. Alaska native hire on the trans-Alaska Rev. Soc. and Econ. Cond. 1978. Vol.15, N 1. P.1-19.

42. H a m e l i n L. Canadian Nordicity. Montreal, 1979; Canada: Inuit work to reinove caribou... // IWGIA Newsletter. 1984. N 40.

43. А г р а н а т Г. А. Использование ресурсов... С.18-21.

44. W r i g h G. Principles of New Park-area planning as applied to the Wrangell - St. Elias Region of Alaska // Environ. Conserv. 1985. Vol.12, N 1. P.59-60.

Ц е х а н с к а я К. В.

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА У СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ

Традиции народного врачевания, составляющие неотъемлемую часть культурно=исторического наследия индейцев США, на протяжении многих десятилетий продолжают оставаться одной из интереснейших областей современной индеанистики. Комплексный подход к рассмотрению проблем народной медицины в неразрывной взаимосвязи с вопросами этнографии, культуры, религии, развития общественных структур племен дает ключ к пониманию ее роли в жизни этнических групп индейского населения как с точки зрения сегодняшнего дня, так и в исторической ретроспективе.

Индейская народная медицина относится к традиционно-устной медицине в отличие от медицины традиционно-письменной. "Собственно народная или традиционно-устная медицина... - отмечает Ю.В.Бромлей, - ...продукт коллективного народного творчества, комплекс сложившихся в определенном районе рецептов и приемов лечения, передаваемых устно из поколения в поколение. Это итог вынужденного экспериментирования и наблюдений, полученный в результате огромного числа проб и ошибок" (1).

Среди американских исследователей нет единого мнения относительно правомерности употребления понятия "народная медицина". Хотя этот термин давно стал обычным в научной литературе, не все исследователи с ним согласны. Характерна в этом отношении аргументация американского этнографа Э.Спайсера. Он считает, что "народной" в наше время называют медицину, не имеющую связи с лечебным опытом Запада. Это традиции более или менее примитивных обществ, проявляющие тенденцию к отмиранию. Одни считают, что эти традиции следует возрождать, включая в систему современной медицинской практики, которую они сами в некоторых отношениях могут поднять на более высокий уровень. Другие относятся к народной практике отрицательно, не признавая ее. Это порождает двойственное восприятие самого термина, вследствие чего Спайсер предлагает заменить его понятием "популярная медицина" применительно к медицинской практике,

стремящейся к максимальному использованию достижений научной медицины (2).

В представлении большинства индейцев в настоящее время медицина связывается не только с целебными средствами и собственно лечением больных. С ней нередко ассоциируются многие новые, непонятные, таинственные для них вещи и явления, влияющие на человека. Когда индеец говорит о виски, называя его "медицинская вода", - пишет Д.Гриннелл, близко знакомый с бытом племен северных равнин, - то это означает, что ему неясно, почему она так действует на людей (3). То же определение может быть применено к впервые увиденному ружью, пароходу, к любому предмету или к человеку в зависимости от ситуации и необычных свойств, обнаруженных в них.

Аналогичным образом происходит и выделение из числа других соплеменников фигуры знахаря, которого индейцы, перешедшие на английский язык, называют "медисин мэн". Ему часто приписывают сверхъестественные способности, что, в свою очередь, связано с представлениями о причинах болезней, широко распространенными среди индейцев.

Корни этих представлений уходят в уклад их жизни. Так, в частности, у охотничьих племен одной из возможных причин заболевания считается нарушение табу. Прямая связь, существующая между благополучием племени и результатами охоты и рыбного промысла, нередко приводила к тотемизации тех или иных животных, своеобразному регламентированию определенных взаимоотношений с ними. У индейцев сенека, например, считается весьма опасным нарушение табу убивать ондатру или бобра, не умилостивив предварительно покровительствующих им духов. Нарушитель такого запрета может, по их мнению, внезапно и подчас необъяснимо заболеть и тогда для его излечения необходимо вмешательство не любого знахаря, а лишь представителя общества Выдры, знающего, что нужно делать в подобных случаях (4). Среди криков многие заболевания также ассоциируются с табуированными животными, в отношении которых были допущены какие-либо недопустимые действия (5).

У значительной части индейцев до сих пор бытуют и другие представления о сверхъестественных причинах различных недомоганий: необъяснимое с точки зрения физических законов вторжение в тело человека болезнетворных объектов, вселение злых духов, утрата души, колдовство (6).

Все это создает благоприятную психологическую почву для бытования действий знахаря. Причем его роль в племени отнюдь не ограничивается выполнением чисто лечебных функций. Зачастую он и врачеватель, и чародей, и воспитатель, и определенного рода священнослужитель, шаман, а иногда и вождь. Он сам одновременно есть и продукт своего племени, и один из его активных творцов. Влияние знахаря опирается на систему традиционных культурных ценностей племени и признание его особых способностей в области непосредственного контакта с высшими силами. Находясь в постоянной зависимости от окружающей их природной среды, вынужденные часто вести нелегкую борьбу за свое существование без какой-либо поддержки извне, индейцы в течение столетий верили в то, что выжить им помогает именно такое верховное покровительство. Оно же дает им знания и мудрость, учит быть сильными перед лицом невзгод.

Религиозно-мифологическая основа происхождения такого рода традиций хорошо прослеживается на примере деятельности тайного общества индейских знахарей Мидевивин (7). В центре исцелительных ритуалов обычно находилась фигура Нанабожо - одного из мифических предков индейцев. Его характер противоречив, неоднозначны и оценки, даваемые ему в легендах. Взаимодействуя с Маниту - различными воплощениями персонифицированных сил природы, добрыми и злыми, он раскрывает себя во множестве ипостасей. То это плут и удачливый ловкач, который дурачит Маниту, то это демонический разрушитель привычных устоев жизни, чье имя связывается с появлением смерти среди людей, то он выступает в роли поборника независимости и, наконец, спасителя своих подопечных соплеменников. Образ Нанабожо отражает характерное для трайбалистского мировоззрения двойственное представление о соединении в персонифициро-

ванной силе благотворного и вредоносного начал. Однако в обрядовых церемониях акцент делается прежде всего на позитивных сторонах личности этого культурного героя.

Одной из его главных заслуг считается то, что именно он открыл людям лечебный ритуал Мидевивин (8). Он же был и первым "пациентом", прошедшим через него. В ходе этого обряда как бы заново воссоздается предание о гибели и воскрешении Нанабожо, которого представляет по традиции очередной кандидат на приобщение к высшим силам Маниту, т. е. будущий знахарь. Исцеление больного также приписывается обычно результатам вмешательства маниту.

Помимо этих мистических элементов в ритуале находят свое отражение и вполне реальные события, относящиеся к периоду оттеснения колонизаторами оджибве на запад, что зафиксировано шаманами на особых берестяных свитках. Таким образом, в обрядах Мидевивин органически сочетаются друг с другом мифология и история, так же как сверхъестественное соединяется с трезвым учетом необходимости применения конкретных методов терапии.

Тех, кто вступает в Мидевивин, не принято знакомить сразу со всем разнообразием лекарственных средств. После посвящения в члены общества им преподают лишь основы знахарской науки. Затем по мере углубления специализации обучение становится более интенсивным и детальным. О специализации можно говорить с полным основанием, поскольку шаман, как правило, ограничивает свою практику только лечением определенного круга заболеваний. В этой связи весьма характерно приводимое американским этнографом Ф.Денсмор высказывание одного из индейцев сиу. "В старые времена, - говорил он, - индейцы болели мало и поэтому не нужно было иметь много лекарств. Знахарь лечил обычно одну какую-нибудь болезнь и лечил хорошо. Ему помогали в этом его сны. Знахарю не надо думать обо всех травах и пытаться изгонять все хвори, потому что тогда он не сможет вообще ничего, не сможет даже сделать того, что подсказал ему сон о какой-то одной траве или животном. Поэтому наши лекари и стали терять свою силу, когда у нас

появилось столько болезней, принесенных белыми людьми"(9).

По свидетельству Л.Уайта, оставившего детальное описание деятельности тринадцати знахарских братств зуни, каждое из них также занималось лечением особой группы болезней или определенных сочетаний (10).

Специализации методов лечения способствовала и передача накопленной информации из поколения в поколение. Так, в частности, сохраняются знания о целительных свойствах трав и других растений в обществе Мидевивин. Но они воспринимаются часто в контексте традиционной мифологической космогонии. Мифический медведь у оджибве, например, почитаемый ими как один из главных посредников, принимавший участие в передаче людям секретов Мидевивин и сам являющийся могучим Маниту, пользуется большим уважением народных врачевателей. Считается, что они получают от него свои знания и применяют их на деле, продолжая перенимать медвежий опыт, по их собственному выражению, "следуя тропой медведя". Лучшие лекарственные средства были якобы также обнаружены индейцами, наблюдавшими за тем, что употребляет в пищу это животное. Что же касается знахаря, то если он видит во сне медведя, ему тем самым уже обеспечивается в будущем высокий престиж травника.

Подобные представления связаны с широко распространенным среди индейских племен культом медведя.

Растительное лекарственное сырье, собирается в определенное время года, когда растения успели полностью развиться и набрать силу. Однако и здесь строго соблюдаются свои ритуальные правила. Если этой процедурой занят травник из Мидевивин, он предварительно делает небольшое углубление в земле у стебля и сыплет туда табак, произнося соответствующие заклинания. В основе такого рода действий также лежит представление о том, что растение получает свою целительную силу лишь после подобного обряда.

Аналогичное мистико-мифологическое по своей сущности

отношение к кактусу пейоти породило среди индейцев целое религиозное направление, известное под названием пейотизм. В качестве религиозного культа пейотизм существовал у индейских племен Мексики еще задолго до времен Колумба. Он практиковался в связи с особыми церемониями, носившими общественный характер. Употребление кактуса в сыром, высушенном виде или как настойки первоначально имело символическое значение ритуала, который должен был обеспечивать успех в предстоящей охоте. На ежегодных благодарственных собраниях пейоти придавался тотемический смысл. Его разбрасывали на площадках для ритуальной игры в мяч. Участники культовых состязаний в беге брали с собой кусочек кактуса, желая заручиться уверенностью в победе. Индейцы развешивали его над входами и окнами своих жилищ, полагая, что тем самым они обеспечивают надежную защиту от злых духов.

В последней четверти XIX в. пейотизм получает распространение и в Северной Америке у кайова, апачей, команчей, а затем и у других племен. По свидетельству профессора Цюрихского университета П.Гербера, уже в 60-е годы нашего столетия пейотизм превратился в наиболее влиятельную по числу своих приверженцев индейскую религию. В настоящее время ее исповедуют около четверти всех индейцев США и Канады - 250 тыс. человек. Если в 1918 г. эта религия была официально признана лишь в одном штате Оклахома, то с 1945 г. "Церковь коренных жителей Северной Америки" получает общенациональный статус (11).

В своей вновь созданной церкви индейцы ищут некоего сверхъестественного покровительства. По наблюдениям американского этнографа Дж.Слоткина, изложенным в его книге "Религия пейоти", среди сторонников этого культа бытует представление о том, что пейоти "был дан индейцам богом потому, что бог сжалился над ними как над угнетенными людьми, бедными, слабыми, беспомощными и невежественными. Бог создал кактус пейотль и вложил в него часть своей силы, чтобы помочь индейцам, и когда кто-либо употребляет пейоти, он воспринимает и скрытую в нем силу"(12).

Пейотисты северных районов территории навахо делают особый акцент на мистических и магических аспектах культа. Их прежде всего интересуют всевозможные откровения и мистические озарения, возникающие под воздействием пейоти и помогающие, как они считают, проникать в самую сущность мироздания.

Кактус используется как объект обожествления в процессе религиозных церемоний. В то же время он рассматривается самими индейцами прежде всего как лекарственное средство и применяется в лечебных целях. Немалая часть их ритуалов предназначается именно для этого. Собрания могут проводиться ради людей, страдающих как физическими, так и психическими заболеваниями. Некоторые навахо полагают, что для полного выздоровления необходимо бывает провести четыре таких собрания, а в случае выздоровления это может быть благодарственная встреча. Иногда собрания организуются с целью принять решение, следует ли лечить больного культовым путем или направить его в больницу. Круг болезней, на лечение которых решаются пейотисты племени навахо, достаточно широк. Это, в частности, нарушения сознания, туберкулез, диабет, гипертония, слепота, ревматизм, простуда, различные локализованные боли (13). Алкалоиды, содержащиеся в кактусе, делают его ценным средством при некоторых заболеваниях нервной системы, в борьбе против алкоголизма. Пейотисты - противники алкоголя.

Многие авторитетные специалисты, исследовавшие данный вопрос, не обнаружили никаких подтверждений в пользу обоснованности причисления пейоти к наркотическим веществам. Ссылаясь на них, американский исследователь Д.Аберле отмечает, что нельзя говорить, опираясь на результаты медицинских обследований, о возникновении у человека физиологической зависимости или пристрастия к пейоти. О том же косвенным образом, но достаточно убедительно свидетельствует и приводимый им факт отказа от приема пейоти пациентов, принимавших в прошлом опиум. Не вызывает это вещество изменений и в эмоциональной сфере (14). Известный английский писатель О.Хаксли, на себе испытав-

ший действие мескалина (одного из алкалоидов, содержащихся в пейоти), подтвердил, что он не вызвал у него никаких нарушений способности к ориентации и нормальному передвижению в пространстве (15). Профессор Дж.Слоткин, который сам принимал участие в пейотистских ритуалах, заявлял об отсутствии каких бы то ни было признаков отрицательного воздействия пейоти на мышление и поведение людей (16).

П.Гербер, основываясь на свидетельствах ученых этнографов, химиков, психологов, медиков, также признает, что пейоти не является наркотиком, так как ограниченное ритуальными целями его употребление не вызывает ни излишнего возбуждения, ни апатии, ни нарушения координации движений. Это подтверждается и тем, что в индейских племенах Северной Америки никогда не наблюдались оргии, связанные с отправлением пейотистских обрядов (17). Сам состав содержащихся в кактусе алкалоидов подтверждает вывод.

Органическое сочетание религиозно-мифологического восприятия мира с традициями народной индейской медицины составляет одну из характерных ее особенностей. Однако в основе ее лежит практический опыт врачевания различных болезней, накапливавшийся веками. Подчас не понимая механизма действия тех или иных лекарственных средств, индейцы тем не менее умели с успехом применять их. И в целом ряде случаев они опережали в этом европейцев. Широко известен факт спасения индейцами зимой 1585/86 года французских колонистов от цинги близ Монреаля. Понадобилось более двух столетий прежде чем английский хирург Джеймс Линд, прочтя об этом эпизоде, смог экспериментально подтвердить диетологические причины возникновения цинги вследствие дефицита витамина С. Перуанским индейцам наркотический эффект листьев коки был известен за несколько веков до прихода европейцев. Но лишь в 1884 г. Карл Коллер установил ценность кокаина как местного анестетика (18). Доктор Фредерик Бантинг открыл инсулин благодаря кропотливым исследованиям в области индейской народной медицины. Индейцы же вплотную подошли к принципам, на которых основано действие современных антибиотиков, хотя, разумеется, они не представляли себе, каким образом определенные виды плесени и грибов давали желаемые результаты (19).

Одним из наиболее ярких показателей влияния врачебных достижений индейцев на американскую медицину является тот факт, что свыше 200 их лекарственных средств, использовавшихся одним или большим числом племен, в разное время официально включались в фармакопею США (20).

В английском языке и языках индейского населения США существует много различных наименований тех или иных растений. У самих индейцев часто нет единого подхода к определению общеизвестных лечебных средств. Таким образом, растения различных видов могут иметь одно и то же название или, напротив, одному растению дается несколько совершенно отличных друг от друга наименований, которые отражают своеобразное выделение в нем произвольно выбранных качеств и признаков. Название растения может указывать на ареал его распространения, как, например, prairie sturgeon plant (букв. "степной осетряк"), на его внешний вид или сходство – squirrel tail ("беличий хвост"), plump root ("толстый корень"), его вкусовые свойства – bitter root ("горький корень"), а также на часть его, идущую в употребление, – crow leaf ("вороний лист"). Иногда имя растениям дается по их лекарственному предназначению или силе воздействия. Так, некоторые из них известны как head medicines ("средства для головы") и особенно ценимые chief medicines ("главные снадобья") (21).

Вопреки укоренившемуся, но в последние годы постепенно исчезающему мнению о примитивизме народной индейской медицины, ее терапевтический диапазон производит на специалистов большое впечатление. Помимо уже упоминавшихся недомоганий, от которых лечат пейотисты, те же и многие другие болезни более или менее успешно врачуют в разных племенах и традиционными методами.

Огромное количество растительных средств, применяемых в этих целях, собирается в резервации Уайт Ерф, располо-

24.Зак.1376

женной западнее центрального района северной Миннесоты на границе прерий, составляющих часть Больших равнин. Для лечения простудных заболеваний оттуда берут дикий лук, на языке чиппева именующийся "растением степного скунса". Отвары из белой и черной березы используют при болях в желудке, пастушью сумку, у чиппева - "огненный корень", - при дизентерии, лесную землянику - "корень сердцевидной ягоды", по определению чиппева, - при детской холере. При нарушениях пищеварения индейцы прибегают к помощи изготовляемых ими препаратов из ивы.

Активное применение находят у них и другие лекарства растительного происхождения, предназначенные для исцеления практически всех жизненно важных органов и нормализации основных физиологических функций человека. К числу сердечных средств относится красный дуб, при лечении легочных заболеваний считается эффективной черная смородина. При расстройствах почек и мочевых путей используют железное дерево (грабовый хмель, хмель грабовидный), крапиву, применяемую также при дизентерии, как и красная малина. Последняя, в свою очередь, известна и как глазное средство, кроме того, она применяется наряду с препаратами из осины и одуванчика для терапии женских болезней (22).

Многоцелевая спецификация отдельных снадобий говорит не только о широте практического опыта индейских врачевателей из народа, но и о нестандартности их мышления. С другой стороны, обращает на себя внимание относительная простота традиционной фармацевтики индейцев. "Зеленая аптека" коренных американцев традиционно служит для них одновременно и достаточно важным источником пищевых ресурсов. Судя по всему, именно таким путем в результате огромного количества сопоставлений и наблюдений открывалась лечебная ценность и тех растений, которые считались прежде только пищей.

Еще одна характерная черта народной медицины индейцев - ее своеобразный универсализм. Людям, не имевшим обычно возможности надеяться на помощь извне, приходилось

учиться самим справляться со всеми своими болезнями, насколько это было в их силах. Таким образом, в лечебной практике различных племен Северной Америки появились как бы соответствующие разделы, по которым специализируется современная "большая медицина", в том числе своя растительная фармацевтика, антисептика, анестезиология, психо- и физиотерапия, хирургия.

Не зная ничего по существу о болезнетворном влиянии бактерий и об антисептике в собственном смысле этого слова, индейцы тем не менее успешно используют для обработки ран кору можжевельника и канадского бальзамина. "Есть основания думать, - пишет Э.Норденшельд, - что индейцы еще до того, как это стали делать в Старом Свете, самостоятельно освоили применение обеззараживающих средств. Мысль об этом приходит, когда видишь, как в некоторых племенах промывают раны кипяченой водой безо всякого обучения этому со стороны белых"(23). Существуют и другие свидетельства, относящиеся к середине XYIII в. и тем более убедительные с точки зрения хронологии приоритетов, подтверждающие то же самое. Так, один из европейских исследователей Ж.-Б.Боссю сообщал, в частности, что для предотвращения гангрены чоктавы приготавливали особый раствор из корней (24). В свою очередь, Пьер де Льет отмечал аналогичную процедуру у индейцев племени иллинойс, когда ранения от пуль и стрел обрабатывались теплым водным раствором с добавлением лекарственных снадобий (25). В племени мичиган использовали для этих целей самодельные шприцы из пузыря животного и полого птичьего пера. Такие же приспособления применяют потаватоми и оджибве. Чиппева заменяют перо трубчатым тростниковым стеблем и после одноразового употребления спринцовку сжигают. Как считают специалисты, шприцы подобного типа до XYIII в. в Европе были неизвестны (26).

Анестезиология обязана индейской медицине такими своими приобретениями, как некогда печально знаменитый смертоносный яд кураре и мескалин - один из производных алкалоидов, получаемых из кактуса пейотль. Кураре, извле-

каемый из жидкого субстрата стрихнос токсифера (Strychnos toxifera) и родственных ему растений, не причиняет вреда, будучи принятым внутрь, но он смертелен, если попадает в кровоток через рану. Многие из проводившихся европейскими врачами в прошлом веке экспериментов с кураре заканчивались фатальным исходом вследствие сложностей, связанных со стандартизацией медикамента и определением безопасной его дозировки, которая бы не вызывала остановки дыхания. В настоящее время кураре и его производные успешно применяются для стимуляции центральной нервной системы в анестезии, при брюшной хирургии, в шоковой и конвульсивной терапии, при мышечных спазмах, в лечении полиомиелита, а также болезни Паркинсона и столбняка (27).

Пейоти также издавна использовался индейцами как болеутоляющее средство. Племена Северной Мексики и юга Аризоны врачевали корнем пейотля переломы, большие открытые раны и укусы змеи. Лечебная практика потаватоми Канзаса дает основания полагать, что кактус оказывает благотворное воздействие также при ревматизме и параличе. Обезболивающий эффект пейоти был должным образом оценен и с успехом апробирован затем и военными хирургами США.

По сохранившимся свидетельствам очевидцев и результатам исследований этнографов сами индейцы также имели определенный опыт в области практической хирургии. Ф.Денсмор описывала случай ампутации отмороженных ног с помощью простого ножа у одного из индейцев племени чиппева (28). Д.Лонг еще в 1788 г. сообщал о том, что оджибве владели техникой сшивания живых тканей с применением оленьих сухожилий, человеческих волос и растительных волокон (29). Даже трепанация черепа практиковалось в Америке задолго до прихода европейцев. Этот вывод подтверждают археологические находки, обнаруженные в различных районах США, Канады и Перу.

Своеобразные ортопедические методы применялись индейцами с незапамятных времен. На поврежденные конечности накладывались обычно шины из наиболее толстой бересты, подобной коре, шедшей на изготовление каноэ. Ее предварительно разогревали и придавали необходимую форму, после чего этот материал, затвердев, не уступал в прочности традиционному гипсу. Лубки делались и из кедра. Аналогичным образом изготовлялись поддерживающие протезы для престарелых людей с ослабевшими суставами ног, чтобы возвратить им способность самостоятельно передвигаться. Для этого колени перевязывали широкими лентами из свежеснятой коры американской липы, которая при высыхании также приобретала твердость гипса.

К числу традиционных методов, широко применяемых в лечебной практике американских индейцев, следует отнести и такие средства безлекарственной терапии, как кровопускания, высасывание крови, прижигания, лечение паром, ингаляции. Кровопускание из вен у некоторых племен часто производилось для облегчения головной боли и болей в других частях тела, при горячечных недомоганиях, разного рода опухолевидных воспалениях. Так поступали еще в XYIII в. индейцы Калифорнии. Подобным же образом действовали в аналогичных случаях лекари племен, живших к западу от Миссисипи, которые прибегали к перевязке кровеносных сосудов и строго следили за тем, чтобы пациент не потерял слишком много крови и не впал в состояние обморока. В 30-х годах прошлого столетия Д.Грегг писал, что южные племена равнин, в частности команчи, нередко пускали кровь в лечебных целях, делая надрез обычно острой кромкой кремня и отнюдь не всегда при этом вскрывая вену (30). В свою очередь, марикопы использовали кровопускание в случаях продолжительных болей или паралича конечностей. Монтаны для облегчения головной боли делали надрезы ножом в лобной области. В племени чиппева кровопускания служили средством регулирования объема крови у страдавших от ее избытка людей и применялись при различных травмах для того, чтобы предотвратить застой крови.

Многие западные племена лечили респираторные, ревматические и другие заболевания окуриванием, разогревая или сжигая на тлеющих углях ветви кедра и других растений с приятным ароматом. Иногда настой из трав выливался на

разогретые камни и больной дышал образующимся паром. У навахо этот способ в сопровождении особого ритуала и соответствующих песнопений применялся для лечения головной боли, бессонницы, болезней глаз и артрита. В числе других широко распространенных средств того же рода у индейцев равнин свое место отводилось и красному кедру. В племенах дакота, понка, омаха, пауни принцип ингаляционной терапии издавна был не менее известен. Те, кто желал избавиться от простуды или насморка, покрывали голову одеялом и вдыхали дым от зажженных под ним ветвей кедра (31). Крики использовали дым кедра при спазмах шейных мышц. Команчи приписывали очистительное действие хвое можжевельника (32).

Одной из основных физиотерапевтических процедур считается у индейцев также парная баня. Среди первых ее описаний - относящееся к началу XYII в. свидетельство Джона Смита, побывавшего в Вирджинии. Спустя сто лет Джон Лоусон наблюдал такие бани у сапонов и у других племен северной Каролины, которые, по его словам, "получали от них большую пользу, особенно преуспев в лечении таким образом всякого рода болей в суставах, приобретенных вследствие простуды или в пути". Жан-Бернар Боссю подтверждает существование подобных паровых лечебниц в середине XYIII в. у чоктавов. Они применяли всевозможные отвары из целебных трав, дававшие пар, обладающий тонизирующим действием (33). "Для индейцев, - писал Дж. Лоскиль, - парная была общепринятым средством изгнания всех недомоганий, независимо от степени их серьезности, и во многих случаях это приводило к полному выздоровлению".

Апачи района Сан Карлос относили в парную детей, больных корью, и сами лечились там от ревматизма или других болезней, когда обычные снадобья не помогали (34). Индейцы племени пеннобскот перед процедурами нередко принимали отвар из нескольких трав, обладающих потогонными свойствами (35).

Вопреки распространенному представлению о том, что целебное действие минеральных естественных источников

впервые было обнаружено европейцами, индейские племена пользовались ими задолго до открытия Америки. Так, во многих штатах страны - Алабаме, Аризоне, Калифорнии, Джорджии, Индиане, Мэриленде, Миссисипи, Неваде, Теннесси - есть места с характерным названием - "индиан спрингс" ("индейские источники"). Иука Спрингс в Миссисипи считалось в прошлом своеобразным курортом племени чокасавов (36). Палм Спрингс в Калифорнии был излюбленным местом лечения племени кагуйла, известного также под именем индейцы "агуа кальенте", что в переводе с испанского означает "племя горячей воды". О горячих источниках в горах Северной Каролины белые узнали от коренных жителей, также лечившихся тут водами, помогавшими исцелять различные язвы, экзему и другие болезни. По свидетельству Дж. Грегга (37), теплые сернистые ключи в Охо Кальенте штата Нью-Мексико считались особенно эффективными при ревматизме и хронических недомоганиях, причем и здесь приоритет индейцев как первооткрывателей необычных природных здравниц не вызывает сомнений: терапевтические свойства подземных родников были оценены ими еще до появления испанских завоевателей (38).

Самостоятельно пришли индейцы и к пониманию эффективности такой физиотерапевтической процедуры, как массаж. Еще древние инки в Южной Америке пользовались притираниями из морских водорослей и листьев валерианы. Сто лет назад, сообщает Р.Спрюс, в перуанских Андах к массажу прибегали как к первому целительному средству при лечении самого широкого круга различных недомоганий, в том числе люмбаго и ревматических болей. Чероки с успехом применяли массаж при болезненной менструации, растяжении сухожилий и в других случаях, а также для устранения опухолей и последствий змеиных укусов (39). Индейцы племен пима и марикопа тоже нередко растирали своих больных, в особенности с целью облегчения местных болей, в частности брюшного характера. Массаж практиковался в племенах юма и зуни (40). Навахо отводили ему важную роль в исцелительных церемониях как средству, позволяющему купировать

приступы истерической каталепсии.

Уместно несколько более подробно остановиться на некоторых общих оценках исследователями подобных методов. Существует широко распространенное мнение о том, что психические расстройства в среде индейцев были сравнительно редки. Еще в XYII столетии Г.Сагард отмечал, что отсутствие у индейцев стремления к погоне за жизненными благами, сам образ их жизни исключают стрессовые ситуации, последствия которых сплошь и рядом приходится испытывать на себе белым (41). Тем не менее уже тогда физические заболевания нередко лечили у них с помощью методов в современном понимании психотерапевтических по своему характеру. Как и у других племен, у ирокезов, включая входящих в эту языковую группу гуронов и чероки, большое значение придавалось диагностике с учетом сновидений и фрустраций. Согласно их представлениям болезнь могла иногда вызываться невыполнением определенных действий, подсказываемых снами или неудовлетворенными желаниями. Исходя из этого, соответствующим образом назначалось и лечение (42). Успех знахарского искусства часто зависел от веры больного в собственное выздоровление и психологической настроенности, создаваемой коллективным участием в исцелительных обрядах.

Своеобразной техникой внушения, пишет Г.Смит, судя по всему, владеют и индейские лекари племен Среднего Запада. Знахарь потаватоми, например, исполняемой им ритуальной песней преследует цель убедить своего пациента в том, что он начинает чувствовать себя лучше и выздоравливает буквально на глазах. Аналогичные обрядово-лечебные церемонии используют и месквaки (43).

Обзорный характер освещения избранной темы не позволяет в предлагаемой работе охватить все многообразие средств и методов традиционной индейской медицины. Тем не менее имеющийся в распоряжении исследователей фактический материал дает основания говорить о том, что ее влияние на современную медицину США в общенациональном масштабе неоспоримо. И оно далеко не определяется лишь числом

заимствованных у индейцев и официально апробированных лекарств. В свое время эти лечебные средства вошли как неотъемлемая составная часть в арсенал американской народной медицины, складывавшейся на опыте достижений в области врачевания людей, накопленных народами трех континентов - Европы, Африки и Америки. И именно народная медицина открыла путь к признанию фармацевтической ценности этих средств авторитетными специалистами. Между тем, отмечает американский ученый Э.Акеркнехт, в США "до сих пор нет хороших современных монографий по индейской медицине". Со своей стороны, В.Вогель с особой остротой ставит вопрос о необходимости проведения исследований, которые дали бы возможность определить истинную степень влияния терапевтического опыта местных индейских племен на лечебную практику американцев (44).

В последние годы в распоряжении индейских племен остается все меньше не только земель, традиционно служивших им для сбора лекарственных растений, но и просто пригодных для жизни. "По вине человека, - признает журнал "Тайм", - на территории США ежегодно исчезают десятки видов растений. По оценкам ученых, из 22 тыс. высших растений, произрастающих в стране, около 3 тыс. видов находятся на грани исчезновения" (45). И тот человек, по вине которого, как пишет журнал, все это происходит, представляет прежде всего "белую Америку". Ведь общеизвестно, насколько бережно относятся индейцы к своей земле и окружающей их природе. Об этом красноречиво свидетельствует одна из представительниц племени винту, живущего в центральной части северной Калифорнии. "Белые никогда не заботились о земле, - говорила она. - Когда мы, индейцы, выкапываем корни, ямки мы делаем небольшие. Когда из-за саранчи мы поджигаем траву, мы не уничтожаем все подряд. Мы отрясаем желуди, шишки с орехами, но не срубаем деревьев. На топливо мы используем только мертвые деревья. Белые же выворачивают почву, выкорчевывают деревья, уничтожают все" (46).

Безудержное наступление монополий на территории ин-

дейских резерваций продолжается и сегодня. Это наступление сопровождается отравлением земли, воды и воздуха промышленными отходами. В Нью-Мексико, в районе Амброзиа-Лэйк около 40 урановых предприятий выбрасывают в атмосферу радоновый газ, который разносится по окружающим селениям навахо, пуэбло и других племен. Десятки миллионов тонн радиоактивных отходов заражают почву, попадая в местный водный бассейн.

В районе Блэк Хиллэ, служащем своеобразной "зеленой аптекой" для многих поколений индейцев, 27 корпораций ведут разработки урана на площади 2345 кв. миль, также отравляя почвенные воды. Аналогичные проблемы волнуют и коренных жителей бассейна р.Колумбия, где в резервации Хэнфорд работает не имеющий надежной радиационной защиты термоядерный реактор.

В резервациях племен пеннобскот и пассамаккуоди планируется размещение второй крупнейшей в стране свалки особо опасных радиоактивных отходов. В штатах Юта и Невада на индейские резервации, неподалеку от которых находится ядерный полигон, после испытаний постоянно выпадают радиоактивные осадки. В подобных условиях под угрозой уничтожения оказывается не только окружающая человека природная среда, но и само его существование.

Таким образом, перед исследователями современной индеанистики стоит задача, которую нельзя ограничивать рамками чисто академического подхода. Их непосредственное участие в крепнущем с каждым годом движении общественных сил за неотъемлемые жизненные права американских индейцев отвечает самым насущным интересам науки, вносит вклад в дело спасения огромного культурно-исторического наследия уникальных этнических групп планеты. Именно этим и определяется особое значение и неотложная необходимость более глубокого и всестороннего исследования достижений индейской народной медицины, определения ее места в сокровищнице общечеловеческих знаний.

Литература

1. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С.212.
2. Spicer E. H. Southwestern healing traditions in the 1970 // Ethnic medicine in the Southwest. Arizona, 1977. P.5.
3. Grinnell G. B. The story of the Indian. N.Y., 1935. P.180-181.
4. Secret medicine societies of the Seneca // Amer. Anthropol. 1901. Vol.II, N 2. P.161-185.
5. Grim J. A. The shaman. Oklahoma City, 1980. P.115.
6. Ibid. P.82-87.
7. Ibid. P.130.
8. Ibid. P.135.
9. Densmore F. Uses of plants by the Chippewa Indians // The 44th Annu. Rep. of the Bureau of Amer. Ethnol., 1926-1927. P.321.
10. Ibid. P.324.
11. Gerber P. Die Peyote-Religion: Nordamerikanishe Indianer aut der Suche nach einer identitat. Zurich, 1980. P.210.
12. Slotkin J. S. The Peyote religion. Glencoe, 1956. P.70-71.
13. Aberle D. Peyote religion among the Navaho. Chicago, 1966. P.18.
14. Chauncey D. Leake historical notes on the pharmacology of anesthsia // J. Hist. of Med. 1946. Vol.1, N 4. P.56-79.
15. Vogel V. J. American Indian medicine. N.Y., 1973. P.2.
16. Ibid. P.3.
17. Aberle D. Peyote religion... P.122.
18. Huxley O. The doors of perception. N.Y., 1972. P.54.
19. Slotkin J. S. The Peyote religion. P.86.
20. Gerber P. Die Peyote-Religion... P.80.
21. Ibid. P.80.
22. Ibid. P.285-294.
23. Nordenskkjold E. The American Indian as an inventor // Source-book in Anthropology. N.Y., 1931. P.494.

24. B o s s u J. B. Travels on the interior of North America, 1751-1762. Norman, 1962. P.168.

25. K i n i e j W. Indians of the Western Great Lakes. N.Y., 1965. P.220.

26. M a t t h e w s L. G. History of pharmacy in Britain. Edinburgh; L., 1962. P.305.

27. M c I n t y r e A.R. Curare - the history, nature and clinical use. Chicago, 1947. P.182.

28. D e n s m o r e F. Uses of plants... P.333.

29. V o g e l V. J. American Indian medicine... P.182.

30. I b i d. P.195.

31. I b i d. P.242.

32. L a w s o n J. History of North Carolina. Richmond, 1937. P.35.

33. V o g e l V. J. American Indian medicine. P.244.

34. H r d l i c k a A. Physiological and medical observations among the Indian of Southwestern United States and Northen Mexico // Bull. Bureau Amer. Ethnol. N 34. (D.C.), 1908. P.234.

35. S p e c k F. G. Medicine practices of the northeastern Algonquians // Proc. of the XIXth Intern. Congr. of Americanist. Wash.(D.C.), 1915. P.312.

36. L a w s o n J. History of North Carolina. P.83-84.

37. G r e g g J. Commence of the Prairies // Early Western Travels. Cleveland, 1905. Vol.XIX. P.311.

38. A l s b e r g H. G. The American guide: A source=book and complete travel guide for the United States. N.Y., 1949. P.1033.

39. S p r u s e R. Notes of a botanist on the Amazon and Andes. L., 1908. Vol.2. P.446.

40. H r d l i c k a A. Physiological and medical observations... P.241.

41. V o g e l V. J. American Indian medicine. P.178.

42. W a l l a c e A. Psychoanalysis among the Iroguis of New York State // The American on the eve of the discovery. Englewood Chiffs (N.J.), 1964. P.69-79.

43. S m i t h H. Ethnobotany of the forest Potawatomi Indians // Bull. of the Public Museum. Vol.YII, N 1. Milwaukee, 1933.

44. V o g e l V. J. American Indian medicine. P.4.

45. За рубежом. 1985. 17-23 янв.

46. H u l t k r a n t z A. Belief and worship in native North America. Syracuse, 1981. P.121.

R e s u m e

This book is essentially the first work in Soviet scientific literature devoted to a discipline of a very recent origin here, i.e. to ethnic ecology, and provides its theoretic substantiation and describes application in some concrete studies. Having originated at the intersection point of ethnography and social ecology the discipline is close to the school of "cultural ecology" which took shape in the USA back in the 1950s mostly on the basis of works by J.Steward and gave rise in the decades that followed to a few trends in "ecological anthropology" (including "ecosystems anthropology" and "ethnoecology") studying various aspects of relations between ethnocultural communities and their natural environment. The American schools of ethnocultural ecology, which have achieved some spreading in other countries of the world, share much in common with Soviet ethnic ecology because of the community of their main objects and subjects of study as well as by the regularities they establish. At the same time there are some essential differences between them too, as the American ethnocultural ecologists have their attention centred mostly on the life of preclass tribal societies while Soviet ethnic ecology is aimed at studying all the ethnic communities, including modern ones.

The tasks of ethnic ecology, as understood by the present book`s authors, include studying specific traits of the traditional life-sustaining systems of various ethnic communities in the context of their natural and socio-cultural environments, and the affect of the ecological relations on human health; as well as investigation of the ways ethnoses use natural environment, their influence on the latter, and regularities in the formation and functioning of ecosystems. In order to study the features of life-sustaining system of ethnic groups their "physical" and "psychic" (spiritual) aspects are diffe-

rentiated. The former aspect embraces physical adaptation of people to their natural environment as well as their sociocultural adaptation which is connected with their economic activities and is reflected in the specific traits of their material culture (food, clothes, etc.) and in folk medicine; while the latter pertains mostly to the issues of psychological adaptation of people to the same natural and sociocultural environment, traditional means used to prevent or weaken stress situations etc.

This pioneering work on ethnic ecology can not, of course, claim to embrace fully such an omnibus scientific discipline as this. Nevertheless, as one can gather from the list of articles included into the book`s contents, it reflects almost all of the above-mentioned main tasks of ethnic ecology with reference both to their theoretical substitution (to which aim the first part of the book is devoted) and to the application of ecological approaches to study concrete ethnographical themes and regularities. The book devotes considerable attention to some issues lying in the border area between ethnic ecology and other scientific disciplines and, in the first place, between it and ethnic demography and ethnic anthropology; hence, its readers will find in it not only examples of concrete studies, but also some disucssions which may provide them with a more clear understanding of the theoretical significance and practical usefulness of the ethnoecological approach to various sides of life of the peoples of the world and of the Soviet Union, in particular.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

CONTENTS